

СУХОДОЛЬ.—ЗАХАРЬ ВОРОБЬЕВЪ.—СТО ВОСЕМЬ.—НОЧНОЙ
РАЗГОВОРЪ. — СИЛА. — ХОРОШАЯ ЖИЗНЬ. — СВЕРЧОКЪ. —
ВЕСЕЛЫЙ ДВОРЪ.—ИГНАТЬ.

КНИГИ ИВ. БУНИНА.

ПЕРЕВАЛЪ и др. рассказы 1892—02 г. Изд. четвертое.
Цѣна 1 р. 50 к.

СТИХОТВОРЕНІЯ 1889—02 г. Изд. второе. Цѣна 1 р.

ПѢСНЬ О ГАЙАВАТЪ Лонгфелло. Цѣна 2 р.

СТИХОТВОРЕНІЯ 1903—06 г. и Манфредъ Байрона.
Изд. второе. Цѣна 1 р. 50 к.

СТИХОТВОРЕНІЯ 1907 г. и Каинъ Байрона. Цѣна 1 р.

РАЗСКАЗЫ 1903—07 г. Цѣна 1 р.

РАЗСКАЗЫ и стихотворенія 1907—10 г. Изд. второе.
Цѣна 1 р. 50 к.

ДЕРЕВНЯ. Повѣсть. Цѣна 1 р. 25 к.

К 68 $\frac{9}{10}$
ИВ. БУНИНЪ

СУХОДОЛЬ

ПОВѢСТИ И РАЗСКАЗЫ

1911—1912 г.

ВЕСИ, ГРАДЫ ВЫХОЖУ,
РУСЬ ОБДУМАЮ, ВЫГЛЯЖУ...

„КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО ПИСАТЕЛЕЙ“
МОСКВА.

МОСКВА,
ТИПОГРАФИЯ П. П. РЯБУШИНСКОГО, СТРАСТНОЙ БУЛ., СОб. Д.
1912.

ИВ. БУНИНЪ
ПОВѢСТИ и РАЗСКАЗЫ
1911—1912 г.

ПЕТРУ АЛЕКСАНДРОВИЧУ НИЛУСУ

ВЪ ЗНАКЪ ВѢРНОЙ ДРУЖБЫ.

СУХОДОЛЬ.

На морѣ, на окіянь, на островѣ
Буянѣ лежитъ сучнища...

I.

Въ Натальѣ всегда и больше всего поражала насъ ея привязанность къ Суходолу.

Молочная сестра нашего отца, выросшая съ нимъ въ одномъ домѣ, цѣлыхъ восемь лѣтъ прожила она у насъ въ Луневѣ, прожила какъ родная, а не какъ бывшая раба, простая дворовая. И цѣлыхъ восемь лѣтъ отдыхала, по ея же собственнымъ словамъ, отъ Суходола, отъ того, что заставилъ онъ ее страдать. Но недаромъ говорится, что, какъ волка ни корми, онъ все въ степь смотритъ. Выходивъ, вырастивъ насъ, снова воротилась она въ Суходоль.

Помню отрывки нашихъ дѣтскихъ разговоровъ съ нею.

— Ты вѣдь сирота, Наталья?

— Сирота-съ. Вся въ господѣ своихъ. Бабушка-то ваша Анна Григоревна куда какъ рано ручки бѣлыя сложила! Не хуже Агафѣ Аѳанасевны да Захарѣ Прокофича.

— А кто это Агафѣ Аѳанасевна и Захарѣ Прокофичъ?

— Мои батюшка и матушка.

— Отчего-жъ они померли?

— Смерть пришла, вотъ и померли-съ.

— Нѣтъ, отчего такъ рано?

— Такъ Богъ далъ. Батюшку господа въ солдаты отдали за провинности, матушка вѣку не дожила изъ-за индюшатъ господскихъ. Я-то, конечно, не помню-съ, гдѣ мнѣ, а на дворнѣ сказывали: была она птишницей, индюшатъ подъ ея начальствомъ было нѣсть числа, захватилъ ихъ градъ на выгонѣ и заporолъ всѣхъ до единого... Кинулась бѣчь она, добѣжала, глянула—да и духъ вонъ выскочилъ.

— А отчего ты замужъ не пошла?

— Да женихъ не выросъ еще.

— Нѣтъ, безъ шутокъ?

— Да, говорятъ, будто госпожа, ваша тетинька, заказывала. За то-то и меня, грѣшную, барышней ославили.

— Ну-у, какая же ты барышня! — шутила сестра.

— Въ акурать-съ барышня! — отвѣчала Наталья, съ тонкой усмѣшкой, морщившей ея губы, и обтирала ихъ темной старушечьей рукой. — Я вѣдь молочная Аркадь Петровичу, тетинька вторая ваша...

Подрастая, все внимательнѣе прислушивались мы къ тому, что говорилось въ нашемъ домѣ о Суходолѣ: все понятнѣе становилось непонятное прежде, все рѣзче выступали странныя собенности суходольской жизни. Мы ли не чувствовали, что Наталья, полъ-вѣка своего прожившая съ нашимъ отцомъ почти одинаковой жизнью, — истинно родная намъ, столбовымъ господамъ Хрущевымъ! И вотъ, оказывается, что господа эти загнали отца ея въ солдаты, а мать—въ такой трепеть, что у нея сердце разорвалось при видѣ погибшихъ индюшатъ!

— Да и правда, — говорила иногда Наталья, раз-

умѣя свою шутку о нашемъ родствѣ,—вѣдь мы вѣкъ свѣковали съ Аркадь Петровичемъ!

Но и другое говорила она, разумѣя смерть Агафьи Аѳанасьевны:

— Да и правда, какъ было не пасть за-мертво отъ такой оказіи? Господа за Можай ее загнали бы!

А потомъ узнали мы о Суходолѣ вещи еще болѣе странныя: узнали, что проще, добрѣй суходольскихъ господъ „во всей вселенной не было“, но узнали и то, что не было и „горячѣе“ ихъ; узнали, что темень и сумраченъ былъ старый суходольскій домъ, что сумасшедшій дѣдъ нашъ Петръ Кириллычъ былъ убитъ въ этомъ домѣ собственнымъ сыномъ своимъ, Герваськой, другомъ отца нашего и двоюроднымъ братомъ Натальи; узнали, что давно сошла съ ума — отъ несчастной любви — и тетя Тоня, жившая въ одной изъ старыхъ дворовыхъ избъ возлѣ оскудѣвшей суходольской усадьбы и восторженно игравшая на гудящемъ и звенящемъ отъ старости фортепіано Нюрму, экоссесы; узнали, что сходила съ ума и Наталья, что еще дѣвченкой на всю жизнь полюбила она покойнаго дядю Петра Петровича, а онъ сослалъ ее въ ссылку, на хуторъ Сошки... Наши страстные мечты о Суходолѣ были понятны. Для насъ Суходолъ былъ только поэтическимъ памятникомъ былого. А для Натальи? Вѣдь это она, какъ бы отвѣчая на какую-то свою думу, съ великой горечью сказала однажды:

— Что-жъ! Въ Суходолѣ съ татарками за столъ садились! Вспомнить даже страшно.

— Какъ съ татарками? Съ арапниками? — спросили мы.

— Да это все едино-съ, — сказала она.

— А зачѣмъ? Зачѣмъ?

— А на случай ссоры-съ.

— Въ Суходолѣ все ссорились?

— Борони Богъ! Дня не проходило безъ войны! Горячіе всѣ были—чистый порошокъ. Я попалась разъ подъ ноги Петъ Петровичу, такъ они меня арапельникомъ этимъ ровно шиломъ какимъ прожгли!

Мы-то млѣли при ея словахъ и восторженно переглядывались: долго представлялся намъ потомъ огромный садъ, огромная усадьба, домъ съ дубовыми бревенчатыми стѣнами подъ тяжелой и черной отъ времени соломенной крышей—и обѣдъ въ залѣ этого дома: всѣ сидятъ за столомъ, всѣ ѣдятъ, бросая кости на полъ, охотничьимъ собакамъ, косятся другъ на друга—и у каждого арапникъ на колѣняхъ; мы мечтали о томъ золотомъ времени, когда мы вырастемъ и тоже будемъ обѣдать съ арапниками на колѣняхъ. Но вѣдь хорошо понимали мы, что не Наталья доставляли радость эти арапники. И все же ушла она изъ Лунева въ Суходолъ, къ источнику своихъ темныхъ воспоминаній. Ни своего угла, ни близкихъ родныхъ не было у ней тамъ; и служила она въ Суходолѣ уже давно не прежней госпожѣ своей, не тетѣ Тонѣ, а женѣ покойнаго Петра Петровича. Да вотъ безъ усадьбы-то этой и не могла жить Наталья.

— Что дѣлать-съ: привычка,—скромно говорила она.

И, какъ бы чувствуя, что ужъ слишкомъ слабо опредѣляетъ свое тяготѣніе къ Суходолу, прибавляла задумчиво:

— Ужъ куда иголка, туда, видно и нитка. Гдѣ родился, тамъ годился...

Но и это было слабо. Не одна Наталья страдала привязанностью къ Суходолу; да и не привязанность это была, а нѣчто гораздо болѣе глубокое, гораздо

болѣе сильное. Боже, какими страстными любителями воспоминаній, какими горячими приверженцами Суходола были и всѣ прочіе дворовые наши! А ужъ про тетю Тоню, про отца и говорить нечего.

Въ нищетѣ, въ избѣ обитала тетя Тоня. И счастья, и разума, и облика человѣческаго лишилъ ее Суходолъ. Но она даже мысли не допускала никогда, не смотря на всѣ уговоры нашего отца, покинуть родное гнѣздо, поселиться въ Луневѣ.

— Да лучше камень въ горѣ бить!—со злобой вскрикивала она.

Отецъ былъ веселымъ, беззаботнымъ человѣкомъ; для него, казалось, не существовало никакихъ привязанностей. Но глубокая грусть слышалась и въ его рассказахъ о Суходолѣ. Уже давнымъ давно выселился онъ изъ Суходола въ Луневу, полевое помѣстье бабки нашей Ольги Кирилловны. Но жаловался онъ всю жизнь, чуть не до самой кончины своей.

— Одинъ, одинъ Хрущевъ остался теперь въ свѣтѣ. Да и тотъ не въ Суходолѣ!

Правда, нерѣдко случалось и то, что, вслѣдъ за такими словами, на минуту задумывался онъ, глядя въ окна, въ поле, и вдругъ насмѣшливо улыбался, снимая со стѣны гитару:

— А и Суходолъ хорошъ, пропади онъ пропадомъ! — прибавлялъ онъ съ тою же искренностью, съ какой говорилъ и за минуту передъ тѣмъ.

Но душа-то и въ немъ была суходольская, мужицкая,—душа, надъ которой такъ безмѣрно велика власть воспоминаній, власть степи, коснаго ея быта, той древней семейственности, что во едино сливала и деревню, и дворню, и домъ въ Суходолѣ. Правда, столбовые мы, Хрущевы, въ шестую книгу вписанные, и много было среди нашихъ легендарныхъ пред-

ковъ знатныхъ людей вѣковой литовской крови, да татарскихъ князьковъ, чья порода и сказалася въ насъ не однажды. А все же мы на дѣлѣ — мужики. Говорятъ, что составляли и составляемъ мы какое-то особое сословіе. А не проще ли дѣло? Были на Руси мужики богатые, были мужики нищіе, величали однихъ господишками, а другихъ холопами — вотъ и разница вся. Исключенія не въ счетъ, и тѣмъ болѣе не въ счетъ, что вѣдь намъ, Хрущевымъ, степнякамъ, числа нѣтъ. Быть же нашъ съ мужицкимъ былъ почти что ровень, кровь мѣшалась съ кровью дворни и деревни споконъ вѣку. Кто далъ жизнь Петру Кирилычу? Разно говорятъ о томъ преданія. Кто былъ родителемъ Гervasъки, убійцы его? Съ раннихъ лѣтъ мы слышали, что Петръ Кириллычъ. Откуда истекало столь рѣзкое несходство въ характерахъ отца и дяди? Объ этомъ тоже разно говорятъ, нерѣдко связывая съ именемъ отца имя двороваго Ткача. Молочной же сестрой отца была Наталья, съ Гervasъкой онъ крестами мѣнялся. — Давно, давно пора Хрущевымъ почитаться родней съ своей дворней и деревней!

Въ тяготѣнны къ Суходолу, въ обольщеніи его стариною долго жили и мы съ сестрой. Дворня, деревня и домъ въ Суходолѣ составляли семью. Правила этой семьей еще наши пращуры. А вѣдь и въ потомствѣ это долго чувствуется. Жизнь семьи, рода, клана глубока, узловата, таинственна, зачастую страшна. Но темной глубиной своей да вотъ еще преданіями, прошлымъ и сильна-то она. Письменными и прочими памятниками Суходолъ не богаче любого улуса въ башкирской степи. Ихъ на Руси замѣняетъ преданіе. А преданіе да пѣсня — отравы для славянской души! Бывшіе наши дворовые, страстные лѣнтяи, мечтатели, — гдѣ они могли отвести душу, какъ не въ на-

шемъ домѣ? Петръ Петровичъ погибъ рано. Клавдію Марковну никто и не считалъ Хрущевой, хотя даже и она, рожденная Ганешина, любила твердить: „наша, хрущевская, кровь...“ Единственнымъ представителемъ суходольскихъ господъ оставался нашъ отецъ. И первый языкъ, на которомъ мы заговорили, былъ суходольскій. Первыя повѣствованія, первыя пѣсни, тронувшія насъ — тоже суходольскія, Натальины, отцовы. Да и могъ ли кто-нибудь пѣть такъ, какъ отецъ, ученикъ дворовыхъ, — съ такой беззаботной печалью, съ такимъ ласковымъ укоромъ, съ такой слабОВОЛЬНОЙ задушевностью про „вѣрную-манерную, сударушку свою?“ Могъ ли кто-нибудь рассказывать такъ, какъ Наталья? И кто былъ роднѣе намъ нашихъ бывшихъ дворовыхъ и бывшихъ крѣпостныхъ — суходольскихъ мужиковъ?

Распри, ссоры — вотъ чѣмъ споконъ вѣку славились Хрущевы, какъ и всякая долго, глухо и тѣсно живущая въ единеніи семья. А во времена нашего дѣтства случилась такая ссора между Суходоломъ и Луневымъ, что чуть не десять лѣтъ не переступала нога отца родного порога. Такъ путемъ и не видали мы въ дѣтствѣ Суходола: были тамъ только разъ, да и то проѣздомъ — не то въ Задонскъ, не то въ Тюнинъ Колодець. Но вѣдь сны порой сильнѣе всякой яви. И смутно, но неизгладимо запомнили мы лѣтній долгій день, какія-то волнистыя поля и заглохшую большую дорогу, очаровавшую насъ своимъ просторомъ и кое-гдѣ уцѣлѣвшими дуплистами ветлами; запомнили улей, прикрытый корой, на одной изъ такихъ ветелъ, далеко отошедшей съ дороги въ хлѣба, — улей, оставленный на волю Божью, въ поляхъ, при заглохшей дорогѣ; запомнили широкій поворотъ подъ изволокъ — и огромный голый выгонъ, на который глядѣли

бѣдныя курныя избы, далеко, по степному раскинуты; запомнили — на вѣки — и желтизну каменистыхъ овраговъ за избами, бѣлизну голышей и щебня по ихъ днищамъ... Первое событіе, ужаснувшее насъ, тоже было суходольское: убійство дѣдушки Герваськой. И, слушая повѣствованія объ этомъ убійствѣ, безъ конца грезили мы этими желтыми, безъ конца куда-то уходящими оврагами: все казалось, что по нимъ-то и бѣжалъ Герваська, сдѣлавъ свое страшное дѣло и „канувъ какъ ключъ на дно моря“.

Мужики суходольскіе навѣщали Лунево не съ тѣми цѣлями, что дворовые, а на счетъ земельки больше; но и они, какъ въ родной, входили въ нашъ домъ. Они кланялись отцу въ поясъ, цѣловали его руку, затѣмъ, тряхнувъ волосами, троекратно цѣловались и съ нимъ, и съ Натальей, и съ нами въ губы. Они привозили въ подарокъ медъ, яйца, полотенца. И мы, выросшіе въ полѣ, чуткіе къ запахамъ, жадные до нихъ не менѣе, чѣмъ до пѣсенъ, преданій, навсегда запомнили тотъ особый, пріятный, коноплянный какой-то запахъ, что ощущали когда-то, цѣлуясь съ суходольцами; запомнили и то, что старой степной деревней пахли ихъ подарки: медъ — цвѣтушей гречей и дубовыми гнилыми ульями, полотенца — пуньками, курными избами временъ дѣдушки... Мужики суходольскіе ничего не рассказывали. Да что имъ и рассказывать-то было! У нихъ даже и преданій не существовало. Ихъ могилы безъимянны. А жизни такъ похожи другъ на друга, такъ скудны и безслѣдны! Ибо плодами трудовъ и заботъ ихъ былъ лишь хлѣбъ, самый настоящій хлѣбъ, что съѣдается. Копали они пруды въ каменистомъ ложѣ давнымъ давно изсякнувшей рѣчки Каменки. Но пруды вѣдь не надежны — высыхаютъ. Строили они жилища. Но жилища ихъ не долговѣчны:

при малѣйшей искрѣ до тла сгораютъ они... Такъ что же тянуло насъ всѣхъ, — а Наталью всѣхъ больше, — даже къ голому выгону, къ избамъ и оврагамъ, къ разоренной усадьбѣ Суходола? Развѣ не она, не эта древняя семейственность, не кровное родство наше съ глухоманью степи?

II.

Нянекъ, старыхъ дворовыхъ величаютъ по отчеству. Ее звали всегда только по имени: прежде Наташкой, потомъ Натальей. Не похожа она была на няньку: съ колыбели до могилы осталась она истоя крестьянкою. Да мало похожъ былъ и Суходоль на то, что обычно рассказывается о помѣщичьихъ гнѣздахъ.

Въ усадьбу, породившую душу Натальи, владѣвшую всей ея жизнью, въ усадьбу, о которой такъ много слышали мы, довелось намъ попасть уже въ позднемъ отрочествѣ.

Помню такъ, точно вчера это было. Разразился ливень съ оглушительными громовыми ударами и ослѣпительно-быстрыми, огненными змѣями молній, когда мы подъ-вечеръ подѣзжали къ Суходолу. Черно-лиловая туча тяжело свалилась къ сѣверо-западу, величаво заступила полъ-неба напротивъ. Плоско, четко и мертвенно-блѣдно зеленѣла равнина хлѣбовъ подъ ея огромнымъ фономъ, ярка и необыкновенно свѣжа была мелкая мокрая трава на большой дорогѣ. Мокрая, точно сразу похудѣвшія лошади шлепали, блестя подковами, по синей грязи, тарантасъ влажно шуршалъ... И вдругъ, у самого поворота въ Суходоль, увидали мы въ высокихъ мокрыхъ ржахъ высокую и престранную фигуру въ халатѣ и шлыкѣ, фигуру

не то старика, не то старухи, бьющую хворостиной пѣгую комолую корову. При нашемъ приближеніи хворостина заработала сильнѣе, и корова неуклюже, крутя хвостомъ, выбѣжала на дорогу. А старуха, что-то крича, направилась къ тарантасу и, подойдя, потянулась къ намъ блѣднымъ лицомъ, острымъ носомъ, вжатыми губами и неподвижно-сумасшедшими, черно-кариими глазами. Со страхомъ глядя въ эти глаза, чувствуя прикосновеніе ледяного носа и крѣпкій запахъ избы, поцѣловались мы съ подошедшей. Не сама ли это Баба-Яга, подумали мы, не Иванъ ли Грозный возсталъ изъ гроба и переселился въ Суходоль? Но высокій шлыкъ изъ какой-то грязной тряпки торчалъ на головѣ Грознаго, на голое тѣло его былъ надѣтъ рваный и по поясъ мокрый халатъ, почти не закрывавшій тощихъ длинныхъ грудей, грудей старой цыганки. И кричалъ Грозный такъ, точно мы были глухіе, точно съ цѣлью затѣять яростную брань. И по крику мы поняли: это тетя Тоня.

Закричала, но весело, институтски-восторженно и Клавдія Марковна, толстая, маленькая, съ сѣденькой бородой, съ необыкновенно живыми черными глазками, сидѣвшая у открытаго окна, въ домѣ съ двумя большими крыльцами, вязавшая нитяный носокъ и, поднявъ очки на лобъ, глядѣвшая на выгонъ, слившійся съ дворомъ. Низко, съ тихой улыбкой поклонилась стоявшая на правомъ крыльцѣ Наталья—дробенькая, загорѣлая, въ лаптяхъ, въ шерстяной красной юбкѣ и въ сѣрой рубахѣ съ широкимъ вырѣзомъ вокругъ темной сморщенной шеи. Взглянувъ на эту шею, на худыя ключицы, на устало-грустные глаза, помню, подумалъ я: это она росла съ нашимъ отцомъ — давнымъ-давно, но вотъ именно здѣсь, гдѣ отъ дѣдовскаго дубоваго дома, много разъ горѣвшего, остался

вотъ этотъ, невзрачный, отъ сада—кустарники да нѣсколько старыхъ, престарыхъ березъ и тополей, отъ службъ и людскихъ — одна изба, амбаръ, глиняный сарай, да ледникъ, заросшій полынью и подсекольниковъ... Запахло самоваромъ, посыпались разспросы; стали появляться изъ столѣтнихъ горочекъ хрустальныя вазочки для варенья, золотыя ложечки, истончившіяся до кленоваго листа, сушки, сбереженные на случай гостей... И пока разгорался разговоръ, усиленно дружелюбный послѣ долгой ссоры, пошли мы бродить по темнѣющимъ горницамъ, ища балкона, выхода въ садъ.

Все было черно отъ времени, просто, грубо въ этихъ пустыхъ, низкихъ горницахъ, сохранившихъ то же расположеніе, что и при дѣдушкѣ, срубленныхъ изъ остатковъ тѣхъ самыхъ, въ которыхъ обиталъ онъ. Въ углу лакейской чернѣлъ большой образъ святого Меркурія Смоленскаго, того, чьи желѣзные сандали и шлемъ хранятся на солеѣ въ древнемъ соборѣ Смоленска. Мы слышали: былъ Меркурій мужъ знатный, призванный къ спасенію отъ татаръ Смоленскаго края гласомъ иконы Божьей Матери Одигитріи-Путеводительницы. Разбивъ татаръ, святой уснулъ и былъ обезглавленъ врагами. Тогда, взявъ свою голову въ руки, пришелъ онъ къ городскимъ воротамъ, дабы исповѣдать бывшее... И жутко было глядѣть на суздальское изображеніе безглаваго человѣка, держащаго въ одной рукѣ мертвенно-синеватую голову въ шлемѣ, а въ другой икону Путеводительницы,—на этотъ, какъ говорили, завѣтный образъ дѣдушки, пережившій нѣсколько страшныхъ пожаровъ, расколовшійся въ огнѣ, толсто окованный серебромъ и хранившій на оборотной сторонѣ своей родословную Хрущевыхъ, писанную подъ титлами. Точно въ ладъ съ нимъ, тяжелыя желѣзныя за-

движки и вверху, и внизу висѣли на тяжелыхъ половинкахъ дверей. Доски пола въ залѣ были непомерно широки, темны и скользки, окна малы, съ подъемными рамами. По залу, уменьшенному двойнику того самого, гдѣ порой, перессорившись, Хрущевы сажались за столъ съ татарками, мы прошли въ гостиную, пахнущую старой мебелью и затхлостью. Тутъ противъ дверей на балконъ, стояло когда-то фортепiano, на которомъ играла тетя Тоня, влюбленная въ офицера Войткевича, товарища Петра Петровича. А дальше зияли раскрытыя двери въ диванную, въ наугольную, —туда, гдѣ были когда-то дѣдушкины покои.

Вечеръ же былъ сумрачный. Въ тучахъ, за окраинами вырубленного сада, за полуголой ригой и серебристыми тополями, вспыхивали зарницы, раскрывавшія на мгновеніе облачныя розово-золотистыя горы. Ливень, вѣрно, не захватилъ Трошина лѣса, что темнѣлъ вправо отъ насъ, далеко за садомъ, на косогорахъ за оврагами. Оттуда доносился сухой, теплый запахъ дуба, мѣшавшійся съ запахомъ зелени, съ влажнымъ мягкимъ вѣтромъ, пробѣгавшимъ по верхушкамъ столѣтнихъ березъ, уцѣлѣвшихъ отъ аллеи, по высокой крапивѣ, бурьянамъ и кустарникамъ вокругъ балкона. И глубокая тишина вечера, степи, глухой Руси царила надо всѣмъ...

— Чай кушать пожалуйста-съ, — окликнулъ насъ громкій голосъ.

Это была она, участница и свидѣтельница всей этой жизни, главная сказительница ея, Наталья. А за ней, внимательно глядя сумасшедшими глазами, немного согнувшись, церемонно скользя по темному гладкому полу, подвигалась госпожа ея. Шлыка она не сняла, но вмѣсто халата на ней было теперь старо-

модное бережливое платье, на плечи накинута блекло-золотистая шелковая шаль.

— Où êtes-vous, mes enfants?—жантильно улыбаясь, кричала она, и голосъ ея, четкій и рѣзкій, какъ голосъ попугая, странно раздавался въ пустыхъ черныхъ горницахъ...

Велико было наше разочарованіе! Въдѣ какъ долго и жадно слушали мы повѣствованія о Суходолѣ. Всѣ говорили о немъ такъ, точно былъ онъ великокняжескимъ помѣстьемъ. Увидѣли же мы скудость, убожество, увидѣли сумасшедшую полудикую женщину, образъ которой романтизировали. Не по усадьбамъ Лариныхъ, Лаврецкихъ, этимъ оазисамъ, представляли мы себѣ Суходолъ. И все же всѣ преданія, всѣ поэтическія были Суходола померкли для насъ въ этотъ вечеръ, въ этой бѣдной глуши, стали представляться проще, обыденнѣе, грубѣе. До правды тогда намъ еще далеко было. Но теперь-то мы хорошо знаемъ ее! Да, ни къ разумной любви, ни къ разумной ненависти, ни къ разумной привязанности, ни къ здоровой семейственности, ни къ труду, ни къ общежитію не были способны въ Суходолѣ. Чуть не поголовно страдали тѣлесными и душевными недугами всѣ Хрущевы изъ поколѣнія въ поколѣніе, равно какъ и близкіе ихъ. Нелѣпыми и страшными былями полна суходольская лѣтопись. Мы послѣдніе въ этой лѣтописи, мы порвали послѣднія нити, связывавшія насъ съ землею. Даже самое имя Хрущовыхъ скоро исчезнетъ навсегда. Но, право, мысль объ этомъ только радуетъ меня теперь. На прошломъ Суходола познали мы душу его. Но въдѣ этой же душой и создано оно. Въ немъ еще рѣзче и яснѣе, чѣмъ въ настоящемъ, выступали истинно-славянскія черты ея, гибельно обособленной отъ души общечеловѣческой.

Господиномъ Суходола считался отецъ нашъ. А на дѣлѣ-то и самъ онъ былъ рабомъ Суходола. И его загубилъ Суходоль. Въ суходольскомъ домѣ всѣхъ здоровѣе, благороднѣе былъ онъ. Даже и обликомъ не похожъ онъ былъ, рослый, русый, голубоглазый, на прочихъ Хрущевыхъ. Но по истинѣ суходольская непригодность къ человѣческому существованію отличала и его, потомка вырождающагося клана. Последнюю рубашку готовъ онъ былъ снять съ себя для другого; да былъ ли хоть единый случай, когда не пропала бы она даромъ, а пошла въ путныя, дѣльныя руки? Добрь онъ былъ, какъ ребенокъ. Бѣшено-вспыльчивъ, какъ звѣрь. Однимъ строгимъ окрикомъ можно было порою привести его въ страхъ и смиреніе. Но порою онъ могъ съ голыми руками полѣзть на толпу съ рогатинами. И умомъ, и остротой, живостью ума обладалъ онъ отъ природы. Но какъ-то такъ случалось, что изъ десяти словъ его восемь были неразумными. Твердо сказавъ себѣ и окружающимъ: „вотъ такъ-то долженъ сдѣлать я“, — въ ту же минуту дѣлалъ онъ какъ-разъ обратное. Правильности, послѣдовательности въ сужденіяхъ онъ не переносилъ. Бодрость, пылкія мечты поминутно уступали въ его душѣ мѣсто полной безнадежности. Когда дѣла его запутывались, завязывались крѣпчайшимъ узломъ, онъ, сдѣлавъ нѣсколько внезапныхъ и отчаянныхъ усилій развязать его, неуклонно кончалъ тѣмъ, что отбрасывалъ его отъ себя въ руки судьбѣ, случаю. До тридцати лѣтъ капли вина, чубука трубочнаго не бралъ онъ въ ротъ. Съ тридцати сталъ и пить, и курить такъ, что не зналъ себѣ равнаго въ уѣздѣ. Сколь мелочно-жаденъ и подозрителенъ былъ Петръ Петровичъ, столь же нелѣпо щедръ и довѣрчивъ былъ отецъ. И вся жизнь его, кажется, на то только и была направлена,

чтобы не оставить неиспользованной ни единой возможности приготовить и себѣ подъ старость, и намъ на молодость нищенскую суму.

Мы застали въ молодости начало великой помѣщичьей бѣдности. И дивились: какъ внезапно наступила она! Ужели, думали мы, вся причина ея въ разрывѣ крѣпостныхъ узъ, вязавшихъ господина и холопа? Непонятной казалась та быстрота, съ которой исчезали съ лица земли старыя барскія гнѣзда. Но не преувеличина ли, думаю я теперь, ихъ старость, прочность и — барство? Вольно же называть насъ, мужиковъ, феодалами! Вольно же было вѣрить въ устои Суходола, не взирая на первобытность суходольскую! Въ нѣсколько лѣтъ, — не вѣковъ, а лѣтъ, — до тла разрушилось то подобіе благосостоянія, которымъ такъ величалась наша старина. Въ чемъ же причина тому? Да не въ томъ ли, что не устои тамъ были, а косность? Не въ томъ ли, что гибель вырождающагося суходольца пошла какъ разъ навстрѣчу его душѣ, его жаднѣ гибели, самоуничтоженія, разора, страха жизни?

III.

Какъ въ Натальѣ, въ ея крестьянской простотѣ, во всей ея прекрасной и жалкой душѣ, порожденной Суходоломъ, было очарованіе и въ суходольской разоренной усадьбѣ.

Исполненной очарованія казалась намъ когда-то далекая молодость тѣхъ близкихъ, что окружали нашу. Наталья, тетя Тоня — и любовь! Это ли не странное сочетаніе! Но мы порою даже какъ бы не видѣли ихъ самихъ, — мы слышали только бѣненіе сердца, любив-

шаго когда-то. И долго не только не могли, но и не хотѣли взглянуть трезвыми глазами на Суходоль.

Пахло жасминомъ въ старой гостиной съ покосившимися полами. Сгнившій, сѣро-голубой отъ времени балконъ, съ котораго, за отсутствіемъ ступенекъ, надо было прыгивать, тонулъ въ жасминѣ, крапивѣ, бузинѣ, бересклетѣ. Въ жаркіе дни, когда его пекло солнце, когда были отворены осѣвшія стеклянные двери и веселый отблескъ стекла передавался въ тусклое овальное зеркало, висѣвшее на стѣнѣ противъ двери, все вспоминалось намъ фортепіано тети Тони, когда-то стоявшее подъ этимъ зеркаломъ. Когда-то играла она на немъ, глядя на пожелтѣвшія ноты съ заглавіями въ завитушкахъ, а онъ стоялъ сзади, крѣпко подпирая талію лѣвой рукой, крѣпко сжимая челюсти и хмурясь. Чудесныя бабочки — и въ ситцевыхъ пестренкихъ платицахъ, и въ японскихъ нарядахъ, и въ черно-лиловыхъ бархатныхъ шаляхъ — залетали въ гостиную. И передъ отъѣздомъ онъ съ сердцемъ хлопнулъ однажды ладонью по одной изъ нихъ, трепетно замиравшей на крышкѣ фортепіано. Осталась только серебристая пыль. Но, когда дѣвки, по глупости, черезъ нѣсколько дней стерли ее, — съ тетей Тоней сдѣлалась истерика... Мы выходили изъ гостиной на балконъ, садились на теплыя доски — и думали, думали. Вѣтеръ, пробѣгая по саду, доносилъ до насъ шелковистый шелестъ березъ съ атласно-бѣлыми, испещренными чернью стволами и широко раскинутыми зелеными вѣтвями, вѣтеръ, шумя и шелестя, бѣжалъ съ полей — и зелено-золотая иволга вскрикивала рѣзко и радостно, коломъ проносясь надъ бѣлыми цвѣтами за болтливыми галками, обитавшими съ многочисленнымъ родствомъ въ развалившихся трубахъ и въ темныхъ чердакахъ, гдѣ пахнетъ старыми кирпичами и

черезъ слуховыя окна полосами падаетъ на бугры сѣро-фіолетовой золы золотой свѣтъ; вѣтеръ замиралъ, сонно ползали пчелы по цвѣтамъ у балкона, совершая свою неспѣшную работу, — и въ тишинѣ слышался только ровный, струящійся, какъ непрерывный мелкій дождикъ, лепетъ серебристой листвы тополей... Мы бродили по саду, забирались въ глушь окраинъ. Тамъ, на этихъ окраинахъ, слившихся съ хлѣбами, въ прадѣдовской банѣ съ провалившимся потолкомъ, въ той самой банѣ, гдѣ Наталья хранила украденное у Петра Петровича зеркальце, жили бѣлые трусы. Какъ они мягко выпрыгивали на порогъ, какъ странно, шевеля усами и губами, косили свои далеко разставленные, выпученные глаза на высокія татарки, кусты бѣлены и заросли крапивы, глушившей тернъ и вишеники! — А въ полураскрытой риги жилъ филинъ. Онъ сидѣлъ на переметѣ, выбравъ мѣсто посумрачнѣе, торчкомъ поднявъ уши, выкатилъ желтые слѣпые зрачки — и видъ у него былъ дикій, чѣртовскій. Опускалось солнце далеко за садомъ, въ море хлѣбовъ, наступалъ вечеръ, мирный и ясный, куковала кукушка въ Трошиномъ лѣсу, жалобно звенѣли гдѣ-то надъ лугами жилейки старика-пастуха Степы... Филинъ сидѣлъ и ждалъ ночи. Ночью все спало — и поля, и деревня, и усадьба. А филинъ только и дѣлалъ, что ухалъ и плакалъ. Онъ неслышно носился вокругъ риги, по саду, прилеталъ къ избѣ тети Тони, легко опускался на крышу — и болѣзненно вскрикивалъ... Тетя просыпалась на лавкѣ у печки.

— Иисусе Сладчайшій, помилуй мя, — шептала она, вздыхая.

Мухи сонно и недовольно гудѣли по потолку жаркой темной избы. Каждую ночь что-нибудь будило ихъ. То корова чесалась бокомъ о стѣну избы; то

крыса пробѣгала по отрывисто звенящимъ клавишамъ фортепіано и, сорвавшись, съ трескомъ падала въ черепки, заботливо складываемые тетей въ уголъ; то старый черный котъ съ зелеными глазами, больной падучей болѣзнью, поздно возвращался откуда-то домой и лѣниво просился въ избу; или же прилеталъ филинъ, криками своими пророчившій бѣду, пугавшій близкимъ концомъ жалкой и все же дорогой жизни. И тетя, пересиливая дремоту, отмахиваясь отъ мухъ, и въ темнотѣ лѣзшихъ въ глаза, ругаясь и шепча молитвы, вставала, шарила по лавкамъ, хлопала дверью — и, выйдя на порогъ, наугадъ запускала вверхъ, въ звѣздное небо, скалку. Филинъ, съ шорохомъ, за дѣвая крыльями соломѣ, срывался съ крыши — и низко падалъ куда-то въ темноту. Онъ почти касался земли, плавно доносился до риги и, взмывъ, садился на ея хребетъ. И въ усадьбу опять доносился его плачь. Онъ сидѣлъ, какъ будто что-то вспоминая, — и вдругъ испускалъ вопль изумленія; смолкалъ — и внезапно принимался истерически ухать, хохотать и езвизгивать; опять смолкалъ — и раздражался стопами, всхлипываніями, рыданіями... А ночи, темныя, теплыя, съ лиловыми тучками, были спокойны, спокойны. Сонно бѣжалъ и струился лепетъ сонныхъ, тополей. Зарница осторожно мелькала надъ темнымъ Трошинымъ лѣсомъ — и тепло, сухо пахло дубомъ. Возлѣ лѣса, надъ равнинами овсовъ, на прогалинѣ неба среди лиловатыхъ тучъ, горѣлъ серебрянымъ треугольникомъ, могильнымъ голубцомъ Скорпионъ...

Поздно возвращались мы въ усадьбу. Надышавшись росой, свѣжестью степи, полевыхъ цвѣтовъ и травъ, осторожно поднимались мы на крыльцо, входили въ темную прихожую. И часто заставляли Наталью на молитвѣ передъ образомъ Меркурія. Босая, маленькая,

поджавъ руки, стояла она передъ нимъ, шептала что-то, крестилась, низко кланялась ему, невидному въ темнотѣ, — и все это такъ просто, точно бесѣдовала она съ кѣмъ-то близкимъ, тоже простымъ, добрымъ и милостивымъ.

— Наталья? — тихо окликали мы.

— Я-съ? — тихо и просто отзывалась она, прерывая молитву.

— Что же ты не спишь до сихъ поръ?

— Да авось еще въ могилѣ-съ наспимся...

Мы садились на коникъ, раскрывали окно; она стояла, поджавъ руки. Поздняя ночь угованивала филина. Таинственно мелькали зарницы, озаряя темныя горницы; перепелъ билъ гдѣ-то далеко въ росистой степи. Предостерегающе-тревожно крикала иногда проснувшаяся на прудѣ утка...

— Гуляли-съ? — вполголоса спрашивала Наталья.

— Гуляли.

— Что-жъ, дѣло молодое... Мы, бывалыча, такъ-то всѣ ночи напролетъ прогуливали... Одна заря выгонять, другая загонять...

— Хорошо жилось прежде?

— Хорошо-съ...

И наступало долгое молчаніе.

— Чего это, нянечка, филинъ кричить? — задумчиво говорила сестра.

— Не судомъ кричить-съ, пропасти на него нѣту. Хоть бы барчукъ изъ ружья потращалъ. А то прямо жуть, все думается: либо къ бѣдѣ какой? И все барышню пугаетъ. А она до смерти пуглива. Разъ подстрѣлили Аркадь Петровичъ ворона, принесли его въ домъ, онъ выскочилъ, а онъ какъ запрягаетъ на нихъ... Такъ вѣрите ли — онъ прямо за смертью упали!

— А какъ захворала она?

— Да извѣстно-съ: все слезы, слезы, тоска... Потомъ молиться зачали... Да все лютѣ съ нами, съ дѣвками, да все сердитѣй съ братцами...

И, вспоминая арапники, мы спрашивали:

— Не дружно, значитъ, жили?

— Куда какъ дружно! А ужъ особливо послѣ того, какъ заболѣли-то онѣ, какъ дѣдушка померли, какъ вошли въ силу молодые господа и женился покойникъ Петъ Петровичъ. Горячіе всѣ были—чистый порошокъ!

— А пороли дворовыхъ часто?

— Этого у насъ и въ заведеніѣ не было-съ. Я какъ провинилась-то! А и было-то всего на всего, что приказали Петъ Петровичъ голову мнѣ овечьими ножницами оболванить, затрапезную рубаху надѣть, да на хуторъ въ Сошки отправить...

— А чѣмъ же ты провинилась?

Но отвѣтъ далеко не всегда слѣдовалъ прямой и скорый. Рассказывала Наталья порою съ удивительной прямою и тщательностью; но порою запинаясь, что-то думала; потомъ легонько вздыхала, и по голосу, не видя лица въ сумракѣ, мы понимали, что она грустно усмѣхается:

— Да тѣмъ и провинилась... Я вѣдь ужъ рассказывала... Молода-глупа была-съ. „Пѣлъ на грѣхъ на бѣду соловей во саду“... А, извѣстно, дѣло мое было дѣвичье...

Сестра, для которой это дѣло только начиналось, ласково просила:

— Ты ужъ скажи, нянечка, стихи эти до конца.

И Наталья смущалась.

— Это не стихи-съ, а пѣсня... Да я ее и не упомяну-съ теперь.

— Неправда, неправда!

— Ну, извольте-съ...

И скороговоркой кончала:

— „Какъ на грѣхъ на бѣду“... То бишь: „Пѣлъ на грѣхъ на бѣду соловей во саду—пѣсню томную... Глупой спать не давалъ—въ ночь темную“...

— Да тамъ не „глупой“ сказано, а еще какъ-то!

— Анъ глупой-съ.

Пересиливая себя, сестра спрашивала:

— А ты очень была влюблена въ дядю?

И Наталья тупо и кратко шептала:

— Очень-съ.

— Ты всегда поминаешь его на молитвѣ?

— Всегда-съ.

— Ты, говорить, въ обморокъ упала, когда тебя везли въ Сошки?

— Въ обморокъ-съ. Мы, дворовые, страшные нѣжные были... жидки на расправу... не сравнятся съ сѣрымъ однодворцемъ! Какъ повезъ меня Евсей Бодуля, отупѣла я отъ горя и страху... Въ городѣ чуть не задвохнулась съ непривычки. А какъ выѣхали за городъ въ степь, таково мнѣ нѣжно да жалостно стало! Метнулся офицеръ на встрѣчу, похожій на нихъ, — крикнула я, да и за-мертво! А пришедши въ себя, лежу этакъ въ телѣгѣ и думаю: хорошо мнѣ теперь, ровно въ царствѣ небесномъ!

— Строгъ онъ былъ?

— Не приведи Господи!

— Ну, а все-таки своенравнѣе всѣхъ тетя была?

— Онѣ-съ, онѣ-съ. Докладываю же вамъ: ихъ даже къ угоднику-съ возили. Натерпѣлись мы страсти съ ними! Имъ бы жить да поживать теперь, какъ надомно, а онѣ погордились, да и тронулись... Какъ любилъ ихъ Войткевичъ-то! Ну, да вотъ поди-жъ ты!

— Ну, а дѣдушка?

— Тѣ что-жъ? Тѣ слабы умомъ были. А, конечно,

и съ ними случалось. Всѣ въ ту пору были пылкіе... Да зато прежніе-то господа нашимъ братомъ не брезговали. Бывалыча, папаша вашъ накажутъ Герваську въ обѣдъ, — энтого и слѣдовало! — а вечеромъ, глядь, уже на дворнѣ жируютъ, на балалайкахъ съ нимъ жундять...

— А скажи, — онъ хорошъ былъ, Войткевичъ-то? Наталья задумывалась.

— Нѣтъ-съ, не хочу соврать: въ родѣ калмыка былъ. А сирьезный, настойчивый. Все стихи ей читалъ, все напугивалъ: молъ, помру и приду за тобой...

— Вѣдь и дѣдъ отъ любви съ ума сошелъ?

— Тѣ по бабушкѣ. Это дѣло иное, сударыня. Да и домъ у насъ былъ сумраченъ, — не веселый, Богъ съ нимъ. Вотъ извольте послушать мои глупыя слова...

И неторопливымъ шепотомъ начинала долгое, долгое повѣствованіе.

Были въ этомъ повѣствованіи шутки, недомолвки, отступленія; была живость, задумчивость, простота необыкновенная. Но рядомъ съ этимъ было и другое: таинственность, строгій и пѣвучій полушепотъ. Преобладала же какая-то давнишняя грусть. И все было проникнуто чувствомъ древней вѣры въ предопредѣленіе, никогда не высказываемаго, смутнаго, но постоянного самовнушенія, что каждый, каждый изъ насъ долженъ взять на себя ту или иную роль, соотвѣтственно тому или иному назначенію.

IV.

Дѣтство Натальи, — или, говоря иначе, дѣдушкино время, — было скучное.

Если вѣрить преданіямъ, прадѣдъ нашъ, человѣкъ богатый, только подъ старость переселился изъ-подъ

Курска въ Суходолъ: не любилъ нашихъ мѣстъ, ихъ глуши, лѣсовъ. Да, — вѣдь это вошло въ пословицу: „въ старину вездѣ лѣса были“... Люди, пробиравшіеся лѣтъ двѣсти тому назадъ по нашимъ дорогамъ, пробирались сквозь глухіе лѣса. Въ лѣсу терялась и рѣчка Каменка, и тѣ овраги, — верхи, по нашему, — гдѣ протекала она, и деревня, и усадьба, и холмистыя поля вокругъ. Однако, уже не то было при дѣдушкѣ. При дѣдушкѣ картина была иная: полу-степной просторъ, голые косогоры, на поляхъ — рожь, овесъ, греча, на большой дорогѣ — рѣдкія дуплистыя ветлы, а по суходольскому верху — только бѣлый сухой голышъ. Отъ лѣсовъ остался одинъ Трошинъ лѣсокъ. Только садъ былъ, конечно, чудесный: широкая аллея въ семьдесятъ раскидистыхъ березъ, вишенники, тонувшіе въ крапивѣ, дремучія заросли малины, акаціи, сирени и чуть не цѣлая роща серебристыхъ тополей на окраинахъ, сливавшихся съ хлѣбами. Домъ былъ подъ соломенной крышей, но такой толстой, темной и плотной, что ни одно желѣзо не сравнится. И глядѣлъ онъ на огромный дворъ, по сторонамъ котораго шли длиннѣйшія службы и людскія въ нѣсколько связей, а за дворомъ растилался все тотъ же безконечный зеленый выгонъ, что видѣли и мы, и широко раскидывалась барская деревня, большая, бѣдная и — беззаботная.

— Вся въ господъ-съ! — говорила Наталья. — И господа беззаботны были — не хозяйственны, не жадны. Семень Кирилычъ, братецъ дѣдушки, раздѣлились съ нами: себѣ взяли что побольше да полутче, престольную вотчину, намъ только Сошки, Суходолъ да четыре ста душъ прикинули. А изъ четырехъ-то сотъ чуть не половина разбѣжалася...

Дѣдушка Петръ Кириллычъ былъ слабоуменъ. Онъ

и состарился рано, да и умеръ лѣтъ сорока пяти. Отецъ часто говорилъ, что помѣшался Петръ Кириллычъ, послѣ того, какъ на него, заснувшего на коврѣ въ саду, подъ яблоней, внезапно сорвавшійся ураганъ обрушилъ цѣлый ливень крупнѣйшихъ яблокъ. А на дворѣ, по словамъ Натальи, объясняли слабоуміе дѣда иначе: тѣмъ, что захворалъ Петръ Кириллычъ отъ тоски — вскорѣ послѣ смерти красавицы-бабушки, что великая гроза прошла надъ Суходоломъ передъ вечеромъ того дня, когда скончалась она, что тотъ ураганъ, что налетѣлъ съ черной тучей на спящаго Петра Кириллыча, потрясъ его мыслью о приближеніи собственной смерти. И доживалъ Петръ Кириллычъ, — тоже, конечно, красавецъ, сутулый брюнетъ, съ черными, внимательно-ласковыми глазами, немного похожій на тетю Тоню, — въ тихомъ помѣшательствѣ. Денегъ, по словамъ Натальи, прежде не знали куда дѣвать, и вотъ онъ, въ сафьяновыхъ сапожкахъ и пестромъ архалукѣ, заботливо и неслышно бродилъ по дому и, оглядываясь, совалъ въ трещины дубовыхъ бревенъ золотые.

— Это я для Тонечки въ приданое, — бормоталъ онъ, когда захватывали его. — Надежнѣе, друзья мои, надежнѣе... Ну, а за всѣмъ тѣмъ — воля ваша: не хотите — я не буду...

И опять совалъ. А не то переставлялъ тяжелую мебель въ залѣ, въ гостиной, все ждалъ чьего-то приѣзда, хотя сосѣди почти никогда не бывали въ Суходолѣ; или жаловался на голодъ и самъ мастерилъ себѣ тюрю — неумѣло толокъ и растиралъ въ деревянной чашкѣ зеленый лукъ, крошилъ туда хлѣбъ, лилъ густой пѣнящійся суровецъ и сыпалъ столько крупной сѣрой соли, что тюря оказывалась горькой, и ѣсть ее было не подъ силу. Когда же, послѣ обѣда,

жизнь въ усадьбѣ замирала, всѣ разбредались по излюбленнымъ угламъ и надолго засыпали, не зная куда дѣваться одинокій, даже и по ночамъ мало спавшій Петръ Кириллычъ. И, не выдержавъ одиночества, начиналъ заглядывать въ спальни, прихожія, дѣвичьи и осторожно окликать спящихъ:

— Ты спишь, Аркаша? Ты спишь, Тонюша?

И, получивъ сердитый окрикъ: „да отвяжитесь вы, ради Бога, папенька!“ — торопливо успокаивалъ:

— Ну, спи, спи, душа моя. Я тебя будить не буду...

И уходилъ дальше, — минуя только лакейскую, ибо лакеи были народъ очень грубый, — а черезъ десять минутъ снова появлялся на порогъ и снова еще осторожно окликалъ, выдумывая, что по деревнѣ кто-то проѣхалъ съ ямщицкими колокольчиками, — „ужъ не Петенька ли изъ полка въ побывку“ — или что заходить страшная градовая туча.

— Они, голубчики, ужъ очень грозы боялись, — рассказывала Наталья. — Я-то еще дѣвченкой простоволосой была, ну, а се-таки помню-сь. Домъ у насъ какой-то черный былъ... невеселый, Господь съ нимъ. А день лѣтомъ — годъ. Дворни дѣвать было некуда... однихъ лакеевъ пять человѣкъ... Да, извѣстно, заочиваютъ послѣ обѣда молодые господа, а, глядячи на нихъ, и мы, холопы вѣрные. Дѣвки — въ дѣвичьей: погремять послѣ обѣда коклюшками для видимости, распустятъ пухъ по горницѣ, — у насъ все перины набивали, — да и завалятся гдѣ попало. А лакеи, такъ тѣ и совсѣмъ охальничали: сидятъ, бывалыча въ лакейской, вьютъ спрехвала кнуты, плетутъ сѣти перелиныя, жундятъ на балалайкахъ — и горюшка мало! А налопаются толокна, соломаты — спать. И тутъ ужъ Петъ Кириллычъ не приступайся къ нимъ, — особливо къ Герваськѣ. „Лакеи! Лакеи! Вы спите?“ А Герваська

подыметъ голову съ ларя, да и спрашиваетъ: „А хочешь я тебѣ сейчасъ крапивы въ мотню набью?“ — „Да ты кому жъ это говоришь-то, бездѣльникъ ты этакой?“ — „Домовому, сударь: съ просонья...“ Ну вотъ, Петъ Кириллычъ и ходили все больше къ намъ: „Аркаша, ты спишь? Натка, ты спишь?“ Вскочишь, бадрожишь вся... А они—„ну, спи, спи, душа моя, я тебя будить не буду...“ И опять пойдутъ по залу, по гостиной и все въ окна, въ садъ заглядываютъ: не видно-ли тучи? А грозы, и правда, куда какъ часто въ старину сбирались. Да и грозы-то великія. Какъ, бывалыча, дѣло послѣ обѣда, такъ и почнетъ орать иволга, и пойдутъ изъ-за саду тучки... потемнѣетъ въ домѣ, зашуршитъ бурьянъ да глухая крапива, попрячутся индюшки съ индюшатами подъ балконъ... прямо жуть, скука-съ! А они, батюшка, вздыхаютъ, крестятся, лѣзутъ свѣчку восковую у образовъ зажигать, полотенце завѣтное съ покойника прадѣдушки вѣшать, — боялась я того полотенца до-смерти!—али ножницы за окошко выкидываютъ. Это ужъ первое дѣло-съ, ножницы-то: очень хорошо противъ грозы. Изстрекаешься, бывалыча, вся по-поясъ, какъ заставятъ потомъ лѣзть за ними въ крапиву, въ кастрику-то эту самую: она у насъ дремучая росла!

Было веселѣе въ суходольскомъ домѣ, когда жили въ немъ французы, — сперва какой-то Луи Ивановичъ, огромный, неряшливый мужчина въ широчайшихъ, книзу узкихъ панталонахъ, съ длинными усами и мечтательными голубыми глазами, накладывавшій на лысину волосы отъ уха къ уху и нещадно бившій дворовыхъ чубукомъ, а потомъ пожилая, вѣчно зябнувшая мадамзель Сизи, — когда по всѣмъ комнатамъ гремѣлъ голосъ Луи Ивановича, оравшаго на Аркашку: „идите и больше не вернитесь!“ — когда слышалось

ной: „*maître corbeau sur un arbre perché*“ и на фортепиано училась Тонечка. Восемь лѣтъ жили французы въ Суходолѣ, оставались въ немъ, чтобы не скучно было Петру Кириллычу, и послѣ того, какъ увезли дѣтей въ губернской городъ, покинули же его почти передъ самымъ возвращеніемъ ихъ домой на третьи каникулы. Когда прошли эти каникулы, Петръ Кириллычъ уже никуда не отправилъ ни Аркашу, ни Тонечку: достаточно было, по его мнѣнію, отправить одного Петеньку. И дѣти навсегда остались и безъ ученья и безъ призора. — Наталья говаривала:

— Я-то была моложе ихъ всѣхъ годовъ на пять. Ну, а Герваська съ папашей вашимъ почти однолѣтки были и, значитъ, первые друзья-пріатели-съ. Только, правда говорится, — волкъ коню не свойственникъ. Подружились они это, поклялись въ дружбѣ на вѣчныя времена, помѣнялись честь-честью крестами, а Герваська въ скорости же и начереди: чуть было вашего папашу въ прудѣ не утопилъ! Коростовый былъ, а ужъ на каторжныя затѣи мастеръ. „Что жъ, — говоритъ разъ барчуку, — ты подрастете, будете меня пороть?“ — „Буду“. — „Анъ нѣтъ“. — „Какъ такъ?“ — „А такъ...“ И надумалъ: стояла у насъ бочка надъ прудами на самомъ косогорѣ-съ, а онъ и запримѣтъ ее, да и подбъучи Аркадъ Петровича залѣзть въ нее и покатиться внизъ. „Перва, — говоритъ, — ты, барчукъ, прожжете, а тамъ я“... Ну, а барчукъ-то и послушайся: залѣзъ, толкнулся, да какъ пошелъ гремѣть подъ-гору, въ воду, какъ пошелъ... Матушка Царица Небесная! Только пыль столбомъ завихрилась!.. Ужъ спасибо вблизи пастухи оказались...

Пока жили французы въ суходольскомъ домѣ, домъ сохранялъ еще жилой видъ. При бабушкѣ еще были въ немъ и господа, и хозяева, и власть, и подчиненіе,

и парадные покои, и семейные, и будни, и праздники. Видимость всего этого держалась и при французахъ. Но французы уѣхали. И домъ остался безъ хозяевъ, и жизнь потекла въ немъ будничная и бездѣльная, не имѣющая ни цѣли, ни порядка. Пока дѣти были малы, на первомъ мѣстѣ былъ какъ будто Петръ Кириллычъ. Но что онъ могъ? Кто кѣмъ владѣлъ: онъ дворовыми, или дворовые имъ? Фортепіано закрыли, скатерть съ огромнаго дубоваго стола исчезла,—обѣдали безъ скатерти и когда попало, въ сѣнцахъ проходу не было отъ борзыхъ собакъ. Заботиться о чистотѣ стало некому—и темныя бревенчатая стѣны, темные полы и потолки, темныя тяжелыя двери и притолки, старые образа, закрывавшіе своими суздальскими ликами весь уголъ въ залѣ, скоро и совсѣмъ почернѣли. По ночамъ, особенно въ грозу, когда бушевалъ подъ дождемъ садъ, поминутно озарялись въ залѣ лики образовъ, раскрывалось, распахивалось надъ садомъ дрожащее розово-золотое небо, а потомъ, въ темнотѣ, съ трескомъ раскалывались громовые удары,—по ночамъ въ домѣ было страшно. А днемъ—сонно, пусто и скучно. Съ годами Петръ Кириллычъ все слабѣлъ, становился все незамѣтнѣе, хозяйкой же дома являлась дряхлая Дарья Устиновна, кормилица дѣдушки. Но власть ея почти равнялась его власти, а староста Демьянъ не вмѣшивался въ управленіе домомъ: онъ зналъ только полевое хозяйство, съ лѣнкой усмѣшкой говоря иногда: „что жъ, я своихъ господъ не обижаю“... Тонечка подросла, уже была Дарью Устиновну, но дѣвки еще ни въ грошъ ее не ставили. Отцу, юношѣ, не до Суходола было: его съ ума сводила охота, балалайка, любовь къ Герваськѣ, который хотя и числился въ лакеяхъ, но по цѣлымъ днямъ пропадалъ съ нимъ на какихъ-то Мещерскихъ

болотцахъ или въ каретномъ сараѣ за изученіемъ балалаечныхъ и жилеечныхъ хитростей.

— Такъ ужъ мы и знали-съ, — говорила Наталья, — въ домѣ только почиваютъ. А не почиваютъ, — значитъ, либо на деревнѣ, либо въ каретномъ, либо на охотѣ: зимой — зайцы, осенью — лисицы, лѣтомъ — перпела, утки, либо дряхвы; сядутъ на дрожки бѣговыя, перекинутъ ружьецо за плечи, кликнутъ Діанку, да и съ Господомъ: нынче на Среднюю мельницу, завтра на Мещерскія, послѣ завтра на степя. И все съ Герваськой. Тотъ первый коноводъ всему былъ, а прикидывался, что это барчукъ его таскаетъ. Любилъ его, врага своего, Аркадь Петровичъ истинно какъ брата, а онъ, чѣмъ дальше, тѣмъ все злѣй измывался надъ нимъ. Бывалыча, скажутъ: — „Ну, давай, Гервасій, на балалайкахъ! Выучи ты меня, за ради Бога, „Закатилось солнце красное за лѣсъ“... Лучше тебя этой пѣсни никто въ свѣтѣ не узумѣтъ!“ А Гераська посмотреть на нихъ, пустить въ ноздри дымъ и этакъ съ усмѣшкой: „Одна рѣчь — не пословица. Поцѣлуйте перва ручку у меня“. Побѣлѣютъ весь Аркадь Петровичъ, вскочутъ съ мѣста, бацъ его, что есть силы, по щекѣ, а онъ только головой мотнетъ и еще чернѣй сдѣлается, насупится, какъ разбойникъ какой. „Встать, негодяй!“ Встанетъ, вытянется, какъ борзой, портки плисовые висятъ... молчить. „Проси прощенья“. — „Виноватъ, сударь“... А барчукъ задвохнется — и ужъ не знаютъ, что дальше сказать. „То-то, сударь! — кричатъ. — Я, молъ, наровлю съ тобой, съ негодяемъ, какъ съ равнымъ, обойтись, я, молъ, иной разъ думаю: я для него души не пожалѣю... А ты что? Ты нарочно меня озлобляешь? Нарочно?“...

— Диковинное дѣло-съ! — говорила Наталья, ни-

когда ни единого слова не говоря о родствѣ дѣдушки съ Герваськой. — Диковинное дѣло! Надъ барчукомъ и дѣдушкой Герваська измывался, а надо мной — барышня. Барчукъ, — а, по правдѣ-то сказать, и сами дѣдушка, — въ Герваськѣ души не чаяли, а я — въ ней... какъ изъ Сошекъ-то вернулась я, да маленько образумилась послѣ своей провинности...

V.

Съ этой-то провинности и началась ея любовь. И вся суходольская душа ея сказала въ этой любви.

Съ арапниками садились за столъ уже послѣ смерти дѣдушки, послѣ бѣгства Герваськи и женитьбы Петра Петровича, послѣ того, какъ тетя Тоня, тронувшись, обрекла себя въ невѣсты Иисусу Сладчайшему, а Наталья возвратилась изъ этихъ самыхъ Сошекъ. Тронулась же тетя Тоня и въ ссылкѣ побывала Наталья — изъ-за любви.

Скучныя, глухія времена дѣдушки смѣнились временемъ молодыхъ господъ. Возвратился въ Суходолъ Петръ Петровичъ, неожиданно для всѣхъ вышедшій въ отставку. И пріѣздъ его оказался гибельнымъ и для Натальи, и для тети Тони.

Онѣ обѣ влюбились. Не замѣтили, какъ влюбились.

Имъ казалось сперва, что просто стало весело, что это только такъ, неожиданный праздникъ. Онѣ впервые почувствовали себя дѣвушками и отдались прелести этого ощущенія.

Петръ Петровичъ повернулъ на первыхъ порахъ жизнь въ Суходолъ на новый ладъ — на праздничный и барскій. Онъ пріѣхалъ съ товарищемъ, Войткевичемъ, привезъ съ собой повара, бритаго алкого-

лика съ водянисто-блестящими глазами, съ пренебреженіемъ косившагося на позеленѣвшія рубчатые формы для желе, на грубые ножи, вилки. Петръ Петровичъ желалъ показать себя передъ товарищемъ радушнымъ, щедрымъ, богатымъ — и дѣлалъ это неумѣло, по мальчишески. Да онъ и былъ почти мальчикомъ, очень нѣжнымъ и красивымъ съ виду, но по натурѣ рѣзкимъ и жестокимъ; мальчикомъ смѣлымъ и самоувереннымъ, но легко и чуть не до слезъ смущающимся, а потомъ надолго затаивающимъ злобу на того, кто смутилъ его.

— Помнится, братъ Аркадій, — сказалъ онъ за столомъ въ первый же день своего пребыванія въ Суходолъ, — помнится, была у насъ въ погребѣ мадера недурная... Кажется, полвѣка, матушка, покоится, — прибавилъ онъ съ неловкой улыбкой въ сторону товарища.

Дѣдушка покраснѣлъ, хотѣлъ что-то сказать, но не насмѣлился и только затеребилъ на груди архалукъ. Аркадій Петровичъ вытаращилъ глаза:

— Какая мадера?

А Герваська нагло поглядѣлъ на Петра Петровича и ухмыльнулся.

— Вы изволили забыть, сударь, — сказалъ онъ Аркадію Петровичу, даже и не стараясь скрыть насмѣшки. — У насъ, и правда, дѣвать некуда было этой самой мадеры. Да все мы, холопы, потаскали. Вино барское, а мы ее дуромъ, замѣсто квасу.

— Это еще что такое? — крикнулъ Петръ Петровичъ, заливаясь своимъ темнымъ румянцемъ. — Молчать!

Дѣдушка восторженно подхватилъ:

— Такъ, такъ, Петенька! Фора! — радостно, тонкимъ

голосомъ воскликнулъ онъ и чуть не заплакалъ.—Ты и представить себѣ не можешь, какъ онъ меня уничтожаетъ! Я ужъ не однажды думалъ: подкрадусь и проломлю ему голову толкачемъ мѣднымъ... Ей-Богу, думалъ! Я ему кинжалъ въ бокъ по эфесъ всажу!

А Герваська и тутъ нашелся.

— Я, сударь, слышалъ, что за это больно наказываютъ, — возразилъ онъ, насупясь. — А то и мнѣ все лѣзетъ въ голову: пора барину въ царство небесное!

Говорилъ Петръ Петровичъ, что, послѣ такого неожиданно-дерзкаго отвѣта, сдержался онъ только ради чужого человѣка. Онъ сказалъ Герваськѣ только одно: „Сию минуту выйди вонъ!“ А потомъ даже устыдился своей горячности — и, торопливо извиняясь передъ Войткевичемъ, поднялъ на него съ улыбкой тѣ очаровательные, блестящіе глаза, которыхъ долго не могли забыть всѣ знавшіе Петра Петровича.

Слишкомъ долго не могла забыть этихъ глазъ и Наталья.

Счастье ея было необыкновенно кратко — и кто бы могъ думать, что разрѣшится оно путешествіемъ въ Сошки, самымъ замѣчательнымъ событіемъ всей ея жизни?

Хуторъ Сошки цѣлъ и донинѣ, хотя уже давно перешелъ къ тамбовскому купцу. Это — длинная изба среди пустой равнины, амбаръ, журавль колодца и гумно, вокругъ котораго бахчи. Такимъ, конечно, былъ хуторъ и въ дѣдовскія времена; да мало измѣнился и городъ, что на пути къ нему изъ Суходола, хотя дворянъ, пившихъ въ немъ хересь и игравшихъ въ карты, смѣнили тархане, торгующіе хлѣбомъ. А провинилась четырнадцатилѣтняя Наташка тѣмъ, что, совершенно неожиданно для самой себя, украла склад-

ное, оправленное въ серебро зеркальце Петра Петровича.

Увидѣла она это зеркальце — и такъ была поражена красотой его, — какъ, впрочемъ, и всѣмъ, что принадлежало Петру Петровичу, — что не устояла. Инѣ-сколько дней, пока не хватились зеркальца, прожила, ошеломленная своимъ преступленіемъ, очарованная своей страшной тайной и сокровищемъ, какъ въ сказкѣ объ аленькомъ цвѣточкѣ. Ложась спать, она молила Бога, чтобы скорѣе прошла ночь, чтобы скорѣе наступило сказочно-праздничное солнечное утро: празднично было въ домѣ, который ожилъ, наполнился чѣмъ-то новымъ, чудеснымъ съ пріѣздомъ красавца-барчука, наряднаго, напомаженнаго, съ высокимъ краснымъ воротомъ мундира, съ лицомъ смуглымъ, но нѣжнымъ, какъ у барышни; празднично было даже въ прихожей, гдѣ спала Наташка и гдѣ, вскакивая съ рундука на разсвѣтъ, она сразу вспоминала, что въ мірѣ — радость, потому что у порога стояли, ждали чистки такіе легонькіе, блестящіе сапожки, что ихъ въ пору было царскому сыну носить; и всего сказочнѣе, страшнѣе и праздничнѣе было за садомъ, въ заброшенной банѣ, гдѣ хранилось дѣйное зеркальце въ тяжелой серебряной оправѣ, — за садомъ, куда, пока еще всѣ спали, по росистымъ зарослямъ, тайкомъ бѣжала Наташка, чтобы насладиться обладаніемъ своего сокровища, вынести его на цорогъ, раскрыть при жаркомъ утреннемъ солнцѣ и насмотрѣться на себя до головокруженья, а потомъ опять скрыть, спрятать и опять бѣжать, прислуживать все утро тому, на кого она и глазъ поднять не смѣла, для кого она, въ безумной надеждѣ понравиться, и заглядывалась то въ зеркальце.

Но сказка объ аленькомъ цвѣточкѣ кончилась скоро, очень скоро. Кончилась позоромъ и стыдомъ, которому нѣтъ имени, какъ думала Наташка, ибо самое сокровенное, что было въ душѣ ея, поняли всѣ. Кончилось тѣмъ, что самъ же Петръ Петровичъ приказалъ остричь, обезобразить ее, принаряжавшуюся, сурмившую брови передъ зеркальцемъ, создавшую какую-то сладкую тайну, небывалую близость между нимъ и собой. Онъ самъ открылъ и превратилъ ея преступленіе въ простое воровство, въ глупую продѣлку по острожному, клоками оболваненной дворовой дѣвченчи, которую, въ затрапезной рубахѣ, съ лицомъ, опухшимъ отъ слезъ, на глазахъ всей дворни, вывели изъ людской въ самое будничное жаркое утро, посадили на убогую навозную телѣгу, набитую соломою, и, опозоренную, внезапно оторванную ото всего родного, повезли на какой-то невѣдомый, страшный хуторъ, въ степныя дали. Она уже знала: тамъ, на хуторѣ, она должна будетъ стеречь цыплятъ, индюшатъ и бахчи; тамъ она спечется на солнцѣ, забытая всѣмъ свѣтомъ; тамъ какъ годы будутъ долги степные дни, когда въ зыбкомъ маревѣ тонуть горизонты и такъ тихо, такъ знойно, что спалъ бы мертвымъ сномъ весь день, если бы не нужно было слушать осторожнаго треска пересохшаго гороха, домовитой возни насѣдокъ въ горячей землѣ, мирно-грустной переклички индюшекъ, не слѣдить за набѣгающей сверху, жуткой тѣнью ястреба и не вскакивать, не кричать тонкимъ протяжнымъ голосомъ: „шу-у!“... Тамъ, на хуторѣ, чего стоила одна старуха-хохлушка, не понимавшая ни единого слова по-человѣчески, получившая власть надъ ея жизнью и смертью и, вѣрно, уже съ нетерпѣніемъ поджидавшая свою жертву! Единственное пре-

имущество имѣла Наташка передъ тѣми, которыхъ везутъ на смертную казнь: возможность удавиться. И только одно это и поддерживало ее на пути въ ссылку,—конечно, вѣчную, какъ полагала она.

На пути изъ конца въ конецъ уѣзда чего только она не насмотрѣлась! Да не до того ей было. Она думала или, скорѣе, чувствовала одно: жизнь кончена, преступленіе и позоръ слишкомъ велики, чтобы надѣяться на возвращеніе къ ней! И все это совершилось такъ внезапно, среди радости, праздника, чего-то большого, новаго, что и должно было быть роковымъ началомъ, какъ возбужденіе, приступъ необычнаго веселья передъ смертельной болѣзнью! Пока еще оставался возлѣ нея близкій, родной человѣкъ, Евсей Бодуля. Но что будетъ, когда онъ сдастъ ее съ рукъ на руки хохлушкѣ, переночуетъ и уѣдетъ, навѣки покинетъ ее въ чужой сторонѣ? Наплакавшись, она захотѣла ѣсть. И Евсей, къ удивленію ея, взглянулъ на это очень просто и, закусывая, разговаривалъ съ ней такъ, какъ будто ничего не случилось. А потомъ она заснула — и тупо очнулась уже въ городѣ. И городъ, поразилъ ее только скукой, сухью, духотой, да еще чѣмъ-то смутно-страшнымъ, тоскливымъ, что похоже было на сонъ, который не расскажешь. Запомнилось за этотъ день только то, что очень жарко лѣтомъ въ степи, что безконечнѣе лѣтняго дня и длиннѣе большихъ дорогъ нѣтъ ничего на свѣтѣ. Запомнилось, что есть мѣста на городскихъ улицахъ, выложенныя камнями, по которымъ престранно гремитъ телѣга, что издалека пахнетъ городъ желѣзными крышами, калачами, а среди площади, гдѣ отдыхали и кормили лошадей, возлѣ пустыхъ подъ вечеръ „обжорныхъ“ навѣсовъ, — пылью, дегтемъ, гніющимъ сѣномъ, клоки ко-

торого, перебитые съ конскимъ навозомъ, остаются на стоянкахъ мужиковъ. Евсей отпрягъ и поставилъ лошадь къ телѣгѣ, къ корму; сдвинулъ на затылокъ тяжелую, горячую шапку, вытеръ рукавомъ потъ и, весь черный отъ зноя, ушелъ въ харчевню. Онъ строго-на-строго приказалъ Наташкѣ „поглядывать“ и, въ случаѣ чего, кричать на всю площадь. И Наташка сидѣла, не двигаясь, придавленная какими-то тупыми думами, не сводила глазъ съ купола тогда только что построеннаго собора, огромной серебряной звѣздой горѣвшаго гдѣ-то далеко за домами, — сидѣла до тѣхъ поръ, пока не вернулся жующій, повеселѣвшій Евсей и не сталъ, съ калачомъ подъ мышкой, снова заводить лошадь въ оглобли.

— Припоздали мы съ тобой, королевишна, маленько! — оживленно бормоталъ онъ, обращаясь не то къ лошади, не то къ Наташкѣ. — Ну, да авось не удавятъ! Авось не на пожаръ... Я и назадъ гнать не стану, — мнѣ, братъ, барская лошадь подороже твое хайла, — говорилъ онъ, уже разумѣя Демьяна. — Разинулъ хайло: „Ты у меня смотри! Я, въ случаѣ чего, догляжусь, что у тебя въ порткахъ-то“... А-ахъ! — думаю... Взяла меня обида поперекъ живота! Съ меня, молъ, господа, и тѣ еще не спускали портокъ-то... не тебѣ чета, чернонебому. — „Смотри!“ — А чего мнѣ смотрѣть? Авось, не дурѣй тебя. Захожу — и совсѣмъ не ворочусь: дѣвку доправлю, а самъ перехрещусь, да потуда меня и видѣли... Я и на дѣвку-то дивуюсь: чего, дура, затужила? Ай свѣтъ клиномъ сошелся? Пойдутъ чумаки, либо старчики какіе мимо хутора — только слово сказать: въ одинъ ментъ за Ростовымъ-батюшкой очутишься... А тамъ и поминай какъ звали!

И мысль: „удаплюсь“ — смѣнилась въ стриженной го-

ловѣ Наташки мыслью о бѣгствѣ. Телѣга закрипѣла и закачалась. Евсей смолкъ и повелъ лошадь къ колдцу среди площади. Тамъ, откуда пріѣхали, опускалось солнце за большой монастырскій садъ, и окна въ желтомъ острогѣ, что стоялъ противъ монастыря, черезъ дорогу, сверкали золотомъ. И видъ острога на минуту еще больше возбудилъ мысль о бѣгствѣ. Вона, и въ бѣгахъ живутъ! Только вотъ говорятъ, что старчики выжигаютъ ворованнымъ дѣвкамъ и ребятамъ глаза кипяченымъ молокомъ и выдаютъ ихъ за убогенькихъ, а чумаки завозятъ къ морю и продаютъ нагайцамъ... Случается, что и ловятъ господа своихъ бѣглыхъ, забиваютъ ихъ въ кандалы, въ острогъ сажаютъ... Да авось и въ острогѣ не быки, а мужики, какъ говорить Герваська!

Но окна въ острогѣ гасли, мысли путались, — нѣтъ, бѣжать еще страшнѣе, чѣмъ удавиться! Да смолкъ, отрезвѣлъ и Евсей.

— Припоздали, дѣвка! — уже безпокойно говорилъ онъ, вскакивая бокомъ на грядку телѣги.

И телѣга, выбравшись на шоссе, опять затряслась, забила, шибко загремѣла по камнямъ... Ахъ, лучше-то всего было бы назадъ повернуть ее, — не то думала, не то чувствовала Наташка, — повернуть, доскакать до Суходола — и упасть господамъ въ ноги! Но Евсей погонялъ. Звѣзды за домами уже не было. Впереди была бѣлая голая улица, бѣлая мостовая, бѣлые дома — и все это замыкалось огромнымъ бѣлымъ соборомъ подъ новымъ бѣло-жестянымъ куполомъ, и небо надъ нимъ стало блѣдно-синее, сухое. А тамъ, дома, въ это время уже роса падала, садъ благоухалъ свѣжестью, пахло изъ топившейся поварской; далеко за равнинами хлѣбомъ, за серебристыми тополями на

окраинахъ сада, за старой завѣтной баней догорала заря, а въ гостиной были отворены двери на балконъ, алый свѣтъ мѣшался съ сумракомъ въ углахъ, и желтосмуглая, черноглазая, похожая и на дѣдушку, и на Петра Петровича барышня поминутно оправляла рукава легкаго и широкаго платья изъ оранжеваго шелка, пристально смотрѣла въ ноты, сидя спиной къ зарѣ, ударяя по желтымъ клавишамъ, наполняя гостиную торжественно-пѣвучими, сладостно-отчаянными звуками полонеза Огинскаго и какъ-будто не обращая никакого вниманія на стоявшаго за нею офицера — приземистаго, темноликаго, крѣпко подпиравшаго талию лѣвой рукою и сосредоточенно-мрачно слѣдившаго за ея быстрыми руками.

— У ней — свой, а у меня — свой, — не то думала, не то чувствовала Наташка въ такіе вечера съ замираніемъ сердца и бѣжала въ холодный, росистый садъ, забивалась въ глушь крапивы и остро-пахнувшихъ, сырыхъ лопуховъ и стояла, ждала несбыточнаго, — того, что сойдетъ съ балкона барчукъ, пойдетъ по аллеѣ, увидитъ ее и, внезапно свернувъ, приблизится къ ней быстрыми шагами — и она не проронитъ отъ ужаса и счастья ни звука...

А телѣга гремѣла. Городъ былъ вокругъ, жаркій и вонючій, бѣлый и голый городъ, тотъ самый, что представлялся прежде чѣмъ-то волшебнымъ. Сухо и скучно былъ такъ, что, казалось, въ немъ и дня не выживешь. И Наташка съ болѣзненнымъ удивленіемъ глядѣла на разряженный народъ, весело и какъ-то особенно легко идущій взадъ и впередъ по камнямъ возлѣ домовъ, воротъ и лавокъ съ раскрытыми дверями. Куда онъ идетъ? Куда такъ спѣшить? Спѣшить — и на нихъ оборачивается... И зачѣмъ поѣхалъ

тутъ Евсей, какъ рѣшился онъ гремѣть тутъ телѣгой?

Но проѣхали мимо собора, стали спускаться къ мелкой рѣкѣ по ухабистымъ пыльнымъ косогорамъ, мимо черныхъ кузницъ, мимо гнилыхъ мѣщанскихъ лачугъ... Опять знакомо запахло прѣсной теплой водою, иломъ, полевой вечерней свѣжестью. Первый огонекъ блеснулъ вдали, на противоположной горѣ, въ одинокомъ домишкѣ близъ шлагбаума... Вотъ и совсѣмъ выбрались на волю, переѣхали мостъ, поднялись къ шлагбауму — и глянула въ глаза каменная, пустынная дорога, смутно бѣлѣющая и убѣгающая въ безконечную даль, въ синь степной свѣжей ночи. И лошадь пошла мелкой рысцей, а миновавъ шлагбаумъ, и совсѣмъ шагомъ. И опять стало слышно, что тихо, тихо ночью и на землѣ, и въ небѣ, — только гдѣ-то далеко плачетъ колокольчикъ. Онъ плакалъ все слышнѣе, все пѣвучѣе — и слился, наконецъ, съ дружнымъ топотомъ тройки, съ ровнымъ стукомъ бѣгущихъ по шоссе и приближающихся колесъ... Тройкой правилъ вольный молодой ящикъ, даже и не взглянувшій на встрѣчную телѣгу съ крѣпостнымъ мужикомъ и дѣвченкой, а въ бричкѣ, уткнувши подбородокъ въ шинель съ капюшономъ, сидѣлъ офицеръ. Поравнявшись съ телѣгой, на мгновение поднялъ онъ голову — и вдругъ увидѣла Наташка красный воротникъ, черные усы, молодые глаза, блеснувшіе подъ каскою, похожей на ведерко... Она вскрикнула, помертвѣла, потеряла сознаніе...

Озарила ее безумная мысль, что это Петръ Петровичъ, и, по той боли и нѣжности, которая молніей прошла ея нервное дворовое сердце, она вдругъ поняла, чего она лишилась: близости къ нему... Евсей кинулся

поливать ее стриженую, отвалившуюся к плечу голову водой из дорожного жбана.

Тогда она очнулась от приступа тошноты — и торопливо перекинула голову за грядку телѣги. Евсей торопливо подложил ей под холодный лоб ладонь...

А потом, облегченная, озябнувшая, с мокрым воротом, лежала она на спинѣ и смотрѣла на звѣзды. Перепугавшійся Евсей молчал, думая, что она уснула, — только головой покачивалъ, — и погонялъ, погонялъ. Телѣга тряслась и убѣгала. А дѣвченкѣ казалось, что у нея нѣтъ тѣла, что теперь у нея — одна душа. И душѣ этой было „такъ хорошо, ровно въ царствѣ небесномъ“...

Аленькимъ цвѣточкомъ, расцвѣтшимъ въ сказочныхъ садахъ, была ее любовь. Но въ степь, въ глушь, еще болѣе заповѣдную, чѣмъ глушь Суходола, увезла она любовь свою, чтобы тамъ, въ тишинѣ и одиночествѣ, побороть первыя, сладкія и жгучія, муки ее, а потомъ надолго, на вѣки, до самой гробовой доски схоронить ее въ глубинѣ своей суходольской души.

VI.

Любовь въ Суходолѣ необычна была. Необычна была и ненависть.

Дѣдушка, погибшій столь же нелѣпо, какъ и убійца его, какъ и всѣ, что гибли въ Суходолѣ, былъ убитъ въ томъ же году. На Покровъ, престольный праздникъ въ Суходолѣ, Петръ Петровичъ назвалъ гостей — и очень волновался: будетъ ли предводитель, давшій слово быть? Радостно, неизвѣстно чему волновался и дѣдушка. Предводитель пріѣхалъ — и обѣдъ удался на славу. Было и шумно, и весело, дѣдушкѣ — весе-

лѣе всѣхъ. Рано утромъ второго октября его нашли на полу въ гостиной мертвымъ.

Выйдя въ отставку, Петръ Петровичъ не скрылъ, что онъ жертвуетъ собою ради спасенія чести Хрущевыхъ, родового гнѣзда и родовой усадьбы. Не скрылъ, что хозяйство онъ „по-неволѣ“ долженъ взять въ свои руки. Долженъ и знакомства завести, дабы общаться съ наиболѣе просвѣщенными и полезными дворянами уѣзда, а съ прочими — просто не порывать отношеній. И сначала все въ точности исполнялъ, посѣтилъ даже всѣхъ мелкопомѣстныхъ, даже хуторъ тетушки Ольги Кирилловны, чудовищно-толстой старухи, страдавшей сонной болѣзнью и чистившей зубы нюхательнымъ табакомъ. Къ осени уже никто не дивился, что Петръ Петровичъ править имѣніемъ единовластно. Да онъ и видѣ имѣлъ уже не красавчика-офицера, пріѣхавшаго на побывку, а хозяина, молодого помѣщика. Смущаясь, онъ не заливался такимъ темнымъ румянцемъ, какъ прежде. Онъ выходилъ, пополнѣлъ, носилъ дорогіе архалуки, маленькія ноги свои баловалъ красными татарскими туфлями, маленькія руки украшалъ кольцами съ бирюзой. Прекрасные блестящіе глаза его, къ удивленію всѣхъ, оказались не черными, а карими, какъ и подобаетъ смуглому. Аркадій Петровичъ почему-то стѣснялся смотрѣть въ эти глаза, не зная о чемъ говорить, первое время во всемъ уступалъ Петру Петровичу и пропадалъ на охотѣ.

На Покровъ Петръ Петровичъ хотѣлъ очаровать всѣхъ до единого своимъ радушіемъ, да и показать, что именно онъ первое лицо въ домѣ. Но ужасно мѣшалъ дѣдушка. Дѣдушка былъ блаженно счастливъ, но безтактенъ, болтливъ и жалокъ въ своей бархатной шапочкѣ съ мощей и въ новомъ, не въ мѣру ширококомъ синемъ казакинѣ, сшитомъ домашнимъ порт-

нымъ. Онъ тоже вообразилъ себя радушнымъ хозяиномъ и суетился съ раннего утра, устраивая какую-то глупую церемонію изъ пріема гостей. Одна половинка дверей изъ прихожей въ залу никогда не открывалась. Онъ самъ отодвинулъ желѣзныя задвижки и вниз и вверх, самъ придвигалъ стулъ и, весь трясясь, влѣзалъ на него; а, распахнувъ двери, сталъ на порогъ и, пользуясь молчаніемъ Петра Петровича, замиравшаго отъ стыда и злобы, но рѣшившагося все претерпѣть, не сошелъ съ мѣста до пріѣзда послѣдняго гостя. Онъ не сводилъ глазъ съ крыльца, — и на крыльцо пришлось отворить двери, этого тоже будто бы требовалъ какой-то старинный обычай, — топтался отъ волненія, завидя же входящаго, кидался къ нему навстрѣчу, торопливо дѣлалъ па, подпрыгивалъ, кидая ногу на ногу, отвѣшивалъ низкій поклонъ и, захлебываясь, говорилъ всѣмъ, даже незнакомымъ:

— Ну, какъ я радъ! Какъ я радъ! Давненько ко мнѣ не жаловали! Забыли, забыли меня! Милости прошу, милости прошу.

И, отбѣгая, крѣпко становился на прежнее мѣсто, какъ разъ на самый порогъ, необходимость чего, выдуманная имъ самимъ, казалась ему непреложной, — и ждалъ слѣдующаго.

Бѣсило Петра Петровича и то, что дѣдушка всѣмъ и каждому зачѣмъ-то докладывалъ объ отъѣздѣ Тонечки въ Лунево, къ Ольгѣ Кирилловнѣ. „Тонечка больна тоской, уѣхала къ тетенькѣ на всю осень“ — что могли думать гости послѣ такихъ непрошенныхъ заявленій? Вѣдь исторія съ Войткевичемъ, конечно, уже всѣмъ была извѣстна. Войткевичъ, можетъ стать, и впрямь имѣлъ серьезныя намѣренія, загадочно вздыхая возлѣ Тонечки, играя съ ней въ четыре руки, глухимъ голосомъ читая ей „Людмилу“, или говоря

въ мрачной задумчивости: „Ты мертвецу святыней слова обручена...“ Но Тонечка бѣшено вспыхивала при каждой его даже самой невинной попыткѣ выразить свои чувства, — поднести, напримѣръ, ей цвѣтокъ, — и Войткевичъ внезапно уѣхалъ. Когда же уѣхалъ, Тонечка стала не спать по ночамъ, въ темнотѣ сидѣть возлѣ открытаго окна, точно поджидая какого-то извѣстнаго ей срока, чтобы вдругъ громко зарыдать — и разбудить Петра Петровича. Онъ долго лежалъ, стиснувъ зубы, слушая эти отдаленныя рыданія да мелкій, сонный лепетъ тополей за окнами въ темномъ саду, похожій на непрестанный дождикъ. Затѣмъ шелъ успокаивать. Шли успокаивать и заспанныя дѣвки, иногда тревожно прибѣгаль и дѣдушка. Тогда Тонечка начинала топать ногами, кричать: „Отвяжитесь отъ меня, враги мои лютые!“ — и дѣло кончалось безобразной бранью, чуть не дракой.

— Да пойми же ты, пойми, — бѣшено шипѣлъ Петръ Петровичъ, выгнавъ вонъ дѣвокъ, дѣдушку, хлопнувъ дверь и крѣпко ухватясь за скобку, — пойми, змѣя, что могутъ вообразить!

— Ай! — неистово взвизгивала Тонечка. — Папенька, онъ кричитъ, что я брюхата!

И, вцѣпившись себѣ въ голову, Петръ Петровичъ кидался вонъ изъ комнаты.

Вцѣпиться въ голову не разъ хотѣлось и на Покровъ. Да тревожилъ и Герваська: какъ бы не нагрузилъ при какомъ-нибудь неосторожномъ словѣ? Но все-таки владѣлъ собой Петръ Петровичъ, — и день прошелъ благополучно.

Герваська страшно выросъ. Огромный, нескладный, но и самый видный, самый умный изъ слугъ, онъ тоже былъ наряженъ въ легкій синій казакинъ, такіе же шаровары и мягкіе козловые сапоги безъ каблукъ.

ковъ. Гарусный лиловый платокъ повязывалъ его тонкую темную шею. Черные, сухіе, крупные волосы онъ причесалъ на косой рядъ, но остричься подъ-польку не пожелалъ — подрубилъ ихъ въ кружокъ. Брить было нечего, только два-три рѣдкихъ и жесткихъ завитка чернѣло на его подбородкѣ и по угламъ большого рта, про который говорили: „ротъ до ушей, хотъ завязочки пришей“. Будылястый, очень широкій въ плоской костлявой груди, съ маленькою головою и глубокими орбитами, тонкими пепельно-синими губами, и крупными голубоватыми зубами, онъ, этотъ древній аріецъ, парсь изъ Суходола, уже получилъ двѣ клички: грачъ и борзой. Глядя на его оскалъ, слушая его покашливанія, многіе думали: „А скоро ты, борзой, издохнешь!“ Въ слухъ же, не въ примѣръ прочимъ, величали молокососа Гервасіемъ Аѳанасьевичемъ.

Боялись его и господа. У господъ было въ характерѣ то же, что и у холоповъ: или властвовать, или бояться. За дерзкій отвѣтъ дѣдушкѣ въ день пріѣзда Петра Петровича Герваськѣ, къ удивленію дворни, ровно ничего не было. Аркадій Петровичъ сказалъ ему кратко: „Положительно скотина ты, братъ!“ — на что и отвѣтъ получилъ очень краткій: „Терпѣть его не могу я, сударь!“ А къ Петру Петровичу Герваська самъ пришелъ: сталъ на порогъ и, по своей манерѣ, развязно осѣвъ на свои несоразмѣрно съ туловищемъ длинныя ноги въ широчайшихъ шароварахъ, угломъ выставивъ лѣвое колѣно, попросилъ, чтобы его выпороли.

— Очень я грубіанъ и горячій, сударь, — сказалъ онъ безразлично, играя черными глазищами.

И Петръ Петровичъ, почувствовавъ въ словѣ „горячій“ намекъ, струсиль.

— Успѣется еще, голубчикъ! Успѣется! — притвор-

но-строго крикнулъ онъ.—Выйди вонъ! Я тебя, дерзкого, и видѣть не могу.

Герваська постоялъ, помолчалъ. Потомъ сказалъ:

— Есть на то воля ваша.

Постоялъ еще, крутя жесткій волосъ на верхней губѣ, поскалилъ по-собачьи голубоватыя челюсти, не выражая на лицѣ ни одинаго чувства, и вышелъ. Твердо убѣдился онъ съ тѣхъ поръ въ выгудѣ этой манеры — ничего не выражать на лицѣ и быть какъ можно болѣе краткимъ въ отвѣтахъ — и твердо усвоилъ ее себѣ. А Петръ Петровичъ сталъ не только избѣгать разговоровъ съ нимъ, но даже въ глаза ему смотрѣть.

Также безразлично, загадочно держался Герваська и на Покровъ. Всѣ сбились съ ногъ, готовясь къ празднику, отдавая и принимая распоряженія, ругаясь, споря, моя полы, чистя синѣющимъ мѣломъ темное тяжелое серебро иконъ, поддавая ногами лѣзущихъ въ сѣнцы собакъ, боясь, что не застынетъ желе, что не хватить вилокъ, что пережарятся налевашники, хвостостики: одинъ Герваська спокойно ухмылялся и говорилъ бѣсившемуся Казиміру, алкоголику-повару: „По-тише, отецъ дьяконъ, подрысникъ лопнетъ!“

— Смотри не напейся, — разсѣянно, волнуясь изъ-за предводителя, сказалъ Герваськѣ Петръ Петровичъ.

— С'отроду не пиль, — какъ равному кинулъ ему Герваська. — Не антересно.

И потомъ, при гостяхъ, Петръ Петровичъ даже заискивающе кричалъ на весь домъ:

— Гервасій Аѳанасичъ! Не пропадай ты, пожалуйста. Безъ тебя, какъ безъ рукъ.

А Герваська вѣжливѣйше и съ достоинствомъ отзывался:

— Не извольте, сударь, беспокоиться. Не посмѣю отлучиться.

Онъ служилъ, какъ никогда. Онъ вполнѣ оправдывалъ слова Петра Петровича, вслухъ говорившаго гостямъ:

— До чего дерзокъ этотъ дылда, вы и представить себѣ не можете! Но положительно умница! Золотыя руки!

Могъ ли онъ предположить, что роняетъ въ чашу именно ту каплю, которая переполнить ее? Дѣдушка услышалъ его слова. Онъ затеребилъ на груди казакинъ и вдругъ черезъ весь столъ закричалъ предводителю:

— Ваше превосходительство! Подайте руку помощи! Какъ къ отцу, прибѣгаю къ вамъ съ жалобой на слугу моего! Вотъ на этого, на этого — на Гervasія Аванасьева Куликова! Онъ на каждомъ шагу уничтожаетъ меня! Онъ...

Его прервали, уговорили, успокоили. Взволновался дѣдушка до слезъ, но его стали успокаивать такъ дружно и съ такимъ почтеніемъ, конечно, насмѣшливымъ, что онъ сдался и почувствовалъ себя опять дѣтски-счастливымъ. Гervasька стоялъ у стѣны строго, съ опущенными глазами и слегка поворотивъ голову. Дѣдушка видѣлъ, что у этого великана черезчуръ мала голова, что она была бы еще меньше, если бы остричь ее, что затылокъ у него острый и что особенно много волосъ именно на затылкѣ, — крупныхъ, черныхъ, грубо подрубленныхъ и образующихъ выступъ надъ тонкой шеей. Отъ загара, отъ вѣтра на охотѣ, темное лицо Гervasьки мѣстами шелушилось, было въ блѣдно-лиловыхъ пятнахъ. И дѣдушка со страхомъ и тревогой кидалъ взгляды на Гervasьку, чувствовалъ, что тре-

вога эта мѣшаетъ чему-то, но все-таки радостно кричалъ гостямъ:

— Хорошо, я прощаю его! Только за это я не отпущу васъ, дорогіе гости, цѣлыхъ три дня. Ни за что не отпущу! Особливо же прошу, не уѣзжайте на-вечеръ. Какъ дѣло на-вечеръ, я самъ не свой: такая тоска, такая жуть! Тучки заходятъ, въ Трошиномъ лѣсу, говорятъ, опять двухъ французовъ Бонапартишкиныхъ поймали... Я безпремѣнно помру вечеромъ, — попомните мое слово! Мнѣ Мартынъ Задека предсказалъ...

Но умеръ онъ рано утромъ.

Онъ настоялъ таки: ради него, много народу осталось ночевать; весь вечеръ пили чай, варенья было страшно много и все разное, такъ что можно было подходить и пробовать, подходить и пробовать; затѣмъ наставили столовъ, зажгли столько спермацетовыхъ свѣчей, что онѣ отражались во всѣхъ зеркалахъ и по комнатамъ, полнымъ дыма душистаго жуковского табаку, шума и говора, былъ золотистый блескъ, какъ въ церкви. Главное же, многіе ночевать остались. И, значить, впереди былъ не только новый веселый день, но и большія хлопоты, заботы: вѣдь если бы не онъ, не Петръ Кириллычъ, никогда не сошелъ бы такъ отлично праздникъ, никогда не было бы такого оживленного и богатого обѣда!

— Да, да, — волнуясь, думалъ дѣдушка ночью, скинувъ казакинъ и стоя въ своей спальнѣ передъ аналоемъ, передъ зажженными на немъ восковыми свѣчечками, глядя на черный образъ Меркурія. — Да, да, смерть грѣшнику люта... Да не зайдетъ солнце во гнѣвъ вашему!

Но тутъ онъ вспомнилъ, что хотѣлъ подумать что-то другое; горбясь и шепча пятидесятый псаломъ, прошелся по комнатѣ, поправилъ тлѣвшую на ночномъ

столикъ курительную монашку, взялъ въ руки псалтирь, и развернувъ, снова съ глубокимъ, счастливымъ вздохомъ, поднялъ глаза на безглаваго святого. И вдругъ попалъ на то, что хотѣлъ подумать, и засіялъ улыбкой:

— Да, да: есть старикъ — убилъ бы его, нѣтъ старика — купилъ бы его!

Боясь проспать, не распорядиться о чемъ-то, онъ почти не спалъ. А рано утромъ, когда въ комнатахъ, еще не убранныхъ и пахнущихъ табакомъ, стояла та особенная тишина, что бываетъ только послѣ праздника, послѣ шумнаго ужина, когда чувствуется, что ночуетъ въ домѣ много чужихъ, очень не похожихъ другъ на друга людей, пившихъ, ѣвшихъ, спорившихъ, хохотавшихъ за картами и, наконецъ, уgomонившихся, — осторожно, на босу ногу вышелъ онъ въ гостиную, заботливо поднялъ нѣсколько мѣлковъ, валявшихся у раскрытыхъ зеленыхъ столовъ, и слабо ахнулъ отъ восторга, взглянувъ на садъ за стеклянными дверями: на яркій блескъ холодной лазури, на яркое серебро утренняя, покрывшаго и балконъ, и перила, и коричневую листву въ голыхъ заросляхъ подъ балкономъ, и далекую крышу бани на окраинѣ сада, среди тополей, листвы еще не потерявшихъ. Онъ отворилъ дверь и потянулъ носомъ: еще горько и спиртуозно пахло изъ кустовъ осеннимъ тлѣніемъ, но этотъ запахъ терялся въ зимней свѣжести. И все было свѣжо, неподвижно, успокоенно, почти торжественно. Чуть показавшееся сзади, за деревней, солнце озаряло вершины картинной аллеи, полуголыхъ, осыпанныхъ рѣдкимъ и мелкимъ золотомъ, бѣлоствольныхъ березъ, и прелестный, радостный, неуловимо-лиловатый тонъ былъ въ этихъ бѣлыхъ съ золотомъ вершинахъ, сквозившихъ на лазури. Пробѣжала собака въ холодной тѣни подъ

балкономъ, хрустя по сожженной морозомъ и точно солью осыпанной травѣ. Хрустъ этотъ напомнилъ зиму — и, съ удовольствіемъ передернувъ плечами, дѣдушка вернулся въ гостиную и осторожно, затаивая дыханіе, сталъ передвигать, разставляя тяжелую, рычащую по полу мебель, изрѣдка поглядывая въ зеркало, гдѣ отражалось голубое небо. Вдругъ неслышно и быстро вошелъ Герваська — безъ казакина, заспанный, „злой, какъ чортъ“, какъ онъ самъ же рассказывалъ потомъ.

Онъ вошелъ и строго крикнулъ шепотомъ:

— Тише ты! Чего лѣзешь не въ свое дѣло?

Дѣдушка поднялъ возбужденное лицо и, съ той нѣжностью, которая не покидала его весь вчерашній день и всю ночь, шепотомъ отвѣтилъ:

— Вотъ видишь какой ты, Гервасій! Я простилъ тебя вчерась, а ты, замѣсто благодарности барину...

— Надоѣлъ ты мнѣ, слюняй, хуже осени! — перебилъ Герваська. — Пусти.

Дѣдушка съ страхомъ взглянулъ на его затылокъ, еще болѣе выступавшій теперь надъ тонкой шеей, торчавшей изъ ворота бѣлой рубахи, но вспыхнулъ, загородилъ собою ломберный столъ, который онъ только что наполовину закрылъ и хотѣлъ тащить въ уголъ.

— Ты пусти! — мгновеніе подумавъ, негромко крикнулъ онъ. — Это ты должонъ уступить барину. Ты доведешь меня: я тебѣ кинжалъ въ бокъ всажу!

— А! — досадливо сказалъ Герваська, блеснувъ зубами, — и на отмашь ударилъ его въ грудь.

Доска стола была сложена, половина его была открыта. Дѣдушка поскользнулся на гладкомъ дубовомъ полу, взмахнулъ руками — и какъ разъ вискомъ ударился объ острый уголъ.

Увидя кровь, безмысленно-раскосившіеся глаза и разинутый ротъ, Герваська, самъ не зная, зачѣмъ онъ это дѣлаетъ, сорвалъ съ еще теплой дѣдушкиной шеи золотой образокъ и ладанку на заношенномъ шнурѣ... оглянувшись, сорвалъ и бабушкино обручальное кольцо съ мизинца.. Затѣмъ неслышно и быстро вышелъ изъ гостиной — и какъ въ воду канулъ.

Единственнымъ человѣкомъ изъ всего Суходола, видѣвшимъ его послѣ этого, была Наталья.

VII.

Пока жила она въ Сошкахъ, произошло съ Суходолѣмъ и еще два крупныхъ событія: женился Петръ Петровичъ и отправились братья охотниками въ крымскую кампанію.

Вернулась она почти черезъ два года: о ней забыли. И вернувшись, не узнала Суходола, какъ не узналъ ее и Суходоль.

Въ тотъ же лѣтній вечеръ, когда телѣга, присланная съ барскаго двора, закрипѣла возлѣ хуторской хаты, и Наташка выскочила на порогъ, Евсей Бодуля, прыгнувъ съ телѣжной грядки, вытаращилъ глаза.

— Ужли это ты, Наташка? — сказалъ онъ.

— А то кто же? — отвѣтила Наташка съ чуть замѣтной улыбкой.

И Евсей покачалъ головою:

— Добрѣ ты не хороша-то стала.

А стала она только не похожа на прежнюю: изъ стриженной дѣвченки, круглолицой и ясноглазой, превратилась въ невысокую, но стройную дѣвку, худощавую, но не болѣзненную, сдержанную въ вопросахъ и отвѣтахъ. Она была боса, въ старенькой плахтѣ и вышитой сорочкѣ, хотя покрыта темнымъ платочкомъ

по нашему, немного смугла отъ загара и вся въ мелкихъ веснушкахъ цвѣта проса. А Евсею, истому суходольцу, и темный платокъ, и загаръ, и веснушки, конечно, казались некрасивыми. Да она и сама полагала, что это некрасиво, что лицо ея старообразно. Однако, всякій могъ замѣтить, — по той тонкой улыбкѣ, съ которой было сказано: „а то кто же?“ — что и горда она перемѣнами, совершившимися въ ней, и даже какъ будто довольна, что не хороша.

На пути въ Суходоль Евсей сказалъ:

— Ну, вотъ, дѣвка, и невѣстой ты стала. Хочется замужъ-то?

Она только головой помотала:

— Нѣтъ, дядя Евсей, никогда не пойду.

— Это съ какой же радости? — спросилъ Евсей, опять вытаращивъ глаза, вынувъ изо рта трубку.

И не спѣша, полушутя, полусерьезно она пояснила: не всѣмъ же замужемъ быть; отдадутъ ее, вѣрно, барышнѣ, а барышня обрекла себя Богу и, значитъ, замужъ ее не пустить; да и сны ужъ очень явственные снились ей не разъ...

— Что жъ ты видѣла? — спросилъ Евсей.

— Да такъ, пустое, — сказала она. — Напугалъ меня тогда Герваська до-смерти, наговорилъ новостей, раздумалась я... Ну, вотъ и снилось.

— А ужли правда, завтракалъ онъ у васъ, Герваська-то?

Наташка подумала.

— Завтракалъ. Пришелъ и говорить: пришелъ я къ вамъ отъ господъ по большому дѣлу, только дайте перва поѣсть мнѣ. Ему и накрыли, какъ путному. А онъ наѣлся, вышелъ изъ избы и мнѣ моргнулъ. Я выскочила, онъ рассказалъ мнѣ за угломъ все до-чиста, да и пошелъ себѣ...

— Да что-жъ ты хозяйевъ-то не кликнула?

— Эко-ся. Онъ убить пригрозилъ. До обѣда не велѣлъ сказывать. А имъ сказалъ, — спать подъ анбаръ иду...

Въ Суходолѣ съ большимъ любопытствомъ глядѣла на нее вся дворня, приставали съ разспросами подруги и сверстницы по дѣвичьей. Но и подругамъ отвѣчала она, хотя и охотно, но все такъ же кратко и точно любуясь какой-то ролью, взятой на себя.

— Хорошо было, — повторяла она.

А разъ сказала тономъ богомолки:

— У Бога всего много. Хорошо было.

И просто, безъ промедленій вступила въ рабочую, будничную жизнь, какъ бы совсѣмъ не дивясь тому, что нѣтъ дѣдушки, что ушли молодые господа на войну охотниками, по доброй своей волѣ, что барышня тронулась и бродить по комнатамъ, подражая дѣдушкѣ, что править Суходоломъ новая, всѣмъ чужая барыня, — маленькая, полная, очень живая, беременная — московская институтка, бывшая гувернантка господъ Черкизовыхъ, а теперь называющая Петра Петровича Петрушей.

Барыня крикнула за обѣдомъ:

— Позовите же сюда эту... какъ ее?... Наташку.

И Наташка быстро и неслышно вошла, перекрестилась, поклонилась въ уголъ, образамъ, потомъ барынѣ и барышнѣ — и стала, ожидая разспросовъ и приказаній. Разспрашивала, конечно, только барыня, — барышня, очень выросшая, похудѣвшая, востроногая, глядя своими неправдоподобно-черными глазами пристально-тупо, ни слова не проронила. Барыня же и опредѣлила ее состоять при барышнѣ. И она поклонилась и просто сказала:

— Слушаю-съ.

Барышня, глядя все такъ же внимательно-равнодушно, внезапно кинулась на нее вечеромъ, и яростно раскосивъ глаза, жестоко и съ наслажденіемъ изорвала ей волосы — за то, что неумѣло дернули съ ея ноги чулокъ. Наташка по-дѣтски заплакала, но смолчала: а, выйдя въ дѣвичью, сѣвъ на коникъ и выбирая вырванные пряди, даже улыбнулась сквозь висѣвшія на рѣсницахъ слезы:

— Ну, люта-а! — сказала она. — Трудно мнѣ будетъ.

Барышня, проснувшись на другое утро, долго лежала въ постели, а Наташка стояла у порога и, опустивъ голову, искоса поглядывала на ея блѣдное, тупо-удивленное лицо.

— Что-жъ видѣла во снѣ? — спросила барышня такъ равнодушно, точно кто-то другой говорилъ за нее.

Она отвѣтила:

— Кажись, ничего-съ.

И тогда барышня, опять такъ же внезапно, какъ и вчера, вскочила съ постели, бѣшено запустила въ нее чашку съ чаемъ и, упавъ на постель, горько, съ крикомъ зарыдала. Отъ чашки Наташка увернулась — и вскорѣ научилась увертываться съ необыкновенной ловкостью. Оказалось, что глупымъ дѣвкамъ, отвѣчавшимъ на вопросъ о снахъ: „ничего-съ не видала“ — барышня кричала иногда: „Ну, полги что-нибудь!“ — Но такъ какъ лгать Наташка была не мастерица, то и пришлось ей развивать въ себѣ другое умѣнье: увертываться.

Наконецъ, къ барышнѣ привезли лѣкаря. Лѣкарь опредѣлилъ „опеченіе легкихъ“ и прописалъ много пилюль, много черныхъ капель. Боясь, что ее отравятъ, барышня заставила перепробовать эти пилюли и капли Наташку — и та безъ отказа перепробовала ихъ всѣ подрядъ. Вскорѣ послѣ приѣзда узнала она, что ба-

рышня ждала ее „какъ свѣта бѣлаго“: барышня-то и вспомнила о ней — всѣ глаза проглядѣла, не ѣдутъ ли изъ Сошекъ, горячо увѣряла всѣхъ, что будетъ совсѣмъ здорова, освободится отъ всякой боли и тоски, какъ только вернется Наташка. Наташка вернулась — и встрѣчена была совершенно равнодушно. Но не были ли слезы барышни слезами горькаго разочарованія? Не была ли жестокая выдумка заставить попробовать лѣкарства лютой жаждой выздоровленія? У Наташки дрогнуло сердце, когда она сообразила все это. Она вышла въ корридоръ, сѣла на рундукъ и заплакала. Плакала она тихо, наслаждаясь своими слезами, подолгу, пристально смотрѣла сквозь слезы куда-то въ одну точку, — подражала бабамъ, а вспоминала зеркальце, свой отъѣздъ въ Сошки, все пережитое тамъ и опять по дѣтски косила лицо и принималась чуть слышно голосить.

— Что-жъ, лучше тебѣ? — спросила барышня, когда она вошла къ ней съ опухшими глазами.

— Лучше-съ, — шепотомъ сказала Наташка, хотя отъ лѣкарствъ у нея замирало сердце и кружилась голова, и, подойдя, горячо поцѣловала руку барышни.

И долго послѣ того ходила съ опущенными рѣсницами, боясь поднять ихъ на барышню, умиленная жалостью и къ ней, и къ своему одиночеству.

— У, хохлушка подколодная! — крикнула разъ одна изъ подругъ ея по дѣвичьей, Солошка, чаще всѣхъ пытавшаяся стать наперстницей всѣхъ тайнъ и чувствъ ея и постоянно натывавшаяся на краткіе, простые отвѣты, исключавшіе всякую прелесть дѣвичьей дружбы.

Наташка грустно усмѣхнулась.

— А что-жъ, — сказала она задумчиво. — И то правда. Съ кѣмъ поведешься, отъ того и наберешься.

Я иной разъ по отцу-матери не жалкую такъ-то, какъ по хохламъ своимъ...

Но сказала она неправду. И въ Сошкахъ было одиноко. Сошекъ не могла она забыть, многое съ восторгомъ рассказала бы о нихъ, если бы не роль, взятая на себя. Но отцомъ-матерью хохловъ она никогда не считала.

Въ Сошкахъ она сперва совсѣмъ не придавала значенія тому новому, что окружало ее. Приѣхали подъ утро — и страннымъ показалось ей въ это утро только то, что хата очень длинна и бѣла, далеко видна среди окрестныхъ равнинъ, что хохлушка, топившая печь, поздоровалась привѣтливо, а хохоль не слушалъ Евсея. Евсей молоть безъ умолку — и о господахъ, и о Демьянѣ, и о жарѣ въ пути, и о томъ, что ѣлъ онъ въ городѣ, и о Петрѣ Петровичѣ, и, ужъ конечно, о зеркальцѣ, — горячился, хвастался, вралъ даже, неизвѣстно съ какой цѣлью, а хохоль, Шарый, или, какъ звали его въ Суходолѣ, Барсукъ, только головой моталъ, и вдругъ, когда Евсей смолкъ, разсѣянно глянулъ на него и превесело занылъ подъ-носъ: „Круть-верть, метелица“... Потомъ стала она понемногу приходить въ себя — и дивоваться на Сошки, находить въ нихъ все больше прелести и несходства съ Суходоломъ. Одна хата хохлацкая чего стоила — ея бѣлизна, ея ладная, ровная очеретяная крыша! Какъ богато казалось въ этой хатѣ внутреннее убранство по сравненію съ неряшливымъ убожествомъ суходольскихъ избъ! Какіе дорогіе фольговые образа висѣли въ углу ея, что за дивные бумажные цвѣты окружали ихъ, какъ красиво пестрѣли полотенца, висѣвшія надъ ними! А узорчатая скатерть на столѣ! А ряды сизыхъ горшковъ и махоточекъ на полкахъ возлѣ печи! — Но удивительнѣе всего были хозяева.

Чѣмъ они удивительны, она не совсѣмъ понимала, но чувствовала постоянно. Никогда еще не видала она такихъ опрятныхъ, спокойныхъ и ладныхъ мужиковъ, какъ Шарый. Былъ онъ невысокъ, голову имѣлъ клиномъ, стриженую, въ густомъ крѣпкомъ серебрѣ, усы, — онъ только усы носилъ, — тоже серебряные, узкіе, татарскіе, лицо и шею черныя отъ загара, въ глубокихъ морщинахъ, но тоже какихъ-то ладныхъ, опредѣленныхъ, нужныхъ почему-то. Ходилъ онъ неловко, — тяжелы были его огромные сапоги, — въ сапоги заправлялъ портки изъ грубаго бѣленаго холста, въ портки — такую же рубаху, широкую подъ мышками, съ отложнымъ воротомъ. На ходу гнулъ слегка. Но ни эта манера, ни морщины, ни сѣдины не старили его: не было ни усталости нашей, ни вялости въ его лицѣ; небольшіе глаза глядѣли остро, тонко-насмѣшливо. Старика-серба, откуда-то заходившаго однажды въ Суходолъ съ мальчикомъ, игравшимъ на скрипкѣ, напомнилъ онъ Наташкѣ. И вотъ, именно то, что такъ ново было для Суходола своей ладностью, опредѣленностью въ сербѣ, то и нравилось ей въ Шаромъ.

А хохлушку, Марину, суходольцы прозвали Коплемъ. Стройна была эта высокая пятидесятилѣтняя женщина. Желтоватый загаръ ровно покрывалъ гладкую, несуходольскую кожу ея широкоскулаго лица, грубоватаго, но почти красиваго своей прямою и строгой живостью глазъ — не то агатовыхъ, не то янтарно-сѣрыхъ, мѣняющихся какъ у кошки. Высокимъ тюрбаномъ лежалъ на ея головѣ большой черно-золотой, въ красномъ горошкѣ, платокъ; черная короткая плахта, рѣзко отдѣнявшая бѣлизну сорочки, плотно облегла удлиненныя, почти дѣвичьи формы. Обувалась она на босу ногу въ башмаки съ подковками, голыя берцы ея были тонки, но округлы, стали отъ солнца,

какъ полированное желто-коричневое дерево. И когда она порою пѣла за работой, сдвинувъ брови, сильнымъ груднымъ голосомъ, пѣсню объ осадѣ невѣрными Почаева, о томъ —

Як зійшла зоря вечіровая
Та над Почаевом стала,—

какъ сама Божья Матерь святой монастырь „рятувала“, въ голосѣ ея было столько безнадежности, завыванія, чего-то церковнаго, но вмѣстѣ съ тѣмъ столько величія, силы, угрозы, что Наташка не спускала въ жуткомъ восторгѣ глазъ съ нея.

Дѣтей хохлы не имѣли; Наташка была сирота. И, живи она у суходольцевъ, звали бы ее дочкой приѣмной, а порой и воровкой, то жалѣли бы ее, то глаза кололи. А хохлы были почти холодны, но ровны въ обращеніи, совсѣмъ не любопытны и не многорѣчивы. Осенью пригоняли на косьбу, на молотьбу калужскихъ бабъ и дѣвокъ, которыхъ звали за ихъ поневы и красно-пестрые сарафаны „распошонками“. Тогда на хуторѣ былолюдно, шумно, говоръ стоялъ немолчный. Но распошенокъ она сама чуждалась: слыли онѣ распутными, дурноболѣзненными, были гудасты, охальны и дерзки, ругались скверно и съ наслажденіемъ, прибаутками такъ и сыпали, на лошадь садились по-мужичьи, скакали какъ угорѣлыя. Разсѣялось, измѣчало бы ея горе въ привычномъ быту, въ откровенно-стяхъ, въ слезахъ и пѣсняхъ. Да не въ ладъ съ другими шли ея пѣсни. Распошонки затягивали свои грубыми, дикими голосами, подхватывали ихъ не въ мѣру дружно и зычно, съ еканьемъ и свистомъ. Шарый пѣлъ только насмѣшливо-плясовое что-то. А Марина въ своихъ пѣсняхъ, даже любовныхъ, была строга, горда и задумчиво-сумрачна.

В кінці греблі шумлять верби,
Що я посадила,—

тоскливо-протяжно розказувала она — и прибавляла,
понижая голосъ, твердо и безнадежно:

Нема того,
Кого я любила.

А что знала Наташка? Что осталось въ Суходолѣ отъ
выродившейся, измельчавшей въ немъ славянской
пѣсни? Только жалобы на судьбу, на батюшку съ ма-
тушкой, что „неволей за немилаго замужъ отдають —
къ лютому свекру, къ лютой свекрови, къ лютымъ не-
вѣсткамъ“, или несмѣлые укоры тому, кто наболталъ
да кинулъ:

Не вчера ли при народѣ
Называлъ меня своей?

И въ одиночествѣ, въ глуши, медленно испила она
первую, горько-сладкую отраву нераздѣленной любви,
перестрадала свой стыдъ, ревность, страшные и ми-
лые сны, часто снівшіеся ей по ночамъ, несбыточные
мечты и ожиданія, долго томившія ее въ молчаливые
степные дни. Часто, часто жгучая обида смѣнялась въ ея
сердцѣ нѣжностью, страсть и отчаяніе — покорностью,
желаніемъ самаго скромнаго, незамѣтнаго существо-
ванія близъ него, любви, на вѣки скрытой ото всѣхъ
и ничего не ждущей, ничего не требующей. Вѣсти,
новости, доходившія изъ Суходола, отрезвляли. Но не
было долго вѣстей, не было ощущенія будничной су-
ходольской жизни — и начиналъ казаться Суходолъ
такимъ прекраснымъ, такимъ желаннымъ, что не хва-
тало силъ терпѣть одиночество и горе... Вдругъ явился
Герваська. Онъ торопливо-рѣзко выкинулъ ей всѣ су-
ходольскія новости, въ полчаса разказалъ то, чего

другой не сумѣлъ бы и въ день разказать, — вплоть
до того, какъ онъ на-смерть „толкнулъ“ дѣда, и
твердо сказалъ:

— Ну, а теперь прощай до-вѣку!

’Онъ, прожигая ее, ошеломленную, своими глази-
щами, крикнулъ, выходя на дорогу:

— А дурь изъ головы пора вонъ выбить! Онъ вотъ-
вотъ женится, ты ему и въ любовницы не годишься...
Образумься!

И она образумилась. Пережила страшныя новости,
пришла въ себя — и образумилась.

Дни потянулись послѣ того мѣрно, скучно, какъ
тѣ богомолки, что шли и шли по шоссе мимо хутора,
вели, отдыхая, долгія бесѣды съ ней, учили терпѣнію
да надеждѣ на Господа Бога, — имя котораго произно-
силось тупо, жалобно, — а пуще всего правило: не
думать.

— Думай, не думай — по нашему не будетъ, — го-
ворили богомолки, перевязывая лапти, морща изму-
ченныя лица и разслабленно глядя въ степную даль. —
У Господа Бога всего много... Сорви-ка ты намъ, дѣ-
ушка лучку украдкой...

А инья, какъ водится, и стращали — грѣхами, тѣмъ
свѣтомъ, сулили еще и не такіе бѣды и страхи. И одна-
жды приснилось ей чуть не подрядъ два ужасныхъ
сна. Все думала она о Суходолѣ, — трудно было сна-
чала не думать-то! — думала о барышнѣ, о дѣдушкѣ,
о своемъ будущемъ, гадала, выйдетъ ли она замужъ
и, если выйдетъ, то когда, за кого... Думы такъ не-
замѣтно перешли однажды въ сонъ, что совершенно
явственно увидала она предвечернее время знойнаго,
пыльнаго, тревожно-вѣтреннаго дня, заходящія съ за-
пада тоскливыя тучи и то, что бѣжитъ она на прудъ
съ ведрами — и вдругъ видитъ на глинисто-сухомъ ко-

согорѣ безобразнаго, головастаго мужика-карлика въ огромныхъ разбитыхъ сапогахъ, безъ шапки, со всклоченными вѣтромъ рыжими кудлами, въ распоясанной, развѣвающейся огненно-красной рубахѣ. — „Дѣдушка! — крикнула она въ тревогѣ и ужасѣ. — Ай пожаръ?“ — „Да шпенту все слетитъ сейчасъ! — тоже крикомъ, заглушаемымъ горячимъ вѣтромъ, отозвался карликъ. — Туча идетъ несказанная! И думать не могли замужъ собираться!..“ А другой сонъ былъ и того страшнѣе: стояла она будто бы въ полдень въ жаркой пустой избѣ, припертая къ-то снаружи, замирала, ждала чего-то — и вотъ, выпрыгнувъ изъ-за печки громадный сѣрый козель, вскинулся на дыбы — и прямо къ ней, непристойно возбужденный, съ горящими, какъ уголья, радостно-бѣшеными и молящими глазами. „Я твой женихъ!“ — крикнулъ онъ человѣчьимъ голосомъ, быстро и неловко подбѣгая, мелко топоча маленькими задними копытцами — и съ размаху упалъ ей на грудь передними...

Вскакивая послѣ такихъ сновъ на своей постели въ сѣнцахъ, чуть не умирала она отъ сердцебіенія, отъ страха темноты и мысли, что не къ кому кинуться ей.

— Господи Иисусе, — скороговоркой шептала она. — Матушка Царица Небесная! Угодники Божіи!

Но отъ того, что всѣ угодники представлялись ей коричневыми и безглавными, какъ Меркурій, дѣлалось еще страшнѣе.

Когда же стала она обдумывать сны, то въ голову стало приходить, что дѣвичьи годы ея кончены, что судьба ея уже опредѣлилась, — не даромъ выпало ей на долю нѣчто необычное, любовь къ барину! — что ждутъ ее еще какія-то испытанія, что надо подражать хохламъ въ сдержанности, а богомолкамъ,

несущимъ свои подвиги, — въ простотѣ и смиреніи. И такъ какъ любятъ суходольцы играть роли, внушать себѣ непреложность того, что будто бы должно быть, хотя сами же они и выдумываютъ это должное, то взяла на себя роль и Наташка.

VIII.

У нея ноги отяжелѣли отъ радости, когда, выскочивъ на порогъ наканунѣ Петрова дня, поняла она, что Бодуля — за нею, когда увидала она запыленную, растрепанную суходольскую телѣгу, увидала старую равную шапку на лохматой головѣ Бодули, его выцвѣтшую на солнцѣ путаную бороду, его лицо, усталое и возбужденное, до времени состарившееся и безобразное, даже непонятное какое-то въ убожествѣ и несообразности чертъ, увидала знакомаго кобеля, тоже лохматаго, имѣющаго какое-то сходство не только съ Бодулей, но со всѣмъ Суходоломъ, — мутно-сѣраго на спинѣ, а спереди, съ груди, съ густоопушенной шеи, точно прокопченнаго темнымъ дымомъ курной избы. Но Бодуля удивился — и она овладѣла собою, почувствовала гордость, вошла въ роль. Бодуля плелъ, что въ голову влѣзетъ, о войнѣ, то какъ будто радовался ей, то сокрушался, и Наташка, безсильная освоиться съ мыслью, что гдѣ-то близко, у насъ, началось то самое, что могло быть, какъ прежде казалось, только въ сказкахъ или очень давно когда-то, „въ старину“, а теперь захватило даже Суходоль, разсудительно говорила:

— Что-жъ, видно, надобно окоротить ихъ, французовъ-то...

Весь долгій день на пути къ Суходолу прошолъ въ жуткомъ ощущеніи — смотрѣть новыми глазами на старое, знакомое, переживать, приближаясь къ родному

углу, прежнюю самое себя, замѣчать перемѣны, узнавать встрѣчныхъ. При поворотѣ въ Суходоль съ большой дороги, на парахъ, заросшихъ сергибусомъ, бѣгалъ третьякъ жеребенокъ: мальчишка, ставъ на веревочной поводъ босой ногой, уцѣпился за шею жеребенка и силился закинуть другую на спину, а жеребенокъ не давался, бѣгалъ, трясъ его. И Наташка радостно взволновалась, признавъ въ мальчишкѣ Оомку Пантюхина. Повстрѣчался столѣтній Назарушка, сидѣвшій въ пустой телѣгѣ уже не по мужичьи, а по бабьи и по младенчески: съ прямо вытянутыми ногами, съ напряженно, высоко и слабосильно поднятыми плечами, съ безцвѣтными, жалко-грустными глазами, исхудѣвшій до того, что „нечего въ гробъ положить“, безъ шапки и въ длинной ветхой рубахѣ, сизой отъ золы, отъ постоянного лежанія въ печкѣ. И опять содрогнулось сердце отъ непонятнаго умиленія—и жалости: вспомнилось, какъ года три тому назадъ добрый и беззаботный Аркадій Петровичъ хотѣлъ пороть этого Назарушку, пойманнаго на огородѣ съ хвостикомъ рѣдьки и плакавшаго среди двора, окружившей его, еле живого отъ страха, и съ хохотомъ кричавшей:

— Нѣтъ, дѣдъ, не калянсья: видно ужъ придется подгузники скидывать! Не минувешь!

А какъ забилось сердце, когда увидала она выгонъ, рядъ избъ—и усадьбу: садъ, высокую, темную крышу дома, заднія стѣны людскихъ, амбаровъ, конюшенъ. Желтое ржаное поле, полное васильковъ, вплотную подходило къ этимъ стѣнамъ, къ бурьянамъ, татаркамъ; чей-то бѣлый въ коричневыхъ пятнахъ теленокъ тонулъ среди овсовъ, стоялъ въ нихъ, объѣдая кисти. Все вокругъ было мирно, просто, обычно—все необычнѣе, все тревожнѣе становилось только въ ея

умѣ, который и совѣмъ помутился, когда шибко покатила телѣга по широкому двору, бѣлѣвшему спящими борзыми, какъ погостъ камнями, когда, впервые послѣ двухлѣтняго пребыванія въ избѣ, вошла она въ прохладный домъ, такъ знакомо пахнуцій восковыми свѣчами, липовымъ цвѣтомъ, буфетной, казацкимъ сѣдломъ Аркадія Петровича, валявшимся на лавкѣ въ прихожей, опустѣвшими перепелиными клѣтками, висѣвшими надъ окномъ,—и робко взглянула на Меркурія, перенесеннаго изъ дѣдушкиныхъ покоевъ въ уголъ прихожей...

По прежнему весело озаренъ былъ сумрачный залъ солнцемъ, свѣтившимъ изъ сада въ маленькія окна. Цыпленокъ, неизвѣстно зачѣмъ попавшій въ домъ, сиротливо пищалъ, бродя по гостиной. Липовый цвѣтъ сохъ и благоухалъ на горячихъ яркихъ подоконникахъ... Казалось,—все старое, что окружало ее, помолодѣло, какъ всегда бываетъ это въ домахъ послѣ покойника. Во всемъ, во всемъ—и особенно въ запахѣ цвѣтовъ—чувствовалась часть ея собственной души, ея дѣтства, отрочества, первой любви. И жаль было выросшихъ, умершихъ, измѣнившихся—самое себя, барышню. Выросли ея сверстники и сверстницы. Многіе старики и старухи, качавшіе отъ дряхлости головами и порою тупо выглядывавшіе съ пороговъ людскихъ на міръ Божій, навсегда исчезли изъ этого міра. Исчезла Дарья Устиновна. Исчезъ дѣдушка, такъ подѣтски боявшійся смерти, думавшій, что смерть будетъ овладѣвать имъ медленно, приготавливая его къ страшному часу, и такъ неожиданно, молниеносно скошенный ея косою. И не вѣрилось, что нѣтъ его, что подъ могильнымъ бугромъ возлѣ церкви села Черкизова истлѣлъ именно онъ. Не вѣрилось, что эта черная, худая, остроносая женщина, то равнодушная, то

бѣшенная, то тревожно-болтливая и откровенная съ ней, какъ съ равной, то вырывающая ей волосы, — барышня Тонечка. Непонятно было, почему хозяйствуетъ въ домѣ какая-то Клавдія Марковна, маленькая, крикливая, съ черными усиками и быстро-быстро моргающими черными глазками... Разъ робко заглянула Наташка въ ея спальню, увидела роковое зеркальце въ серебряной оправѣ — и сладостно прихлынули къ ея сердцу всѣ ея прежніе страхи, радости, нѣжность, ожиданіе стыда и счастья, запахъ росистыхъ лопуховъ на вечерней зарѣ... Но всѣ чувства, всѣ помыслы затаивала она въ себѣ — и все укрощала, все успокоивала словами богомолковъ, казавшимися ей верхомъ мудрости: „у Бога всего много“... Старая, старая суходольская кровь текла въ ней! Слишкомъ прѣсный хлѣбъ ѣла она съ того суглинка, что окружалъ Суходоль. Слишкомъ прѣсную воду пила изъ тѣхъ прудовъ, что изрыли ея дѣды въ руслѣ изсякнувшей рѣчки. Ни плети, ни дыбы не боялась она: боялась только быть осмѣянной. Не пугали ее изнуряющія будни — пугало необычное. Не страшила даже смерть; но въ трепетъ приводили сны, ночная темнота, буря, громъ и — огонь. Какъ ребенка подъ сердцемъ, носила она смутное ожиданіе какихъ-то неминуемыхъ бѣдъ. И онѣ пришли, пришли даже черезчуръ скоро, нарушили будни — и уже навсегда уступили имъ мѣсто.

Это ожиданіе старило ее. Да и неустанно внушала она себѣ, что молодость миновала, во всемъ искала доказательства тому. И не сравнялось года съ пріѣзда ея въ Суходоль, какъ уже слѣда не осталось отъ того молодого чувства, съ которымъ перешагнула она порогъ суходольскаго дома.

Родила Клавдія Марковна. Ѳедосью-птичницу про-

извели въ няньки — и Ѳедосья, женщина еще молодая, надѣла темное старушечье платье, стала смиренной, богобоязненной, стала называться по отчеству: Платоновна. Еще едва тарачили молочные бессмысленные глазки, пускалъ пузырями слюну, беспомощно падалъ впередъ, одолеваемый тяжестью собственной головы, и свирѣпо оралъ новый Хрущевъ. А его уже называли барчукомъ, — уже слышались изъ дѣтской старья, старья причитанія:

— Шъ, шъ! Господи Исусе Христе! Вонъ онъ, вонъ онъ, старикъ-то съ мѣшкомъ... Старикъ, старикъ! Не ходи къ намъ, мы не дадимъ тебѣ барчука, онъ не будетъ кричать...

И Петръ Петровичъ сталъ представляться Наташкѣ пожилымъ человѣкомъ: что-жъ, думала она, вѣдь, и правда, скоро будутъ величать его „старымъ баринкомъ“. И подражала Платоновнѣ, считая себя тоже нянькой — нянькой и подругой больной барышни. Зимой умерла Ольга Кирилловна — и она выпросилась ѣхать со старухами, доживавшими свой вѣкъ въ людскихъ, на похороны, ѣла кутью, которая внушала ей отвращеніе своимъ прѣснымъ и приторнымъ вкусомъ, а воротясь въ Суходоль, съ умиленіемъ рассказывала, что лежала барыня „почесть совсѣмъ какъ живая“, хотя даже старухи не рѣшались глядѣть на гробъ съ этимъ чудовищнымъ тѣломъ.

А весной привозили къ барышнѣ колдуна изъ села Чермашнаго, знаменитаго Клима Ерохина, благообразнаго, богатаго однодворца, съ сивой большой бородой, съ сивыми кудрями, расчесанными на прямой рядъ, очень дѣльнаго хозяина и очень разумнаго, простого въ рѣчахъ обычно, но преображавшагося въ волхва возлѣ болящихъ. На рѣдкость крѣпка и опрятна была его одежда — поддевка изъ сермяги желѣзнаго цвѣта,

красная подпояска, сапоги. Хитры и зорки были его маленькіе глаза, истово искалъ онъ ими образа, острожно, немного согнувъ свой ладный станъ, входилъ онъ въ домъ, дѣловито начиналъ разговоръ. Говорилъ онъ сперва о хлѣбахъ, о дождяхъ и засухѣ, потомъ долго, аккуратно пилъ чай, потомъ опять крестился — и уже послѣ всего этого, сразу мѣняя тонъ, спрашивалъ о болящемъ.

— Зорька... темнѣетъ... пора, — говорилъ онъ таинственно.

Барышню била лихорадка, она готова была показаться въ судорогахъ на полъ, когда, сидя въ сумеркахъ въ спальнѣ, ожидала она появленія на порогѣ Клима. Съ ногъ до головы была охвачена жутью и Наталья, стоявшая возлѣ нея. Стихалъ весь домъ, — даже барыня набивала дѣвками свою комнату и разговаривала шепотомъ. Ни единого огня не смѣлъ никто зажечь, ни единого голоса возвысить. У веселой Солошки, дежурившей въ корридорѣ, — на случай зова, приказаній Клима, — мутилось въ глазахъ и колоутилось въ горлѣ сердце. И вотъ онъ проходилъ мимо нея, немного согнувъ свой ладный станъ и развязывая на ходу платочекъ съ какими-то колдовскими косточками. Затѣмъ изъ спальни раздавался въ гробовой тишинѣ его громкій, необычный голосъ.

— Встань, раба Божія!

Затѣмъ показывалась его сивая голова изъ-за двери.

— Доску, — кидалъ онъ безжизненно.

И на доску, положенную на полъ, ставили барышню, съ выкатившимися отъ ужаса глазами, похолодѣвшую, какъ покойникъ. Уже такъ темно было, что едва различала Наталья лицо Клима. И вдругъ онъ зачиналъ страннымъ, отдаленнымъ какимъ-то голосомъ:

— Взойдетъ Филать... Окна откроетъ... Двери растворить... Кликнетъ и скажетъ: тоска, тоска!

— Тоска, тоска! — восклицалъ онъ съ внезапной силой и грозной властью. — Ты иди, тоска, во темны лѣса — тамъ твои мяста! На морѣ, на окіянѣ, — бормоталъ онъ глухой зловѣщей скороговоркой, — на морѣ, на окіянѣ, на островѣ Буянѣ лежитъ сучнища, на ей сѣрая руница...

И чувствовала Наталья, что нѣтъ и не можетъ быть болѣе ужасныхъ словъ, чѣмъ эти, сразу переносящія всю ея душу куда-то на край дикаго, сказочнаго, первобытно-грубаго міра. И нельзя было не вѣрить въ силу ихъ, какъ не могъ не вѣрить въ нее и самъ Клима, дѣлавшій порою прямо чудеса надъ одержимыми недугомъ или дьяволомъ, — тотъ же Клима, что такъ просто и скромно говорилъ, сидя послѣ волхвованія въ прихожей, вытирая потный лобъ платочкомъ и опять принимаясь за чай:

— Ну, теперь еще двѣ зорьки осталось... Авось, Богъ дастъ, полегчаетъ маленько... Сѣяли гречишку-то въ нонѣшнемъ годѣ, сударыня? Хороши, говорятъ, нонче гречихи! Дюже хороши...

Лѣтомъ ждали изъ Крыма хозяевъ. Но прислалъ Аркадій Петровичъ „страховое“ письмо съ новымъ требованіемъ денегъ и вѣстью, что раньше начала осени нельзя имъ вернуться — по причинѣ небольшой, но требующей долгаго покоя раны Петра Петровича. Послали къ пророчицѣ Даниловнѣ въ Черкизово спросить, благополучно ли кончится болѣзнь. Даниловна заплясала, защелкала пальцами, что, конечно, означало: благополучно. И барыня успокоилась. А барышнѣ и Натальѣ не до нихъ было. Барышнѣ сперва полегчало. Она послѣ волхвованій Клима до самыхъ Петровокъ казалась обыкновенной пожилой дѣвушкой, толь-

ко злой и взбалмошной. Но съ конца Петровокъ опять началось: опять тоска и такой, все растущій страхъ грозъ, пожаровъ и еще чего-то, чтò она затаивала, что не до братьевъ ей было. Не до нихъ стало и Натальѣ. На каждой молитвѣ она поминала Петра Петровича за здравіе, какъ потомъ всю жизнь свою, до гробовой доски, поминала его за упокой. Но барышня была ей уже ближе всѣхъ. И барышня все больше заражала ее своими страхами, ожиданіями бѣдъ, и тѣмъ, чтò держала она втайнѣ.

Лѣто же было знойное, пыльное, вѣтряное, съ каждодневными грозами. По народу бродили темные, тревожные слухи — о какой-то новой войнѣ, о какихъ-то бунтахъ и пожарахъ. Одни говорили, что вотъ-вотъ отойдутъ всѣ мужики на волю, другіе, что, напротивъ, будутъ съ осени забривать въ солдаты всѣхъ мужиковъ поголовно. И, какъ водится, появились въ несмѣтномъ количествѣ бродяги, дурачки, монахи — „богоискатели“. И барышня чуть не въ драку лѣзла съ барыней изъ-за нихъ, одѣляла ихъ хлѣбомъ, яйцами.

↑ Приходилъ Дроня, длинный, рыжій, не въ мѣру обрванный. Былъ онъ просто пьяница, но игралъ блаженнаго. Онъ такъ задумчиво шелъ по двору, прямо къ дому, что стучался головой въ стѣну и съ радостнымъ лицомъ отскакивалъ.

— Птушечки мои! — фальцетомъ вскрикивалъ онъ, подпрыгивая, изламывая и все тѣло, и правую руку, ту, что особенно порывисто вздергивалъ онъ всегда кверху, дѣлая изъ нея какъ бы щитокъ отъ солнца. — Полетѣли, полетѣли по поднебесью мои птушечки-тушканчики!..

И Наталья, подражая бабамъ, смотрѣла на него такъ, какъ и полагается смотрѣть на Божьихъ людей:

тупо и жалостно. А барышня кидалась къ окну и кричала со слезами, жалкимъ голосомъ:

— Угодниче Божій Дроніе, моли Бога за мя, грѣшную!

И при этомъ крикѣ у Наташки глаза останавливались отъ страшныхъ предположеній.

Ходилъ изъ села Кличина Тимоша Кличинскій: маленький, женоподобно-жирный, съ большими грудями, съ лицомъ косаго младенца, одурѣвшаго и задыхающагося отъ полноты, желто-волосый, въ бѣлой коленкоровой рубашѣ и коротенькихъ коленкоровыхъ порточкахъ. Торопливо, мелко и съ носка ступалъ онъ маленькими налитыми ножками, приближаясь къ крыльцу, и узенькіе раскосые глазки его смотрѣли такъ, точно изъ воды выскочилъ онъ или спасся отъ неминуемой гибели.

— Бяда! — бормоталъ онъ, задыхаясь. — Бяда...

Его успокаивали, кормили, ждали отъ него чего-то. Но онъ молчалъ, сопѣлъ и жадно чавкалъ. А начавкавшись, опять вскидывалъ мѣшокъ за спину и тревожно искалъ свою длинную палку.

— Когда жъ еще придешь, Тимоша? — кричала ему барышня, не спуская съ него глазъ, полныхъ тоски и тревоги.

И онъ отзывался тоже крикомъ, нелѣпо-высокимъ альтомъ, зачѣмъ-то коверкая имя барышни:

— А Святой, Лукьяновна!

Что означало: на Святой, Лукьяновна.

И жалостно вопила во слѣдъ ему барышня — тономъ, уже близкимъ къ признанію:

— Угодниче Божій! Моли Бога за грѣшную Марію Египетскую!

А прочіе крестились, вздыхали, ибо и впрямь чуть не каждый день приходили отовсюду вѣсти о бѣдахъ —

о грозахъ и пожарахъ. И все возрасталъ въ Суходолѣ древній страхъ огня. Чуть только начинало меркнуть песчано-желтое море зрѣющихъ хлѣбовъ подъ заходящей изъ-за усадьбы тучей, чуть только взвивался первый вихрь пыли по дорогѣ по выгону и тяжело прокатывался отдаленный громъ, кидались бабы выносить на порогъ темныя дощечки иконокъ, готовить горшки молока, которымъ, какъ извѣстно, скорѣе всего умирятся огонь. А въ усадьбѣ летѣли въ крапиву ножницы, вынималось страшное завѣтное полотенце, завѣшивались окна, зажигались дрожащими руками восковыя свѣчки... Не то притворялась, не то и впрямь заразилась страхомъ даже барыня. Прежде она говорила, что гроза — явленіе природы. Теперь она тоже крестилась и жмурилась, вскрикивала при молніяхъ, а чтобы увеличить и свой страхъ, и страхъ окружающихъ, все рассказывала о какой-то необыкновенной грозѣ, разразившейся въ 1771-мъ году въ Тиролѣ и сразу убившей сто одиннадцать человѣкъ. А слушательницы подхватывали — торопились рассказать свое: то о ветлѣ, до тла сожженной на большой дорогѣ молніей, то о бабѣ, будто бы пришибленной на-дняхъ въ Черкизовѣ громомъ, то о какой-то тройкѣ, столь оглушенной въ пути, что вся она упала на колѣни... Наконецъ, къ этимъ радѣніямъ пристрѣлъ Юшка-Провиненный-Монахъ...

Эти дни были послѣдними днями молодости Натальи. Страшный сонъ ея исполнился.

IX.

Родомъ Юшка былъ мужикъ. „Провиненнымъ монахомъ“ прозвалъ себя самъ. Палецъ о палецъ не ударялъ онъ никогда, а жилъ, гдѣ Богъ пошлетъ, платя

за-хлѣбъ, за-соль разказами о своемъ полнѣйшемъ бездѣльѣ и о своей „провинности“. — „Я, братъ, мужикъ, да умень и на горбатаго похожъ, — говорилъ онъ. — Что-жъ мнѣ работать!“

И, правда, смотрѣлъ онъ своими карими глазами, какъ горбунъ — ѣдко и умно, растительности на лицѣ не имѣлъ, плечи, по причинѣ рахитизма грудной кѣтки, держалъ приподнятыми, грызъ ногти, пальцы его, которыми онъ поминутно закидывалъ назадъ длинные красно-бронзовые волосы, были тонки и сильны. Пахоть показалось ему „непристойно и скучно“. Вотъ онъ и пошелъ въ Кіевскую Лавру, „подрось тамъ“ — и былъ изгнанъ „за провинность“. Тогда сообразивъ, что прикидываться странникомъ по святымъ мѣстамъ, человѣкомъ, спасающимъ душу, — старо, а можетъ оказаться и неприбыльно, попробовалъ прикинуться иначе: не снимая подрясника, сталъ открыто хвастаться своимъ бездѣліемъ и похотливостью, курить и пить сколько влѣзетъ, — онъ никогда не пьянѣлъ, — издѣваться надъ Лаврой и пояснять, за что именно изгнанъ онъ оттуда, при посредствѣ непристойнѣйшихъ жестовъ и тѣлодвиженій.

— Ну, извѣстно, — рассказывалъ онъ мужикамъ, подмигивая, — извѣстно, сейчасъ меня, раба Божья, за это за самое по шеѣ. Я и закатился домой, на Русь... Не пропаду, молъ!

И точно — не пропалъ: Русь приняла его, безстыжаго грѣшника, съ неменьшимъ радушіемъ, чѣмъ спасающихъ души: кормила, поила, пускала ночевать, съ восторгомъ слушала его.

— Такъ и зарекся ты на-вѣкъ работать? — спрашивали мужики, блестя глазами въ ожиданіи ѣдкихъ откровенностей.

— Чортъ меня теперь заставитъ работать! — отзы-

вался Юшка. — Набалованъ, братъ! Яровить я пуще козла лаврскаго. Дѣвки эти самыя, — мнѣ бабы и даромъ не надобны! — боятся меня до-смерти, а любятъ. Да что-жъ. Я и самъ хоть куда: перушкомъ не хорошъ, зато косточкой строенъ!

И, закидывая назадъ волосы, весело озирался.

Явившись въ суходольскую усадьбу дня за три до Ильина дня, подъ вечеръ, онъ, какъ однодворецъ и человѣкъ бывалый, прямо вошелъ въ домъ, въ прихожую. Тамъ на лавкѣ сидѣла Наташка, напѣвая: „Я мела, млада, сѣнюшки, нашла себѣ сахарцу“... Увидѣвъ его, она въ ужасѣ вскочила.

— Да, кто-й-то? — крикнула она.

— Человѣкъ, — отвѣтилъ Юшка, быстро оглядывая ее съ ногъ до головы. — Доложи барынѣ.

— Кто это? — вскрикнула и барыня изъ зала.

Но Юшка въ одну минуту успокоилъ ее: сказалъ, что онъ бывший монахъ, а вовсе не бѣглый солдатъ, какъ она, вѣрно, подумала, что онъ возвращается на родину — и просить обыскать его, а затѣмъ разрѣшить ему переночевать, отдохнуть немного. И такъ поразилъ своей прямою барыню, что на другой же день могъ перебраться въ опустѣвшую съ отъѣзда господъ лакейскую и стать совсѣмъ своимъ человѣкомъ въ домѣ. Шли грозы, а онъ безъ усталости забавлялъ хозяекъ разсказами, успокаивалъ ихъ своимъ присутствіемъ, придумалъ забить слуховыя окна, чтобы обезопасить крышу отъ молній, выбѣгалъ подъ самые страшные удары на крыльцо, чтобы показать, какъ они не страшны, помогалъ дѣвкамъ ставить самовары. Дѣвки косились на него, чувствуя на себѣ его быстрые, похотливые взгляды, но смѣялись его шуткамъ, а Наташка, которую онъ уже не разъ останавливалъ въ темномъ коридорѣ быстрымъ шепотомъ: „влюбился я въ тебя,

дѣвка!“ — глазъ не смѣла на него поднять. Онъ былъ и гадокъ ей запахомъ махорки, пропитавшимъ весь его подрысникъ, и страшень, страшень.

Она уже твердо знала, что будетъ. Она спала одна, въ коридорѣ возлѣ двери въ спальню барышни, а Юшка уже отрубилъ ей: „Приду. Хоть зарѣжь, приду. А скажешь — до тла васъ сожгу...“ Она хотѣла крикнуть въ отвѣтъ: „Закричу на весь бѣлый свѣтъ, только на порогъ посмѣй ступить!...“ Но развѣ онъ повѣрилъ бы? Закричала бы — и на-смерть перепугала барышню, а сама осрамилась на-вѣкъ: онъ-то ужъ съумѣлъ бы вывернуться! Но что пуще всего лишало ее силъ, такъ это сознаніе, что совершается нѣчто неминучее, что близко осуществленіе страшнаго сна ея, что, видно, на роду написано ей погибать вмѣстѣ съ барышней. Уже всѣ понимали теперь: по ночамъ вселяется въ домъ самъ дьяволъ. Всѣ понимали, что именно, помимо грозъ и пожаровъ, съ ума сводило барышню, что заставляло ее сладко и дико стонать во снѣ, а затѣмъ вскакивать съ такими ужасными воплями, передъ которыми ничто самые оглушительные удары молніи. Она вопила: „Змій эдемскій, іерусалимскій душишь мя!..“ А кто же этотъ змій, какъ не чортъ, не тотъ сѣрый, огромный козелъ, что входитъ по ночамъ къ женщинамъ и дѣвушкамъ? И есть ли что-либо въ мірѣ болѣе страшное, чѣмъ приходы его въ темнотѣ, въ бурныя, ненастныя ночи съ немолчными перекатами грома и отблесками молній по чернымъ иконамъ въ залѣ? Та страсть, та похоть, съ которой шепталъ Наташкѣ проходимецъ, была тоже нечеловѣческая: какъ же можно было противиться ей? Думая о своемъ роковомъ, неминуемомъ часѣ, сидя ночью на полу въ коридорѣ, на своей попонкѣ, и съ бьющимся сердцемъ взглядываясь въ темноту, прислушиваясь къ

каждому малѣйшему треску и шороху въ спящемъ домѣ, къ каждому ворчанію грома надъ крышей, уже чувствовала она первые приступы той тяжелой болѣзни, что долго мучила ее впослѣдствіи: внезапно возникалъ зудъ въ ступнѣ, проходила по ней острая, колючая судорога, гнула, крючила всѣ пальцы къ подошвѣ — и бѣжала, изувѣрски, сладострастно крутя жилы, по ногамъ, по всему тѣлу, вплоть до глотки, до того момента, когда хотѣлось вскрикнуть еще неистовѣе, еще сладостнѣе и мучительнѣе, чѣмъ вскрикивала барышня...

И неминуемое свершилось. Юшка пришелъ — какъ разъ въ страшную ночь конца лѣта, въ ночь подъ Илью Надѣлящаго, древняго огнеметателя. Не было грома въ ту ночь и не было сна у Наташки. Она задремала — и вдругъ, какъ отъ толчка въ грудь, очнулась. Было самое глухое время — она поняла это своимъ безумно-колотившимся сердцемъ. Она вскочила, глянула въ одинъ конецъ корридора, въ другой: со всѣхъ сторонъ вспыхивало, воспламенялось, трепетало и слѣпило золотыми и блѣдно-голубыми сполохами молчаливое, полное огня и таинствъ небо. Въ прихожей поминутно дѣлалось свѣтло, какъ днемъ. Она побѣжала — и остановилась, какъ вкопанная: осиновыя бревна, давно лежавшія на дворѣ за окномъ, ослѣпительно блѣдѣли при вспышкахъ. Она сунулась въ залъ: тамъ было одно окно поднято, слышался ровный шумъ сада, было темнѣе, но тѣмъ ярче сверкалъ огонь за всѣми стеклами, мракомъ заливалось все, но тотчасъ же опять вздрагивало, загоралось то тамъ, то тутъ — и мелькалъ, росъ, трепеталъ и сквозилъ на огромномъ, то золотомъ, то бѣло-фіолетовомъ небосклонѣ весь садъ своими кружевными вершинами, призраками блѣдно-зеленыхъ березъ и тополей.

— На морѣ, на окіянѣ, на островѣ Буянѣ... — зашептала она, кидаясь назадъ и чувствуя, что совсѣмъ губить себя колдовскими заклинаніями. — Тамъ лежитъ сучнища, сѣрая руница...

И лишь только сказала эти первобытно-грозныя слова, какъ увидала, обернувшись, на порогъ корридора Юшку, съ поднятыми плечами стоявшаго въ двухъ шагахъ отъ нея. Онъ, монахъ, былъ безъ подрясника, бѣлый... Озарилось лицо его молніей — блѣдное, съ черными кругами глазъ. Неслышно подбѣжалъ онъ къ ней, быстро обхватилъ ее длинными руками за талию и, сдавивъ, однимъ махомъ кинулъ ее сперва на колѣни, потомъ навзничъ на холодный полъ прихожей.

— Ради Царя небснаго! — слабо крикнула она, пытаясь надернуть грубую рубаху на свои голыя, нѣжныя ноги, — и, уже не сопротивляясь, по дѣтски зарыдала отъ лютой нѣжности и жалости къ самой себѣ.

Пришелъ къ ней Юшка и на слѣдующую ночь. Ходилъ и еще много ночей — и она, теряя сознание отъ ужаса и отвращенія, покорно отдавалась ему: и думать не смѣла она ни противиться, ни просить защиты у господъ, у дворни, какъ не смѣла противиться барышня дьяволу, по ночамъ, въ кошмарахъ наслаждавшемуся ею, какъ говорятъ, не смѣла противиться даже сама бабушка, властная красавица, своему дворовому Ткачѣ, веселому, отчаянному негодю и вору, посланному, въ концѣ-концовъ, въ Сибирь, на поселеніе. — Наконецъ, наскучила Наталья Юшкѣ, наскучилъ ему и Суходоль — и онъ такъ же внезапно исчезъ, какъ внезапно и явился.

Черезъ мѣсяцъ послѣ того она почувствовала себя матерью. А въ началѣ сентября, на другой день по возвращеніи молодыхъ господъ съ войны, загорѣлся и долго, страшно пылалъ суходольскій домъ: исполни-

лось и второе ея сновидѣніе. Загорѣлся онъ въ сумерки, въ проливной дождь, отъ молніи, отъ золотого клубка, который, какъ говорила Солошка, выскочилъ изъ печки въ дѣдушкиной спальнѣ и помчался, подпрыгивая, по всѣмъ комнатамъ. А Наталья, которая увидавъ дымъ и огонь, со всѣхъ ногъ бѣжала отъ бани, — отъ бани, гдѣ она проводила цѣлые дни и ночи въ слезахъ, — рассказывала потомъ, что наткнулась она въ саду на кого-то, одѣтаго въ красный жупанъ и высокую казацкую шапку съ позументомъ. И онъ бѣжалъ со всѣхъ ногъ по мокрымъ кустамъ и лопухамъ... Было ли все это или только померещилось, Наталья не могла ручаться. Достоверно только то, что ужась, поразившій ее, освободилъ ее отъ будущаго ребенка.

И съ этой осени она поблекла. Жизнь ея вошла въ ту будничную колею, изъ которой она уже не выходила до самаго конца своего. Тетю Тоню, дикую и буйную, свозили къ мощамъ угодника въ Воронежъ. Дьяволъ послѣ того уже не смѣлъ приближаться къ ней; и она успокоилась, стала жить, какъ всѣ, — устройство ума и души ея сказывалось только въ блескѣ дикихъ глазъ, въ крайней неряшливости, въ необычномъ аппетитѣ, въ бѣшеной раздражительности и тоскѣ при дурной погодѣ. Была съ нею у мощей и Наталья — и тоже обрѣла въ этой поѣздкѣ спокойствіе, разрѣшеніе всего, изъ чего, казалось, уже нѣтъ выхода. Въ какой трепетъ приводила ее одна мысль о встрѣчѣ съ Петромъ Петровичемъ! Какъ ни готовилась она къ ней, представить ее себѣ спокойно она была не въ силахъ. А Юшка, а ея позоръ, гибель! Но самая исключительность этой гибели, необычная глубина ея страданій, то роковое, что было въ ея несчастіи, — вѣдь недаромъ же почти совпалъ съ нимъ

ужась пожара! — и паломничество къ угоднику дали ей право просто и спокойно глядѣть въ глаза не только всѣмъ окружающимъ, но даже и Петру Петровичу: самъ Богъ отмѣтилъ ихъ съ барышней губительнымъ перстомъ своимъ — имъ ли было бояться людей! Черничкой, смиренной и простой слугой всѣхъ, легкой и чистой, точно послѣ предсмертнаго причастія, вошла она въ суходольскій домъ, возвратясь изъ Воронежа, смѣло подошла къ рукѣ Петра Петровича. И только на мгновеніе дрогнуло ея сердце молодо, нѣжно, по-дѣвичьи, когда коснулась она губами его маленькой, смуглой руки съ бирюзовымъ перстнемъ...

Буднично стало въ Суходолѣ. Пришли опредѣленные слухи о волѣ — и вызвали даже тревогу и на дворнѣ, и въ деревнѣ: что-то будетъ впереди, не хуже ли? Легко сказать — начинать жить по новому! По новому жить предстояло и господамъ, а они и по старому-то не умѣли. Смерть дѣдушки, потомъ война, комета, наводившая ужась на всю страну, потомъ пожаръ, потомъ слухи о волѣ — все это быстро измѣнило лица и души господъ, лишило ихъ молодости, беззаботности, прежней вспыльчивости и отходчивости, а дало злобу, скуку, тяжелую придирчивость другъ къ другу: начались „нелады“, какъ говорилъ отецъ, дошло до татарокъ за столомъ... Нужда стала напоминать о настоящей необходимости поправлять какъ-нибудь дѣла, въ конецъ испорченныя Крымомъ, пожаромъ, долгами. А въ хозяйствѣ братья только мѣшали другъ другу. Одинъ былъ нелѣпо жаденъ, строгъ и подозрителенъ, другой — нелѣпо щедръ, добръ и довѣрчивъ. Столковавшись кое-какъ, рѣшились они на предпріятіе, долженствовавшее принести большой доходъ: заложили имѣніе и скупили около трехсотъ старыхъ, захудавшихъ лошадей, — со-

брали ихъ чуть не со всего уѣзда при помощи ка-кого-то Ильи Самсонова, цыгана. Лошадей они хо-тѣли выправить за зиму и съ барышемъ распродать весною. Но, истребивъ огромное количество муки и соломы, лошади почти всѣ, одна за другою, поколѣли къ веснѣ...

Такъ просто началась нищета Суходола. И все росъ раздоръ между братьями. Доходило иногда до того, что они хватались за ножи и ружья. И неизвѣстно, чѣмъ-бы все это кончилось, если-бы новое несчастье не свалилось на Суходолъ. Зимой, на четвертый годъ послѣ возвращенія своего изъ Крыма, Петръ Петровичъ уѣхалъ однажды въ Лунево, гдѣ была у него любовница Лушка. Онъ прожилъ на хуторѣ двое су-токъ, все время пилъ тамъ съ Лушкой, хмельной и домой поѣхалъ. Было очень снѣжно; въ розвальни, покрытая ковромъ, была запряжена пара лошадей. Петръ Петровичъ приказалъ отстегнуть пристяжную, молодую, горячую лошадь, по брюхо тонувшую въ рыхломъ снѣгу, и привязать ее къ розвальнямъ сзади, а самъ легъ, головой къ ней, спать. Наступали туман-ные, сизыя сумерки. И, засыпая, Петръ Петровичъ крикнулъ Евсею Бодулѣ, котораго онъ часто бралъ съ собою вмѣсто кучера Васьки Казака, боясь, что Васька убьетъ его, сильно озлобившаго противъ себя дворню побоями,—крикнулъ: „пошелъ!“ и ударилъ Евсея въ спину ногою. И сильный гнѣдой коренникъ, уже мок-рый, дымясь и екая селезенкой, понесъ ихъ по тяжелой снѣжной дорогѣ, въ туманную муть глухого поля, на встрѣчу все густѣющей, хмурой зимней ночи... А въ полночь, когда уже мертвымъ сномъ спали и де-ревня, и усадьба въ Суходолѣ, въ окно прихожей, гдѣ ночевала Наталья, быстро и тревожно застучалъ кто-то. Она вскочила съ лавки, босикомъ выбѣжала на крыль-

цо. У крыльца смутно темнѣли лошади, розвальни и съ кнутомъ въ рукахъ стоявшій Евсей.

— Бѣда, дѣвка, бѣда, — забормоталъ онъ глухо, странно, какъ во снѣ, — барина лошадь убила... при-стяжная... Набѣжала, осунулась и — копытомъ... Все ли-цо раздавила. Онъ ужъ холодѣть сталъ... Не я, не я, вотъ те Христось, не я!

Молча сойдя съ крыльца, утопая въ снѣгу босыми ногами, Наталья подошла къ розвальнямъ, перекре-стилась, упала на колѣни, охватила ледяную окро-вавленную голову, стала цѣловать ее и на всю усадьбу кричать дико-радостнымъ крикомъ, задыхаясь отъ ры-даній и хохота.

Х.

Когда случалось намъ бывать, отдыхать отъ горо-довъ въ тихой и нищей глуши Суходола, когда слу-чалось намъ оставаться наединѣ съ Натальей, снова и снова рассказывала она повѣсть своей погибшей жизни. И порою глаза ея темнѣли, останавливались, голосъ переходилъ въ пѣвучій, строгій, ладный полу-шепотъ. Прошрое тогда оживало, казалось близкимъ и ощутительнымъ не только для нея, но и для насъ. И все вспоминался мнѣ грубый образъ святого, висѣв-шій въ углу лакейской стараго нашего дома. Обезгла-вленный, пришелъ святой къ согражданамъ, на рукахъ принесъ свою мертвую голову — во свидѣтельство сво-его повѣствованія...

Но обычно проста и незначительна бывала На-талья. Была ли молодость у этой небольшой и дроб-ной старухи въ лаптяхъ, съ темной сморщенной кожей и безцвѣтными, устало-смирненными глазами? Да бы-

ла-ли иной и усадьба суходольская? Уже исчезали и тѣ немногіе вещественныя слѣды прошлаго, что застали мы когда-то. Ни портретовъ, ни писемъ, ни даже простыхъ принадлежностей своего обихода не оставили намъ наши отцы и дѣды. А что и было, погребло въ огнѣ. Долго стоялъ въ прихожей какой-то сундукъ, въ клокахъ задеревенѣвшей и лысой тюленьей кожи, которой былъ обшитъ онъ чуть не сто лѣтъ тому назадъ,—дѣдовскій сундукъ съ выдвижными ящичками изъ корельской березы, набитый обгорѣлыми французскими вокабулами да церковными книгами, до нельзя засаленными, закапанными воскомъ. Потомъ исчезъ и онъ. Изломалась, исчезла и тяжелая самодѣльная мебель, что стояла въ залѣ, гостиной... Домъ ветшалъ, осѣдалъ все болѣе. Всѣ тѣ долгіе годы, что прошли надъ нимъ со времени послѣднихъ событій, здѣсь рассказанныхъ, были для него годами медленнаго умиранія. Медленно старѣя, увядая, провела въ Суходолѣ еще полвѣка и Наталья.

Росла она среди жизни глухой, сумрачной, но все же сложной, имѣвшей подобіе прочнаго быта и благосостоянія. Судя по косности этого быта, судя по приверженности къ нему суходольцевъ, можно было думать, что ему и конца не будетъ. Но податливы, слабы, „жидки на расправу“ были они, потомки степныхъ кочевниковъ! И какъ подъ сохой, идущей по полю, одинъ за другимъ безслѣдно исчезаютъ холмики надъ подземными ходами и норами хомяковъ, такъ же безслѣдно и быстро исчезали, разрушались, пустѣли на нашихъ глазахъ и гнѣзда ихъ. И обитатели ихъ гибли, разбѣгались; тѣ же, что кое-какъ уцѣлѣли, кое-какъ и коротали остатокъ дней своихъ. И мы застали уже не бытъ, не жизнь, а лишь воспоминанія о нихъ, полудикую простоту существованія, ти-

шину и все растущую нищету. Все рѣже навѣщали мы съ годами нашъ степной край. И все болѣе чужимъ становился онъ для насъ, все слабѣе чувствовали мы связь съ тѣмъ бытомъ и сословіемъ, изъ коего вышли. Многіе изъ соплеменниковъ нашихъ, какъ и мы, знатны и древни родомъ. Имена наши поминаютъ хроники; предки наши были и стольниками, и воеводами, и „мужами именитыми“, ближайшими сподвижниками, даже родичами царей. И называйся они рыцарями, родись мы западнѣе, какъ бы твердо говорили мы о нихъ, какъ долго еще держались бы! Не могъ бы потомокъ рыцарей сказать, что за полвѣка почти исчезло съ лица земли цѣлое сословіе, что столько насъ выродилось, сошло съ ума, наложило руки на себя или было убито, спилось, опустилось и просто потерялось гдѣ-то — безцѣльно и бесплодно! Не могъ бы онъ признаться, какъ признаюсь я, что не имѣемъ мы ни даже малѣйшаго точнаго представленія о жизни не только предковъ нашихъ, но и прадедовъ, что съ каждымъ днемъ все труднѣе становится намъ воображать даже то, что было полвѣка тому назадъ, — и что даже время молодости отца и Натальи казалось намъ порою временемъ жизни и благополучія!

То мѣсто, гдѣ стояла Луневская усадьба, было уже давно распаханно и засѣяно хлѣбами, какъ распахана, засѣяна была земля на мѣстахъ и многихъ, многихъ усадьбъ. Суходолъ еще кое-какъ держался. Но вырубивъ послѣднія березы въ саду, разломавъ и продавъ сарай и людскую, по частямъ сбывъ почти всю пахатную землю, покинулъ ее даже самъ хозяинъ ея, сынъ Петра Петровича, — ушелъ на службу, поступилъ кондукторомъ на царицынскую желѣзную дорогу. И тяжело доживали свои послѣдніе годы ста-

рыя обитательницы Суходола — Клавдія Марковна, теть Тоня, Наталья. Смѣнялась весна лѣтомъ, лѣто осенью, осень зимою... Онѣ потеряли счетъ этимъ смѣнамъ. Онѣ жили воспоминаніями, снами, ссорами, заботами о дневномъ пропитаніи. Лѣтомъ тѣ мѣста, гдѣ прежде широко раскидывалась усадьба, тонули въ мужицкихъ ржахъ: далеко сталъ виденъ домъ, окруженный ими. Кустарникъ, остатокъ сада, такъ одичалъ, что перепела кричали у самага балкона. Да что лѣто! „Лѣтомъ намъ рай!“ — говорили старухи. Долги, тяжки были дождливыя осени, снѣжныя зимы въ Суходолѣ. Холодно, голодно было въ пустомъ разрушающемся домѣ. Заметали его вьюги, насквозь продувалъ морозный сарматскій вѣтеръ. А топить — топили его очень рѣдко. По вечерамъ скудно свѣтила изъ оконъ его, изъ горницы старой барыни, — единственной жилой горницы, — жестяная лампочка. Барыня, въ очкахъ, въ полушубкѣ и валенкахъ, вязала чулокъ, наклоняясь къ ней. Наталья, тоже въ полушубкѣ, лаптяхъ и онучахъ, дремала на холодной лежанкѣ. А барышня, тетя, похожая на сибирскаго шамана, сидѣла въ избѣ своей и курила трубку. Когда не бывала тетя въ ссорѣ съ Клавдіей Марковной, ставила Клавдія Марковна лампочку свою не на столъ, а на подоконникъ. И сидѣла тетя Тоня въ странномъ слабомъ полусвѣтѣ, доходившемъ изъ дома во внутренность ея ледяной избы, заставленной обломками старой мебели, заваленной черепками битой посуды, загроможденной рухнувшимъ на бокъ фортепіано. Такая ледяная была эта изба, что куры, на заботы о которыхъ направлены были всѣ силы послѣднихъ лѣтъ тети Тони, отмораживали себѣ лапы, ночуя на этихъ черепкахъ и обломкахъ...

А теперь уже и совсѣмъ пуста суходольская усадьба.

Умерли всѣ помянутые въ этой лѣтописи, всѣ сосѣди, всѣ сверстники ихъ. И порою думаешь: да полно, жили ли и на свѣтѣ-то они?

Только на погостахъ чувствуешь, что было такъ; чувствуешь даже жуткую близость къ нимъ. Но и для этого надо сдѣлать усиліе, посидѣть, подумать надъ родной могилой, — если только найдешь ее. Стыдно сказать, а нельзя скрыть: могилъ дѣдушки, бабушки, Петра Петровича мы не знаемъ. Знаемъ только то, что мѣсто ихъ — возлѣ алтаря старенькой церкви въ селѣ Черкизовѣ. Въ зимній день туда не проберешься: тамъ по-поясъ сугробы, изъ которыхъ торчатъ рѣдкіе кресты и верхушки голыхъ кустовъ, прутья. Въ лѣтній — проѣдешь по жаркой, тихой и пустой деревенской улицѣ, привяжешь лошадь у церковной полуразрушенной ограды, за которой темно-зеленой стѣной стоятъ, пекутся въ зноѣ елки. За откинутой калиткой, за бѣлой церковью съ ржавымъ куполомъ — цѣлая роща невысокихъ вѣтвистыхъ вязовъ, ясени, лимовъ, всюду тѣнь и прохлада. Долго бродишь по кустамъ, буграмъ и ямамъ, покрытымъ тонкой кладбищенской травой, по каменнымъ плитамъ, почти ушедшимъ въ землю, пористымъ отъ дождей, поросшимъ чернымъ разсыпчатымъ мохомъ... Вотъ два-три желѣзныхъ памятника. Но чьи они? Такъ зелено-золотисты стали они, что уже не прочесть надписей на нихъ. Подъ какими же буграми кости бабушки, дѣдушки? А Богъ вѣдаетъ. Знаешь только одно: вотъ гдѣ-то здѣсь, близко. И сидишь, думаешь, силясь представить себѣ всѣми забытыхъ Хрущевыхъ. И то безконечно далекимъ, то такимъ близкимъ начинается казаться ихъ время. Тогда почти съ радостью говоришь себѣ:

— Это не трудно, не трудно вообразить. Только

надо помнить, что вотъ этотъ покосившійся золоченый крестъ въ синемъ лѣтнемъ небѣ и при нихъ былъ тотъ же... что такъ же желтѣла, зрѣла рожь въ поляхъ, пустыхъ и знойныхъ, а здѣсь была тѣнь, прохлада, кусты... и въ кустахъ этихъ такъ же бродила, паслась вотъ такая же, какъ эта, старая бѣлая кляча съ облѣзлой зеленоватой холкой и розовыми разбитыми копытами.

ЗАХАРЪ ВОРОБЬЕВЪ.

На-дняхъ умеръ Захаръ Воробьевъ, по прозвищу Малолѣтка, изъ Осинowychъ Дворовъ.

Онъ былъ рыжевато-русь, бородать и настолько выше, крупнѣе обыкновенныхъ людей, что его можно было показывать. Онъ и самъ чувствовалъ себя принадлежащимъ къ какой-то иной породѣ, чѣмъ прочіе люди, и отчасти такъ, какъ взрослый среди дѣтей, держаться съ которыми приходится, однако, на равной ногѣ. Всю жизнь — ему было сорокъ лѣтъ — не покидало его и другое чувство — смутное чувство одиночества: въ старину, сказываютъ, было много такихъ, какъ онъ, да переводится эта порода. „Есть еще одинъ вродѣ меня, — говорилъ онъ порою такимъ тономъ, точно не о немъ шла рѣчь, а о комъ-то другомъ, — да тотъ далеко, подѣ Задонскомъ“...

Впрочемъ, настроенъ онъ былъ неизмѣнно превосходно. Здоровъ на рѣдкость. Сложенъ отлично: необычно крупныя части его тѣла находились въ полной мѣрѣ съ общимъ. Онъ былъ-бы даже красивъ, если-бы не бурый загаръ отъ вѣтра, не кроваво-вывороченныя нижнія вѣки и не постоянныя слезы, стекло-видно стоявшія въ нихъ подѣ большими голубыми глазами. Борода у него была превосходная, такъ и хотѣлось потрогать ее: мягкая, густая, чуть волнистая. Онъ часто, съ ласковостью гиганта, удивленно улыбался

и откидывалъ голову, слегка открывая красную, жаркую пасть, показывая чудесные молодые зубы. И пріятный запахъ шелъ отъ него: ржаной запахъ степняка, смѣшанный съ запахомъ дегтярныхъ, крѣпко кованыхъ сапогъ, съ кисловатой вонью дубленаго полушубка и мятнымъ ароматомъ нюхательнаго табаку: онъ не курилъ, а нюхалъ.

Онъ вообще былъ склоненъ къ старинѣ. Воротъ его суровой замашной рубахи, всегда чистой, не застегивался, а завязывался. На пояскѣ висѣли мѣдный гребень и мѣдная копаушка, которую онъ называлъ: покаушка. Лѣтъ до тридцати пяти носилъ онъ лапти. Но подросли сыновья, дворъ справился, — и Захаръ сталъ ходить въ сапогахъ. Зиму и лѣто не снималъ онъ полушубка и шапки. И полушубокъ остался послѣ него хорошій, совсѣмъ новый. Если Захаръ опускалъ руку, рукавъ еще спадалъ съ руки чуть не на полъ-аршина. Зелено-голубые разводы и мелкія нашивки изъ разноцвѣтнаго сафьяна на красиво простроченной груди еще не слиняли. Бурый котикъ, — опушка борта и воротника, — былъ еще остистъ и жестокъ. — Любилъ Захаръ чистоту и порядокъ, любилъ все новое, прочное.

Умеръ онъ совершенно неожиданно для всѣхъ.

Это случилось въ началѣ августа. Онъ только что отмахалъ порядочный крюкъ. Изъ Осиновыхъ Дворовъ прошелъ въ Красную Пальну, на судъ съ сосѣдомъ. Изъ Пальны сдѣлалъ верстъ пятнадцать до города: нужно было побывать у барыни Кобылинской, у которой снималъ онъ землю. Изъ города пріѣхалъ по желѣзной дорогѣ въ село Шипово и пошелъ въ Осиновые Дворы черезъ Жилыя: это еще верстъ десять. Да не то свалило его.

— Что? — удивленно и царственно-строго ска-

залъ бы онъ своимъ низкимъ бархатнымъ басомъ. — Сорокъ верстъ?

И добродушно-ласково добавилъ бы:

— Что ты, малый! Да я ихъ тыщу могу исдѣлать.

Въ Шиповѣ онъ выпилъ — и порядочно: четверть. Былъ первый Спасъ. „Хорошо-бы таперь для праздничка выпить чудокъ, — шутя сказалъ онъ знакомому, петрищевскому кучеру, проходя по залитому мѣломъ вокзалу, который, какъ всегда лѣтомъ, ремонтировали. — „Что-жъ не пьешь? Кстати бы и мнѣ поднесъ“, — отвѣтилъ кучеръ. „Не на что, протратился, и такъ въ грузовомъ вагонѣ, съ камнями ѣхалъ“, — сказалъ Захаръ, хотя деньги у него были. Кучеръ подмигнулъ пріятелю, уряднику Голицыну. Пристрѣлъ шиповскій мужикъ, пьяница Алешка-Арчакъ. И всѣ трое, вполголоса переговариваясь, вышли слѣдомъ за Захаромъ изъ вокзала. Захаръ и Алешка пошли пѣшкомъ, кучеръ сѣлъ въ телѣжку, запряженную парой, — онъ выѣзжалъ за Петрищевымъ, да тотъ не пріѣхалъ, — урядникъ на дрожки-бѣгунки. И Алешка тотчасъ же затѣялъ споръ: можетъ-ли Захаръ выпить въ часъ четверть?

— А съ закуской? — спросилъ Захаръ, широко шагая по сухой землѣ, изрѣзанной колеями, возлѣ высокой, худой кобылы урядника и порой осаживая внизъ оглоблю, поправляя косившую упряжь.

— Можешь требовать чего угодно, на полтинникъ, — сказалъ кучеръ, человѣкъ недалекій и низкій по натурѣ, сумрачный, съ свинными глазками.

— А проспоришь, — прибавилъ Алешка, оборванный мужикъ съ переломленнымъ носомъ, промышлявшій сводничествомъ, — а проспоришь, за все втрое отдашь.

— Нехай будя по вашему, — снисходительно ото-

звался Захаръ, думая о томъ, чего спросить на закуску.

Ему было скучновато съ этими людьми. Онъ отлично понималъ каждого изъ нихъ: мелкій народишко—и не по одному только виду! Но на душѣ у него было хорошо эти дни, — какъ всегда, въ сухую погоду, въ концѣ лѣта, да еще и лѣта-то урожайнаго. Онъ не только не усталъ отъ путешествія въ Пальну, — гдѣ дѣло кончилось превосходно, миромъ, — не только не истомился, промучившись въ городской жарѣ двое сутокъ, но даже чувствовалъ подъемъ, приливъ силъ. Ему всѣмъ существомъ своимъ хотѣлось сдѣлать что-нибудь изъ ряда вонъ выходящее. Да что? Выпить четверть—это не Богъ вѣсть какая штука, это не ново... Удивить, оставить въ дуракахъ кучера — не великъ интересъ... Но все-таки на споръ пошелъ Захаръ охотно. И, принявшись за ѣду и питье, сперва наслаждался ѣдой, — вѣсть очень хотѣлось, каждый кусокъ былъ сладокъ, — потомъ своимъ рассказомъ о судѣ.

Былъ четвертый часъ жаркаго, сухого дня; но на сотни верстъ вокругъ села, въ просторѣ желтыхъ полей, покрытыхъ копнами, было уже что-то предъосеннее, легкое, ясное. Густая пыль сѣрѣла и лоснилась на шиповской площади, на припекѣ. Площадь отдѣляютъ отъ села дровяные склады, булочная, винная лавка, мясная, почтовое отдѣленіе, голубой домъ купца Яковлева съ палисадникомъ при немъ и двѣ лавки его въ особомъ срубѣ на углу: одна, чистая, растворами въ переулочкѣ къ церкви, къ выгону, другая, черная — въ тотъ, что идетъ къ станціи. Возлѣ черной лавки ступеньками наваленъ палевый сосновый тесъ. Пахнетъ тутъ смолой, свѣтлая, клейкія капли которой проступаютъ на тесѣ, пылью, калачами, желѣз-

ными крышами и тѣмъ непередаваемымъ, сложнымъ, что присуще сельскимъ лавкамъ. Сидя на нижней ступени теса, Захаръ пилъ, ѣлъ, говорилъ и смотрѣлъ на площадь, на блестящія подъ солнцемъ рельсы, на шлагбаумъ горбатаго переѣзда и на желтое поле за рельсами. Алешка сидѣлъ рядомъ съ нимъ и тоже закусывалъ—подрукавнымъ хлѣбомъ. Урядникъ—скучный, запыленный человѣкъ съ подстриженными усами, въ обтрепанной шинели съ оранжевыми погонами — урядникъ и кучеръ курили, одинъ на дрожкахъ, другой въ телѣжкѣ. Лошади дремали, терпѣливо ждали, когда прикажутъ имъ трогаться. А Захаръ рассказывалъ.

— Чѣмъ дѣло-то кончилось? — говорилъ онъ. — Да ничѣмъ. Помирились. Я этихъ судовъ, пропади они пропадомъ, с'отроду не знавалъ, ни съ кѣмъ не судился, — Богъ миловалъ. Мнѣ самъ батюшка-покойникъ заказывалъ эти свары. А тутъ и сварато вышла пустая. Бабы повздорили, а мы сдуру ввязались...

Онъ уже выпилъ бутылки три — изъ деревяннаго корца, который досталъ на дворѣ Яковлева Алешка; онъ дѣлалъ свое дѣло столь легко, будучи столь увѣреннымъ въ себѣ, что даже не замѣчалъ того, что дѣлалъ. Кучеръ, урядникъ и Алешка были выжидательно возбуждены и изо всѣхъ силъ прикидывались спокойными, хотя душа каждого изъ нихъ горячо молила Бога, чтобы Захаръ почувствовалъ себя какъ можно сквернѣе и сдался, или хотя-бы къ концу четверти упалъ за-мертво. А онъ только разстегнулъ полушубокъ, чуть сдвинулъ шапку со лба, раскраснѣлся. Онъ съѣлъ двѣ таранки, громадный пукъ зеленого луку и шесть французскихъ хлѣбовъ, съѣлъ такъ здорово и сильно, съ такимъ вкусомъ и толкомъ, что даже про-

тивники его дивились ему, и оживленно, чуть насмѣшливо говорилъ:

— А на судахъ этихъ чудно, пропади они пропадомъ! Я и итить-то туда не хотѣлъ. Слышу — подалъ на mine. Ну, подалъ и подалъ, не замай, а я, молъ, не пойду. Только вдругъ прѣзжаетъ въ Пальну начальство, присылаетъ за мной самъ засѣдатель. Ахъ, пропасти на тебѣ нѣту! Ничего не подѣлаешь — надо итить. Взялъ хлѣбушка, поперъ. Жара ужасная, пыль по дорогѣ, какъ пысь, зола, алыни итить горячо. Ну, однако, прихожу. Шель дюже поспѣшно, являюсь...

Держа пустѣющую бутылъ подъ мышкой, онъ цѣдилъ въ темный корецъ свѣтлую влагу, наполняя его до краевъ и, разгладивъ усы, припадалъ къ ней, пахнувшей остро и сытно, влажными губами; тянулъ-же медленно, съ наслажденіемъ, какъ ключевую воду въ жаркій день, а допивъ до дна, крикалъ и, перевернувъ корецъ, вытряхивалъ изъ него послѣднія капельки. Потомъ осторожно ставилъ бутылъ на доску возлѣ себя. Кучеръ не спускалъ съ нея своихъ угрюмыхъ глазъ; урядникъ, уже передвинувшій тайкомъ стрѣлку часовъ на цѣлую четверть впередъ, тревожно переглядывался съ Алешкой. А Захаръ, поставивъ бутылъ, бралъ двѣ-три длинныхъ зеленыхъ стрѣлки лука, ломая, забивалъ ихъ въ большую деревянную солонку, въ крупную, сѣрую соль и пожиралъ съ аппетитнымъ, сочнымъ хрустомъ. Глаза его налились кровью и слезами, казались страшными. Но онъ улыбался, грудной басъ его былъ звученъ, ласковъ, пріятно-насмѣшливъ.

— Ну, являюсь, — говорилъ онъ, прожевывая и раздувая ноздри. — Вижу, на улицѣ вездѣ народъ, подъ лозинкой въ холодкѣ сидитъ засѣдатель въ майскомъ пинжаку, съ русой бородкой, на столикѣ книги

усякія, бумаги, а рядомъ, — Захаръ повелъ рукой налево, — урядникъ что-й-то записываетъ краснымъ осьмиграннымъ карандашикомъ. Вызываютъ хрестьянина Семена Галкина, обуховскаго. „Семень Галкинъ!“ — Здѣсь. — „Поди суда“. Подходитъ; начинаютъ допрашивать. А онъ сумрачный, на урядника и не глядитъ, достаетъ грушу изъ кармана, стоитъ, ѣсть. Урядникъ приказываетъ: „Кинь грушу!“ Онъ не слушается, доѣдаетъ...

— По мордѣ-бы его этой грушой, — сказалъ кучеръ.

— Вѣрно! — весело подтвердилъ Захаръ, разламывая седьмую, послѣднюю булку.

Урядникъ уныло посмотрѣлъ въ землю.

— Проходить это время, — сказалъ онъ, — довольно ужъ ѣздили по мордамъ-то по нашимъ!

— А вотъ это еще вѣрнѣй! — опять подтвердилъ Захаръ. — Да... Стоитъ и лопаеъ. Обращается засѣдатель къ уряднику. „Вотъ, говоритъ, господинъ урядникъ, этотъ самый хрестьянинъ Семень Галкинъ, когда я прошлый разъ съ описью прѣзжалъ, отказался платить по исполнительному листу сорокъ восемь рублей восемь гривенъ, а когда я хотѣлъ описать какой есть его лѣсишко и анбаръ, то, говоритъ, этотъ самый Галкинъ со своими друзьями, двумя братьями Иваномъ и Богданомъ, сѣли на деревъ, на бревна эти возлѣ избѣ и не дозволили мнѣ свершить опись. А когда я вошелъ къ ему въ избу, то онъ какъ-бы невзначай спросилъ у своей жанѣ, гдѣ тутъ у насъ безмѣнъ, что было сказано про меня, и я это принялъ на свой счетъ, а Богданъ тѣмъ временемъ подошелъ къ окну и съ косою на плечѣ, когда косить ему нечего было, все давно скошено. А какъ я былъ одинъ, то принужденъ былъ удалиться. Вотъ извольте спросить его жану Катерину и мать Ѳеклу и показанія

отъ ней занести въ протоколъ. А еще въ опросный листъ занесите показанье церковнаго старости, хрестьянина Ѳедота Леонова. А еще, что сельскій староста Герасимъ Савельевъ Копыловъ въ этотъ день пропалъ бѣзъ-вѣсти и на мои требованія начальства не явился, хоть былъ, завѣдома извѣстно, дома, заодно съ мужиками и къ нимъ благоволилъ, а когда я уходилъ отъ Галкина къ Митрію Овчинникову, идѣ былъ мой меринъ, и проходилъ мимо его избѣ, то онъ притравилъ меня кобелемъ, а самъ спрятался за ворота, что я замѣтилъ очень хорошо, и посвистывалъ, да слава Богу, что такъ случилось, что кобель меня не поранилъ, хоть кидался прямо на грудь, сигалъ какъ бѣшеный, все благодаря Митрію, который выскочилъ съ кнутомъ и тѣмъ меня оградилъ...”

Захаръ, увлекаясь ладностью своего разсказа, дѣлался все шумнѣе, насмѣшливѣе, точно прочиталъ послѣднія слова, и уже не видѣлъ угрюмыхъ и выжидательныхъ взглядовъ урядника и кучера. Безъ передышки, звучно и твердо передавъ заявленіе засѣдателя, онъ хотѣлъ-было продолжать, но Алешка не вытерпѣлъ и крикнулъ:

— Потомъ доскажешь! Пей! Урядникъ, глянь-ка на часы-то.

— Успѣется, успѣется, — отвѣтилъ урядникъ и подмигнулъ Алешкѣ.

Но и этого не замѣтилъ Захаръ.

— Да не гамазись ты, чертъ курносый! — гаркнулъ онъ добродушно. — Дай доказать-то! Я свою время знаю, — выпью, не бойся!

Ноги его твердо стояли на краюшкахъ кованныхъ каблуковъ, — онъ съ гордостью выставилъ сапоги и порою безъ нужды подтягивалъ голенища, — лицо его было красно, но еще не пьяно. Солнце пекло

его, тѣлу стало очень жарко, изъ-подъ шапки струился потъ и въ голову стучала, била кровь, но чувствовалъ онъ себя еще превосходно. Превеличенно-низко раскланявшись съ мужикомъ, прохвавшимъ мимо въ пустой телѣгѣ и внимательно оглядѣвшимъ его, Захаръ шумно, черезъ ноздри вздохнулъ, взялъ обѣими руками борты полущубка, двинулъ воротъ назадъ и продолжалъ, уже не замѣчая, слушаютъ ли его или нѣтъ, а только наслаждаясь яркостью картины, занявшей его воображеніе, игрой своего ума.

— „Катерина Галкина!“ — громко, грудью говорилъ онъ, изображая всѣхъ въ лицахъ. — „Къ допросу. Подойди поближа!“ Подходить. — „Слышала, что господинъ засѣдатель сказали?“ — „Слышала...“ А сама плачетъ, заикается, ничего толкомъ разсказать не можетъ. „Правда-ли, что твой мужъ безмѣнъ про господина засѣдателя упомянулъ?“ — „Я, говорить, этого ничего знать не могу. Хотѣлъ мужъ ѣсть вѣшать“. — „Значитъ, ты отъ этого отказываешься?“ — „Ничего про эти дѣла не знаю. Ѳедька всему первый полководецъ. Его опросите, — и дѣло къ развязкѣ, и грѣха меньше“... Кличутъ сейчасъ старуху Ѳеклу. А старуха сухоногая, дерзкая, отвѣчаетъ — ноздри рветъ. „Имушество, говоритъ, моя, за сына я не плательшица, по правамъ покойнаго мужа всѣмъ владаю, а у сына тутъ ничего нѣту, одни портки“. — „А сынъ-то чей-же?“ — „Мой“. — „А разъ сынъ твой, и толковать нечего, за неплатежъ имушество отвѣчаетъ. Ступай, не разговаривай, а за дерзкій отвѣтъ посажу тебя въ арестанку на двое сутокъ на-хлѣбъ, на-воду“... Угомонилъ, значитъ, старуху. Вспрашиваетъ, идѣ церковный титоръ Ѳедотъ Леоновъ? Подходить дочь его Винадорка. „Идѣ отецъ?“ — „Въ клѣти, послѣ обѣдни

отдыхаетъ".—„Бѣги, зови его сейчасъ суда. Скажи, начальство требуетъ..." А онъ черезъ дворъ живетъ...

— Близко, значить? — перебилъ урядникъ и быстро переглянулся съ Алешкой и кучеромъ. — Такъ, такъ... Ну, доказывай, доказывай. Ты, братъ, на удивленіе гораздъ рассказывать! Ей Богу!

Онъ говорилъ, что попало, лишь бы отвлечь вниманіе Захара, — онъ, вынувъ часы и спрятавъ ихъ между колѣнями, передвигалъ стрѣлку еще на десять минутъ впередъ. И Захаръ, съ просіявшимъ отъ похвалы лицомъ, еще шумнѣе выдохнулъ воздухъ, мотнулъ головой, отсаживая горячій густой мѣхъ полушубка отъ лапатокъ, и загудѣлъ еще выразительнѣе, еще сильнѣе:

— Вѣрно! Слухай-же, не перебивай, а то осерчаю... Вы не можете мне огорчать... Вижу, лѣзетъ изъ низкой клѣтки приземистый старикъ... Идетъ черезъ дорогу въ избу — безъ шапки, въ розовой новой рубашкѣ распояской, и воротъ отъ жары растягнулъ. А изъ избѣ выходитъ въ новой теплой поддевкѣ, подпоясанъ зеленой подпояжкой, шапку въ рукахъ несетъ. Подходить. Волосы густые, сѣдые, разложены вродѣ какъ рожки у барана, на обѣ стороны, надъ ушами загибаются. Съ урядникомъ, съ засѣдателемъ — за ручку. (Богатый, видать, старикъ). Пошушукался что-й-то съ ними, показываетъ на Сеньку. Потомъ вымаетъ большой гаманъ кожаный, сталъ отсчитывать трехрублевки обмороженными култышками... Потомъ Винадорку кличетъ. Приказываетъ самоваръ ставить, зоветъ къ себѣ урядника и засѣдателя чай пить. „Приходите мою охоту посмотрѣть, пчелъ моихъ, и какую я сабѣ посуду завелъ. А еще кобылку мою гляньте. Ну, ясна, свѣтла, — вся писаная, въ яблокахъ!".. Сѣется, моршится, гнилые корешки въ красномъ ротѣ

показываетъ. „Не посмотрѣть, говорить, нельзя, того лошадиный законъ требуетъ. А, можетъ, и сторгуемся, про что говорили-то"... И опять сѣется, сипитъ, какъ змѣй. „Можетъ, говорить, почту немножко"... Пошелъ къ избѣ, заскребаешь пыль сапогомъ по дорогѣ — хворситъ...

— Форсить-то форсить, — вдругъ опять перебилъ урядникъ, вынимая часы, — а вѣдь я ошибся! Допивай поскорѣй: пять минутъ всего осталось. Намъ ужъ, видно, все равно, — проглотилъ ты наши денежки! — а тебѣ теперь однимъ духомъ надо допивать.

Лицо Захара сразу измѣнилось.

— Какъ? — строго крикнулъ онъ. — Да ты брешешь! Ужли цѣльный часъ прошелъ?

— Прошелъ, братъ, прошелъ! — подхватили кучеръ и Алешка, который даже съ мѣста вскочилъ, вдругъ понявъ хитрость урядника. — Допивай, допивай!

Захаръ дохнулъ, какъ кузнечный мѣхъ, и закрылъ глаза.

— Стойте! — сказалъ онъ. — Это не ладно. Вы меня обмошенничали. Дайте еще сроку полчася. Главная вещь, я сопрѣлъ весь. Жара! Августъ! Чортъ съ вами, я вамъ лучше самъ бутылку поставлю. А вы мнѣ сроку накиньте... Ну, хоть доказать только дайте про этотъ самый судъ! — попросилъ онъ сумрачно.

— Ага! Покаялся! — крикнулъ кучеръ насмѣшливо. — Жидокъ на расправу!

Захаръ остановилъ на немъ кровавый, тяжелый взглядъ. Потомъ, ни слова не говоря, взялъ бутылъ за горло, до дна опорожнилъ ее, съ краями наполнивъ корецъ, и до дна высосалъ его. И, слегка задохнувшись, грубо сказалъ:

— Ну? Сытъ ты, ай нѣтъ?.. А теперь — буду дока-

зывать! — съ упрямствомъ хмельющаго человѣка сказалъ онъ. — Вотъ ты и глянешь, напоилъ ты мене, али у тебя и потроху не хватитъ на это...

И вдругъ опять повеселѣли страшные глаза его, лицо опять стало важнымъ и добродушнымъ.

— Таперь вы обвязаны слухать мене! — всей грудью сказалъ онъ и продолжалъ, но уже не такъ складно и хорошо: — Опосля старика этого, вызываютъ знахаря, Василь Иванова. Этотъ совѣмъ худой, въ поддевкѣ сѣрой, виски вродѣ пеньки и борода клинушкомъ. И еще пуще старика моршшится, — не то отъ солнца, не то отъ хитрости... шатъ его знаетъ. Этотъ, выходитъ, старуху опоилъ. Давалъ ей лекарству какую-то, — бываетъ, велѣлъ пить по маленькому стаканчику, а она и возмись глушить его большими стаканами... Вызываютъ его. „Какъ тебя зовутъ?“ — „Былъ Василій“. — „Кто тебѣ далъ праву лечить, мерзавецъ? Стань, стань, стань тутъ, стерва!“... А у нихъ ужъ раньше, конечно, былъ уговоръ: Васька, небось, ужъ сунулъ сотельную имъ... Ну, а при народѣ, извѣстно, надо же для близиру поарать. Вспрашивалъ, спрашивалъ, потомъ опять какъ закричить на него: „Скройся съ глазъ моихъ въ осинникъ!“ — Тотъ будто и испужался: шапку поскорѣе на голову — и шмыгъ, шмыгъ, побѣжалъ въ осинникъ... Такъ, значить, дѣло и затерли. Поглядѣлся урядникъ въ зеркальцо, поправилъ саблю, сложилъ свои бумаги... „Ну, говоритъ, Егоръ Михалычъ, идемъ, что-ль, къ старику-то? Очень мнѣ хочется, чтобъ меринъ еще отдохнулъ“. — „А сколько сейчасъ время?“ Вынулъ урядникъ новые часы, селебренные, глянулъ: „Трицать восемь перваго, говорить, — время петербургская“. — „Ну, пойдемте, надо его охоту посмотрѣть, старикъ добрѣ гордится... Поднялись, пошли чай пить. А мужики остались, разсѣ-

лись, какъ вороны, на срубленныхъ деревьяхъ возлѣ избѣ, подняли гамъ. Иные говорятъ, что не надо до продажи допускать, иные, — что нельзя начальство обижать. Пуще всѣхъ какой-то худой мужикъ оретъ, сръзлся со старикомъ однимъ. Мужикъ кричитъ, что плохо у насъ жить, по чужимъ странамъ и то лучше, киргизу и то способнѣй, — у того, по крайности, степя аграматы... А старикъ кричитъ, лапить, что у насъ лучше. А мужикъ опять-же не подается: „у насъ, говорить, дубъ дюже великъ выросъ, да дупло добре широка и нитокъ много распустилъ“... — Чуете, къ чему гнеть-то? — подмигнуть Захаръ.

Ему казалось, что онъ могъ-бы говорить безъ конца и все занятѣе, все лучше, но, послушавъ его, убѣдившись, что дѣло пропало, свелось только на то, что Захаръ опилъ, обѣлъ ихъ, да еще безъ умолку рассказываетъ чепуху, кучеръ и урядникъ тронули лошадей и уѣхали, оборвавъ его на полусловѣ. Алешка посидѣлъ немного, поподдакивалъ, выпросилъ четыре копейки на табакъ и ушелъ на станцію, гдѣ у него, передъ приходомъ поѣзда, было будто-бы неотложное дѣло. И Захаръ, совершенно неудовлетворенный ни количествомъ выпитаго, ни собесѣдниками, остался одинъ. Повздыхалъ, помоталъ головой, отодвигая воротъ полушубка, и, чувствуя хмель и еще большій, чѣмъ прежде, приливъ силъ и неопредѣленныхъ желаній, поднялся, зашелъ въ винную лавку, купилъ бутылку и зашагалъ по переулку къ выгону, къ церкви, вонъ изъ села.

— У насъ дубъ дюже великъ выросъ, — насмѣшливо и съ удовольствіемъ повторялъ онъ мысленно, чуя въ этихъ словахъ какой-то чудесный намекъ на что-то. — Дубъ выросъ великъ... Да дупло добре широка и нитокъ много распустилъ...

Онъ шелъ по пыльной дорогѣ въ открытомъ полѣ, въ необозримомъ пространствѣ неба и желтыхъ волнистыхъ полей. Солнце опускалось, но еще пекло. Полушубокъ Захара блестѣлъ. Направо отъ него падала на золотистое пересохшее жнивье большая тѣнь съ сіяніемъ вокругъ головы. Сдвинувъ горячую шапку на затылокъ, заложивъ руки назадъ, подъ полушубокъ, Захаръ твердо ступалъ по твердой подъ слоемъ пыли землѣ, не мигая, какъ орелъ, смотрѣлъ то на солнце, то на широко раскрывшійся послѣ косыбы степной просторъ, похожій на просторъ песчаной пустыни, смотрѣлъ на раскинутыя по немъ несмѣтныя копны, похожія вдаль на гусеницъ, устѣявшихъ поля и косогоры, — и по горизонтамъ и по копнамъ мелькали передъ нимъ, передъ его кровавыми, слезящимися глазами несмѣтныя круги — малиновые, фіолетовые и малахитовые. „А все-таки я пьянъ!“ — думалъ онъ, чувствуя, какъ замираетъ и бьетъ въ голову сердце. Но это ни чуть не мѣшало ему надѣяться, что еще будетъ нынче что-то необыкновенное. Онъ шумно вздыхалъ, останавливался, пилъ и закрывалъ глаза. Ахъ, хорошо! Хорошо жить, но только непремѣнно надо сдѣлать что-нибудь удивительное! И опять широко, по орлиному озиралъ горизонты. Онъ смотрѣлъ на небо — и вся душа его, и насмѣшливая, и наивная, полна была жажды подвига. Человѣкъ онъ особенный, онъ твердо зналъ это, но что путнаго сдѣлалъ онъ на своемъ вѣку, въ чемъ проявилъ свои силы? Да ни въ чемъ, ни въ чемъ! Старуху одну пронесъ однажды на рукахъ верстъ пять... Да объ этомъ даже и толковать смѣшно: онъ-бы могъ десятокъ такихъ старухъ донести куда угодно!

Онъ не хотѣлъ вспоминать, а вспоминалъ. Воображеніе его, жадное во хмелю до картинъ, требовало

работы. Онъ шагаль все шире, твердо рѣшивъ не дать солнцу обогнать себя, — дойти до Жилыхъ раньше, чѣмъ оно сядетъ, — и думалъ, думалъ... Бутылка подходила къ концу. И онъ чувствовалъ, что необходимо выпить еще маленько — у хромого мѣщанина, сидѣльца въ Жильской винной лавкѣ, на большой Новосильской дорогѣ. Солнце опускалось; на смѣну ему поднимался въ востока полный мѣсяцъ, блѣдный, какъ облачко, на ровной сухой синевѣ небосклона. Чуть уловимый, по вечернему душистый дымокъ тянулъ откуда-то въ остывающемъ воздухѣ; оранжево краснѣли лучи, сыпавшіеся слѣва по колкому сквозному жнивью, и пыль, поднимаемая сапогами Захара; отъ каждой копны, отъ каждой татарки, отъ каждой былинки тянулась тѣнь. „Да нѣтъ, шалишь, не обгонишь!“ — думалъ Захаръ, поглядывая на солнце, вытирая потъ со лба и вспоминая то битюка-жеребца, котораго за переднія ноги поднялъ онъ однажды на ярмаркѣ, заспоривъ о силѣ съ мѣщанинами, то литой чугунный приводъ, который выволокъ онъ прошлымъ лѣтомъ изъ риги на гумнѣ барина Хомотова, то эту нищую старуху, которую тащилъ онъ на рукахъ, не обращая вниманія на ея страхъ и мольбы отпустить душу на покаяніе. Остановясь, раздвинувъ ноги, отъ которыхъ столбами пала тѣнь на жнивье, Захаръ вынулъ изъ глубокаго кармана полушубка бутылку, глянулъ на нее противъ солнца и весело ухмыльнулся, увидавъ, что и бутылка, и водка въ ней зарозовѣли. Закинувъ голову, онъ вылилъ водку въ разинутый ротъ, не касаясь бутылки губами, и хотѣлъ было запустить ее выше самого высокаго, самаго легкаго дымчатаго облачка въ глубинѣ неба. Но, подумавъ, удержался: — и такъ не миновать ему нынче скандала съ бабой изъ-за пропитыхъ денегъ! — сунулъ

бутылку въ карманъ и опять зашагалъ, заложивъ руки назадъ, съ удовольствіемъ вспоминая старуху.

Ахъ, расчудесная была старуха!—думалъ онъ, глядя широко раскрытыми кроваво-голубыми глазами, полными слезъ, то на солнце, то на сѣрѣющія за дальними копнами избы Жилыхъ.—Непремѣнно надо рассказать о ней сидѣльцу винной лавки! Шелъ онъ недавно по паровому полю, по дорогѣ изъ Осиновыхъ Дворовъ въ Казинку. Глядь,—лежитъ на сухой навозной кучѣ старуха-побирушка и стонетъ. Былъ онъ порядочно выпивши, и, какъ всегда во хмелю, жадно искала душа его подвига—все равно, добраго или злого... даже, пожалуй, скорѣй добраго, чѣмъ злого. „Бабка!—крикнулъ онъ, быстро подходя къ старухѣ.—Ай помираешь? Ай убилъ кто? Чѣмъ передъ кѣмъ провинилась?“ Старуха, — она была вся въ ломотьяхъ, блѣдное лицо ея было въ запекшейся крови, глаза закрыты,—зашевелилась и застонала. „Да что-жъ ты молчишь? — гаркнулъ Захаръ грозно. — Разъ тебе спрашиваютъ, можешь ты мнѣ не отвѣчать? Значить, такъ и будешь лежать? Скотину скоро погонять — баранъ завалиется, замучается... Вставай сію минуту!“ Старуха вдругъ заголосила, взглянувъ на него, огромнаго и страшнаго. „Батюшка, не трожь меня! Меня и такъ быкъ закаталъ. Пожалѣй меня, несчастную!“—„Не могу я тебя пожалѣть!—еще грознѣе заоралъ Захаръ, почувствовавъ вдругъ жалость и нѣжность къ старухѣ. — Вставай, говорятъ тебѣ!“ — крикнулъ онъ, хватая ее за руку. Старуха приподнялась и тотчасъ же опять упала и заголосила еще пуще. Тогда, не помня себя отъ жалости, Захаръ сгребъ ее въ охапку и почти бѣгомъ помчалъ къ селу. Старуха, охвативъ обѣими руками его воловью шею, задыхаясь отъ запаха водки, исходившаго отъ него, тряслась на

бѣгу, а онъ, боясь заплакать, быстро бормоталъ, стараясь, сколь возможно, смягчить свой басъ: „Да что ты? Ай очумѣла? Чего боишься? Молчи,—говорю тебѣ, молчи, ни объ комъ не думай! Кто тебя обидитъ, стараго человѣка? Обо всемъ забудь!“—„Не могу, батюшка, ни по чемъ не могу! — отвѣчала старуха. — Какая моя жизнь? Никакого счастья не вижу себѣ, одна во всемъ свѣтѣ, ни напитоковъ, ни наѣдковъ сладкихъ с'отроду не видала...“—„А я табѣ говорю, не голоси!“ — говорилъ Захаръ. — Всякій свою стежку топча! У всякаго своя печаль! Копти! — гаркнулъ онъ на все поле, ощутивъ внезапный приливъ бурной радости. — Ъшь солому, а хворсу не теряй! Сечасъ за мое почтеніе доставлю тебя на хватеру! А за быка за этого тебя драть надо. Чего шатаешься, скитаешься? Зачѣмъ къ стаду лѣзла? Тебѣ надо округъ бабъ находить. Съ ними ты можешь разговоръ поддержать. А быкъ, онъ, братъ, не помилуется!“ — „Охъ, постой, — застонала старуха, но уже смѣясь сквозь слезы. — Всю душу вытрясь. Руку отломилъ какъ есть...“ И Захаръ заоралъ еще грознѣй: „Бабка, молчи! А то вотъ шарахну тебя въ ровъ — костей не соберешь!“ И захохаталъ, раскрывая пасть, раскачивая старуху и дѣлая видъ, что хочеть со всего размаху пустить ее съ косогора...

Спина его была мокра, лицо сизо отъ прилива крови и потно, сердце молотами било въ голову, когда, гордо глянувъ на мутно-малиновый шаръ, еще не успѣвшій коснуться горизонта, быстро вошелъ онъ въ Жилыя, — двѣ степныя деревни, отдѣленные другъ отъ друга ложиной съ тремя прудами. Въ деревняхъ было мертво тихо. Нигдѣ не единой души. Ровная блѣдная синева вечерняго неба надо всѣмъ. Далекій лѣсокъ, темнѣющій въ концѣ ложины. Надъ нимъ полный, уже испускающій сіяніе, мѣсяцъ. Длинный, голый зеленый

выгонъ и рядъ избъ вдоль него. Три огромныхъ зеркала, а между ними двѣ широкихъ навозныхъ плотины съ голыми, сухими ветлами—толстыми стволами и тонкими прутьями сучьевъ. На другомъ боку другой рядъ избъ, но задомъ къ прудамъ. И такъ четко все въ этотъ короткій часъ между днемъ и ночью: и контуры сѣрыхъ крышъ, и зелень выгона, и сталь прудовъ. Одинъ, слѣва, чуть розовѣетъ, прочіе—двѣ зеркальныхъ бездны, въ которыхъ точно влить отраженный мѣсяцъ и каждый стволъ, каждый сучокъ.

— Фу, пропасти на васъ нѣту! — шумно вздохнулъ Захаръ, пріостанавливаясь. — Какъ подошли всѣ!

Ему захотѣлось рывкнуть такъ, чтобы въ ужасѣ выпалъ на выгоны весь этотъ мелкій народишко, спрятанный по избамъ. „Да нѣтъ, нѣтъ, — подумалъ онъ, мотая головой, — ошалѣлъ я, пьянъ... Непристойно думаю, неладно... Домой надо поскорѣй... Домой...“

И вдругъ почувствовалъ такую тяжкую, такую смертельную тоску, смѣшанную со злобой, что даже закрылъ глаза. Лицо его стало котельнаго цвѣта, отдѣлилось отъ рыже-русой бороды, уши вспухли отъ прилива сизой крови. Какъ только закрылись его глаза, такъ сейчасъ же запрыгали во тьмѣ передъ нимъ тысячи малахитовыхъ и багряныхъ круговъ, а сердце замерло, оборвалось — и все тѣло мягко ухнуло куда-то въ пропасть. Ахъ, домой бы теперь, да въ ригу, да въ солому — и потонуть въ бездонномъ снѣ! Баба заоретъ? Деньги пропилъ? А тогда расшибить эту бабу вдребзги — и дѣлу конецъ... И, постоявъ, Захаръ открылъ глаза и, вмѣсто того, чтобы свернуть влѣво, на Осиновые Дворы, быстро, упорно зашагалъ, перейдя плотину, по задворкамъ второй деревни и, черезъ чей-то большой дворъ, вышелъ на большую дорогу, къ винной лавкѣ.

О, какая тоска была на этой пустынной, безконечной дорогѣ, въ этой мертвой деревнѣ, молча стоявшей на краю ея, въ этихъ блѣдныхъ равнинахъ за нею, въ этихъ жнивьяхъ и копнахъ на ихъ просторѣ, въ этотъ синій степной вечеръ, молчаливый, какъ могила! Но Захаръ всѣми силами противился тоскѣ, говорилъ безъ умолку, пилъ все жаднѣе, чтобы переломить таки ее и жестоко наказать этого курчаво-рыжаго, со стоячими бѣлыми глазами мѣщанина, подло и радостно всуетившагося, когда Захаръ предложилъ ему поспорить: можетъ онъ, Захаръ, выпить еще двѣ бутылки, или нѣтъ? Винная лавка, вымазанная мѣломъ, странно бѣлѣла противъ блеклой синевы восточнаго небосклона, на которомъ все прозрачнѣе и свѣтоноснѣе дѣлался кругъ мѣсяца. Возлѣ лавки стоялъ столикъ и скамейка. Мѣщанинъ въ розовой ситцевой рубахѣ и обтертыхъ до-красна опойковыхъ сапогахъ, торчалъ возлѣ стола, ослѣвъ на одну ногу и касаясь земли носкомъ другой, — безобразной, съ высокими подъемомъ, съ огромнымъ каблукомъ, — выставивъ кострець, и, какъ обезьяна, съ необыкновенной ловкостью и быстротой грызъ подсолнухи, не спуская своихъ бѣлыхъ съ Захара. А Захаръ, поднимая грудь, сопя, сжимая зубы, стискивая, точно желѣзными клещами, своими огромными пальцами край стола, облизывая сохнушія губы, обрывая каждое слово бурнымъ вздохомъ, плохо соображая, что онъ говоритъ, поминутно проваливаясь въ какую-то черную пропасть, спѣшилъ, спѣшилъ досказать, какъ онъ несъ и принесъ въ Казинку старуху...

И вдругъ, размахнувшись всѣмъ туловищемъ, быстро всталъ, далеко отшвырнулъ ногой столъ вмѣстѣ съ зазвенѣвшей бутылкой и граненымъ стаканомъ и хрипло сказалъ:

— Слухай! Ты!

И мѣщанинъ, уже разинувшій было ротъ, чтобы крикнуть на Захара за безчинство, взглянувъ на его бѣло-сизое лицо, онѣмѣлъ. А Захаръ, собравъ послѣднія силы, не давъ сердцу разорваться прежде, чѣмъ онъ скажетъ, твердо договорилъ:

— Слухай. Я помираю. Шабашъ. Не хочу тебя страмить, подъ бѣду подводить. Я отойду. Отойду.

И твердо пошелъ на середину большой дороги. И, дойдя до середины, согнулъ колѣни — и тяжело, какъ быкъ, рухнулъ на спину, раскинувъ руки.

Эта лунная августовская ночь была жутка для Жилыхъ. Отовсюду безшумно бѣжали бабы и ребятишки къ кабаку; сдержанно и тревожно переговариваясь, кучами шли мужики. Лунный свѣтъ прозрачнѣйшимъ дымомъ стоялъ надъ сухими жнивьями. Весело краснѣли противъ мѣсяца огни въ молчаливыхъ избахъ. А среди большой дороги бѣлѣло и блестѣло что-то огромное, страшное: кто-то принесъ и покрылъ коленкоромъ мертвое тѣло. И босые бабы, быстро и безшумно подходя, крестились и робко клали мѣдяки въ его возглавіи.

СТО ВОСЕМЬ.

Рано чувствуется осень, ея спокойствіе. Начало августа, а похоже на свѣтлый сентябрь, когда жарко лишь въ затишьѣ, на припекѣ.

Учитель Иваницкій, человѣкъ молодой, но необыкновенно серьезный, глубоко задумывающійся по самому малѣйшему поводу, медленно поднимается на пологую гору, прогономъ черезъ усадьбу нищихъ князей Козельскихъ. Заложивъ одну руку за широкій поясъ, которымъ подпоясана длинная чесучевая рубаха, а другой пощипывая кончики рѣдкихъ бѣлесыхъ усовъ, учитель горбитъ свой истязной станъ и зорко шныряетъ вокругъ зеленоватыми глазками. Онъ надняхъ бросаетъ школу, уѣзжаетъ въ университетъ и теперь добираетъ съ деревни то, что еще не добралъ, для своихъ будущихъ статей.

На прогонѣ тѣнь. Направо — большой садъ за соломеннымъ валомъ; налево — забытая кузня, развалины псарни, пустыя сушилки изъ розовыхъ кирпичей, а между ними — проѣздъ на безконечное и тоже пустое гумно. Въ саду, уже порѣдѣвшемъ, — тишина, косой солнечный блескъ; кое-гдѣ золотится радужная паутина; спокойно лежатъ пятна тѣней подъ яблонями; порой съ короткимъ стукомъ падаетъ въ шелковистую, сухую траву спѣлое яблоко. Дерновая вогнутая крыша кузни вся въ наростахъ мха — бархатно-изумрудныхъ,

съ коричневымъ отливомъ. Раскрытыя сушилки тяжелы, грубы, очертаніями своими говорятъ о чемъ-то давнишнемъ. И все это, — мохъ на кузнѣ, псарня, заросшая лопухами, голая стропила надъ розоватыми стѣнами, — все это такъ чудесно на ясномъ голубомъ небѣ среди бѣлыхъ круглыхъ облаковъ. Въ небѣ-то и чувствуется осень. Да и блѣднолиловый цикорій уже цвѣтетъ въ бурьянахъ подъ сушилками. На огромномъ пустырьѣ гумна воробьи ливнемъ пересыпаются съ одной крапивной чащи на другую. За этими чащами поднимается порозовѣвшій осинникъ, — хорошо бы пойти туда за дроздами. Но у Иваницкаго есть дѣло: надо посидѣть у Соловьевыхъ, еще разъ повидаться передъ отъѣздомъ съ ихъ дѣдомъ Таганкомъ. Древенъ онъ, какъ говорятъ въ Козельщинѣ: ему сто восемь, онъ знаменитость въ округѣ. А учителю надо все видѣть, на все надо взглянуть „новыми глазами“.

— Дѣло тутъ не въ экономикѣ, — думаетъ онъ на ходу, косясь на усадьбу и закуривая крѣпкую папиросу. — Дѣло въ атавизмѣ.

За усадьбой — улицы среди дворовъ, огородовъ и лозняковъ. Учитель поворачиваетъ налѣво, въ ту улицу, что идетъ между валомъ гумна, кустарникомъ по валу и старыми избами бывшихъ княжескихъ крѣпостныхъ. Она немного поката, конецъ ея какъ бы упирается въ небосклонъ — чуть зеленоватый, сентябрьскій. Сентябрь и въ верхушкахъ лозинъ, кое-гдѣ растущихъ передъ избами и сквозящихъ мелкой, желтѣющей листвой на бѣлыхъ облакахъ и лазури; сентябрь въ солнечномъ свѣтѣ, припекающемъ бока крышъ и проходы на гумна, и въ прозрачной тѣни, падающей отъ избъ на улицу, на водовозки, прикрытыя пѣгими попонами. Тамъ, въ степи, куда уходитъ улица, теперь

хорошо: просторъ опустѣвшихъ полей, пыльные проселки, дороги, пробитыя по жнивьямъ, доспѣваетъ, сохнетъ просо, жухнетъ картофельная ботва, стеклянно мрѣютъ дали. А тутъ... Учитель косится на темныя стѣны, на пороги и крохотныя окошечки.

Крыльца, пороги обросли грязью. Да не лучше и возлѣ нихъ: въ крѣпкой, какъ чугуны, засохшей грязи, въ которую вросли тряпки, сгнившіе лапти, лежатъ большіе плоскіе камни, на которыхъ обѣдаютъ и ужинаютъ. Дѣти кричатъ, переключаются, лазаютъ по камнямъ. Много дѣтей въ Козельщинѣ, и, Боже, какъ сопливы они, въ какихъ болячкахъ ихъ щеки и губы, какъ закорузлы на ихъ тугихъ животахъ замашныя рубашенки!

— Что это ты дѣлаешь? — окликаетъ учитель дѣвочку, стоящую у камня.

Она хвораая, худая, темноглазая, въ бабкиныхъ лаптяхъ, закутана темнымъ пеньковымъ платкомъ. Она шлепаетъ по камню ручками, дѣлаетъ видъ, что стираетъ, льетъ воду, бьетъ валькомъ. Услыхавъ учителя, она растерянно смотритъ на него и со всѣхъ ногъ кидается къ избѣ.

— Какъ тебя зовутъ? — спрашиваетъ учитель толстаго голубоглазаго мальчика, въ большой старой жилеткѣ, стоящаго подъ лозинкой у двора Оминыхъ.

Мальчикъ молчитъ. Учитель повторяетъ вопросъ. Мальчикъ пятится къ лозинкѣ, упирается въ нее спиной, поднимаетъ грудь, надувается такъ, что багровѣетъ, и молчитъ.

Озабоченно бродятъ куры, раздираютъ лапами золу, землю, клюютъ что-то, кудахтаютъ, приманивая цыплятъ. У двора Климовыхъ спитъ подъ водовозкой старуха. Тѣнь отъ избъ скосилась, передвинулась, солнце падаетъ на водовозку, печетъ лицо, такъ густо облѣп-

ленное мухами, точно на немъ черный рой привился, печетъ худой кострець, голыя дикарскія ноги, блестящія отъ загара. Мальчикъ лѣтъ пяти, въ штанахъ съ помочами и шерстяныхъ красныхъ чулкахъ, носится среди цыплятъ, бѣгающихъ и на бѣгу клюющихъ по землѣ и по ногамъ старухи мухъ, и все норовитъ затоптать хоть одного изъ нихъ; цыплята съ пискомъ разсыпаются, и онъ останавливается, выжидаетъ, когда они соберутся въ кучку, а какъ только соберутся, опять со всѣхъ ногъ летитъ на нихъ. Другой, лѣтъ двухъ, хлопочетъ возлѣ дуги, только что выкрашенной коричневой краской и прислоненной къ крыльцу; дуга, наконецъ, падаетъ, прихлопываетъ его къ землѣ, и онъ закатывается благимъ матомъ. Учитель бѣжитъ освободить его.

— Эй, бабка! Проснись, чортъ тебя возьми со-всѣмъ! — кричитъ онъ, схвативъ ревущаго ребенка и не зная, что съ нимъ дѣлать.

Старуха поднимаетъ голову и сначала ничего не понимаетъ: глаза тупы, ротъ раскрытъ, платокъ сбился на сторону вмѣстѣ съ сѣдыми волосами. Потомъ она быстро поднимается, шатаясь, идетъ къ учителю, вырываетъ ребенка изъ неумѣлыхъ рукъ и лѣзетъ на крыльцо. Тамъ она кидаетъ его на полъ, усыпанный пшенной кашей, и онъ сразу затихаетъ: елозитъ по крыльцу, подбираетъ съ полу кашу вмѣстѣ съ грязью и суетъ себѣ въ ротъ. А старуха садится на лавку и, поправляя шлыкъ, провожаетъ учителя тяжелымъ, злымъ взглядомъ.

Соловьевы раздѣлились. Таганокъ живетъ у Глѣба. Но учитель идетъ сперва къ двору его другого внука, плотника Григорія. Григорій, худощавый, рыжій, похожъ слегка на Мефистофеля, но человѣкъ пріятный. Теперь онъ стоитъ на прогалинѣ между избою и погре-

бомъ, въ проходѣ на гумна, посреди квадрата изъ трехъ ярусовъ новыхъ, тѣлеснаго цвѣта бревенъ: рубить себѣ амбаришко. На немъ городской картузь, еще не мытая ситцевая рубаша, вздутая розовымъ измятымъ пузыремъ, штаны изъ чортовой кожи и сапоги: Соловьевы — первые жители въ Козельщинѣ. Увидавъ гостя, онъ легонько и ловко всѣкаетъ въ бревно блеснувшій на солнцѣ топоръ. Здравуются, садятся на срубъ, закуриваютъ.

— Къ Таганку? — спрашиваетъ Григорій.

— Къ нему. Давно не видалъ...

— Что-жъ, дѣло хорошее. Пройдите, провѣдайте. Онъ это любитъ.

— А какъ его дѣла? Дряхлѣетъ?

— Нѣтъ, скрипитъ еще помаленьку. А, конечно, не наше съ вами дѣло: вѣдь, сто восемь.

— Смерти не просить у Бога?

— Да какъ сказать? Пожить ему, кажись, еще страсть какъ хочется, да, извѣстно, житье стариковское не сладкое.

— А что?

— Да что, надо правду говорить: бьютъ они его, голодомъ морятъ — вотъ главная вещь.

— Все сноха?

— Извѣстно, она. Да я такъ думаю, всему причина — братъ Иглѣбъ. Его допущеніе. Онъ должонъ защищать: кому-же больше? Самъ-то Таганокъ, вы знаете, какой: за всю жизнь цыпленка не обидѣлъ.

— Серьезно, бьютъ?

— А то какъ же? Еще какъ серьезно-то! Иной разъ такъ толкануть... Онъ мнѣ ужъ сколько жаловался. Да что бьютъ! У нихъ вонъ шесть пудовъ одной ветчины виситъ, — повѣрите, ребрышка никогда не да-

дутъ. Сами, какъ праздникъ, за чай, а онъ чашечки попросить боится. Ничтожности жалѣютъ...

— Нда-а, — задумчиво говоритъ учитель.

Сипятъ кузнечики въ бурьянѣ на припекѣ. Все сохнетъ, роняетъ черныя зерна: крапива, белена, рѣпы, подсекольникъ. Баба, въ красной юбкѣ, въ бѣлой рубахѣ, стоитъ въ чащѣ коноплянниковъ, выше ея ростомъ, беретъ замашки. За коноплянниками сѣрѣютъ риги, желтѣютъ новые скирды.

— Нда-а, — говоритъ учитель, ѣдко затягиваясь. — „Народъ-богоносецъ!..“ Скирды-то ваши?

— Нынѣшній годъ далъ Господь, — скромно, боясь сглазить, отвѣчаетъ Григорій.

— А чашки чаю жалѣютъ, — ухмыляется учитель. — Что онъ, и теперь еще хорошо помнитъ все?

— На удивленіе прямо! Все помнитъ: что когда сдѣлать по дому, что, напимѣрь, прибрать, купить, гдѣ что дешевле, — все первый скажетъ. Насчетъ корму, напимѣрь, разумнѣй его человѣка нѣту...

— Да нѣтъ, я не про то, — перебиваетъ учитель. — Я, понимаешь, испытываю всегда страшную жажду заглянуть на самое дно этой столѣтней души, вызвать его — ну, хоть на изображеніе старины, что ли. И никогда-то ровно ничего не выходитъ изъ этого! Не то я не умѣю спрашивать, не то онъ почему-то не желаетъ говорить со мной... Или же надо сдѣлать дикое, но, кажется, самое вѣроятное предположеніе, что рѣшительно ничего, кромѣ самага примитивнаго, нѣтъ за этой душой!

Григорій слегка удивляется:

— Да чего жъ ему не хотѣтъ разговаривать съ вами? Обижать вы его не обижаете, скрытности этой у него нѣту, помнитъ онъ даже очень хорошо... Ну, а конечно, этакого чего-нибудь особеннаго...

— Вотъ, вотъ именно! — подхватываетъ учитель, поднимаясь. — Кажется, совершенно задаромъ пропало столѣтіе! Нечего вспомнить. Нечего.

Проходятъ къ Таганку задами. За дворомъ Григорія нѣсколько колодокъ пчелъ. Учитель гнется, боится ихъ, а Григорій смѣется, увѣряетъ, что пчелы чистаго человѣка не трогаютъ. Тутъ чуть тянетъ холодкомъ съ сѣвера, подъ солнцемъ пыльно и сытно пахнутъ конопляники. Противъ коноплянниковъ придѣлано къ каменной стѣнѣ Глѣбова варка нѣчто въ родѣ шалаша, сбитаго изъ кольевъ и обшитаго замашками. Это и есть лѣтнее жилище знаменитаго человѣка.

— Дѣ-ѣдъ? — окликаетъ учитель, отворяя дверку.

Никто не отзывается; въ шалашѣ пусто. Вѣрно, Таганокъ въ избѣ. И Григорій уходитъ искать его. А гость спѣшитъ осмотрѣть шалашъ. Все то же. И все такъ же трогательно. Чтобы не надоѣдать снохѣ своимъ присутствіемъ, сократиться насколько возможно, перебирается сюда Таганокъ чуть не съ великаго поста. Розвальни безъ грядокъ, покрытыя соломой, служатъ ему постелью. На соломѣ нѣтъ даже попонки. Въ изголовьи, вмѣсто подушки, — свернутый рванный чекмень, и по цвѣту видно, что чекмену этому полвѣка. У изголовья — столикъ изъ дощечки и кольевъ; на дощечкѣ — подобіе шкатулки, а въ ней — все добро, все хозяйство Таганка: мотокъ нитокъ, варезки, тавлинка изъ бересты съ нюхательнымъ табакомъ... Боже мой, Боже мой! Драгоценнѣйшимъ даромъ, даромъ сказочнаго долголѣтія, одарила судьба своего избранника! А къ чему онъ тутъ, этотъ даръ?

У шалаша лежитъ большой обрубокъ, корень дуба. На немъ дѣдъ отдыхаетъ, думаетъ, грѣется, — обрубокъ отшлифованъ полушубкомъ. Учитель садится и ждетъ. Когда же за угломъ слышатся шаркающіе шаги,

поднимается, чтобы уступить Таганку привычное мѣсто. Таганокъ показывается изъ-за угла, — невысокій, съ опущенными плечами, — и подвигается неловко, въ развалку, опадая съ одной ноги на другую. Ноги толсто опутаны онучами, въ большихъ лаптяхъ. Полушубокъ, почти голый съ исподу, — вытерлась овчина, — сталъ широкъ, полы его висятъ. Большая шапка надѣта глубоко, немного криво. Увидавъ гостя, Таганокъ стаскиваетъ ее обѣими руками, какъ ребенокъ, кланяется низко. Длинные волосы, уцѣлѣвшіе вокругъ его темной головы, бѣлы и легки, какъ ковыль. Легка, бѣла и косая борода его. Лицо еще темнѣе головы, — у древнихъ покойниковъ такое. Желтоватые, выцвѣтшіе, налитые слезами глаза далеки всему міру, ничего не выражаютъ, кромѣ не то покорности, не то грусти.

— Здорово, дѣдушка, — ласково-серьезно говорилъ учитель, садясь на землю. — Какъ поживаешь? Надѣвай шапку-то...

Таганокъ колеблется. Онъ, одолѣвъ больше вѣка, невольно и самъ считаетъ себя особеннымъ человекомъ. Но заслужилъ ли онъ, наконецъ, право быть при господахъ въ шапкѣ, этого онъ еще не знаетъ. Поколебавшись, обѣими руками надѣваетъ ее.

— Садись на обрубокъ-то, тебѣ покойнѣе будетъ...

Таганокъ, помедливъ, садится; поправляетъ полы, складываетъ на колѣняхъ черныя руки и что-то кротко думаетъ. Потомъ слабо машетъ головой.

— Энтихъ ужъ нѣту, — говоритъ онъ медленно и такъ, точно разговариваетъ не съ учителемъ, а съ кѣмъ-то другимъ. — Энтихъ ужъ нѣту, что покоили-то...

— Въ старину лучше было? — спрашиваетъ учитель.

— Гм! — слабо улыбается Таганокъ. — Въ два раза лучше было...

Всѣ старики играютъ, притворяются черезчуръ ста-

рыми. Таганокъ не играетъ. Онъ нечеловѣчески простъ. Гость, какъ всегда, не спускаетъ съ него глазъ; онъ, какъ всегда, дивится на него, воплощенную милость Божью, чудо природы; его волнуютъ странныя мысли: подумать только, что при Таганкѣ прошелъ одинъ изъ самыхъ замѣчательныхъ вѣковъ! Сколько было за это этотъ вѣкъ переворотовъ, открытій, войнъ, революцій, сколько жило, славилось и умерло великихъ людей: Наполеонъ, Пушкинъ, Гете... А онъ даже малѣйшаго понятія не имѣлъ никогда обо всемъ этомъ. И сто лѣтъ тому назадъ видѣлъ онъ только вотъ эти конопляники да думалъ о кормѣ для скотины... И сидитъ онъ такъ смиренно, такъ неподвижно. Опустилъ плечи, сложилъ на худыхъ колѣняхъ черныя, спеченныя столѣтиемъ руки, перекрестилъ искривленные работой и простудой пальцы, а мухи ползаютъ по нимъ, сучать ножками, справляютъ свою любовь. Бѣлый мытылекъ спокойно, какъ на деревѣ, замеръ на его дѣтски худой и черной шеѣ, окаймленной воротомъ сѣрой рубахи, пригрѣтой солнцемъ. Шапка надвинута глубоко; изъ-подъ шапки видны концы рѣдкихъ, длинныхъ, зеленовато-бѣлыхъ бровей, устало приподнятыхъ надъ переносицей. Нижнее вѣко лѣваго глаза немного разорвано и оттянуто книзу; этотъ глазъ, полный слезою, совсѣмъ безжизненъ. Въ правомъ — слабая мысль, слабая жизнь, далекая, чуждая всему нашему міру. Онъ, этотъ ставосьмилѣтній человекъ, еще слышитъ, видитъ, разумно толкуетъ съ внуками о хозяйствѣ, помнитъ все, что нужно нынче или завтра сдѣлать по дому, знаетъ, гдѣ что лежитъ, что требуетъ поправки, присмотра... И все же весь онъ въ забытій, въ мірѣ своихъ далекихъ воспоминаній. Что же это за воспоминанія? Часто охватываетъ страхъ и боль, что вотъ-вотъ разобьетъ смерть этотъ драгоценный сосудъ

огромнаго прошлаго. Охватываетъ жажда поглубже заглянуть въ этотъ сосудъ, узнать всѣ его тайны, сокровища. Но онъ пусть, пусть! Мысли, воспоминанія Таганка такъ поразительно просты, такъ несложны, что порою теряешься: человѣкъ ли передъ тобою? Онъ разумный, милый, добрый. Слѣдовало бы съ благодарностью поцѣловать его руку за то, что явилъ онъ намъ, воплотивъ въ себѣ рѣдкое благословеніе неба. Но — человѣкъ ли онъ?

Говоритъ Таганокъ очень медленно, но не путаясь; выражаетъ мысли съ трудомъ, но точно. Онъ знаетъ, что, волею судьбы, возложена на него обязанность толковать съ гостями, прежде всего, о старинѣ. И самъ спѣшитъ дать поводъ къ разспросамъ.

— Тепло, — говоритъ онъ, поводя плечомъ, что пригрѣто опускающимся солнцемъ. — Кровь-то моя ужъ холодѣетъ... Студился, бывало, часто... А все отчего? Въ старину, вѣдь, въ извозы ходили...

Учитель жадно глядитъ на него, жадно начинаетъ разспрашивать. И опять, опять слышитъ только давнымъ-давно знакомое! Былъ дѣдъ два раза у хохловъ, за Воронежемъ; былъ два раза въ Москвѣ, пять разъ въ Калугѣ; и много, много разъ въ Бѣлевѣ...

— Что же? — спрашиваетъ учитель, домогаясь обобщеній. — Нравились тебѣ хохлы?

— Хохлы-то? — отвѣчаетъ Таганокъ. — Ничего... Дружелюбіе у нихъ.

И, уже покончивъ съ общимъ, переходитъ къ частному:

— Мы туда подъ Срѣтенье поѣхали... У меня тогда четыре лошади было... Прокорми-ка ихъ!.. Ну, поѣхали туда порожнякомъ... Оттуда пшеницу наклали... Доправили все честь-честью, стали барыши считать... Анъ только себя самихъ да лошадей оправдали...

— Француза помнишь? — спрашиваетъ учитель, вспоминая, сколько грозныхъ кометъ видѣлъ Таганокъ, сколько зловѣщихъ слуховъ пережилъ онъ на своемъ вѣку.

Таганокъ думаетъ. Онъ гдѣ-то далеко.

— Француза-то? — спокойно говоритъ онъ. — Это какой въ Москву приходилъ? Нѣтъ, не помню... Такъ только, находитъ иной разъ какъ звукъ какой...

— А Москва при тебѣ велика, хороша была?

— Большая... Приѣдемъ, бывало, въ нее... Поставятъ насъ на Болотѣ въ рядъ... Мы и стоимъ... Какъ хлагъ спустятъ, можетъ, значить, купецъ, какой купилъ что, подойти, взять свой товаръ... Ну, подойдетъ, глянетъ и отправитъ его: либо на Воробьиныя горы, либо еще куда...

И Таганокъ смолкаетъ, — можетъ-быть подъ тихимъ наитіемъ находящихъ, какъ отдаленный звукъ, воспоминаній. А учитель нервно куритъ, хмурится: нѣтъ, ничего путнаго не выходитъ изъ его разспросовъ!

Онъ сидитъ долго, до самаго заката солнца; щиплетъ концы усовъ, собирается съ мыслями, стараясь представить себѣ невозможное, — картину одной изъ самыхъ долгихъ человѣческихъ жизней, картину цѣлаго столѣтія; онъ силится войти въ душу и тѣло этого необыкновеннаго человѣка, — и никакъ не можетъ примириться съ тѣмъ, что говоритъ необыкновенный человѣкъ очень обыкновенно, даже черезчуръ обыкновенно, рассказываетъ же только пустяки. „Систематически надо, систематически, — думаетъ учитель, — съ самаго начала надо начать“... Но краткіе, трогательные и пустячные отвѣты Таганка сбиваютъ съ толку, вызываютъ безпокойство, лишаютъ охоты разспрашивать. Нѣтъ, ничего не выйдетъ, и ужъ какая тутъ послѣдовательность! — „Рано ты началъ

помнить себя?“ — „А Богъ его знаетъ, не знаю... Вѣдь, мы, — слабо улыбается дѣдъ, — народъ темный, въ лѣсу живемъ, пнямъ молимся... Допрежъ тутъ вездѣ лѣса были“... — „Какіе лѣса?“ — „А всякіе. Дубъ, напимѣръ, сосна... Разбойники водились“... — „Разбойники? Ты исторію какую-нибудь о нихъ помнишь?“ — „Нѣтъ, исторіи, слава Богу, никакой не было“... — „Ну, а село какое было? Меньше теперешняго?“ — „Все такая же... Церковь только на старомъ кладбищѣ стояла, а не возлѣ училища... Я четырехъ поповъ пережилъ“... Но каковы были эти попы, похожи ли на теперешнихъ и какъ относились къ народу, — этого Таганокъ не умѣетъ рассказать... Но, можетъ-быть, онъ хорошо помнить господъ, князей Козельскихъ, и о нихъ расскажетъ что-нибудь путное? — Помнить-то помнить... Но узнаетъ учитель только то, что было три анарала: Семень Милычъ, Милъ Семенычъ и Григорій Милычъ; что господа они были хорошіе, что особенно лихимъ нравомъ отличался Милъ Семенычъ... Таганокъ говоритъ о Нилѣ Семеновичѣ ласково, но слово употребляетъ то, что прилагается только къ злымъ собакамъ: „лихъ былъ“.

— Тебя пороли? — спрашиваетъ учитель.

— Нѣтъ, Богъ не привелъ, — отвѣчаетъ Таганокъ. — Одна только. Да еще разъ въ шею далъ мнѣ Милъ Семенычъ... На постройкѣ... Я бревно не тое ухватилъ... Вотъ продавать — продавали... Возили... Да не сошлись что-й-то... Осерчалъ баринъ на насъ, на ребятъ... Ну, и отправилъ одинцать головъ... Въ энтотъ, въ Бѣлевъ-то... Ну, привезли насъ на базаръ, поставили другъ съ дружкой... Подшелъ бурмистръ селезневскій... Мы, былъ, дюже обробѣли, да не сошлось что-й-то дѣло... А за меня хорошо — полтора ста пять давали...

Солнце уже скрылось за далекимъ полемъ; гуще и свѣжѣе пахнутъ конопляники въ вечерней тѣни; роса пала на огороды. Почти черное, гробовое лицо Таганка стало еще безжизненнѣе, глаза совсѣмъ остеклялись. Ему холодно, онъ кутается въ полушубокъ, оправляетъ полы, глубже надвигаетъ шапку и засовываетъ руки въ рукава. Какъ отдаленный звукъ, находятъ на него воспоминанія; и, мало заботясь о томъ, слушаютъ ли его, или нѣтъ, онъ медленно говоритъ то, на что напалъ случайно:

— Покойникъ Семень Милычъ былъ крутъ... А померъ онъ, заступилъ его мѣсто Милъ Семенычъ, — стало и совсѣмъ никуда... Что жъ, мы, вѣдь, ровно какъ кошка: посади ее въ мѣшокъ, завяжи и дѣлай, что хочешь, и она никому зла не можетъ исдѣлать, такъ и мы... Ну, молили раньше мужики, что-бъ барину Богъ смерти далъ... А я, бывало, скажу: „Напрасно вы его сбываете. Не сбывайте, — хуже будетъ“... Такъ оно и вышло... Да...

Таганокъ отдыхаетъ, думаетъ. Потомъ опять заводитъ медленную рѣчь:

— Да... А какъ померъ Милъ Семеновичъ, привезли гробъ въ засмоленномъ рундукѣ... Сквозь рундукъ дрянъ, кровь пролила... Нехорошо померъ. Какъ, значить, кому назначено... Ну, распечатали ящикъ, разбили, раскрыли гробъ энтотъ самый, свинцовый, а онъ полонъ крови... все кровью пропитало... Одежда, твѣты, прозументы — все въ жижѣ... Потому, умеръ безо всякихъ болѣзней, тѣло не выболѣла...

Учитель съ трудомъ дослушиваетъ этотъ тяжкій рассказъ и поднимается. „Ну, шабашъ, — думаетъ онъ, хмурясь. — Никогда я его больше не увижу! А жаль, жаль...“

Волнуетъ его давнишнее желаніе выпытать-таки у Таганка, очень ли онъ хочетъ жить? Вѣдь, видно, что хочетъ! Но почему же никогда не говоритъ онъ объ этомъ прямо?

— Ну, прощай, до свиданія, дѣдъ, — говоритъ учитель, по возможности, просто и спокойно. — Дай Богъ тебѣ еще пожить.

Таганокъ кротно поднимаетъ брови.

— Пожить-то?—отвѣчаетъ онъ.—Гм. Да, вѣдь, и такъ ужъ сто съ восьмеркой...

И, помолчавъ, опускаетъ голову.

— Вѣдь, хочется, небось?

— А Богъ ее знаетъ...

— Но позволь: ты-то самъ какъ чувствуешь?

Таганокъ думаетъ.

— Да что жъ чувствовать? — говоритъ онъ. — Тутъ чувствовать нечего... Чувствуй, не чувствуй...

— Позволь: ну, а если бы тебѣ, напримѣръ, предложили пять лѣтъ прожить или годъ, — что бы ты выбралъ?

Таганокъ слабо улыбается, глядя въ землю.

— Да что жъ мнѣ ее приглашать... смерть-то? Она меня не угрызетъ. Помоложе кого угрызетъ, а меня нѣтъ... Вотъ и не идетъ...

И учитель тупо, долго глядитъ на него. Потомъ рѣшительно пожимаетъ его твердую ледяную руку и уходитъ.

Онъ уходитъ за деревню, въ поле и долго шагаетъ еъ полутьмѣ по мягкой пыльной дорогѣ, куда глаза глядятъ „Да, да, — думаетъ онъ, — дѣло не въ экономикѣ... Дѣло въ примитивности, въ первобытности, коей не преjdeши... Дѣло, — говоритъ онъ себѣ твердо и

упрямо, — въ исконныхъ чертахъ россиянина: въ атавистическихъ....“

Возвращается онъ усталый, успокоенный. Не спѣша идетъ по улицѣ. Огней нѣтъ, избы темны и тихи. Всѣ спятъ. Пахнетъ жильемъ—какъ-то особенно, тепло, по-ночному. Сухо трюкаютъ осторожные сверчки. Вотъ и опять изба Глѣба. Она вымазана известкой, слабо бѣлѣетъ. Стекла ея сини отъ вечера, въ нихъ еще слабо отражается небо. Внизу, по землѣ рѣбеть какой-то еле замѣтный отсвѣтъ, отчего изба и полушубокъ кого-то сидящаго на голышѣ возлѣ нея странно выдѣляются. Кто это? Неужели Таганокъ? Да, онъ, онъ...

— Дѣдушка, еще здравствуй, — негромко говоритъ учитель, очень тронутый видомъ этого одинокаго, чужого всему міру человѣка, пережившаго и всѣхъ сверстниковъ своихъ, и всѣхъ дѣтей ихъ.

— Кто это? — тихо откликается Таганокъ.

— Да я, учитель... Что же ты не спишь?

Таганокъ думаетъ. Отвѣчаетъ онъ теперь еще медленно:

— Да какой нашъ сонъ... Древень я... Ночь заходитъ — жутко... Какъ медвѣдь идетъ она на меня...

„Это не ночь, а смерть“, — думаетъ учитель, и по головѣ его пробѣгаетъ холодъ.

Помолчавъ, онъ тихо спрашиваетъ:

— Ну, а какъ же? Пожилъ бы еще? Пять годовъ или годъ?

Тихо. Трюкаютъ сверчки. На порогъ избы вышла дымчатая кошка, сбѣжала на землю — и стала невидима. Слабо бѣлѣетъ борода Таганка. Темнаго, гробового лица его не видно. Онъ неподвиженъ. Не слышно даже дыханія его. Живъ ли онъ?

Живъ. Долго спустя онъ отзывается:

— Пожилъ бы... И пять бы годовъ одолѣлъ бы...
Да черезъ пять-то годовъ...

Онъ, видно, вспоминаетъ сноху, свой шалашъ, свою
безпризорность, беспомощность.

И легонько вздыхаетъ:

— Черезъ пять-то годовъ вошь съѣстъ. Въ ней
главная причина. А то пожилъ бы.

НОЧНОЙ РАЗГОВОРЪ.

I.

Небо всю ночь было серебристо-звѣздно, поле за
садомъ и гумномъ темнѣло ровно, и на чистомъ гори-
зонтѣ четко чернѣла мельница съ двумя рогами крыль-
евъ. Но звѣзды искрились, трепетали, часто прорѣзы-
вали небо зеленоватыми полосками, садъ шумѣлъ по-
рывисто и уже по осеннему, холодно. Отъ мельницы,
съ пологой равнины, съ опустѣвшаго жнивья дулъ
сильный вѣтеръ.

Работники сытно поужинали — былъ праздникъ,
Успенье — и жадно накурились по дорогѣ черезъ садъ
на гумно. Накинувъ сверхъ полушубковъ армяки, они
шли туда спать, стеречь хлѣбные вороха. За работни-
ками, таща по землѣ подушку, шелъ высокій гимна-
зистъ, хозяйскій сынъ, и бѣжали три борзыхъ бѣлыхъ
собаки. На гумнѣ, на свѣжемъ вѣтру, хорошо пахло
мякиной, новой ржаной соломой. Всѣ уютно улеглись
въ ней, въ самомъ большемъ ометѣ, поближе къ во-
рохамъ и ригѣ. Собаки повозились, пошуршали у ногъ
работниковъ и тоже успокоились.

Надъ головами лежавшихъ слабо бѣлѣлъ широкий,
раздваивающійся дымно-прозрачными рукавами Млеч-
ный Путь, наполненный висящей въ нихъ мелкой звѣзд-
ной розсыпью. Въ соломѣ было тепло и тихо. Но по
лозняку, что темнѣлъ вдоль вала слѣва, то и дѣло тре-

можно шель и, разростаясь, приближался глухимъ, неприязненнымъ шумомъ сѣверо-восточный вѣтеръ. Тогда до лицъ, до рукъ доходило прохладное дуновение вмѣстѣ съ дурнымъ запахомъ изъ проходовъ между ометами, загаженныхъ дѣвками-поденщицами. А по небосклону, за неправильными черными пятнами лозняка, остро мелькали, вспыхивали льдистые алмазы, разноцвѣтными огнями загоралась Капелла.

Улегшись, всѣ зѣвнули и закрыли глаза. Вѣтеръ дремотно шелестѣлъ торчавшей надъ головами колючей соломой. Но дошла до лицъ прохлада — и всѣ почувствовали, что спать еще не хочется, — выпалились послѣ обѣда. Только одинъ гимназистъ изнемогалъ отъ сладкой жажды сна. Но ему заснуть не давали блохи. Старикъ Хомутъ пробормоталъ что-то, ругая поденщицъ. Гимназистъ сталъ чесаться, раздумался о дѣвкахъ, о вдовѣ, съ которой онъ, при помощи Пашки, потерялъ въ это лѣто невинность, и тоже разгулялся.

Это былъ худой, неуклюжій подростокъ съ необыкновенно нѣжнымъ цвѣтомъ лица, такого бѣлаго, что даже загаръ не бралъ его, съ синими глазами, съ безобразно большими руками и ногами, съ большимъ кадыкомъ. Онъ все лѣто не разлучался съ работниками, — возилъ сперва навозъ, потомъ снопы, оправлялъ ометы, курилъ махорку, подражалъ мужикамъ въ говорѣ и грубости съ дѣвками, которыя дружески поднимали его на смѣхъ, встрѣчали свистомъ и криками: „Веретѣнкинъ, Веретѣнкинъ!“ — дурацкимъ прозвищемъ, придуманнымъ подавальщикомъ въ молотилку Иваномъ. Онъ ночевалъ то на гумнѣ, то въ конюшнѣ, по недѣлямъ не мѣнялъ бѣлья и парусиновой одежды, не снималъ дегтярныхъ сапогъ, сбиль въ кровь ноги съ непривычки къ портянкамъ, оборвалъ всѣ пуговицы и хлястикъ на лѣтней шинели, испачкан-

ной колесами и навозомъ, сломалъ серебряные листочки и буквы на картузѣ.

— Совсѣмъ отбился отъ дому! — съ ласковой грустью говорила о немъ мать, восхищаясь даже его недостатками, тѣмъ, что онъ отбился отъ дому. — Конечно, поправится, окрѣпнетъ, но посмотрите, какая лохматая чушка — даже шеи не моетъ! — улыбаясь говорила она гостямъ и теребила его мягкія каштановыя лохмы, стараясь добраться до нѣжнаго завитка, кудрявившагося, какъ у дѣвочки, на его затылкѣ, на темной шеѣ, отдѣлявшейся отъ виднаго подъ косовороткой подѣтски бѣлаго тѣла, отъ большихъ позвонковъ подъ тонкой гладкой кожей.

А онъ угрюмо вывертывалъ голову изъ подъ ея ласковой руки, хмурился и краснѣлъ. Онъ еще и теперь легко смущался, но косоурился все чаще, росъ не по днямъ, а по часамъ и на ходу гнулъ, задумчиво свисталъ, угловато вилялъ изъ стороны въ сторону. Онъ еще ѣлъ липовый цвѣтъ, вишневый клей, но уже тайкомъ; въ карманахъ его парусиновыхъ панталонъ, набитыхъ грязными носовыми платками, которые отбирали у него время отъ времени чуть не съ дракой, еще много было крошекъ бѣлаго хлѣба, еще лежали перочинный ножъ, рогулька и резина для стрѣльбы по воробьямъ, но онъ сгорѣлъ-бы отъ стыда, если-бъ это обнаружилось, и не выпускалъ рукъ изъ кармановъ. Еще зимой онъ игралъ съ сестрой, маленькой Лилей, въ краснокожихъ, поднимая въ гостиной, наглухо запираемой для этой цѣли, адскій шумъ и грохотъ, тараща глаза и выкрикивая фразу изъ какого-то американскаго романа: „Братъ! — ревѣлъ дикарь, и пѣна клубилась изъ его рта...“ Но весной, когда по всѣмъ улицамъ города текли и дрожали ослѣпительнымъ блескомъ ручьи, когда въ классахъ горѣли отъ солнца

бѣлые подоконники, солнцемъ былъ пронизанъ голубой дымъ въ учительской, и директорская кошка подстерегала первыхъ зябликовъ въ гимназическомъ саду, еще полномъ серебрянаго снѣга,—весной, онъ вообразилъ, что влюбился въ худенькую, маленькую, страшно чистоплотную, начитанную и серьезную гимназистку Юшкову, подружился съ шестикласникомъ въ очкахъ Симашко, называвшимъ его синьоромъ, и, рѣшивъ посвятить всѣ каникулы самообразованію, сталъ грубо говорить Лилѣ, когда она называла его Алей: „Я тебѣ такой-же Аля, какъ ты китайская императрица“... А лѣтомъ мечты о самообразованіи были уже забыты, было принято новое рѣшеніе—изучить народъ, вскорѣ перешедшее въ страстное увлеченіе мужиками.

Вечеромъ на Успенье гимназистъ былъ налить сномъ еще за ужиномъ. Онъ сидѣлъ, согнувшись, одну руку запустивъ въ карманъ, а другой кроша вилкой котлету, и сумрачно клевалъ носомъ. Къ концу cadaго дня, когда туманилась и на грудь падала голова,—отъ усталости, отъ разговоровъ съ работниками, отъ роли взрослого,—возвращалось дѣтство: хотѣлось поиграть съ Лилей, почитать что-нибудь, помечтать передъ сномъ о Юшковой, о какихъ-нибудь дальнихъ и невѣдомыхъ странахъ, о необыкновенныхъ проявленіяхъ страстей и самопожертвованія, о жизни Ливингстона, Беккера, а не мужиковъ Наумова и Нефедова, прочитать которыхъ дано было Симашкѣ честное благородное слово; хотѣлось хоть одну ночь переночевать дома и не вскакивать до солнца, на холодной утренней зарѣ, когда даже собаки такъ томно зѣваютъ и тянутся... Но вошла горничная, сказала, что работники уже пошли на гумно. Не слушая криковъ матери, гимназистъ накинулъ на плечи шинель съ мотающимся

хлястикомъ и картузь на голову, схватилъ изъ рукъ горничной подушку и въ аллеѣ нагналъ работниковъ. Онъ шелъ, шатаясь отъ дремоты, таща за уголъ подушку, и какъ только довалился до омета, подлѣзь подъ старую енотовую шубу, лежавшую тамъ, такъ сейчасъ же и поплылъ, понесся куда-то въ сладкую черную тьму. Но огнемъ стали жечь мелкія собачьи блохи, стали переговариваться работники...

Ихъ было пятеро: добрый лохматый старикъ Хомутъ, Кирюшка, хромою, рябой, бѣлоглазый, безотвѣтный малый, предававшійся мальчишескому пороку, о чемъ всѣ знали и что заставляло Кирюшку быть еще безотвѣтнѣе, сторониться ото всѣхъ и молча сносить всяческія насмѣшки надъ его короткой, согнутой въ колѣнѣ ногой, Пашка, красивый двадцатичетырехлѣтній мужикъ, недавно женившійся, Ѳедотъ, мужикъ пожилой, дальній, откуда-то изъ подъ Лебедяни, прозванный Постнымъ, и очень глупый, но считавшій себя изумительно умнымъ, хитрымъ и беспощадно-насмѣшливымъ человѣкомъ, Иванъ. Этотъ презиралъ всякую работу, кромѣ работъ на земледѣльческихъ машинахъ, носилъ синюю блузу и всѣмъ внушилъ, что онъ прирожденный машинистъ, хотя всѣ знали, что онъ ни бельмеса не понимаетъ въ устройствѣ даже простой еѣялки. Этотъ все сѣуживалъ свои сумрачно-ироническіе свинцовые глазки и стягивалъ тонкія губы, не выпуская трубки изъ зубовъ, значительно молчалъ по цѣлымъ днямъ, когда же говорилъ, то только затѣмъ, чтобы убить кого-нибудь или что-нибудь замѣчаніемъ или прозвищемъ: онъ рѣшительно надо всѣмъ глумился—надъ умомъ и глупостью, надъ простотой и лукавствомъ, надъ уныніемъ и смѣхомъ, надъ Богомъ и собственной матерью, надъ господами и надъ мужиками; онъ рѣшительно всему и всѣмъ давалъ про-

звища, очень нелѣпыя и непонятныя, но произносимыя съ такимъ загадочнымъ видомъ, что всѣмъ казалось, будто есть въ нихъ и смыслъ, и ѣдкая мѣткость. Онъ и себя не щадилъ, и себя прозвалъ. „Рогулинъ-Рогожкинъ“, — сказалъ онъ однажды про себя съ такой сумрачной ироніей, такъ вѣско, такъ зло на что-то намекая, что всѣ покатались со смѣху, а потомъ уже и не звали его иначе, какъ Рогулинъ. Окрестилъ онъ и гимназиста. Услыхавъ какъ-то, что гимназиста кличетъ съ крыльца Лиля, миленькая, голубоглазая, въ голубомъ платицѣ, въ панталонахъ съ зубчиками, наивно бѣлѣющими изъ-подъ оборки, — кличетъ, подпрыгивая и ловко попадая ножками въ обручъ: „Аля! Аля!“ — Иванъ сказалъ нѣчто очень гнусное про Лилю, про ея панталончики, а потомъ чепуху про гимназиста: Веретѣнкинъ.

Всѣхъ этихъ людей гимназистъ, какъ онъ думалъ, хорошо узналъ за лѣто, ко всѣмъ по разному привязался, — даже и къ Ивану, издѣвавшемуся надъ нимъ, какъ онъ думалъ, только потому, что онъ надо всѣми издѣвался, — у всѣхъ тому или другому учился, воспринимая ихъ говоръ, совершенно, какъ оказалось, не похожій на говоръ мужиковъ книжныхъ, ихъ неожиданныя, нелѣпыя, но твердыя умозаключенія, однообразіе ихъ готовой мудрости, ихъ грубость и добродушіе, ихъ работоспособность и нелюбовь къ работѣ. И, уѣхавши, послѣ каникулъ въ городъ, а на другое лѣто уже не вернувшись къ увлеченію мужицкой жизнью, весь свой вѣкъ думалъ бы, что отлично изучилъ русскій народъ, — если бы случайно не завязался между работниками въ эту предѣсеннюю ночь длинный откровенный разговоръ.

Началъ его старикъ, лежавшій рядомъ съ гимназистомъ и чесавшійся крѣпче всѣхъ.

— Ай, барчукъ, донимаютъ? — спросилъ онъ. — Чистая бѣда эти блохи, хомутъ! — сказалъ онъ, употребляя слово, которымъ постоянно опредѣлялъ и всю жизнь свою, и всю тяготу ея, всѣ непріятности.

— Мочи нѣтъ, — отозвался гимназистъ. — Страсть донимаютъ. Вотъ бабъ, дѣвокъ, — прибавилъ онъ, помолчавъ, — тѣхъ, провалиться имъ, не трогаютъ. А ужъ кого бы, кажись, жиять, какъ не ихъ.

— Главная вещь, портокъ на нихъ не полагается, — равнодушно подтвердилъ старикъ, ворочаясь и издавая крѣпкій запахъ давно не мытаго тѣла, и вытертаго зипуна, прокопченаго курной избой.

Прочіе молчали. Обычно шутили передъ сномъ, — спрашивали Пашку о его супружеской жизни, а онъ отвѣчалъ съ такимъ спокойнымъ и веселымъ безстыдствомъ, что даже гимназистъ, постоянно восхищавшійся имъ, не сводившій глазъ съ его умнаго и живого лица, досадовалъ — какъ это можно говорить такъ о своей молодой женѣ. Теперь никто не начиналъ распросовъ, и гимназистъ уже хотѣлъ было самъ начать ихъ, чтобы еще болѣе взволновать свое воображеніе, на вѣки отравленное вдовой, и послушать увѣренный и спокойно-веселый голосъ Пашки, какъ Пашка потянулся, сѣлъ и сталъ заворачивать цыгарку. Старикъ поднял голову въ шапкѣ и покачалъ ею:

— Ой, спалишь ты, малый, гумно! — сказалъ онъ. — Смотри. До грѣха недолго.

— А я на барчука солгусь, — отвѣтилъ Пашка, немного хрипя отъ простуды, и, откашлявшись, засмѣялся. — Онъ самъ постоянно курить. Чудная ночь, барчукъ, сегодня, — сказалъ онъ, мѣняя тонъ на серьезный и оборачиваясь къ гимназисту. — Къ этой ночи что недостаетъ? Луну.

Чувствовалось, что онъ хочетъ рассказать что-то.

И, правда, помолчавъ и не получивъ отвѣта, онъ вдругъ спросилъ:

— Барчукъ, вы спите?

— Веретенкинъ, живъ? — неожиданно крикнулъ Иванъ, не поднимая головы.

Пашка серьезно осадилъ его:

— погоди, будя орать-то! Я хотѣлъ дѣло спросить. Который теперь часъ, барчукъ?

Гимназистъ медленно поднялся, вытащилъ изъ кармана панталонъ серебряные часы и при свѣтѣ звѣздъ сталъ разглядывать ихъ.

— Половина одиннадцатаго, — сказалъ онъ, горбясь.

— Ну вотъ, такъ я и зналъ, — весело и увѣренно подтвердилъ Пашка, затиснувъ на бокъ зубами крючекъ и закуривая отъ вонючаго сѣрника, загорѣвшагося въ его сложенныхъ ковшикомъ рукахъ. — Вѣрнѣй поповой души. Въ акуратъ въ это самое время я человѣка прошлый годъ убилъ.

И гимназистъ сразу разогнулся, опустилъ отяжелѣвшія руки; опять согнулся, запустилъ руки въ карманы шинели — и точно окаменѣлъ на все время разговора. Онъ изрѣдка подавалъ голосъ, но такъ, точно другой кто говорилъ за него. Потомъ все внутри у него стало дрожать мелкой ледяной дрожью, позывая на отрывистый нелѣпый смѣхъ, и огнемъ стало горѣть лицо.

II.

Иванъ, какъ всегда, значительно молчалъ; его благодутный крикъ: „Веретенкинъ, живъ?“ — всѣ обяснили сытостью. Кирюшка тоже молчалъ. Онъ совсѣмъ не интересовался тѣмъ, что говорили, лежалъ и

думалъ свое — о подержаной гармоніи, купить которую у петрищевского гармониста было его самой заветной мечтой. Долго молчалъ, лежа на локтѣ, и Федотъ, сильный, плоскій, рыжій мужикъ, въ началѣ лѣта казавшійся работникамъ чужимъ человѣкомъ по той причинѣ, что носилъ онъ полушубокъ безъ талии, безъ сборокъ, вродѣ тѣхъ, что носятъ казанскіе татары. Чужимъ казался онъ и гимназисту. Насколько нравилось ему веселое спокойствіе, ладность ухватокъ, молодое загорѣлое лицо Пашки, настолько же не располагало его къ близости лицо Федота, тоже спокойное, но ничего не выражающее, большое, пепельно-сѣрое, морщинистое, съ жидкой растительностью на бородѣ, съ жидкими и всегда мокрыми отъ слюней, отъ трубки усами, съ крупными отворотами бѣлесыхъ обвѣтренныхъ губъ. Федотъ слушалъ внимательно, но не вставлялъ въ разговоръ Пашки ни слова — только чахоточно покашливалъ и поплеывалъ въ солому. И сперва поддерживали разговоръ только пораженный гимназистъ да старикъ.

— Что брешешь пустое, — равнодушно сказалъ старикъ, услыхавъ хвастливое заявленіе Пашки. — Какого такого человѣка могъ ты убить? Гдѣ?

— Глаза лопни, не брешу! — горячо отозвался Пашка, поворачиваясь къ старику. — Прошлый годъ убилъ, на Успенъе. Объ этомъ не только что, объ этомъ во всѣхъ газетахъ писали, въ приказѣ по полку и то было.

— Да гдѣ убилъ-то?

— Да на Кавказѣ, въ Зухденахъ. Ей-Богу. Конечно, брехать не стану, не я одинъ убилъ, и Козловъ стрѣлялъ, — нашъ-же, елецкій, — эта благодарность не одному мнѣ была, дивизіи начальникъ, конечно, и ему спасибо сказалъ при всемъ фронтѣ и прямо-же намъ по

рублю наградили, но только я подлинно знаю, что это безпримѣрно я его срѣзалъ.

— Кого его? — спросилъ гимназистъ.

— Да арестанта, грузинта этого.

— Стой, — перебилъ старикъ, — ты толкомъ-то расскажи. Гдѣ вы стояли?

— Опять двадцать пять! — притворно-досадливо сказалъ Пашка. — Вотъ чудакъ, не вѣрить ничему. Стояли мы въ этихъ, въ Новыхъ Сенькахъ...

— Знаю, — сказалъ старикъ. — И мы тамъ стояли восемнадцать день.

— Ну, вотъ видишь, значить, я не пустое брешу и могу тебѣ все это приблизительно рассказать. Мы тамъ, братъ, не восемнадцать день, а цѣльный годъ семь мѣсяцевъ стояли, а арестантовъ этихъ обязаны были до самыхъ до Зухденъ препровождать. Арестанты эти были прямо что ни на есть самые главные проступники, бунтовщики, и, значить, всѣхъ ихъ, десять человѣкъ, въ горахъ поймали и къ намъ предоставили.

— Стой, — перебилъ гимназистъ, подражая старику, но уже чувствуя, что у него леденѣютъ руки, — а какъ же ты мнѣ говорилъ, что не сталъ бы бунтовщиковъ стрѣлять, а скорѣе офицера, какой будетъ приказывать стрѣлять, застрѣлишь?

— А я и отцу родному не спущу, когда надо, — отвѣтилъ Пашка, мелькомъ взглянувъ на гимназиста и опять оборачиваясь къ старику. — Я, можетъ, и пальцемъ бы его не тронулъ, кабы онъ не задумалъ погубить насъ, а онъ на хитрости пошелъ и могли мы за него цѣльный годъ въ арестанскихъ ротахъ пробыть, а тутъ не только что, — благодарность получили, немножко поумнѣй его оказались. Ты вотъ послушай, — сказалъ онъ, дѣлая видъ, что говорить только со ста-

рикомъ. — Мы ихъ честно-благородно вели. Озорства этого ничего съ ними не дѣлали, бить тамъ, напримеръ, али прикладомъ подгонять... А одинъ, худой этакій, малорослый, вродѣ какъ больной, все идетъ и на животъ жалится, до вѣтру все просится. Еле кандалами брянчить. Наконецъ того, подходитъ къ старшму: „Дозвольте на телѣгу лечь“. Ну, ему и дозволили, какъ путному. Только приходимъ въ Зухденъ. А ночь — хоть глазъ выколи и дождь холить. Посадили мы ихъ на крыльцо, стережемъ, у кажнаго, конечно, по фонарику въ рукѣ, а старшой въ камеру отлучился, рѣшетки въ окнахъ пощупать: извѣстно, затѣмъ, что цѣлы ли, молъ, не подпилены ли какой пилкой фальшивой...

— Обязательно, — сказалъ старикъ. — Онъ долженъ по закону все въ исправности принять.

— Про то и толкъ, — подтвердилъ Пашка, опять торопливо пряча зажженный свѣчникъ въ руки, сложенный ковшикомъ. — Вотъ ты это дѣло знаешь, тебѣ и рассказывать интересно. Ну, пошелъ старшой, — продолжалъ онъ, давая спичку и пуская въ ноздри дымъ, — пошелъ, осматриваетъ, а мы стоимъ, клюемъ рыбу, — спать мочи нѣтъ какъ хочется, — а грузинтъ этотъ какъ вскочить вдругъ да — за-уголъ! Онъ, понимаешь, значить, еще въ телѣгѣ все это дѣло какъ слѣдуетъ обдумалъ, разрѣзалъ чѣмъ ни на есть ремень кандалный округъ пояса, спустилъ кандалы съ себя, подхватилъ вотъ такъ-то рукой, — Пашка нагнулся и, разставляя ноги, показалъ, какъ подхватилъ арестантъ кандалы, — да и дѣру! А мы съ Козловымъ, не будь дураки, фонари покидали и — за нимъ: Козловъ себѣ за-уголъ, а я прямо на перерѣзъ. Бѣгу, а самъ все норовлю поймать, гдѣ зукъ, гдѣ, то-есть, кандалы его звенять, — дуромъ-то, думаю, и стрѣлять нечего, — на-

слышалъ, наконецъ того,—разъ! Чую—мимо. Я въ другой—опять, слышу, мимо. А Козловъ лупить по чемъ ни попало, того гляди меня срѣжетъ... Взяло меня зло: ахъ, думаю, глаза твои лопни!—приложился, вдарилъ: слава тебѣ, Господи, сорвался, слышу, звукъ, видно, упалъ. Выпустилъ еще два патрона въ это мѣсто, бѣгу, а онъ и вотъ онъ: на земли на задѣ сидитъ. Сѣлъ, руками уперся въ грязь, зубы оскалилъ и храпитъ: „Скорѣй, говоритъ, скорѣй, русъ, вдарь меня въ это мѣсто штыкомъ“... въ грудь, то-есть. Я навѣсилъ съ разбѣгу ружье—разъ ему въ самую душу... ажъ въ спину выскочило!

— Ловко!—сказалъ старикъ. — Дай-ка затянуться разокъ... Ну, а Козловъ-то гдѣ-жъ?

Пашка быстро, крѣпко затянулся и сунулъ старику окурокъ.

— А Козловъ,—отвѣтилъ онъ поспѣшно и весело, польщенный похвалой,—а Козловъ бѣжитъ и не судомъ кричитъ: „ай уgomонилъ?“—Уgomонилъ, говорю, давай тушку тащить... Взяли его сейчасъ за кандалы и поволокли назадъ, къ крыльцу... Я его какъ жожку срѣзалъ,—сказалъ онъ, мѣняя тонъ на болѣе спокойный и самодовольный.—А ты говоришь—брешу! Я, братъ, по пусту брехать не стану.

Старикъ подумалъ:

— И по рублю, говоришь, наградилъ васъ?

— Вѣрное слово,—отвѣтилъ Пашка,—прямо изъ своихъ рукъ далъ дивизіи начальникъ, при всемъ полномъ фронтѣ.

Старикъ, покачивая шапкой, плюнулъ въ ладонь и потушилъ въ слюнѣ окурокъ.

Иванъ, не спѣша, сказалъ сквозь зубы:

— А дураковъ, видно, и въ солдатахъ много.

— Это какъ же такъ?—спросилъ Пашка.

Иванъ молчалъ.

— Значитъ, я же и дуракъ вышелъ, а ты опять же умень?—весело спросилъ Пашка, укладываясь.

— Обязательно,—сказалъ Иванъ. — Ключ-Матвѣй! Ты что долженъ былъ дѣлать? Ты долженъ былъ не волочь его, а послать съ рапортомъ товарища, а самъ съ ружьемъ стать при мертвомъ тѣлу. Теперь расчу-халъ, ай нѣтъ?

III.

Федотъ заговорилъ, когда всѣ помолчали и побормотали: „да-а... ловко...“ — еще проще.

— А вотъ я,—началъ онъ медлительно, лежа на локтѣ и поглядывая на темную, неподвижно торчавшую передъ нимъ на звѣздномъ небѣ, фигуру гимназиста, — а вотъ я совсѣмъ задаромъ согрѣшилъ. Я человѣка убилъ, прямо надо сказать, изъ-за ничтожности: изъ-за козѣ своей.

— Какъ изъ-за козѣ? — въ одинъ голосъ перебили старикъ, Пашка и гимназистъ, внезапно стукнувшій зубами.

— Ей-Богу, правда,—отвѣтилъ Федотъ. — Да вы вотъ послушайте, что за ядъ была эта коза...

Старикъ и Пашка, глядя на него удивленно, опять стали закуривать и уминать солому, приготовляясь слушать. Хотѣлъ закурить и гимназистъ, но не двигались, не вынимались изъ кармановъ ледяныя руки. А Федотъ серьезно и спокойно продолжалъ:

— Изъ ней вся и дѣло вышла. Убилъ-то, конечно, не нарокомъ... Онъ же меня первый избилъ... А потомъ пошла сваря, судъ... Онъ пьяный пришелъ, а я выскочилъ сгоряча, вдарилъ брусомъ... Да объ этомъ что говорить, я и такъ въ монастырѣ за него полгода отде-

журилъ, а кабы не было этой козѣ, и ничего бы не было. Главная вещь, отъ роду ни у кого у насъ не водилось этихъ козъ, не мужицкое это дѣло, и обращенія съ ними мы не можемъ понимать, а тутъ еще и коза-то попалась лихая, игривая. Такая стерва была, не приведи Господи. Что борзая сучка, то и она. Можетъ, я и не захотѣлъ бы ее пріобрѣтать, — и такъ всѣ смѣялись, отговаривали, — да прямо нужда заставила. Угодій у насъ нѣту, простору и лѣсовъ никакихъ... Прогону своего у насъ споконъ вѣку не было, а какая мелочная скотина, такъ она просто по парамъ питается. Крупную скотину, коровъ мы на барскій дворъ отдавали, а полагалось съ нашего брата, мужичка, за всю эту инструкцію двѣ десятины скосить-связать, двѣ десятины пару вспахать, три-дни съ бабой на покосѣ отбыть, три-дни на молотѣбѣ. Сосчитать, сколько это будетъ?—сказалъ Федотъ, поворачивая голову къ старику.

Старикъ сочувственно подтвердилъ:

— Избавь Господи!

— А козу купить, — продолжалъ Федотъ, — ну, отъ силы семь, али, скажемъ, восемь цѣлковыхъ отдать, а въ напоръ она дастъ бутылки четыре, не менѣ, и молоко отъ ней гуще и слаже. Неудобство, конечно, отъ ней та, что съ овцами ее нельзя держать — бьетъ ихъ дюже, когда котна, а зачнетъ починать, злѣй собаки исдѣлается, зрить ихъ не можетъ. И такая цопкая скотина — это ей на избу залѣсть, на ракирку — ничего не стоитъ. Есть ракирка, такъ она ее безпремѣнно обдеретъ, всю шкурку съ ней спустить — это самая ея удовольствіе! На что бы лучше траву — такъ нѣтъ, не лопаешь...

— Ты же хотѣлъ рассказать, какъ человѣка убилъ, — съ трудомъ выговорилъ гимназистъ, все глядя на

Пашку, на его лицо, неясное въ звѣздномъ свѣтѣ, не вѣря, что этотъ самый Пашка — убійца, и представляя себѣ маленькаго мертваго грузина, котораго волокутъ за кандалы, по грязи, среди темной дождливой ночи, два солдата.

— Да а я-то про что-жъ? — отвѣтилъ Федотъ грубовато и заговорилъ немного живѣе. — Ты не можешь этого дѣла понимать, ты своимъ домомъ жить-то еще не пробовалъ, а за мамашей жить — это всякій проживетъ. Я про то и говорю, что этакій страшный грѣхъ прямо изъ-за пустого вышелъ. Я изъ-за ней трехъ овецъ да ярку зарѣзалъ, — сказалъ онъ, обращаясь къ старику. — Девять съ полтиной за нихъ взялъ, а за нее восемь заплатилъ. Не дешево тоже обошлась... И опять же съ бабой пошли каждый день скандалы. Взялъ, говорю, пустое, восемь за козу отдалъ, ну, тамъ кой-чего для хозяйства купилъ, кой-какую вещь, ребятамъ свистулекъ набралъ, пошелъ домой, перъ, перъ, пришелъ къ утру — глядь, полтинника нѣту: сунулъ, значить, въ карманъ и посѣялъ. Стала баба деньги считать — „гдѣ-жъ, говорить, полтинникъ? проглотилъ? говорила тебѣ, дураку, тушками продать, а овчины себѣ оставить...“ И зачала меня чекрыжить. „Почему такое свистульки кособокія?“ — „А тебѣ, молъ, за копѣйку да еще выбирать дадутъ? Ишь, мотивъ какой нашла...“ Слово за слово... Такой скандалъ пошелъ, не приведи Господи! Она у меня такая, правду сказать, собака — во всей губерни поискать. Зла до крайности...

— Это своя допущеніе, — дѣловито вставилъ Пашка. — Ихъ не бить, добра не видать.

— Понятная дѣло, — сказалъ Федотъ. — И то гладева добила. Ну, одумалась, покорилась. А подоила козу на ранѣ, и совсѣмъ повеселѣла: хороша, правда,

на удои оказалась и молоко отличная. Ну, мы было и обрадовались. Погнали въ стадо. Далъ я пастушатамъ на табакъ, поднесъ по чашкѣ водки... а то они, сукины дѣти, брухаться приучаютъ... Только вечеромъ пригнали стадо — смотрю, нѣту моей козѣ. Я къ пастуху: „почему нашей козѣ нѣту?“ А потому, говоритъ, пригнали мы стадо на лѣсной парѣ, зачала твоя коза съ коровами играть, схватилась съ быкомъ: отойдетъ отъ него, разлетится, разлетится — разъ его въ кичку! Быкъ—въ ревъ, налилъ глаза кровью да за ней... До того его изняла, сталъ за коровъ отъ ей прятаться, а ки-нешься отгонять, она — шаркъ въ овесъ... Мы прямо изъ силъ выбились. А потомъ ушла, бѣгалъ за ней подпасокъ, весь лѣсъ выбѣгалъ, нигдѣ не нашель, — какъ скрозъ земь провалилась...

— Ну, правда что, — ядъ коза! — замѣтилъ старикъ.

— А-а! — злорадно сказалъ Оедотъ. — Да это еще что, ты послухай, что дальше-то будетъ! Какъ пропала эта самая коза, мы съ бабой прямо очумѣли. Ну, думаемъ, каюкъ, вотъ тебѣ и денежки наши, безпримѣнно попанется она волку на-зубы. А того, понятно, и въ головѣ не держимъ, что куда бы лучше было, кабы ее черти задрали. Кинулись на-ранѣ въ лѣсъ, кажись живого мѣста не оставили, все до шпенту обѣлосили — нѣту нигдѣ, да и только! Затужилъ я Бо-зна какъ, однако, ѣду пахать, — какъ разъ пахота подошла. Взялъ съ собой хлѣбушка въ платочкѣ, положилъ подъ межу, пашу, а на другомъ бугрѣ малый нашъ деревенскій пашетъ — вдругъ, слышу, кричитъ что-й-то, показываетъ рукой. Оглянулся я — да такъ и ахнулъ: коза! Вытащила узелокъ, схватила въ зубы, растрясла и стоитъ, дергаетъ бородой, хлѣбъ лопаеъ... А они, козы-то эти, ужъ гдѣ хлѣбъ ни будь, завсегда прочуютъ, — повѣсишь, такъ она на дыбушки взовьется,

а ужъ обязательно до него доберется. Кинулъ я поскорѣй соху — къ ей. Я къ ей, а она отъ мене. Я къ ей, она отъ мене: отбѣжитъ, остановится, жуеъ хлѣбъ — и горюшка мало. И вѣдь такая веселая да умная стерва — за всѣмъ моимъ движеніемъ слѣдитъ. А меня сердце на нее беретъ, очень хочется поймать, такъ бы, кажись, и расшибъ ее! Сожрала хлѣбъ и пошла: обертывается, поглядываетъ, хвостомъ трясетъ, — ну, прямо насмѣшничаетъ! Подхватилъ я здоровый каменище, ухнулъ въ нее съ большого навѣсу — мимо: наговорная, что ли, вихоръ ее знаетъ! Вижу, карабкается, какъ ни въ чемъ не бывало, на бугоръ, по камушкамъ... И опять ушла въ лѣсъ...

— Что и говорить, скотина безпечная! — сказалъ старикъ.

— Про что-жъ я-то говорю? — воскликнулъ Оедотъ, поощренный сочувствіемъ. — Я про то и говорю, — дай-ка, трубочки затянуться, — я про то и говорю, — продолжалъ онъ оживленнѣе, взявъ трубку въ зубы и поудобнѣе поставивъ локоть, — она прямо сокрушила насъ! Изъ ней, говорю, и вся дѣло вышла. Тутъ и недѣли не прошло, стали всѣ на меня обижаться, такъ, говорятъ, и живетъ коза твоя въ мужицкихъ хлѣбахъ, а у меня у самого весь осьминникъ истолкла, всѣ кисти съ овса оборвала. Разъ какъ-то зашла гроза, загремѣлъ громушекъ, зачала молонья полыхать, опустился дождь — смотрю, несется моя бѣлая коза, что есть духу, прямо къ намъ, оретъ не своимъ голосомъ — и прямо въ сѣнцы. Я со всѣхъ ногъ за ей, зажалъ ее въ уголъ, затянулъ черезъ рога и шею подпояской, завелъ на варокъ, зачалъ ее утюжить... громъ гремитъ, молонья жжетъ, а я ее деру, я ее деру! Должно, болѣ часу дралъ, вѣрное слово. Посадилъ потомъ на варкѣ, привязалъ на подпояскѣ...

Да тотъ-то ее знаетъ, либо подпояска попалась гнилая, либо еще что, только глянули мы на-ранѣ—опять нѣту козѣ! Такъ, вѣришь ли, ажъ слеза меня со зла да съ горя прошибла!

IV.

Тонъ Оедота сталъ такъ простъ, сердеченъ, такъ полонъ хозяйственнаго огорченія, что никому бы и въ голову не пришло, что это рассказываетъ о своемъ грѣхѣ убійца. Да и слушали его просто. Кирюшка неподвижно лежалъ внизъ животомъ, съ головой покрытой армякомъ, выставивъ изъ подъ него толсто опутанныя бѣлыми онучами, въ большихъ лаптяхъ ноги. Иванъ, надвинувъ на лобъ шапку, запустивъ руки въ рукава, лежалъ на боку и тоже не двигался, молчалъ же строго и серьезно только потому, что считалъ ниже своего достоинства интересоваться дураками. Ему такъ мало было дѣла, убійцы передъ нимъ или нѣтъ, что онъ даже крикнулъ разъ:

— Спать пора! Завтра домелете!

А Пашка и старикъ, полулежа и задумчиво перекусывая соломинки, только головами покачивали да порою усмѣхались: ну, правда, и горя зазналъ Оедотъ съ козой! И Оедотъ, видимо, считая себя уже оправданнымъ этимъ сочувствіемъ къ его смѣшному и горькому положенію, совсѣмъ пересталъ стѣсняться отступленіями. И гимназистъ, стиснувъ зубы и отъ вѣтра, и отъ внутренняго холода, порою дико, съ изумленіемъ оглядывался: гдѣ онъ и что это за странная ночь? Но была все такая же, простая, знакомая, деревенская ночь, какихъ было много: просто темнѣло поле, чернымъ треугольникомъ вырѣзывалась въ звѣздномъ небѣ рига, дулъ вѣтеръ по лозняку, за которымъ вспы-

хивали и пропадали звѣзды, доходило до лицъ и рукъ прохладное дуновеніе съ запахами мякины и нечистотъ, шуршало въ соломѣ и опять стихало... Глубокимъ сномъ спали, утонувъ въ соломѣ бѣлыми клубками, собаки... И страшное было только въ томъ, что было уже поздно, что высоко поднялась съ сѣверо-востока кучка серебряныхъ звѣздъ, поздняго осенняго созвѣздія Стожаръ, что глухо, по осеннему шумитъ вдали темная масса дремотнаго сада, что блещутъ въ звѣздномъ свѣтѣ глаза на лицахъ разговаривающихъ.

— Да, братецъ ты мой, — говорилъ Оедотъ, смѣясь надъ своимъ нелѣпымъ и печальнымъ положеніемъ, — какъ же не бѣда-то! Сказываютъ мнѣ, наконецъ, того, — загналъ мою кѣзу мужикъ на Прилѣпахъ. Иду добывать, дѣлать нечего, такой ужъ, видно, жербій мой. Жара — прямо смерть. Прихожу на деревню, идѣ ни гляну, — никого нѣту, всѣ на работѣ. Ёдетъ мальчикъ за водой, спрашиваю: гдѣ домъ Бочкова? „А вонъ, говоритъ, гдѣ старуха въ красной паневѣ подъ лозинкой сидитъ“. Подхожу: это Бочковъ дворъ? Махаешь мнѣ старуха рукой, на варокъ показываетъ...

— Ошалѣла, значитъ, отъ старости, — вставилъ Пашка, такъ хорошо засмѣявшись, что гимназистъ съ изумленіемъ и страхомъ оглянулся на него и подумалъ: „да, нѣтъ, не можетъ быть — это онъ все навралъ на себя!“

— Ошалѣла, — подтвердилъ Оедотъ. — Только рукой махаешь. А я ужъ давно слышу — все время свинья на варкѣ юзжитъ. Отворяю дверь въ клѣтушку, плетеную заутку, гдѣ эта самая свинья сохраняется. Вижу — возитъ по зауткѣ бабу здоровенная матка: навалилась на нее баба, держитъ одной рукой, другой изъ ведра на нее поливаетъ. А свинья вся черная отъ грязи, возитъ ее, таскаетъ, никакъ баба съ ней не сла-

доть, заголилась до самага живота. И смѣхъ, и грѣхъ! Увидала меня, обдернула подолъ, ноги, руки, вся лицо въ навозѣ... „Что тебѣ нужно?“ — „Что нужно? По дѣлу. Что это ты такое дѣлаешь?“ — „Свинью мою, ай не видишь? Три ведра ужъ вылила, никакъ не отмою — намохла грязь, какъ шкара, даже окривѣла свинья отъ грязи, а свинья дорогая. Только дотронуся до глаза, она и зачнетъ меня таскать... Вся рубаха смокла, до того добила. А какое твое дѣло будетъ?“ — „Такое, говорю, что вы мою козу загнали, держите прилюдный скотъ, а объявленіе не дѣлаете“. — „Никакой, говоритъ, твоей козѣ мы не держимъ. Мы ее выпустили. Ее на барскомъ дворѣ загнали“. И смѣется чего-й-то. Та-акъ, думаю, значить, опять моя дѣло табакъ. Ну, погоди-жь ты! Вышелъ, пошелъ. Только зашелъ за сосѣдній дворъ, повернулъ на стезжку по конопамъ, — откуда ни явись, мальчишка чей-то рыжій, конопатый на встрѣчу. „Ты за козой приходилъ?“ — „За козой. А что?“ — „Я съ тобой на барскій дворъ пойду“. — „Это зачѣмъ, позвольте спросить? И никуда ты со мной не пойдешь“. — „Нѣтъ, пойду. Я тебѣ одну штуку про козу твою расскажу“. — „А пойдешь, сломя пруть лозинный, за мое почтеніе прохвачу“... Вдругъ слышу, кричитъ баба за избой: „Кузька, куда тебя закружило, глаза твои накройся?“ — „Скорѣй, говорю, бѣги, вонъ мать съ крипивою идетъ“. А она и вотъ она — увидала его, бѣжитъ: „Не табѣ сказала за малымъ смотрѣть? А табе куда завихрило, такой сякой?“ Сгребла его, спустила портки, заголила всю провизию, зачала охаживать крипивою... А я еще шучу, приговариваю. „Дери, молъ, дери его, настыр-наго!“ Какъ она вскинется на меня! „Ты чей?“ — „А тебѣ, молъ, что за дѣло?“ — „Да нѣтъ, ты скажи, ты чей?“ — „Старой бабѣ казначей. Чего орешь? Я козу

свою ишу“. — „А, такъ это ты, глаза твои накройся, съ своей козой спокою всему селу не даешь!..“ И вижу вдругъ — несется ко мнѣ рыжій высокій мужикъ отъ рыги — безъ шапки, распояской, въ сапогахъ. Набѣжалъ со всѣхъ ногъ: „Твоя коза?“ — „Моя“... Развернулся — какъ ахнетъ мнѣ въ ухо!

— Чисто! — въ одинъ голосъ воскликнули старикъ и Пашка, а гимназистъ даже взвизгнулъ: вотъ оно, самое страшное-то! Но Федотъ спокойно вытянулъ изъ-подъ себя полу полушубка и спокойно продолжалъ:

— Да, такъ огрѣлъ, ажъ въ головѣ у меня зажун-дѣло. Съ того и началась наша свара. Я сгребъ его за руки, спрашиваю: за что? А тутъ ужъ народъ бѣжитъ... Я при всѣхъ прошу просвидѣтельствовать это дѣло, опять спрашиваю: что такое моя коза натворила? Оказывается, ребенка съ ногъ долой сшибла, голову до крови проломила, рубаху сжевала, рожь истолкла. Чудесно, — подавай въ судъ, тамъ и съ меня впросятъ, и тебя не помилуютъ. Теперь-то, молъ, елдакъ ты съ меня возьмешь! Просвидѣтельствовалъ, шапку надѣлъ, пошелъ поскорѣй на барскій дворъ. Повеселѣлъ маленько: коза теперь, думаю, не уйдетъ, а взыскивать съ меня ты теперь не можешь, — драть-ся-то погодить было надо. Подхожу, вижу, ѣдетъ на лошаdkѣ съ подрубленнымъ хвостикомъ мальчикъ въ атласномъ картузикѣ, съ голыми руками, ногами, жокей называется. Лошадь подыгрываетъ, а онъ ее хлыстикомъ жилаетъ. „Здравія желаемъ, молъ, позвольте спросить: у вашей милости моя коза?“ — „А вы кто такой?“ — „Хозяинъ этой козѣ“. — „Ну, такъ ее мой папашка велѣлъ загнать“. Расчудесное дѣло, иду дальше, встрѣлъ нищаго, сдѣлалъ у него запасъ хлѣбушка, а то кобели на барскомъ дворѣ здоровы, во-

шелъ на барскій дворъ, прошелъ мимо людской, стоитъ, вижу, возлѣ дома, на песочномъ току, карета четверикомъ: лошади жирныя, рьяныя, а кучеришка мелковѣсный, совсѣмъ никуда. На крыльцѣ лакей съ двумя бородами. Выходить барышня взрослая, въ шляпкѣ съ лентами, вся лицо въ кисей. „Даша, кричитъ въ домъ горничной, скажите барину, чтобы шелъ скорѣй. Онъ въ манежѣ“... Я къ манежу. Вижу, стоитъ самъ баринъ въ мундирѣ съ зеленымъ воротомъ, на шеѣ орденъ, картузь въ рукѣ держитъ, лысина такъ и отливаетъ на солнцѣ, животъ весь въ сборкахъ, самъ красный весь. А мальчишка на крышѣ сидитъ, запустилъ руку подъ пелену, ищетъ что-й-то. Должно, шкворцовъ, думаю себѣ. Анъ нѣтъ, — воробьями занялся. Онъ глядитъ, кричитъ: „лови, лови ихъ, сукиныхъ дѣтей“, а мальчишка ловитъ воробьятъ голыхъ, вытаскиваетъ и обѣ земь бьетъ. Увидалъ меня: „ты что?“ — „Да вотъ, говорю, мою козу вашъ садовникъ на земляникѣ прихватилъ. Дозвольте ее взять, убить“. — „Ужъ это не въ первый разъ, говорить, я тебя оштрабую на два цалковыхъ“. — „Согласенъ, говорю, съ вами, виноватъ, подписываюсь въ этомъ. Такой грѣхъ, говорю, — у меня ее завсегда двѣ дѣвки стерегутъ, а вчерась, какъ нарочно, — пострѣлъ ихъ знаетъ, сырыхъ грибовъ что-ль наѣлись, — катаются, блюютъ, а жена-то, признаться, тоже не доглядѣла, въ пунѣкъ лежала, на крикъ кричала — рука развилась“... Надо вѣдь какъ-нибудь оправдываться. Рассказываю ему, какая у меня коза ядъ, какъ меня съѣздили по уху за нее, — смѣется, подобрѣлъ. Сколько, говорю, не преслѣдую, никакъ не поймаю, и такъ хотѣлъ у вашей милости порошку попросить, да у огородника ружье взять, изъ ружья ее пристрѣлить. Ну, онъ и размякъ, позволилъ взять, а я тутъ же и пристукнулъ ее.

— Пристукнулъ таки? — спросилъ старикъ.

— Обязательно, — сказалъ Федотъ. — „Ну, бери, говоритъ, только смотри съ моими не смѣшай“. Никакъ нѣтъ, говорю, я хорошо ее личность знаю. Пошли на варокъ, взяли пастуха Пахомку. Баринъ тоже не отстаеъ. Интересно, значить... Глянулъ я, — сейчасъ же и замѣтилъ ее черезъ овецъ: стоитъ, жустритъ что-й-то, косится на меня. Согнали мы съ Пахомомъ овецъ въ уголъ поплочнѣе, сталъ я къ ей подходить. Шага два сдѣлалъ, — она сигъ черезъ барана! И опять стоитъ, глядитъ. Я опять къ ей... Какъ она уткнетъ голову рогами въ земь, да какъ стреканетъ по овцамъ, — такъ тѣ отъ ней, какъ вода, раздались! Взяло меня зло. Говорю Пахомкѣ: „ты ее подгоняй потише, а я, гдѣ потемнѣе, влѣзу на переметъ, за рога ее перехвачу“. А навозу на дворѣ страсть сколько, подъ самые переметы въ иныхъ мѣстахъ. Залѣзъ я на переметъ, легъ, облапилъ покрѣпче, а Пахомка подпугиваетъ ее ко мнѣ. Баринъ тоже стоитъ, — два раза горничная приходила, а онъ все стоитъ, смѣется. дождался я, наконецъ того, пока она подъ самый переметъ подошла — цопъ ее за рогъ. Какъ закричитъ она, — даже жуть меня взяла! Свалился съ перемета, ногами упираюсь, держусь за рогъ, а она претъ меня по двору, дотащила до ямы, вывернулась, заскребла меня рогомъ по бородѣ, по носу, — ажно-ль въ глазахъ потемнѣло... А баринъ, какъ стоялъ, такъ и упалъ на корыто — со смѣху задохнулся, вся лицо въ слезахъ, — „держи, держи!“ — кричитъ. Я глянулъ, а она ужъ на крышѣ: вскочила на навозъ, съ навозу на крышу, съ крыши — въ бурьянъ... Слышимъ, зашумѣли собаки на дворѣ, подхватили ее, турятъ по деревнѣ. Мы, конечно, выскочили, за ней. А она летитъ, что ни есть духу, отъ собакъ и прямо къ крайней избѣ: тамъ изба новая строи-

лась, еще окна заложены были замашками и сѣнецъ нѣту, а положены къ крышѣ наскосякъ брусья — лозинки голыя. Такъ она по нимъ на самый князекъ взвилась — внесла жъ ее туда вихорная сила! Подбѣжали мы поскорѣе, брусья — долой, въ стороны, а она, видно, почуяла смерть — плачетъ благимъ матомъ, боится. Подхватилъ я здоровый кирпичъ, изловчился — думаю, перва бы ногу ей пересѣчь, а ужъ потомъ и добивать, — да такъ ловко залѣпилъ, что она ажъ подсккнула, да какъ зашуршитъ внизъ по крышѣ, да обь землю — бякъ! Подбѣжали мы, а она лежитъ, дергаетъ языкомъ по пыли... Вздохнеть и захрипеть, вздохнеть и захрипеть — алыни пыль изъ-подъ носу подымается. А языкъ длинный, чисто какъ у змѣи... Ну, понятно, черезъ какой-нибудь полчаса и околѣла.

V.

Помолчали. Ѳедотъ приподнялся, сѣлъ и, согнувшись, разводя руками, сталъ медленно развивать оборки, которыми были окутаны его старыя, все спускавшіяся онучи. И черезъ минуту гимназистъ съ ужасомъ и отвращеніемъ увидалъ то, что прежде видѣлъ столько разъ совершенно спокойно: голую мужицкую ступню, мертвенно-бѣлую, огромную, плоскую, съ безобразно разросшимся большимъ пальцемъ, криво лежащимъ на другихъ пальцахъ, и худую волосатую берцу, которую Ѳедотъ, распутавъ и кинувъ онучу, сталъ крѣпко, съ сладостнымъ ожесточеніемъ чесать, драть своими твердыми, какъ у звѣря, ногтями. Надравъ, онъ пошевелилъ пальцами ступни, взялъ въ обѣ руки онучу, залубенѣвшую, вогнутую и черную въ тѣхъ мѣстахъ, что были на пяткѣ и подошвѣ, — точно натертую чернымъ воскомъ, — и встряхнулъ ею, развѣвая по

свѣжему вѣтру нестерпимое зловоніе. „Да, ему ничего не стоитъ убить! — съ ужасомъ, дрожа, подумалъ гимназистъ. — Это нога настоящаго убійцы, и отъ этого-то онъ такъ спокоенъ. Какъ онъ страшно убилъ эту веселую, прелестную козу! А того — брусомъ... вѣрно, козу точиль... И прямо въ темя, наповаль... И оправдали, и забылъ, спокоенъ, а козу помнить... Есть ли у него дѣти? Какая у него изба? Какая ихъ деревня? Такая ли гнилая, нищая, черная, какъ наша? Ахъ, вѣрно, еще страшнѣй нашей... тамъ, подъ Лебедяню, ужасно голо и скучно... Но Пашка! Пашка! Какъ онъ могъ такъ весело рассказывать? И съ наслажденіемъ: „ажъ въ спину выскочило!“ Нѣтъ, это онъ вретъ на себя!..“

Вдругъ, не поднимая головы, лежа все такъ же неподвижно, на боку, сумрачно заговорилъ Иванъ:

— Дураковъ и въ алтарѣ бьютъ. А тебя-то, Постный, за эту козу задрать мало. За что жъ ты ее убилъ? Ты бы продалъ-то ее. Какой же ты послѣ этого хозяинъ, клюй - Матвѣй, когда не понимаешь, что безъ скотины мужику нельзя быть? Ее цѣнить надо. Да будь у меня коза-то...

Онъ не договорилъ, помолчалъ и вдругъ усмѣхнулся.

— Это вотъ въ Становой была исторія, ну, правда что... Вотъ не хуже твоей козѣ, быкъ у барина Мусина завелся озорной. Прямо проходу никому не давалъ. Двухъ пастушатъ закололъ, на-чѣпъ приковывали, и то срывался уходилъ. Тоже вотъ такъ-то, весь хлѣбъ у мужиковъ истолокъ, а согнать никто не смѣетъ: боятся, за версту обходятъ. Ну, рога, понятно, спилили-догадались, вылегчили... посмирнѣлъ. Только мужики припомнили ему. Какъ пошли эти бунты, такъ они, что исдѣлали: поймали его на полѣ, веревками обротали,

свалили съ ногъ долой... бить не стали, а взяли, да освѣжевали до-чиста. Такъ онъ, голый, и примчался на барскій дворъ, — разлетѣлся, грохнулся и околѣлъ тутъ же... кровью весь исшелъ.

— Какъ? — сказалъ гимназистъ. — Какъ кожу содрали? Съ живого?

— Нѣтъ, съ варенаго, — пробормоталъ Иванъ. — Эхъ, ты, Веретенкинъ-свать, московскій обуватель!

Всѣ захохотали, а Пашка, хохоча пуще всѣхъ, подхватилъ:

— Вотъ и вышелъ красный быкъ! Ну, и разбойники! А ты такъ-то говоришь, миловать насъ! Нѣтъ, братъ, знать, безъ нашего брата, прохожаго солдата, тутъ не обойдешься! Мы вотъ, когда послѣ новыхъ Сенякъ подъ Курскомъ стояли, такъ тоже смиряли одно село. Затѣялись тамъ мужики барина разбивать... И баринъ-то, говорятъ, добрый былъ... Ну, пошли на него всѣмъ селомъ, и бабы, конечно, увязались, а на встрѣчу имъ — стражники. Мужики, съ кольями, съ косами, — на нихъ. Стражники исдѣлали залпъ, да, понятно, драло... какая тамъ чортъ сила въ этихъ мужланахъ! — а одна пуля и жильни ребенка на рукахъ у бабѣ. Баба жива осталась, а онъ, понятно, и не пискнулъ, такъ ножками и брыкнулъ. Такъ, Господи Ты Боже мой! — сказалъ Пашка, мотая отъ смѣха головой и усаживаясь поудобнѣй, — чего только не натворили мужики! Все въ лоскъ, вдребезги разнесли, барина этого самаго въ закуту загнали, затолкли, а мужикъ этотъ, отецъ-то этого ребенка, прибѣжалъ туда съ этимъ самымъ ребенкомъ, задохнулся, очумѣлъ — и давай барина по головѣ этимъ ребенкомъ мертвымъ охаживать! Сгребъ за ножки — и давай бузовать. А тутъ другіе навалились и, значить, міромъ-соборомъ и прикончили. Насъ пригнали, а ужъ онъ тлѣть сталъ... Ну,

да это что, — звонко и весело сказалъ онъ, откашлянувшись, своимъ пріятнымъ, груднымъ, слегка простуженнымъ голосомъ, — ты свою-то исторію докажи. Можетъ, ты и брешешь все это, — прибавилъ онъ такимъ бодрымъ хорошимъ тономъ, что нельзя было обидѣться, — можетъ, онъ шмурыгнулъ тебя по-уху за милую душу, да только всего и было...

„Что жъ ты смѣешься-то, дуракъ!“ — хотѣлъ крикнуть гимназистъ, вдругъ почувствовавъ лютую ненависть къ смѣху, къ голосу Пашки, сразу вспомнивъ всѣ его безстыдные рассказы о молодой женѣ и то, что онъ, этотъ дикарь, убійца, вотъ такъ же спокойно, какъ Федотъ, разувается при ней, стягивая съ онучи пудовый дегтярный сапогъ, и съ звѣриной выразительностью и силой рассказываетъ, какъ онъ проломилъ, насквозь пробилъ грудную клѣтку больному маленькому грузину въ кандалахъ. Но тутъ неожиданно зашевелился Кирюшка и съ дѣтской наивностью сказалъ, поднимая голову:

— А вотъ, что было, когда Кочергина-барина разбивали... бяда! Я тогда въ пастухахъ у него жилъ... Такъ они всѣ зеркала въ прудъ покидали... Ходили потомъ съ деревни купаться и все изъ тины ихъ вытаскивали... Нырнешь, станешь, а она подъ ногой такъ и скользаетъ... А эту... какъ ее... фортопьяну въ рожъ зачѣмъ-то заволокли... Мы, бывало, придемъ... — Кирюшка приподнялся и, смѣясь, облокотился. — Мы придемъ, а она стоитъ... Возьмешь дубинку, да по ней, по косточкамъ-то... съ угла на уголъ... Такъ она лучше всякой гармоньи играетъ!

Всѣ опять засмѣялись. Промолчалъ только Федотъ. Онъ уже переобулся, опять аккуратно перекрестилъ онучи оборками и, оправившись, принялъ прежнее по-

ложеніе. И, выждавъ минуту молчанія, размѣренно сталъ досказывать свою исторію.

— Нѣтъ, братъ, — началъ онъ въ отвѣтъ на послѣднія слова Пашки, — та-то и дѣло-то, что не только шмурыгнулъ. Онъ еще въ судъ на меня подалъ... за эти, значить, за всѣ протери-убытки, за потраву. Звали его Андрей Богдановъ... Андрей Ивановъ Богдановъ. Рослый мужикъ, красный, худой, завсегда злой, пьяный. Ну, и подалъ на меня. Меня же огрѣлъ по-уху и на меня же подалъ. Хорошъ, ай нѣтъ? Освидѣтельство-валъ хлѣбъ побитый, да и сдѣлалъ на меня росписку, не какую нибудь глухую, а самую форменную, черезъ волостное правленіе. Тутъ самая рабочая пора подошла, дохнуть некогда, а я при за пятнадцать верстъ... За то-то, видно, и покаралъ-то его Господь...

Глядя въ солому, глухо покашливая и обтирая ладонью свои мокрыя, плоскія, съ большими отвортами губы, Ѳедотъ говорилъ все сумрачнѣе и выразительнѣе. Сказавъ: „покаралъ его Господь“ — онъ помолчалъ и продолжалъ строже:

— Дѣло-то на нѣтъ, понятно, свели. Помирили насъ. Обоюдная, значить, обида. Но только онъ тѣмъ не пронялся. Помирился со мной, да тутъ же отшелъ, пьяный напился, сталъ грозить убить меня. При всѣхъ кричить: „Погоди, говоритъ, погоди, это я еще не пьянъ сейчасъ, а выпью, я тебя утѣшу“. Хочу отъ скандалу уйтить, — за пельки хватается... Потомъ на деревню къ намъ зачалъ ходить: придетъ, пьяный, подъ окна и давай меня матеркомъ пушить. А у меня дочь взрослая...

— Неладно! — сочувственно крикнулъ старикъ и зѣвнулъ.

— Хороша лада! — сказалъ Ѳедотъ. — Ну, вотъ и пришелъ подъ Кирики, вечеромъ. Слышу — шумить,

идеть по улицѣ. Я всталъ, ни слова не говоря, ушелъ на дворъ, сѣлъ на борону, сталъ косу отбивать. А такая зло беретъ, ажъ въ глазахъ темнѣетъ. Слышу — подшелъ къ избѣ, буянить. Должно, стекла хочетъ бить, думаю себѣ. А онъ погамѣлъ и ужъ пошелъ было прочь. Тѣмъ бы и кончилось, можетъ, да выскочила Олька, дочь моя... да и закричи не своимъ голосомъ: „Отецъ, караулъ, меня Андрюшка бьетъ!“ Я выскочилъ съ брусомъ отъ кося, да сгоряча — разъ его въ голову! А онъ и — на-земь. Подскочили мы къ нему, а онъ лежитъ, хрипитъ, не хуже козѣ, и ужъ слюни пускаетъ. Прибѣжалъ народъ, стали водой отливать... А онъ лежитъ икаетъ... Можетъ, тутъ надо было походатайствовать чѣмъ-нибудь... какой-нибудь примочки тамъ приложить, али еще что... въ больницу бы свезть поскорѣй, да доктору десятку... да гдѣ ее взять? Бѣдность... Ну, онъ поикалъ, поикалъ, да и померкъ къ ночи. Побился, побился, на спину запрокинулся, вытянулся и — готовъ. И народъ кругомъ стоитъ, смотритъ, глазъ не спускаетъ, молчитъ. А ужъ огни зажгли... Прямо жуть на всѣхъ напала...

Весь дрожа мелкой дрожью, съ пылающимъ лицомъ, гимназистъ поднялся и, утопая по-поясъ въ соломѣ, пошелъ по омету внизъ. Борзая, испуганная имъ, вдругъ вскочила и отрывисто брехнула. Гимназистъ, рѣзко дернувшись, упалъ въ солому и замеръ. Шумѣлъ холодный вѣтеръ, надъ самой головой бѣлѣла кучка холодныхъ осеннихъ звѣздъ, а за бугромъ шелестѣвшей соломы слышался мѣрный, низкій голосъ Ѳедота:

— Я въ пунькѣ подъ стражей два-дни сидѣлъ и все это въ окошечкѣ видѣлъ... какъ анатомили-то его. Сошелся народъ со всѣхъ деревень, смотрѣть этого убиенца и меня, конечно, въ томъ числѣ. Лѣзутъ подъ

самую пуньку. Вынесли двѣ скамейки на выгонъ, поставили почестъ подѣ самой пунькой, положили на нихъ убѣнца. Подѣ голова чурбанъ подсунули. Рѣзакъ и слѣдователю стулья, столъ принесли. Подошелъ рѣзакъ, рубаху оборвалъ, портки оборвалъ — лежитъ, вижу, трупъ совсѣмъ голый, ужъ твердый весь, гдѣ зеленый, гдѣ желтый, а лицо вся восковая, красная борода стала рѣдкая, такъ и отдѣляется. На причинное мѣсто рѣзакъ лопухъ положилъ. Смотрю, прѣхала барышня, учительница наша, на велосипедъ... нехорошая, голова-стая дѣвка, стриженная и съ газетами подѣ мышкой, а наряжена хорошо,—бываетъ, въ гостяхъ гдѣ была. Постояла на дорогѣ и опять пошла ногами мѣсить, уѣхала. А родныхъ никого не допустили. Тутъ же, обыкновенно, ящикъ съ инструментомъ, съ разными причандалами. Подошелъ рѣзакъ, разобралъ ему волосы отъ уха къ уху, сдѣлалъ надрѣзъ, чѣмъ-то засыпалъ, какимъ-то порошкомъ, и зачалъ половинки съ волосами зачищать. Гдѣ отонокъ, ножичкомъ скоблить. Отодралъ ихъ на обѣ стороны, открылъ одну, на носъ положилъ. Сталъ виденъ черепокъ весь... какъ колгушка какая... А на немъ пятно черная околѣ праваго уха, черная сгущенная кровь, — гдѣ, значить, ударъ-то былъ. Рѣзакъ говоритъ слѣдователю, а тотъ пишетъ: „На такихъ-то сводахъ три трещины“... Потомъ зачалъ черепокъ кругомъ подпиливать. Пила не взяла, такъ онъ вынулъ молоточекъ съ зубрильцемъ и по этому слѣдку, гдѣ пилкой-то намѣтилъ, зубрильцемъ прострочилъ. Черепокъ такъ и отвалился, какъ чашка, сталъ весь мозгъ виденъ. Опять говоритъ слѣдователю: „Мозговая оборочка порвана“. Покопался еще маленько въ мозгахъ, про какую-то косточку сказалъ. Потомъ опять весь мозгъ уложилъ, черепокъ на прежнее мѣсто установилъ и половинки съ волосами надвинулъ. По-

томъ наружнымъ рубцомъ захватилъ, зашилъ какъ надо...

— Что дѣлають, разбойники-живорѣзы! — хрипло замѣтилъ задремавшій было старикъ.

А Федотъ твердо договаривалъ:

— Потомъ вынулъ толстый ножъ, сталъ рѣзать грудь по хрушамъ. Вырубилъ косякъ, сталъ отдирать — трещить даже — и опять кладетъ грудинку эту на лицо ему. Стало видать желудокъ весь, легкія синія, всю нутренность...

Глухой отъ стука собственного сердца, гимназистъ поднялся на ноги, во весь свой длинный ростъ, въ картузѣ, сдвинутомъ на затылокъ, въ легкой шинелькѣ, которая была уже коротка ему. Сѣрый, большой, страшный въ своемъ степномъ спокойствіи Федотъ мѣрно говорилъ, держа трубку въ зубахъ, но онъ уже не слушалъ его. Онъ во всѣ глаза глядѣлъ на всѣхъ этихъ, такихъ знакомыхъ и такихъ чужихъ, непонятныхъ, всю душу его перевернувшихъ въ эту ночь людей. Жалкій въ своемъ пороки и смиренности, въ своей пастушеской первобытности Кирюшка спалъ, покрывшись армякомъ, выставивъ изъ-подъ него толстую, въ бѣлыхъ новыхъ онучахъ, согнутую въ колѣнѣ ногу. Спалъ и Иванъ съ сумрачнымъ, презрительнымъ лицомъ, Иванъ, въ черной землянкѣ котораго, въ оврагахъ на краю голой скучной деревни, въ темнотѣ и грязи, подѣ низкимъ потолкомъ, подѣ дерновой крышей, уже третій годъ лежитъ, умираетъ и никакъ къ тоскѣ своей, не умереть его страшная, черная старуха-мать, а зубастая, худая жена кормить темно-желтой, длинной, тощей грудью то одного, то другого голопузаго, сопливаго, ясноглазаго ребенка, съ губами, въ кровь источенными несмѣтными изъяными мухами. Спалъ крѣпкимъ, здоровымъ сномъ, на свѣжемъ вѣтрѣ,

счастливый Пашка, въ своемъ солдатскомъ картузѣ, тяжелыхъ сапогахъ и новомъ полушубкѣ. А старикъ Хомутъ, у котораго нѣтъ даже полушубка, — есть только зипунъ съ полами, изорванными въ клоки, съ большой прорѣхой на плечѣ, — у котораго такъ низко висятъ всегда на дряблыхъ ляжкахъ истертыя портки, сидѣлъ спиной къ вѣтру, безъ шапки, голый по-поясъ. Онъ, старчески-худой, желтотѣлый, съ косо поднятыми плечами, съ искривленнымъ крупнымъ позвоночникомъ, блестящимъ при свѣтѣ звѣздъ, сидѣлъ, наклонивъ большую лохматую голову, которую ерошилъ свѣжій вѣтеръ, согнувъ свою уже тонкую, всю въ бурыхъ, жесткихъ морщинахъ шею, пристально осматривалъ снятую рубаху и, слушая Федота, порою крѣпко давилъ ногтями ея воротъ.

Гимназистъ соскочилъ на твердую и гладкую осеннюю землю и, горбясь, быстро пошелъ къ темному шумящему саду, домой.

Всѣ три собаки тоже поднялись и, смутно бѣлая, бочкомъ побѣжали за нимъ, круто загнувъ хвосты.

С И Л А.

Шелъ осенній мгlistый дождь въ сумеркахъ.

Прижавъ уши, стояла на барскомъ дворѣ, въ грязи возлѣ людской, донская кобыла, темная отъ дождя, худая, будылястая, съ тонкой длинной шеей, съ обвислымъ задомъ, съ подвязаннымъ хвостомъ, запряженная въ телѣжку, круглый плетеный кузовъ которой былъ очень малъ по тяжелымъ дорогамъ и крѣпко ошинованнымъ колесамъ.

Мѣщанинъ Буравчикъ, пріѣхавшій въ этой телѣжкѣ къ старостѣ, не заставшій его дома и сидѣвшій въ людской за кубастымъ самоварчикомъ красной мѣди, былъ человѣкъ старенькій, ростомъ съ мальчика. Черепъ его былъ голъ и желтъ. Надъ ушами и по затылку курчавились остатки черныхъ жесткихъ волосъ. Курчавилась и борода его. Мокрые усы, прокопченные табачнымъ дымомъ, лѣзли въ добрый, беззубый ротъ. На темномъ морщинистомъ личикѣ, подъ сдвинутыми бровями, живо и весело блестя кофейные глазки. Онъ и хмурился, и улыбался вмѣстѣ, тянулъ съ блюда горячую воду, сося кусочекъ сахару, и все шарилъ по впалой груди, ощупывая карманы ветхаго длиннополага сюртука, порывавшаго на лопаткахъ.

Горѣла надъ столомъ висячая лампочка.

Буравчикъ поглядывалъ на нее, — она коптила, —

и безъ умолку говорилъ. А беременная старостиха, сидѣвшая на нарахъ у печки и за веревку ногой качавшая люльку, закрытую ситцевымъ пологомъ, похожую на маленькій шатеръ, разсѣяннѣо слушала, думая свое и заводя глаза отъ дремоты.

— Вотъ они распятыся, разбрюзнутъ, я ихъ и подберу, — говорилъ Буравчикъ, слегка шамкая, и схлебывалъ съ блюда, указывая на стаканъ, набитый разбухшими кусками кренделей. — Распятыся, тогда и съѣмъ. А такъ нѣтъ, не угрызу. Нечѣмъ.

И Буравчикъ, засмѣявшись, полѣзъ сухимъ, бурымъ отъ окурковъ пальцемъ въ ротъ.

— О! Ишь! — сказалъ онъ съ удовольствіемъ. — Ни аноо не аалось, — сказалъ онъ, желая сказать: „ни одного не осталось“, и вода пальцемъ по голой розовой деснѣ.

— По какой же такой притчинѣ? — равнодушно спросила старостиха, съ трудомъ поднимая вѣки и думая о томъ, что этотъ веселый старичокъ въ обтертыхъ сапожкахъ и линючей розовой косовороткѣ пережилъ двухъ женъ, вырастилъ шестерыхъ сыновей, купилъ барское имѣніе подъ городомъ, а прежнихъ повадокъ все не кидаетъ — живетъ побирушкой, торгуетъ на селѣ въ лавчонкѣ, конокрадствуетъ и, говоря, вотъ-вотъ опять долженъ въ острогъ садиться.

Буравчикъ зорко глянулъ на старостиху, на ея большое сонное лицо.

— По какой притчинѣ-то? — отвѣтилъ онъ, вытирая палецъ о бортъ сюртука. — А совсѣмъ не по той, что ты думаешь. А совсѣмъ не по той. На меня несутъ, брешутъ, какъ на мертваго, — ну, а хоть бы и правда была, такъ не родился еще тотъ человѣкъ, сударыня, какой смѣлъ бы коснуться меня. Нѣ-ѣтъ, Богъ миловалъ! Меня голой рукой не возьмешь.

У меня вонъ шесть сыновъ-бугаевъ, озорнѣй ихъ, чертей во всемъ селѣ нѣту, а ты глянь, какъ я ихъ вышколилъ: взгляду моего бояться! Пересолишь — хлебать не станешь, — прибавилъ онъ ни съ того, ни съ сего одну изъ тѣхъ прибаутокъ, связь которыхъ съ предыдущей рѣчью очень часто оставалась совершенно непонятна его собесѣдникамъ. — Зубъ же я своихъ лишился потому, что дюже болѣли они у меня, а добрые люди возьми да и научи купоросу въ роту подержать. Ты вотъ послушай, какую антимонію расскажу я тебѣ про эти самые зубы. Муженекъ твой, безъ сомнѣнія, застрялъ гдѣ-й-то, давай его, дружка милаго, ждать да бесѣдовать отъ скуки...

— Обѣщался безпримѣнно къ вечеру быть, — сказала старостиха. — Да вишь, грязь-то какая.

— А мы его подождемъ, — отвѣтилъ Буравчикъ и, поставивъ блюдо на столъ, полѣзъ въ боковой карманъ за кисетомъ съ махоркой. — А мы его подождемъ. Да. Исторія же эта самая такого рода была...

И не спѣша, съ удовольствіемъ сталъ рассказывать. Черепъ его блестѣлъ отъ пота, брови хмурились, глаза блестѣли, выражая старческое довольство жизнью. „Безпримѣнно сынки его дѣльце какое-нибудь нынче въ ночь обработаютъ, — думала старостиха... — Для того онъ и изъ дому уѣхалъ“. А Буравчикъ, свертывая цыгарку, рассказывалъ:

— Сила не въ зубахъ, сударыня моя. Зубастъ кобель, да простъ. Опять же и не въ медвѣдѣ, не въ мандрилѣ сила. У насъ на Руси силу въ пазахъ носи... Да ты вотъ лучше послушай. Въ нѣкоторомъ царствѣ, не въ нашемъ государствѣ, а въ самомъ, значить, въ томъ, въ какомъ мы живемъ, ѣхали мы разъ, сударыня, съ возами своими по бѣлевской по большой дорогѣ. А нужно тебѣ замѣтить, что мы тогда съ бра-

томъ Егоромъ коробошниками были, кампанировали съ нимъ по этой части да денежки плутовствомъ наживали, откровенно же сказать, — прямо муку мученическую терпѣли отъ этихъ отъ самыхъ дождей и холодовъ. Вотъ и тутъ тоже подобное случилось: ѣдемъ мы, ѣдемъ, а дождь, Господь съ нимъ, какъ зарядилъ съ утра, да такъ до вечера и остался. Холить насъ да холить, будто за хорошую цѣну нанялся, и до того добиль, искоренилъ, что повернули мы, недолго думая, въ лѣсъ какой-то встрѣчный, въ караулкѣ. Надуваемся, полземъ, ломимъ цѣликомъ, а по лѣсу, понимаешь, какъ мга какая отъ дождя синѣетъ, а отъ лошадей альни дымъ валить: накаталось на колеса грязи этой самой съ листьями — чертямъ невпроворотъ! Подъѣзжаемъ, наконецъ того...

Буравчикъ хлебнулъ съ блюдца и остановился. Послышалось шлепанье лаптей по мокрой соломѣ въ сѣнахъ. Кто-то подошелъ къ двери и сталъ шарить, ища скобки.

— Кажись, онъ? — спросила старостиха, прислушиваясь.

Прислушался и Буравчикъ. Дверь чмокнула, распахнулась, открыла на мгновение черную темноту ночи и вошелъ не староста, а работникъ Александръ, большой мужикъ, лѣтъ пятидесяти, лысый, бородатый, съ ясными сѣрыми глазами и нѣжнымъ цвѣтомъ крупнаго лица, въ полушубкѣ и чистой замашной рубахѣ, съ мѣднымъ гребешкомъ на поясѣ. И опять зорко блеснули глаза Буравчика.

— А я насчетъ твоей лошади зашелъ, — сказалъ Александръ, чему-то улыбаясь и садясь на лавку. — Прибрать ее, ай нѣтъ?

Буравчикъ подумалъ.

— Да нѣтъ, погоди, — отвѣтилъ онъ съ притвор-

ной безпечностью. — Я еще, можетъ, поѣду. Я, вѣдь, этихъ дождей нисколько не боюсь. Мы, братъ, люди русскіе, травленные...

— Дѣло твое, — сказалъ Александръ и поглядѣлъ въ сторону. — Я, признаться, и шель-то больше за тѣмъ, чтобъ на тебя поглядѣть: какой-такой молъ, Буравчикъ этотъ? Давно слышу: Буравчикъ, Буравчикъ... А что за Буравчикъ, — неизвѣстно. Дай, думаю, гляну.

— Наслышанъ, значить, обо мнѣ? — спросилъ Буравчикъ. — Ну, что жъ, гляди. Меня ужъ давно такъ кличутъ. У меня ихъ двѣ, фамилии-то: одна, значить, улишная, а другая журнальная. А ты кто же такой? На работника не похожъ что-й-то.

— И то не похожъ, — сказалъ Александръ. — Это меня нуждишка заставила батракомъ-то на старости лѣтъ быть. Я панютинскій, у насъ село богатая. Я и самъ хорошо жилъ, хозяиномъ. Да такая оказія: третій разъ горю до-тла! Справляюсь-справляюсь, придетъ лѣто, хлѣбушко уберу... Ну, думаю, слава Тебѣ, Господи... Анъ, нѣтъ: опять сумку надѣвай! Просто хотъ удавись, — прибавилъ онъ съ застѣнчивой улыбкой. — Двое ребятишекъ сгорѣло...

— Да что ты? — съ притворнымъ участіемъ и даже ужасомъ воскликнулъ Буравчикъ. — Это не медъ, — сказалъ онъ, качая головой. — Это не медъ. Избавь Богъ.

И, помолчавъ, опять обратился къ старостихѣ:

— Да, такъ вотъ я и говорю: заѣхали мы въ лѣсъ, подъѣзжаемъ къ караулкѣ. Становимъ лошадей во дворъ, всходимъ въ избу, самоваръ требуемъ. А лѣсникъ, надо тебѣ замѣтить, оказывается, вдовецъ, старикъ древній, да такой, что я и отродясь не видывалъ: медвѣдь — не медвѣдь, мандрила — не мандрила, —

просто орутанъ какой-то. Братъ Егоръ даже испугался маленько. Глянулъ на меня, да и говоритъ мнѣ по фарамъ, чтобы, значить, не понялъ насъ лѣсникъ: „Брафарать, афара, вѣфѣрѣдъ, эферетофоро звѣфѣрѣрь. Офоронъ мофорожефереть уфурубифирить нафарасъ“. То-есть, по-русски сказать такъ: „Братъ, а, вѣдъ, это звѣрь. Онъ можетъ убить насъ“... А на звѣря лѣсникъ, и правда, похожъ: рубаха ниже колѣнъ, лыкомъ подпоясана, на ногахъ лаптищи, руки длиныя, въ родѣ корней дубовыхъ... Дикій, одно слово, человѣкъ и силы, видать, неописанной.

— Этотъ орутанъ въ звѣрильницѣ живетъ, — вставилъ Александръ. — Видѣлъ я его въ городѣ.

— Онъ самый, онъ самый, — подтвердилъ Буравчикъ. — Въ звѣринцѣ живетъ... Да и по избамъ его большое число попадается.... Да... И все, знаешь, гнется, крихтитъ, въ землю смотритъ...

— А виски, небось, сѣрые, невпрочесъ, какъ у кобеля хорошаго, — опять вставилъ Александръ.

— И то правильно, — сказалъ Буравчикъ. — Ты догадливъ живешь, сударушка. Ну, только противъ дикаго, какъ говорится, и самъ дикъ да хитеръ будь. Мужикъ тебя раломъ, а ты его жаломъ... Да. Обращаемся къ лѣснику: „Чайку съ нами, милости просимъ“. — „Можно, — говоритъ, — спасибо“. И опять этакъ сумрачно, а главная вещь — шамкаетъ. Сѣлъ за столъ, налили мы ему чаю, — въ корецъ, понятно, а не въ чашечку какую-нибудь, — а онъ и давай, вотъ не хуже моего, скорки хлѣбныя крошить да въ чаю ихъ распаривать. Что, думаемъ, за чудеса такія? „Дѣдъ, — говоримъ, — да ай у тебя зубъ-то нѣту? Фигура у тебя прямо знаменитая, а зубъ нѣту: что, моль, за притча такая?“ А онъ, понявши, безъ сомнѣ-

нія, такія слова, и совсѣмъ голову угнулъ. Молчалъ-молчалъ, да и выложилъ намъ, дуракамъ, свое назиданіе.

— Стравилъ тоже чѣмъ-нибудь зубы-то? — изъ вѣжливости спросила старостиха.

Буравчикъ закурилъ, затянулся, закашлялся и отвѣтилъ веселой скороговоркой:

— Да нѣтъ, въ томъ и басня вся, что не стравилъ. За грѣхъ поплатился, за гордость. Ты вотъ послушай.

И опять перешелъ на размѣренный тонъ:

— Онъ, понимаешь, лѣсникъ-то этотъ, такъ прямо и сказалъ намъ: назиданіе мое, — говоритъ, — въ томъ самомъ есть, что окоротилъ меня Господь за грѣхъ тяжкій, за глупость мою. И вотъ каюсь я теперь, ребята, и конному, и пѣшему. Видите, какія дисни-то у меня? О, гляньте, — сказалъ Буравчикъ, представляя лѣсника, и опять запустилъ въ ротъ палецъ, — ни аноо не аалось. А почему не осталось, — человѣка я хотѣлъ убить, на силу свою глупую понадѣялся. Зашелъ ко мнѣ, ребята, годовъ семьдесятъ тому назадъ солдатъ одинъ изъ Польши; шелъ домой въ отпускъ несрочный и ночевать, значить, попросился. И было, вотъ какъ передъ истиннымъ Богомъ, расту въ томъ солдатѣ не болѣ двухъ аршинъ, а силы — и на двухъ вшей не хватить...

— На взглядъ-то, значить, — сказалъ Александръ, чтобы показать, что онъ понимаетъ, къ чему клонилъ лѣсникъ въ своемъ назиданіи. — На первый взглядъ, то-есть... Вотъ въ родѣ какъ у тебя, — прибавилъ онъ насмѣшливо и дружелюбно.

— Во, во, въ аккуратъ! — подхватилъ Буравчикъ, блеснувъ въ его сторону глазами. — Совсѣмъ коростовый, глядѣться... И зачни, понимаешь, этотъ коростовый деньгами передъ лѣсникомъ хвастать. Сѣлъ,

говорить, за столъ, похлебаль моей похлебочки, закурилъ трубочку, снялъ ранецъ съ себя — и давай деньги изъ него таскать, пересчитывать. А денегъ этихъ самыхъ у него — прямо туча: все сотельныя однѣ, и все въ стопки, въ кирпичи складены и оборочками хрестъ-на-хрестъ перевязаны. „Да это еще что! — говорить. — У меня, — говорить, — еще гаманъ за огашникомъ спрятанъ, гаманъ, полный золотомъ“. И какъ, значить, глянулъ я на этакое богатство, потемнѣло у меня въ глазахъ отъ жадности, отнялись мои ручки, ноженьки, — ашъ штаны ходуномъ заходили. Посчиталъ деньги солдатъ, попихалъ ихъ въ ранецъ свой и баесть: „Что жъ, пора и на печь, дядушка!“ А я въ отвѣтъ ему мычу только да зубами стукаю, зубы же мои въ ту пору таковы были, что могъ я ими очень даже просто доску столовую перешибить. Ну, завалился, безъ сомнѣнiя, солдатъ мой на печь, потушилъ я лучину, нашарилъ топоръ-колунъ подъ лавкою, легъ и жду, а самъ думаю: тюкну, молъ, обухомъ разокъ — и капутъ ему, суслику!

— Анъ сусликъ-то умнѣ насъ вышелъ, — вставилъ Александръ, показывая, что онъ уже предугадалъ и развязку притчи.

— Долго ли, коротко ли, — продолжалъ Буравчикъ, — только слышу — успокоился солдатъ. Ну, думаю, слава Тебѣ, Господи, во снѣ-то ему легче помирать будетъ, онъ и самъ, небось, кого-нибудь соннаго пришибъ, — больше неоткуда было ему такую уйму денегъ накопить. Подкрался съ обухомъ своимъ къ печкѣ, — а въ обухѣ томъ вѣсу, никакъ, болѣ пуда было, — сталъ покрѣпче на приступку, повернулъ колунъ тыломъ, нащупалъ голову стриженую, размахнулся — разъ! Мать честная! Только мокро, молъ останется!.. И что жъ вы, ребяташки, думаете?

Буравчикъ остановился и вытарашилъ глаза, держа блюдо на отлетѣ.

— Что жъ вы думаете? — говорить лѣсникъ. — Очнулся солдатъ, потянулъ въ себя носомъ и покойненько этакъ кличетъ меня: „Хозяинъ, а хозяинъ. Что-й-то у тебя тутъ дѣлается? Либо у тебя прусаки водятся? Мнѣ сейчасъ здо-оровый прусакъ на високъ упалъ“... А хорошъ прусакъ, колунъ-то мой? Я прямо пополовѣлъ отъ этакихъ словъ, свалился съ приступки, прижукнулся — и ни вздоху, ни пыху! Зачалъ, однако, опять ждать своего...

— Энтотъ солдатъ, значить, слово зналъ такое, — сказала старостиха и, скрестивъ руки подъ грудями, перестала мотать ногой.

Александръ, насмѣшливо и ласково улыбаясь, только розово-лысой головой покачалъ. А Буравчикъ вскочилъ съ мѣста, торопливо поправилъ коптившую лампочку, опять сѣлъ и крикнулъ, открывая беззубый ротъ, съ дѣтской гордостью и радостью:

— Ха! Слово! Слово слову розъ, а тутъ не иначе, какъ кочетинное слово было! Слушай, что дальше-то будетъ, чай, примѣчай, куда чайки летятъ. Лѣсникъ мой не унялся, опять полѣзъ на печь. Нашупалъ я, говорить, темя солдатова, обернулъ вострякомъ колунъ да и ухнулъ со всей силы-возможности. Ухнулъ и жду, а солдатъ приподнялся, да какъ захохо-о-четъ! „Ну, говорить, хозяинъ, видно, у тебя не выспишься. У тебя, говорить, черти, безъ сомнѣнiя, водятся: видно, подложили плотники щетины подъ матицу и развели у тебя этихъ самыхъ чертей видимо-невидимо. Сейчасъ одинъ меня ровно прутомъ какимъ по лбу жиганулъ. Ажъ засвирбѣло“... Что тутъ дѣлать? Отползъ я отъ печи, а солдатъ поднялся, слышу, обувается. „Хозяинъ, а хозяинъ, говорить, скоро свѣтъ, мнѣ пора итить, про-

води меня изъ лѣсу“. Ну, думаю, и того лучше: угомоню его въ лѣсу, мнѣ же выйдѣтъ, — избу поганить не надо. Вскочилъ, будто спросонья. „А? Что? Проводить? Ладно, молъ, идемъ“... Надѣваю армякъ, трясусь съ ногъ до головы, никакъ въ рукавъ не попаду, а самъ за дубинку ловлюсь: стояла у меня въ уголкѣ на ту пору ха-а-рошая орясина, пудиковъ трехъ вѣсомъ. А солдатъ умывается и—хохочетъ! Беретъ въ ротъ воду изъ махоточки, льетъ изъ рта на руки, нагиается, моетъ лицо и хохочетъ... Чисто чортъ какой! Вышли, наконецъ того, пошли.. Мнѣ бы, дураку, давно пора понять, что никакъ не возьметъ сила моя супротивъ ума солдатова, а я пружу да пружу, на затылокъ его красный, стриженный гляжу. (Красноволосый солдатъ-то былъ рябой, зеленоглазый). Онъ передомъ, въ ранцѣ своемъ телячьемъ, самъ меньше ранца, я—за нимъ, по пятамъ, въ родѣ медвѣдя какого. Стало, вижу, бѣлѣтъ вверху, дождь рѣдѣтъ да рѣдѣтъ, прояснилось въ лѣсу. Дождь я спускаю въ ложокъ, сосны одной примѣтной, обгорѣлой, приподнялъ свой корешокъ, да и пустилъ съ навѣсу по затылку солдату. А солдатъ...

Буравчикъ быстро взглянулъ на свѣсившуюся голову старости и устоялся радостно-блестящими глазами въ Александра:

— А солдатъ клюнулъ этакъ носомъ, шапку подхватилъ, поправилъ, обернулся, будто удивился очень, да и говоритъ этакъ строго да внятно: „А-а, говорить, вотъ какой домовый-то въ избѣ у тебя завелся! Понимаю! Видно, надо поучить его маленько“... Поставилъ тихимъ манеромъ ружьецо свое берданское къ соснѣ, засучилъ рукава... „Ну-ка, разинь ротъ“, — говоритъ. А я ужъ и дубинку уронилъ отъ ужаси и ничего не смыслю. Однако, разѣваю. „Да нѣтъ, гово-

рить, ты пошире, пошире, — стыдиться тутъ нечего!“ Разѣваю, сколько есть моей силы. Беретъ тогда солдатъ меня за зубъ пальцами, давитъ его какъ клещами залѣзными — и вынимаетъ вонъ изъ рта, въ горсть себѣ кладетъ. Вынимаетъ опосля того и другой тѣмъ же побытомъ, вынимаетъ и третій, вынимаетъ четвертый...

Остановились и у Александра его ясные глаза. А Буравчикъ, помолчавъ, насладившись его ожиданіемъ, уперся руками въ колѣни, лихо разставилъ локти и отчетливо, раздѣльно сталъ доканчивать:

— Выбралъ онъ мнѣ, безъ сомнѣнія, зубы до одинаго, вынулъ лычко изъ карманчика: „Держи подолъ“, — говоритъ. Я держу, подставляю. Положилъ солдатъ въ подолъ цѣльную горсть моихъ зубовъ, завернулъ, закаталъ и такъ-то аккуратненько завязалъ, закрутилъ его лычкомъ. „Это, говоритъ, мужичокъ-сѣрячокъ, на память тебѣ, а это на поминъ души моей“... И вынимаетъ, подаетъ мнѣ сотельный билетъ!

— Это не плохо, — съ улыбкой мотнулъ головой Александръ.

Буравчикъ залился смѣхомъ.

— Дай Богъ всякому! — воскликнулъ онъ. — Да, вѣдь, знаешь, сладокъ медъ, а не по двѣ ложки въ ротъ. Деньги-то онъ пріобрѣлъ, а зубъ лишился. „Я, говоритъ, деньги-то беру, а сказать ничего не могу: хочу слово сказать, да съ непривычки только челюстью ворочаю. А-а, а-а, — только и всего. Хочу сказать солдатушка...“

Буравчикъ, смѣясь, поднялъ брови, сдѣлалъ жалкое лицо и опять полѣзъ въ ротъ пальцемъ:

— Хочу сказать, — смѣясь и плача, закричалъ онъ тонкимъ голосомъ, — хочу сказать: солдатушка, а выходитъ: саатушка...

Стягивая съ блюда воду и куски кренделей, онъ еще долго крутилъ головой, морщился, смѣялся и повторялъ послѣднія слова. Александръ улыбался и молчалъ. Старостиха, сложивъ руки, крѣпко спала. Лампочка коптила, прусаки, пользуясь сумракомъ, бѣгали по старымъ бревенчатымъ стѣнамъ. На черныхъ стеклахъ блестяли капли дождя.

— Побаску твою понимаю, — сказалъ, наконецъ, Александръ.

— Сила, значить, не въ медвѣдѣ, — пояснилъ Буравчикъ.

— Не иначе, — подтвердилъ Александръ. — Былъ и у насъ случай подобный. Я самъ очевидецъ былъ. Будетъ этому, дай Богъ не солгать, лѣтъ, небось, пятнадцать тому назадъ. Былъ у насъ въ Панютинѣ малый дуракъ, звали его Бурлыга. Потому не могъ онъ чисто сказать: тоже двухъ зубовъ на передѣ не хватало, — кобыла вышибла. Все, бывало: буръ, буръ. За то и Бурлыгой прозвали. Малый, говорю, былъ дуракъ, картавый, а вотъ, не хуже твоего лѣсника, рослый, здоровый, чистый палачъ. Потому его внѣшность позволяла. Такъ вотъ, случись у насъ въ селѣ ярманка. Собрались его товарищи по пьяному виду, сидятъ на выгонѣ. Конечно, тутъ и водка, и всякая закуска при нихъ. Зашелъ разговоръ, какъ вотъ у насъ съ тобой, про силу, а онъ, конечно, пьяный, — бываетъ, тверезый того не сказалъ бы, ну, а тутъ: буръ, буръ, я, говорить, никого не боюсь, и Бога никакого нѣту...

— Ну, ужъ это-то сдуру, — разсѣянно сказалъ Буравчикъ, вздыхая послѣ смѣха, завертывая новую цыгарку и думая о чемъ-то другомъ. — Это ужъ сдуру.

— Понятно, сдуру, — подтвердилъ Александръ. — Подивились всѣ ему. Молъ, не снесешь ты, малый,

своей головы! А онъ поднялся, пошелъ въ народъ, увидалъ свою кралю, сдѣлалъ ей любовный знакъ. Подходить она къ нему. Зачалъ онъ при ей еще пуще куражиться. Глаза помутить, полушубокъ размахнуть, усы мокрые косицами въ щербину лѣзутъ. Видитъ — сидитъ на телѣгѣ старичокъ маленькій, лопатами торгуетъ. Около телѣги меринъ привязанъ, лопаты на земли разложены, а въ телѣгѣ — большой бѣлый баранъ, тоже, значить, продается. Лобикъ, пояника краской фуксиномъ помѣчены. Рога здоровые, хвостъ толстый. А самъ старичокъ легенькій, какъ пухъ, въ сѣромъ халатику, бѣломъ колпачкѣ изъ простой холстины и въ чунькахъ покойническихъ. Сидитъ на грядкѣ, закусываетъ калачикомъ. А малый-то мой сдуру куражится, ломается, лѣзетъ на него....

— Своей бѣды не чувствуетъ, — вставилъ Буравчикъ въ ладъ Александру, тѣмъ же тономъ, какимъ и Александръ вставлялъ замѣчанія въ его рассказы.

— Да, бѣды своей не чувствуетъ, — повторилъ Александръ. — „Сейчасъ, говорить, пойду, всю его амунисию расшибу и барану хвостъ отломлю“. Любовница его мазаная, конечно, тоже уродничаетъ, притворяется, упрашиваетъ его. А онъ-то качается, ломается, будто пьянъ дюже! „Охъ, не перечь ты мнѣ за ради Христа! Прошу тебе, — не трожь ты mine, а то я хуже надѣлаю. Противъ силы моей, говорить, богатыря во всей державѣ не найдется“. Подходить, значить, къ старичку. „Буръ, буръ, дай, говорить, калачика мнѣ“. Старичокъ вынимаетъ изъ телѣги калачъ свѣжій, подаетъ, а малый Бурлыга беретъ, а самъ прицѣпляется барана сгрестъ за рога, хвостъ ему зачать ломать. А старичокъ поглядѣлъ этакъ скромненько, слѣзъ съ грядки, лопату поднялъ, да какъ размахнется, да какъ ахнетъ... Норовиль-то по малому, а попалъ

мерину по боку — ажъ по всей ярманкѣ отозвалось! Меринъ съ ногъ долой, брыкъ, порядочно допаты переломалъ, ухнулъ, дохнулъ, да и каюкъ — красная вода носомъ пошла. Тутъ, конечно, народъ бѣжить, а старичокъ зашелъ за народъ — да потуда его и видѣли. Какъ въ воду канулъ. Меринъ завалился, лежитъ, а баранъ сидитъ въ телѣгѣ и на Бурлыгу лупится...

— Ну, а старикъ-то, — разсѣянно перебилъ Буравчикъ, — онъ-то куда жъ могъ пропасть?

Александръ подумалъ.

— А шатъ его знаетъ, — сказалъ онъ. — Значить, слово такое зналъ. Значить, тоже прикоснулся онъ сатанѣ... вотъ не хуже солдата твоего, либо тебя.

— Меня? — съ притворнымъ удивленіемъ крикнулъ Буравчикъ, и глаза его блеснули довольствомъ. — Ай ты очумѣлъ? Я-то тутъ при чемъ?

— Будя толковать-то! — сказалъ Александръ ласково и грустно. — Авось, слышали про тебя. Ты, братъ, тоже малъ, да удалъ. Тоже хорошъ... Живучѣ всякой кошки али, скажемъ, козюли. Ты ее раломъ, она тебя жаломъ... Ну, ты самъ посуди: что ты предо мной? Скнипа. Я тебя могу двумя щептями задавить. А куда жъ мнѣ, дураку, справиться съ тобой? Ты захочешь — кровинки во мнѣ не оставишь, до-тла всего высосешь. Я, къ примѣру, могу двѣ полнивы за день взодрать... Да и взодралъ-таки на своемъ вѣку, дай Богъ всякому. А чего добился? Одинъ хрестъ на шеѣ, только и всего. А ты вотъ тысячами ворочаешь... Нѣтъ, какъ можно! — сказалъ онъ съ непонятнымъ восхищеніемъ. — Я твоего ногтя не стою!

Буравчикъ молчалъ, загадочно и довольно улыбаясь. Потомъ вздохнулъ, всталъ, обернулся къ стѣнѣ и потянулъ цѣпочку рублевыхъ часовъ, висѣвшихъ

на ней, толкнулъ маятникъ. Посыпались мертвые, сухія мухи, которыя все лѣто набивались въ часы и останавливали ихъ, и по избѣ пошелъ мѣрный, сонный стукъ, мѣшаясь съ шумомъ дождя по крышѣ.

Александръ задумчиво глядѣлъ на полъ, упершись обѣими ладонями въ лавку.

Буравчикъ наклонилъ самоваръ и сталъ нацѣживать послѣднюю чашку.

мерину по боку — ажъ по всей ярманкѣ отозвалось! Меринъ съ ногъ долой, брыкъ, порядочно лопать переломаль, ухнулъ,дохнулъ, да и каюкъ — красная вода носомъ пошла. Тутъ, конечно, народъ бѣжитъ, а старичокъ зашелъ за народъ — да потуда его и видѣли. Какъ въ воду канулъ. Меринъ завалился, лежить, а баранъ сидитъ въ телѣгѣ и на Бурлыгу лупится...

— Ну, а старикъ-то, — разсѣянно перебилъ Буравчикъ, — онъ-то куда жъ могъ пропасть?

Александръ подумаль.

— А шатъ его знаетъ, — сказалъ онъ. — Значить, слово такое зналъ. Значить, тоже прикоснулся онъ сатанѣ... вотъ не хуже солдата твоего, либо тебя.

— Меня? — съ притворнымъ удивленіемъ крикнулъ Буравчикъ, и глаза его блеснули довольствомъ. — Ай ты очумѣлъ? Я-то тутъ при чемъ?

— Будя толковать-то! — сказалъ Александръ ласково и грустно. — Авось, слышали про тебя. Ты, братъ, тоже малъ, да удалъ. Тоже хорошъ... Живучѣ всякой кошки али, скажемъ, козюли. Ты ее раломъ, она тебя жаломъ... Ну, ты самъ посуди: что ты предомной? Скнипа. Я тебя могу двумя щептями задавить. А куда жъ мнѣ, дураку, справиться съ тобой? Ты захочешь — кровинки во мнѣ не оставишь, до-тла всего высосешь. Я, къ примѣру, могу двѣ полнивы за день взодрать... Да и взодраль-таки на своемъ вѣку, дай Богъ всякому. А чего добился? Одинъ хрестъ на шеѣ, только и всего. А ты вотъ тысячами ворочаешь... Нѣтъ, какъ можно! — сказалъ онъ съ непонятнымъ восхищеніемъ. — Я твоего ногтя не стою!

Буравчикъ молчалъ, загадочно и довольно улыбаясь. Потомъ вздохнулъ, всталъ, обернулся къ стѣнѣ и потянулъ цѣпочку рублевыхъ часовъ, висѣвшихъ

на ней, толкнулъ маятникъ. Посыпались мертвые, сухія мухи, которыя все лѣто набивались въ часы и оставляли ихъ, и по избѣ пошелъ мѣрный, сонный стукъ, мѣшаясь съ шумомъ дождя по крышѣ.

Александръ задумчиво глядѣлъ на полъ, упершись обѣими ладонями въ лавку.

Буравчикъ наклонилъ самоваръ и сталъ нацѣживать послѣднюю чашку.

ХОРОШАЯ ЖИЗНЬ.

Моя жизнь хорошая была, я, чего мнѣ желалось, всего добилась. Я вотъ и недвижимымъ имуществомъ владаю, — старичокъ-то мой прямо же послѣ свадьбы домъ подъ меня подписалъ, — и лошадей, и двухъ коровъ держу, и торговлю мы имѣемъ. Понятно, не магазинъ какой-нибудь, а, какъ говорится, просто черная лавка, да по нашей слободѣ сойдетъ. Я всегда удачлива была, ну, только и характеръ у меня настойчивый.

На счетъ занятія всякаго меня еще батенька заучилъ. Онъ хоть и вдовый былъ, запойный, а, не хуже меня, ужасный умный, дѣльный и безсердечный. Какъ вышла, значитъ, воля, онъ и говорить мнѣ:

— Ну, дѣвка, теперь я самъ себѣ голова, давай деньги наживать. Наживемъ, переѣдемъ въ городъ, купимъ домъ на себѣ, отдамъ я тебя замужъ за отличнаго господина, буду царевать. А у своихъ господъ намъ нечего сидѣть, не стоятъ они того.

Господа-то наши, и правда, хоть добрые, а бѣдные-пребѣдные были, просто сказать — побирушки. Мы и переѣхали отъ нихъ въ другое село, а домъ, скотину и какая была заведеніе продали. Переѣхали подъ самый городъ, въ село Чермашное, сняли капусту у барыни Мещериной. Она фрелиной при царскомъ дворцѣ была, нехорошая, рябая, въ дѣвкахъ посѣдѣла вся, никто замужъ не взялъ, ну, и жила себѣ на покой. Сняли

мы, значитъ, у ней луга, сѣли, честь честью, въ салашъ. Стыдь, осень, а намъ и горя мало. Сидимъ, ждемъ хорошихъ барышей и не чуемъ бѣды. А бѣда-то и вотъ сна, да еще какая бѣда-то! Дѣло наше ужъ къ развязкѣ близилось, прошло такъ сколько время, вдругъ — скандалъ ужасный. Напились мы чаю утромъ, — праздникъ былъ, — я и стою такъ-то возлѣ салаша, гляжу, какъ по лугу народъ отъ церкви идетъ. А батенька по капустѣ пошелъ. День свѣтлый такой, хоть и вѣтреный, я и заглядѣлась, и не вижу, какъ подходятъ вдругъ ко мнѣ двое мужчинъ: одинъ священникъ, высокій этакій, въ сѣрой рясѣ, съ палкой, лицо все темное, землистое, грива какъ у лошади хорошей, черная какъ смоль, — такъ по-вѣтру и раздымается, — а другой — простой мужикъ, его работникъ. Подходятъ къ самому салашу. Я оробѣла, поклонилась и говорю:

— Здравствуйте, батюшка. Благодаримъ васъ, что провѣдать насъ вздумали.

А онъ, вижу, злой, пасмурный, на меня и не смотреть, стоитъ, калмышки палкой разбиваетъ.

— А гдѣ, говоритъ, твой отецъ?

— Они, говорю, по капустѣ пошли. Я, молъ, если угодно, покликать ихъ могу. Да вонъ они и сами идутъ.

— Ну, такъ скажи ему, чтобъ забиралъ онъ все свое добришко вмѣстѣ съ самоварчикомъ этимъ паршивымъ и увольнялся отсюда. Нынче мой караульщикъ сюда придеть.

— Какъ, говорю, караульщикъ? Да мы ужъ и деньги, девяносто рублей, барынѣ отдали. Что вы, батюшка? (Я, хоть и молода, а ужъ продувная на это дѣло была). Ай вы, говорю, смѣтаете? Вы, говорю, бумагу намъ должны предъявить.

— Не разговаривать, кричить. — Барыня въ городъ переѣзжаетъ, я у нее луга эти купилъ и земля эта теперь моя собственная.

А самъ махаетъ, бьетъ палкой въ землю, — того и гляди, въ морду заѣдетъ.

Увидаль эту исторію батенька, бѣжить къ намъ, — онъ у насъ ужасный горячій былъ, — подбѣгаетъ и спрашиваетъ:

— Что за шумъ такой? Что вы, батюшка, на нее кричите, а сами не знаете, чего? Вы не можете палкой махать, а должны откровенно объяснить, по какому такому праву капуста вашей исдѣлалась? Мы, молъ, люди бѣдные, мы до суда дойдемъ. Вы, говоритъ, духовное лицо, вражду не можете имѣть, за это вашему брату къ святымъ дарамъ нельзя касаться.

Батенька-то, выходитъ, и слова дерзкаго ему не сказалъ, а онъ, хоть и пастырь, а злой былъ, какъ самый обыкновенный сѣрый мужикъ, и какъ, значить, услышалъ такіа слова, такъ и побѣлѣлъ весь, слова не можетъ сказать, альни ноги подъ рясой трясутся. Какъ завизжитъ, да какъ кинется на батеньку, чтобы, значить, по головѣ его огрѣть! А батенька увернулся, схватился за палку, вырвалъ ее у него изъ рукъ вонъ, да объ колѣнку себѣ — разъ! Тотъ было — на грудь, а батенька пересадилъ ее пополамъ, отшвырнулъ куда подалѣ и кричить:

— Не подходите, за ради Бога, ваше священство! Вы, кричить, черный, жуковатый, а еще пожукватѣй васъ.

Да и схвати его за руки!

Судъ да дѣло, сослали за это за самое батеньку на поселенье. Осталась я одна на всемъ бѣломъ свѣтѣ и думаю себѣ: что жъ мнѣ дѣлать теперь? Видно, прав-

дой не проживешь, надо, видно, съ оглядочкой. Подумала годокъ, пожила у тетки, вижу — дѣться мнѣ некуда, надо замужъ поскорѣй. Былъ у батеньки пріятель хорошій въ городѣ, шорникъ, — онъ и посватался. Не сказать, чтобы изъ видныхъ женихъ, да все-таки выгодный. Нравился мнѣ, правда, одинъ человекъ, да тоже бѣдный, не хуже меня, самъ по чужимъ людямъ жилъ, а этотъ все-таки самъ себѣ хозяинъ. Приданого за мной копейки не было, а тутъ, вижу, берутъ безъ ничего, какъ такой случай упустить? Подумала, подумала и пошла, хоть, конечно, знала, что былъ онъ пожилой, пьяница, всегда разгоряченный человекъ, просто сказать, разбойникъ... Вышла и стала, значить, ужъ не дѣвка простая, а Настасья Семеновна Жохова, городская мѣщанка... Понятно, лестно казалось.

Съ этимъ мужемъ я девять лѣтъ мучилась. Одно званье, что мѣщане, а бѣдность такая, что хоть и мужикамъ впору! Опять же дразги, скандалы каждый божій день. Ну, да пожалѣлъ меня Господь, прибралъ его. Дѣти отъ него помирали, остались только два мальчика, одинъ Ваня, по девятому году, другой — младенецъ на рукахъ. Ужасный веселый, здоровый былъ мальчикъ, десяти мѣсяцевъ сталъ ходить, разговаривать, — всѣ они у меня, дѣти-то, на одиннадцатомъ мѣсяцу начинали ходить и говорить, — самъ сталъ чай пить — уцопится, бывало, обоими рученками за блюдце, не выдерешь никакъ. И этотъ мальчикъ померъ, году еще не было. Пришла я разъ съ рѣчки домой, а мужнина сестра, — мы съ ней квартиру-то снимали, — и говоритъ:

— Твой Костя нынче цѣльный день кричалъ, закатывался. Я ужъ передъ нимъ и такъ, и этакъ, и руками, и въ щелчки, и сладкой воды давала — давится, да и только, и вода черезъ носъ назадъ идетъ. Либо

онъ остудился, либо съѣлъ чего, вѣдь они, дѣти-то, все въ ротъ ташутъ, развѣ углядишь?

Я такъ и обомлѣла. Кинулась къ люлькѣ, отмахнула положекъ, а ужъ онъ томиться сталъ: даже и кричать не можетъ. Лежить сизый весь, ротъ альни молокомъ какимъ-то полонъ вродѣ какъ пѣна... Сбѣгала сестра за фельшеромъ знакомымъ, пришелъ онъ, — чѣмъ вы, говорить, его кормили?

— Ёлъ, молъ, кашу манную, только и всего.

— А ничѣмъ не игралъ?

— Такъ точно, игралъ, говорить сестра, — Тутъ все колечко мѣдное съ хомута валялось, онъ и игралъ имъ.

— Ну, говорить фельшеръ, обязательно онъ его проглотилъ. Чтобъ у васъ руки, говорить, отсохли! Натворили вы дѣловъ, вѣдь онъ помретъ у васъ!

Понятно, по его и вышло. Двухъ часовъ не прошло — кончился. Повинтовали мы, повинтовали, да дѣлать нечего, — видно, противъ Бога не пойдешь. Такъ и этого похоронила, остался одинъ Ваня. Остался одинъ, да вѣдь, какъ говорится, и одинъ — господинъ. Невеликъ человѣкъ, а все не меньше взрослого съѣсть, сопьеть. Стала я ходить къ воинскому полковнику Никулину полы мыть. Люди они были съ капиталомъ хорошимъ, квартиру снимали, тридцать рублей помѣсячно платили. Сами въ верхнемъ этажу, внизу кухня. Стряпуха у нихъ была совсѣмъ плохенькая старушенка, безотвѣтная, а распутная. Ну, и забеременѣла, понятно. Полы мыть нагинаясь нельзя, чугуна изъ печки не вытащить. Ушла она рожать, а я и захвати ея мѣсто: такъ-то ловко къ хозяевамъ подкатилась! Я вѣдь, правда, смолоду ужасная ловкая и хитрая была, за что бывало ни возьмусь, сдѣлаю все чисто, аккуратно, любого офицанта засушу, опять же и угодить умѣла: что ни скажутъ господа, а я все „да-съ“, да „такъ точно“, да

„истинная ваша правда“... Встану, бывало, чуть лунно, полы подотру, печку истоплю, самоваръ расчищу, — господа пока проснутся, а ужъ у меня все готово. Ну, и сама я, понятно, была чистоплотная, ладная, изъ себя, хоть и сухая, а красивая. Мнѣ ину пору даже жалко, бывало, себя станеть: за что, молъ, красота моя и званіе на этакой черной работѣ пропадаютъ?

Думаю себѣ — надо случаемъ пользоваться. А случай такой, что самъ полковникъ ужасный здоровый былъ и видѣть меня покойно не могъ, а полковничиха у него была нѣмка, толстая, больная, старше его годовъ на десять. Онъ не хорошъ, грузный, коротконогій, на кабана похожъ, а она того хуже. Вижу, сталъ онъ за мной ухаживать, въ кухнѣ у меня сидѣть, курить меня заучать. Какъ жена со двора, онъ и вотъ онъ. Прогонить деньщика въ городъ, будто по дѣлу, и сидить. Надоѣлъ мнѣ до смерти, а, понятно, прикидываюсь: и курю, и смѣюсь, и ногой, сижу, мотаю, — всячески, значить, разжигаю его... Вѣдь, что жъ подѣлаешь, бѣдность, а тутъ, какъ говорится, хоть шерсти клокъ, и той дай сюда. Разъ какъ-то въ царскій день всходить въ кухню во всемъ своемъ мундирѣ, въ густыхъ эполетахъ, подпоясанъ этимъ своимъ бѣлымъ поясомъ, какъ обручемъ, въ рукахъ перчатки лайковые, шею надулъ, застегнулъ, альни синій весь, вродѣ какъ брусника, весь духами пахнетъ, глаза блестятъ, усы черные, толстые, обрубленные... Вскладывать и говорить:

— Я сейчасъ съ барыней въ соборъ иду, обмахни мнѣ сапоги, а то пыль дюже — не успѣлъ по двору пройтись, запылится весь.

Поставилъ ногу въ лаковомъ сапогѣ на скамейку, чистую тунбу какую, я нагнулась, хотѣла обтереть, а онъ схватилъ меня за шею, платокъ даже сдернулъ,

потомъ затиснулъ за грудь и ужъ за печку тащить. Я туда, сюда, никакъ не выдержу отъ него, а онъ такъ жаромъ и обдаетъ, такъ кровью и наливается, старается, значить, одолѣть меня, поймать за лицо и поцѣловать.

— Что вы, говорю, дѣлаете! Барыня идетъ, уйдите за ради Христа!

— Если, говорить, полюбишь меня, я для тебя ничего не пожалѣю!

— Какъ же, молъ, знаемъ мы эти посулы!

— Съ мѣста не сойтить, умереть мнѣ безъ покаянія!

Ну, понятно, и прочее тому подобное. А, по совѣсти сказать, что я тогда смыслила? Очень просто могла польститься на его слова, хотъ и думала, что ему меня какъ свинѣ нѣба не видать, да, слава Богу, не вышло его дѣло. Зажалъ онъ меня опять какъ-то не во время, я вырвалась, вся растрепанная, разозлилась до-смерти, а она барыня-то и вотъ она: идетъ сверху, наряженная, вся желтая, толстая, какъ покойница, стонетъ, шуршитъ по лѣстницѣ платьемъ. Я вырвалась, стою безъ платка, а она и вотъ она — прямо къ намъ. Онъ мимо нее, да драло, а я стою, какъ дура, не знаю, что дѣлать. Постояла она, постояла противъ меня, подержала шелковый подолъ, — какъ сейчасъ помню, въ гости нарядилась, въ коричневомъ шелковомъ платьѣ была, въ митенкахъ бѣлыхъ, съ зонтикомъ и въ шляпкѣ маленькой, вродѣ корзиночка, — постояла, застонала и — вышла. Выговаривать, правда, ни ему, ни мнѣ ни слова не стала. А какъ уѣхалъ полковникъ въ Кіевъ, она и прогнала меня.

Собрала я свое добришко и вернулась къ сестрѣ. (Ваня-то у сестры жилъ). Сошла съ этого мѣста и

опять думаю: пропадаетъ задаромъ мой умъ, ничего я не могу себѣ нажить, прилично замужъ выйдти и свое собственное дѣло имѣть, обидѣлъ меня Богъ! Запрягусь, думаю, съизнова, обмогнусь какъ-нибудь — и ужъ жива не буду, а добьюсь своего, будетъ у меня свой капиталъ! Подумала, подумала такъ-то, отдала Ваню въ ученье къ портному, а сама въ горничныя, къ купцу Самохвалову опредѣлилась, да и отдежурила цѣльныхъ семь лѣтъ. Съ того и поднялась.

Жалованья положили мнѣ два съ четвертакомъ. Прислуги двѣ — я, да дѣвушка Вѣра. Одинъ день я за столомъ, она посуду моетъ, другой я посуду мою, она къ столу подаетъ. Семейство не сказать, чтобъ большое: хозяинъ Матвѣй Ивановичъ, хозяйка Любовь Иванна, двѣ взрослыхъ дочери, два сына. Самъ хозяинъ былъ человѣкъ ужасный серьезный, неразговорчивый, въ будни никогда и дома не бывалъ, а, какъ праздникъ, сидитъ у себя наверху, читаетъ всякія газеты и сигару куритъ, а хозяйка простая, добрая, тоже, какъ я, изъ мѣщанокъ. Дочерей своихъ, Аню и Клашу, они скоро просватали и двѣ свадьбы въ одинъ годъ сыграли, — выдали за военныхъ. Тутъ-то, правду сказать, и начала я копить маленько: ужъ очень много на чай военные давали. Сдѣлаешь просто даже бездѣлицу какую-нибудь — спички когда такъ-то подашь, шинель съ калошами, — глядишь, двадцать копѣекъ, тридцать... Да и хаживали мы страсть чисто, нравились военнымъ. Вѣра, та, правда, изъ себя все что-й-то строила, барышню какую-то, — серьезничаетъ, ходитъ мелкими шажками, нѣжна и обидчива до безкрайности, сейчасъ, чуть что, брови свои пушистыя сдвинетъ, губы, какъ вишни, задрожать и ужъ слезы на рѣсницахъ, — хороши, правда, рѣсницы были, большія, я такихъ ни у кого и не видывала! — ну, а я чуточку по-

умнѣй была. Хозяйка очень любила эту самую чистоту, принаряжала насъ, а то, говоритъ, военные гребовать нами, купцами, будутъ. Я, бывало, надѣну лифъ гладкій съ косякомъ, съ прошивками, рукава короткіе, на голову косу накладную съ чернымъ бантомъ бархатнымъ, бѣлый передникъ подкрахмаленный — такъ на меня даже взглянуть интересно. Вѣра, та все въ корсетъ затягивалась, — затянется мочи нѣтъ какъ туго и сейчасъ же голова у ней до рвоты разболится, — а я никогда и не знала этого корсета, и такъ ладная была. А сошли военные, стали сыновья хозяйскіе давать.

Старшѣму-то ужъ годовъ двадцать сравнялось, какъ я на мѣсто заступила, а меньшому четырнадцатый пошелъ. Этотъ мальчикъ былъ сидяка убогій. Всѣ руки, ноги себѣ перломалъ, я и то сколько разовъ видѣла это дѣло. Какъ сломаетъ, приходитъ къ нему сейчасъ докторъ, всякой ватой, марлей забинтуетъ, потомъ залетѣть чѣмъ-то, вродѣ какъ известка, известка эта самая съ марлей засохнетъ, станетъ, какъ лубокъ, а какъ подживетъ, докторъ и разрѣжетъ, все долой сниметъ, — рука-то, глядь, и срослась. Ходить онъ самъ не могъ, а полозилъ на задѣ. Бывало, и по диванамъ, и черезъ пороги, и по лѣстницамъ — такъ и жжетъ. Даже черезъ весь дворъ въ садъ проползалъ. Голова у него была большая, нескладная, на отцову похожа, виски грубые, рыжіе, какъ шерсть собачья, лицо широкое, старое. Потому какъ ѣлъ онъ страсть сколько: и колбасу, и бомбы шоколадныя, и барбарисъ, и крендели, и слоенки — чего только его душа захочетъ. А ножки, ручки тонкія, какъ овечьи, всѣ переломаны, въ рубцахъ. Водили его долго безъ ничего, рубахи шили длинныя, разныхъ цвѣтовъ, когда синія, когда розовыя. Грамотѣ учительница изъ духовнаго училища учила, на домъ къ намъ ходила. Здорово занимался,

умная былъ голова! А ужъ какъ на гармонѣ игралъ — гдѣ тебѣ и хорошему такъ-то сыграть! Играетъ и подпѣваетъ. Голосъ сильный, пронзительный. Бывало, какъ подыметъ, подыметъ: „Я монахъ, красивъ собою!..“ Эту пѣсню часто пѣвалъ.

Старшій сынъ былъ здоровый, а тоже вродѣ дурачка, ни къ какимъ дѣламъ не способенъ. Отдавали его въ ученѣе во всякія училища — вездѣ выгоняли, ничему не выучили. Какъ ночь, залетѣетъ куда-нибудь — и до самой зари. Матери все-таки боялся и черезъ парадный ни за что, бывало не пойдеть. Я вечеромъ отдѣлаюсь и жду, — какъ хозяева заснутъ, прокрадусь по горницамъ, растворю окно въ его кабинетикѣ, а сама опять на свое мѣсто. Онъ пройдетъ, сапоги на улицѣ сниметъ, пролѣзетъ въ окно въ однихъ чулкахъ — и ни стуку, ни хрупы. На другой день всталъ — какъ нигдѣ и не былъ, а мнѣ въ невидномъ мѣстѣ и сунетъ, что слѣдуетъ. Мнѣ-то что жъ, какая забота, беру съ великой радостью! Сломить себѣ голову — его дѣло. Меня, правда, и пальцемъ ни разу не тронулъ, да и знала я, что ужъ онъ нахватался хорошаго по своимъ любезнымъ. А тутъ и отъ меньшого, отъ Никаноръ Матвѣича, пошелъ доходъ.

Добивалась я тогда своего прямо день и ночь. Какъ забрала себѣ въ голову одно обстоятельство, чтобы безпримѣнно обезпечить себя, да за хорошаго человѣка выйдти, такъ и укрѣпилась въ этой жизни. Каждую копейку, бывало, берегу: деньги-то, они, правда, съ крылушками, только выпусти изъ рукъ! Сжила Вѣру эту самую — да она, по совѣсти сказать, и безъ надобности была, а такъ и хозяевамъ сказала: я, молъ, и одна справлюсь, вы лучше прибавьте мнѣ какую ни на есть бездѣлицу — осталась одна и ворочаю. Жалованье не стала на руки брать: какъ наростетъ рублей двадцать,

двадцать пять, сейчас прошу хозяйку въ банкъ съѣздить, на мое имя положить. Платье, башмаки — все хозяйское шло, куда жъ мнѣ тратить? Только и сдѣлала расходу, что на памятникъ, мужу на могилку, два семь гривенъ заплатила, чтобъ люди не осуждали. А тутъ еще, на счастье мое, на его бѣду, влюбился въ меня, прости Господи, убогій этотъ...

Теперь-то, понятно, часто думается: можетъ, за него-то и наказаль меня Господь сыномъ! Иной разъ изъ головы не идетъ, — я вотъ сейчасъ расскажу, что онъ надъ собой исдѣлалъ, — да и то принять въ расчетъ — ужъ очень обидно было: гляну, бывало, на него, голова-таго, и такая-то досада возьметъ! „Чтобъ тебѣ, молъ, подѣялось, въ рубашкѣ ты родился! Вотъ вѣдь и калѣка, а въ какомъ богатствѣ живетъ. А мой и хорошъ, да въ праздникъ того ни съѣсть, не сопить, что ты въ будни, походя!“ Стала я замѣчать — похоже, влюбился онъ въ меня: ну, прямо глазъ съ моего лица не сводить. Онъ ужъ тогда лѣтъ шестнадцати былъ и шаровары сталъ носить, рубашку подпоясывать, усы красные стали пробиваться. А нехорошій, конопатый, зеленоглазый — избавь Богъ. Лицо широкое, а худощій, какъ кость. Сперва-то онъ, видно, тѣ въ голову себѣ забралъ, что понравиться можетъ, — зачалъ прифранчиваться, подсолнухи покупать и такъ-то лихо, бывало, на гармонию заливается, — заслушаешься. Хорошо, правда, игралъ. Потомъ видить, что его дѣло не выходитъ, — притихъ, задумчивый сталъ. Разъ стою на галереѣ, вижу — ползетъ съ новой нѣмецкой гармоньей по двору, — опять подбрислся, причесался, рубаху синюю съ косымъ высокимъ воротомъ надѣлъ, въ три пуговицы, — голову запрокинулъ, меня, значить, ищетъ. Поглядѣлъ, поглядѣлъ, глаза томные, мутные исдѣлалъ — и-и залился подъ польку:

Пойдемъ, пойдемъ поскорѣ
Съ тобой польку танцовать,
Въ танцахъ я могу смѣлѣ
Про любовь свою сказать.

А я, будто и не замѣтила, — какъ шваркну изъ полоскательницы! Шваркнула, да и сама не рада, очень испугалась: будетъ, молъ, мнѣ теперь на орѣхи! А онъ ползетъ, бьется наверхъ по лѣстницѣ, обтирается одной рукой, другой гармонью тащитъ, глаза опустилъ, весь побѣлѣлъ и говорить такъ скромно, съ дрожью:

— Чтобъ у васъ руки отсохли. Грѣхъ вамъ за это будетъ, Настя.

И только всего... Правда, смирный былъ.

Худѣлъ онъ это время ну, прямо не по-днямъ, а по часамъ, и ужъ докторъ сказалъ, что не жилецъ онъ на бѣломъ свѣтѣ, обязанъ отъ чахотки помереть. Я гребовала, бывало, и прикоснуться къ нему. Да, видно гребовать бѣдному человѣку не приходится, деньгами можно все исдѣлать, вотъ онъ и сталъ подкупать меня. Какъ, бывало, позаснутъ всѣ послѣ обѣда, онъ сейчасъ и зоветъ меня къ себѣ — либо въ садъ, либо въ горницу свою. (Онъ отдѣльно ото всѣхъ, внизу жилъ, горница большая, теплая, а скучная, всѣ окна во дворъ, потолоки низкіе, шпалеры старья, коричневые).

— Ты, говорить, посиди со мною, я тебѣ за это деньжонокъ дамъ. Мнѣ отъ тебя ничего не надо, просто я влюбился въ тебя и хочу посидѣть съ тобой: меня одного стѣны съѣли.

Ну, я возьму деньги и посижу. И набрала такимъ манеромъ съ полсотни. Да жалованья у меня лежало съ процентами сотни четыре. Значить, думаю себѣ, пора мнѣ теперь понемножку вылѣзть изъ хомута. А, посовѣсти сказать, жалко было — хотѣлось еще годокъ, другой пережить, еще покоптить маленько, главная же

вещь — проговорился онъ мнѣ, что у него задушевная копилка есть, рублей двѣсти по мелочамъ отъ матери набралъ: понятно, боленъ часто, лежитъ одинъ въ постели, ну, мать и суетъ для забавы. А я нѣтъ-нѣтъ, да и подумаю: прости, Господи, мое согрѣшеніе, лучше бы онъ мнѣ эти деньги отдалъ! Ему все равно безъ надобности, вотъ-вотъ помретъ, а я могу на весь вѣкъ справиться. Выжидаю только, какъ бы поумнѣй дѣло это исдѣлать. Стала, понятно, поласковѣе съ нимъ, стала чаще сидѣть. Войду, бывало, въ его горницу, да еще нарочно оглянусь, будто крадучись вошла, дверь приотворю и заговорю шепоткомъ:

— Ну вотъ, молъ, я и отдѣлалась, давайте сидѣть парочкой.

Значить, дѣлаю видъ, вродѣ какъ будто у насъ свиданіе назначено, а я будто и робѣю, и рада, что отдѣлалась, могу теперь побыть съ нимъ. Потомъ стала скучной, задумчивой прикидываться. А онъ-то добивается:

— Насть, что ты такая грустная исдѣлалась?

— Такъ, молъ, — мало ли у меня горя!

Да еще вздохну, примолкну и на-руку щекой обопрусь.

— Да въ чемъ, говоришь, дѣло-то?

— Мало ли, молъ, дѣловъ у бѣдныхъ людей, да какая кому печаль объ нихъ? Я даже этимъ разговоромъ и наскучать вамъ не хочу.

Ну, онъ вскорости и догадался. Ужасный умный, говорю, былъ, хоть бы и здоровому впору. Разъ пришла къ нему, — дѣло, какъ сейчасъ помню, на средокрестной было, погода этакая сумрачная, мокрая, туманъ стоитъ, въ домѣ всѣ спятъ послѣ обѣда, — я вошла къ нему съ работой въ рукахъ, — шила себѣ что-й-то, — сѣла возлѣ постели и только это хотѣла было вздох-

нуть, опять скучной прикинуться и зачать его полегоньку на умъ наводить, — онъ и заговори самъ. Лежитъ, какъ сейчасъ вижу, въ рубашкѣ розовой, новой, еще не мытой, въ шароварахъ синихъ, въ новыхъ сапожкахъ съ лакированными голенищами, ножки крестъ-на-крестъ сложилъ и смотритъ искоса. Рукава широкіе, шаровары того шире, а ножки, ручки — какъ спички, голова тяжелая, большая, а самъ маленькій, — даже смотрѣть нехорошо. Глянешь — думается, мальчикъ, а лицо старое, хоть и моложавое будто — отъ бритья-то, — и усы густые. (Онъ почестъ каждый божій день брился, такъ, бывало, и пробиваетъ борода, всѣ руки конопатые и то всѣ въ волосахъ рыжихъ). Лежитъ, говорю, причесался на бочекъ, отвернулся къ стѣнкѣ, шпалеры ковыряетъ и вдругъ говорить:

— Насть!

Я даже дрогнула вся.

— Что вы, Никаноръ Матвѣичъ?

А у самой такъ сердце и подкотилось.

— Ты знаешь, гдѣ моя копилка лежитъ?

— Нѣтъ, говорю, я этого, Никаноръ Матвѣичъ, не могу знать. Я плохого противъ васъ никогда въ умѣ не держала.

— Встань, отодвинь нижній ящикъ въ гардеропѣ, возьми старую гармонью, она въ ней лежитъ. Дай мнѣ ее сюда.

— Да зачѣмъ она вамъ?

— Такъ. Хочу деньги посчитать.

Я слезила въ ящикъ, крышку на гармонь открыла, а тамъ въ мѣхахъ слонъ жестяной забитъ, порядочно тяжелый, чувствую. Вынула, подаю. Онъ взялъ, погрѣмѣлъ, положилъ подлѣ, — чистый, ей Богу, ребенокъ! — и задумался объ чемъ-то. Молчалъ, молчалъ, усмѣхнулся и говорить:

— Я, Насть, нынче сонъ одинъ счастливый видѣлъ, даже до-свѣту проснулся отъ него, и очень хорошо мнѣ было весь день до обѣда. Глянь-ка, я даже выбрил-ся и прифрантился для тебя.

— Да вы, молъ, Никаноръ Матвѣичъ, и всегда чисто ходите.

А сама даже не понимаю, что говорю, до того раз-волновалась.

— Ну, говорить, ходить-то мнѣ, видно, ужъ на томъ свѣтѣ придется. Ужъ какой я красавецъ на томъ свѣтѣ буду, — ты даже представить себѣ того не можешь!

Мнѣ даже жалко его стало.

— Надъ этимъ, говорю, грѣхъ смѣяться, Никаноръ Матвѣичъ, и къ чему вы это говорите, я даже понять не могу. Можетъ, говорю, Господь дастъ, поздоровѣете еще. Вы лучше мнѣ скажите, какой такой сонъ вы видѣли?

Онъ было опять обиняками сталъ говорить, сталъ посмѣиваться, — какой я, молъ, житель! — сталъ ни къ селу, ни къ городу про нашу корову толковать, — скажи ты, говорить, за ради Бога мамашѣ, чтобъ продала она ее, мочи моей нѣту надоѣла она мнѣ, лежу на кровати и все смотрю черезъ дворъ на сарайчикъ, гдѣ она помѣщается, и она все смотреть въ рѣшетку на меня обратно, — а самъ все деньгами погромыхиваетъ и въ глаза не смотреть. А я слушаю и тоже половины не понимаю, — чисто помѣшанные какіе, несемъ, что попало и съ Дону, и съ моря, — наконецъ, того, не вытерпѣла, — вѣдь вотъ-вотъ, думаю, проснутся всѣ, самоваръ потребуютъ и пропало тогда все мое дѣло! — и поскорѣе перебиваю его, на хитрости пускаюсь:

— Да нѣтъ, говорю, вы лучше скажите, какой сонъ вы видѣли? *Про насъ что-нибудь?*

Хотѣла, понятно, пріятное ему сказать и такъ-то

ловко попала, — онъ даже пополовѣлъ весь и глаза опустилъ. Взялъ вдругъ копилку, вынулъ ключикъ изъ шароваръ, хочетъ отпереть — и никакъ не можетъ, никакъ въ дырку не попадетъ, до того руки трясутся, — наконецъ того, отпираетъ, высыпаетъ ее себѣ на животъ, — какъ сейчасъ помню, двѣ серіи и восемь золотыхъ, — сгребъ ихъ себѣ въ руку и вдругъ говорить шепотомъ:

— Можешь ты меня одинъ разъ поцѣловать?

Такъ у меня руки, ноги и отнялись отъ страху. А онъ-то съ ума сходить, шепчетъ, тянется:

— Настечка, только разъ! Богъ свидѣтель тебѣ, — никогда больше слова не скажу, не попрошу!

Я оглянулась — ну, думаю, была не была! — и поцѣловала его. Такъ онъ даже задохнулся весь, — ухватилъ меня за шею, поймалъ губы и съ минуту, небось, не пускалъ. Потомъ сунулъ всѣ деньги въ руку мнѣ — и къ стѣнкѣ:

— Иди, говорить.

Я выскочила и прямо же въ свою горницу. Заперла деньги на замокъ, схватила лимонъ и давай губы тереть. До того терла, альни побѣлѣли всѣ. Очень, правда, боялась, что пристанетъ отъ него ко мнѣ чахотка.

Ну, хорошо, — это дѣло, значить, вышло, слава Богу, начинаю другое обдѣлывать, поглавнѣе, изъ-за ка-кого я и билась-то пуще всего. Чую — быть скандалу, боюсь, не будутъ меня съ мѣста пускать, начнетъ, думаю, приставать теперь съ любовью, мужевать меня изъ-за этихъ денегъ... Нѣтъ, смотрю, ничего. Лѣзть не лѣзетъ, обходится по прежнему, аккуратно, будто ничего и не было промежъ насъ, даже, думается, еще скромнѣе, и въ горницу не зоветъ: держать, значить, слово. Подвожу тогда хозяевамъ разговоръ, — молъ, пора мнѣ объ сыну позаботиться маленько, ослобо-

ниться на время. Хозяева и слышать не хотятъ. А ужъ про него и говорить нечего. Намекнула ему разъ, такъ онъ прямо побѣлѣлъ весь. Отвернулся къ стѣнкѣ и говорить этакъ съ усмѣшкой:

— Ты, говорить, не имѣешь права этого издѣлать. Ты меня завлекла, приучила къ себѣ. Ты должна подождать — я помру скоро. А уйдешь — я удавлюсь.

Хорошъ скромникъ оказался? Ахъ, думаю, безсовѣстные твои глаза! Я же изъ-за тебя себя неволила, а ты еще грозить мнѣ! Ну, нѣтъ, не на такую напался! И зачала еще пуще предлогъ искать. Родилась тутъ, кстати, у хозяйки еще дѣвочка, наняли къ ней мамку — я и придерись, что съ ней жить не могу. Злая, правда, оголѣлая старуха была, сама хозяйка и то ей боялась, да и пьяная къ тому же, — полштофъ подъ кроватью такъ и дежуриль, — и возлѣ себя прямо терпѣть никого не могла. Стала она на меня наговаривать, смутьянить всячески. То бѣлье не такъ выгладила, то подать ничего не умѣю... Прежде-то все хорошо было! А скажешь ей слово, затрясется вся — и жалиться бѣжить. Плачетъ навзрыдь, а больше, понятно, не отъ обиды, а отъ притворства. Дальше, больше, я и говорю хозяевамъ:

— Такъ и такъ, безпримѣнно увольте меня, мнѣ отъ этой самой старухи бѣлый свѣтъ не милъ, я на себя руки наложу.

А сама ужъ домъ на Глухой улицѣ приглядѣла. Ну, хозяйка, прослышавши это, и не стала больше меня неволить. Правда, какъ прощалась со мной, страсть какъ звала опять къ себѣ жить, или хотъ приходить когда къ празднику, къ именинамъ.

— Обязательно, говорить, чтобъ ты приходила всегда все прибрать, приготовить. Я, говорить, только при тебѣ и покойна. Я къ тебѣ какъ къ родной привыкла.

Провожаетъ съ хлѣбомъ-солью, — сошло, значить

сердце, — большую булку бѣлую спекла, цѣльную солонку сахару наклала. Я благодарю всячески, а понятно, мнѣ не дѣтей съ ней крестить: думаю одно, говорю другое. Наобщалась всего съ три суммы, наклонялась въ поясъ — и сошла. И сейчасъ же, Господи благослови, за дѣло. Купила домъ этотъ, открыла кабакъ. Торговля пошла ужасная хорошая, — стану вечеромъ выручку считать: тридцать да сорокъ, а то и всѣхъ сорокъ пять въ кассѣ, — я и надумай еще лавочку открыть, чтобъ ужъ, значить, одно къ одному ишло. Сестра мужнина замужъ давно вышла за сторожа изъ Краснаго Креста, онъ все кумой меня звалъ, дружилъ со мной, — я къ нему: взяла бездѣлицу въ долгъ на всякое обзаведенье, на права — и заторговала. А тутъ какъ разъ и Ваня изъ ученья вышелъ. Совѣтуюсь съ умными людьми, куда, молъ, его устроить.

— Да, куда, говорятъ, его устраивать, у тебя и дома работы дѣвять некуды.

И то правда. Сажаю Ваню въ лавку, сама въ кабакъ становлюсь. Пошла жожка въ ходъ! И мыслить, понятно, забыла обо всѣхъ этихъ глупостяхъ, хотъ, по совѣсти сказать, онъ, убогій-то, даже въ постель слегъ, какъ я уходила. Никому ни одного словечка не сказалъ, а слегъ прямо какъ мертвый, даже гармонью свою забылъ. Вдругъ, здорово живешь, — Полканиха на дворъ, мамка эта самая. (Ее мальчишки Полканихой прозвали). Является и говорить:

— Тебѣ, говорить, одинъ человѣкъ велѣлъ кланяться, безпримѣнно велѣлъ провѣдать его притить.

Такъ меня въ жаръ и бросило со зла да стыда! Каковъ, думаю себѣ, голубчикъ! Что въ голову свою забралъ! Подружку какую себѣ нашелъ! Не стерпѣла, прямо и говорю:

— Мнѣ его поклоны не надобны, онъ про свое убо-

жество долженъ помнить, а тебѣ, старому чорту, стыдно въ сводни лѣзть. Слышала, ай нѣтъ?

Она и осѣклась. Стоитъ, согнулась, смотреть на меня исподлобья пухлыми глазами, да только качаюмъ своимъ матаетъ. Либо отъ жары, либо отъ водки ошалѣла.

— Эхъ ты, говорить, безчувственная! Онъ, говорить, даже плакалъ объ тебѣ. Весь вечеръ вчера лежалъ, къ стѣнкѣ отвернувшись, а самъ плакалъ навзрыдъ.

— Что жъ, говорю, и мнѣ, что ль, залиться въ три ручья? И не стыдно ему было, красноперому, ревѣть на-людяхъ? Ишь ребеночекъ какой! Ай отъ соски отняли?

Такъ и выпроводила стараху эту безъ ничего и сама не пошла. А онъ мѣсяца черезъ полтора возьми, да и взаправду удавись. Тутъ-то я очень, понятно, жалѣла, что не пошла, а тогда не до него было. У самой въ домѣ скандалъ по скандалу пошелъ.

Двѣ горницы въ домѣ я подъ квартиру сдала, одну нашъ постовой городской снялъ, — отличный, серьезный, порядочный человѣкъ, — Чайкинъ по фамиліи, въ другую барышня приститутка переѣхала. Свѣтлорусая такая, молоденькая, и съ лица ничего, красивая. Звали Ѳеней. Ъздилъ къ ней подрядчикъ Холинъ, она у него на содержаніи была, ну, я и пустила, понадѣялась на это. А тутъ, глядь, вышла промежъ нихъ разстройка какой-то, онъ ее и бросилъ. Что тутъ дѣлать? Платить ей нечѣмъ, а прогнать нельзя — восемь рублей задолжала.

— Надо, говорю, барышня, съ вольныхъ добывать, у меня не страннопріимный домъ.

— Я, говорить, постараюсь.

— Да вотъ, молъ, что-й-то не видно вашего ста-

ранья. Вмѣсто того, чтобъ стараться, вы каждый вечеръ дома, да дома. На Чайкина, говорю, нечего надѣяться.

— Я постараюсь. Мнѣ даже совѣстно слушать васъ.

— А-ахъ, говорю, скажите пожалуйста, совѣсть какая!

Постараюсь постараюсь, а старанья, правда, никакого. Стала было округъ Чайкина увиваться, да онъ и глядѣть на нее не захотѣлъ. Потомъ, вижу, за моего принялась. Гляну, гляну — все онъ возлѣ ней. Затѣялъ вдругъ новый пинжакъ шить.

— Ну, нѣтъ, говорю, перегодишь! Я тебя и такъ одѣваю барчуку хорошему впору: что сапожки, что картузикъ. Сама, молъ, во всемъ себѣ отказывала, каждую копѣйку орломъ ставила, а тебя снабжала.

— Я, говорить, хорошъ собою.

— Да шальной, — что жъ мнѣ на красоту твою домъ, что ль, продать?

Замѣчаю, пошла торговля моя хуже. Недочеты, ущербы пошли. Сяду чай пить — и чай не милъ. Стала слѣдить. Сижу въ кабакъ, а сама все слушаю, — прислонюсь къ стѣнкѣ, затаюсь и слушаю. Нынче, послушу, гудятъ, завтра гудятъ... Стала выговаривать.

— Да вамъ-то, говорить что за дѣло? Можетъ, я на ней жениться хочу.

— Вотъ тебѣ разъ, матери родной дѣла нѣту! Замыселъ твой, говорю, давно вижу, только не бывать тому во вѣки вѣковъ.

— Она безъ ума меня любить, вы не можете ее понимать, она ужасная нѣжная и застѣнчивая.

— Любовь хорошая, говорю, отъ поганки ото всякой распутной! Она тебя, дурака, на смѣхъ подымаетъ. У ней, говорю, дурная, всѣ ноги въ ранахъ.

Онъ было и окаменѣлъ: глядитъ себѣ въ переносицу и молчитъ. Ну, думаю, слава тебѣ, Господи, по-

пала по нужному мѣсту. А все-таки до-смерти испугалась: значить, видимое дѣло — врѣзался, голубчикъ. Надо, значить, думаю, какъ ни мога, поскорѣй ее добивать. Совѣтуюсь съ кумомъ, съ Чайкинымъ. Надоумьте, молъ: что намъ съ ними дѣлать? Да что жъ, говорить,—понятно, прихватить надо и вышвырнуть ее,—вотъ и вся недолга. И такую исторію придумали. Прикинулась я, что въ гости иду. Ушла, походила сколько-нибудь по улицамъ, а къ шести часамъ, когда, значить, смѣна Чайкину, тихимъ манеромъ — домой. Подбѣгаю, толкъ въ дверь — такъ и есть: заперто. Стучу — молчать. Я въ другой, третій — опять никого. А Чайкинъ ужъ за угломъ стоитъ. Зачала я въ окна колотить — альни стекла зудятъ. Вдругъ задвижка — стукъ: Ванька. Бѣлый какъ мѣлъ. Я его въ плечо со всей силы — разъ! и прямо въ горницу. А тамъ ужъ чистый пиръ какой: бутылки пивныя пустыя, вино столовое, слабое, сардинки, селедка большая очищена, какъ янтарь розовая, — все изъ лавки. Өенька на стулѣ сидитъ, въ косѣ лента голубая. Увидала меня, привскочила было — и опять на стуло — плюхъ. Глядитъ во всѣ глаза, а у самой ажъ губы посинѣли отъ страху. (Думала, бить кинусь). А я и говорю этакъ просто, а сама и продохнуть не могу, — то откину шаль, то опять запахнусь:

— Что-й-то у васъ, говорю, — ай сговоръ? Ай именинникъ кто? Что жъ не привѣчаете, не угощаете?

Молчать.

— Что жъ, говорю, молчите? Что жъ молчишь, сынокъ? Такой-то ты хозяинъ-то, голубчикъ? Вотъ куда, выходить, денежки-то мои кровныя летятъ!

Онъ было и шерсть взбудоражилъ:

— Я и самъ въ лѣта взошелъ!

— Та-акъ, говорю, а мнѣ-то какъ же? Мнѣ, значить, отъ твоей милости съ сучкой этой курнушку снять? Изъ

своего собственного дома выходить? Такъ, что ль? Пригрѣла я, значить, змѣйку на свою шейку?

Какъ онъ на меня заоретъ!

— Вы не можете ее обижать! Вы сами молоды были, вы должны понимать, что такое любовь!

А Чайкинъ, услыхавши такой крикъ, и вотъ онъ: вскочилъ, ни слова не сказавши, сгребъ Ваньку за-плечи, да въ чуланъ, да на замокъ. (Человѣкъ ужасный сильный былъ, прямо гайдукъ!) Заперъ и говорить Өенькѣ:

— Вы барышней числитесь, а я васъ волчкомъ могу исдѣлать!

(Съ волчьимъ билетомъ, значить).

— Хотите вы, говорить, этого, ай нѣтъ? — Нонче же комнату намъ ослобонить, чтобъ и духу твоего здѣсь не пахло!

Она — въ слезы. А я еще поддала:

— Пусть, говорю, денежки мнѣ прежде приготовить! А то я ей и сундучишко послѣдній не отдамъ. Денежки готовъ, а то на весь городъ ослаблю!

Ну, и спроводила въ тотъ же вечеръ. Какъ сгоняла-то я ее, страсть какъ убивалась она. Плачетъ, захлебывается, даже волосы съ себя деретъ. Понятно, и ея дѣло не сладко. Куда дѣться? Вся состоянье, вся добыча при себѣ. Ну, однако, съѣхала. Ваня тоже попри-тихъ было на время. Вышелъ на утро изъ-подъ замка — и ни гу-гу: боится очень и совѣсть изобличаетъ. Принялся за дѣло. Я было и обрадовалась, успокоилась, — да не надолго. Стало опять изъ кассы улетать, стала шлюха эта мальчишку въ лавку подсылать, а онъ-то и печенымъ, и варенымъ снаряжаетъ его! То навалить сахару невѣшенаго, то чаю, то табаку... Платокъ — платокъ, мыло — мыло, — что подъ руку попадетъ...

Развѣ за нимъ углядишь? И вино стало потягивать, да все злѣй, да злѣй. Наконецъ того, и совсѣмъ лавку забросилъ: дома и не живетъ, почестъ, только поѣсть придетъ, а тамъ и опять поминай какъ звали. Каждый вечеръ къ ней отправляется, бутылку подъ поддевку — и маршъ, а она, водка-то, ужъ дорогая стала. Я мечусь какъ угорѣлая — изъ кабака въ лавку, изъ лавки въ кабакъ — и ужъ слово боюсь ему сказать: совсѣмъ босякъ сталъ. Всегда красивый былъ, — весь, правда, въ меня, — лицомъ бѣлый, нѣжный, чистая барышня, глаза ясные, умные, изъ себя статный, широкій, волосы каштановые, вьющіе... А тутъ морда одулась, волосы загустились, по воротнику лежать, глаза мутные, весь обтрепался, гнуться сталъ — и все молчить, въ переносицу себѣ смотреть.

— Вы меня не тревожьте теперь, говоритъ, я могу каторжныхъ дѣлать натворить.

А захмѣляетъ, раслюнявится, смѣется ничему, задумывается, на гармоніи „Невозвратное время“ играетъ и глаза слезами наливаются. Вижу, плохо мое дѣло, надо поскорѣй замужъ. И того, понятно, боюсь, что острामить меня, того и гляди, на весь городъ убогій мой, — ну, прямо предчувствіе какое-то!

Сватаютъ мнѣ, наконецъ, вдовца одного, тоже лавочника, изъ пригорода. Человѣкъ пожилой, а кредитный, состоятельный. Самый разъ, значить, то самое, чего и добивалась я. Разузнаю поскорѣе отъ вѣрныхъ людей все дошпенту объ его жизни — бѣды, вижу, никакой: надо рѣшиться, надо поскорѣе знакомство завести, — насъ другъ другу только въ церкви сваха передъ тѣмъ показала, — надо, значить, предлогъ найти, побывать другъ у друга, вродѣ какъ смотрины исдѣлать. Приходитъ онъ перва ко мнѣ, рекомендуется: „Лагутинъ Николай Ивановичъ, лавочникъ“.

„Очень пріятно, молъ“. Вижу, совсѣмъ отличный человекъ, — ростомъ, правда, невеличекъ, сѣденькій весь, а пріятный такой, тихій, опрятный, политичный: видно, бережной, никому, говоритъ, гроша за всю жизнь не задолжалъ... Потомъ я къ нему со свахой будто по дѣлу затѣялась. Пришли. Вижу, ренсковой погребъ и лавка со всѣмъ, что къ вину полагается: сало тамъ, ветчина, сардинки, селедки. Домикъ небольшой, а чистая люстра. На окнахъ гардинки, цвѣты, полъ чисто подметенъ, даромъ, что холостой живетъ. На дворѣ тоже порядокъ. Три коровы, лошади двѣ. Одна матка, трехъ лѣтъ, пять сотъ, говоритъ, ужъ давали, да не отдали. Ну, я прямо залюбовалась на эту лошадь — до чего хороша! А онъ только тихонько посмѣивается, ходитъ, семенитъ впереди насъ, пальцами похрустываетъ и все рассказываетъ, какъ прескурантъ какой читаетъ: вотъ тутъ-то то-то, тамъ-то то-то... Значить, думаю, мудрить тутъ нечего, надо дѣло кончать...

Понятно, это я теперь-то такъ вкратцѣ, покойно рассказываю, а что я въ ту пору почувствовала — одна моя думка знаетъ! Ногъ подъ собой отъ радости не чую, — молъ, таки добилась своего, нашла свою партію! — а молчу, боюсь, дрожу вся: а ну-ка разстроится вся моя надежда? Да такъ оно едва и не случилось, чуть-чуть не пропали задаромъ всѣ мои хлопоты, а изъ-за чего, даже теперь невозможно покойно сказать: изъ-за убогаго этого, да изъ-за сыночка милаго! Мы такъ дѣло тихо, благородно вели, что ни котъ, ни кошка, думалось, не узнаетъ. Анъ, слышу, ужъ весь пригородъ знаетъ про наши съ Николай Ивановичемъ замыслы, дошелъ, понятно, слухъ и до Самохваловыхъ — небось, сама же Полканиха и шепнула. А онъ, убогій-то, возьми, говорю, да и повѣйся! На вотъ, молъ, тебѣ, — грозилъ, не вѣрила, такъ вотъ же я на зло тебѣ исдѣлаю! Вко-

лотилъ гвоздикъ въ стѣну надъ кроватью, бичевку отъ сахарной головы приладилъ, захлестнулся, и сползъ съ кровати. Штука не хитрая, ума большого не надобно. Стою разъ въ сумерки въ лавкѣ, прибираю кой-что, ищу стекло отъ лампочки — вдругъ кто-й-то грохъ, грохъ въ ставню въ домѣ! Такъ у меня сердце и оборвалось. Выскочила на порогъ — Полканиха.

— Ты что?

— Никаноръ Матвѣичъ приказалъ долго жить.

Брякнула, повернулась — и домой. А я сгоряча-то не сообразилась — меня прямо какъ варомъ обварило со страху, — накинула шаль, да за ней. Она бѣжитъ, подолъ подхватила напередъ, спотыкается, гнется — и я бѣгу... Прямо страмъ на весь городъ! Бѣгу и ничего не понимаю. Одно думаю — пропала моя головушка! Все вродѣ какъ во снѣ вдругъ исдѣлалось — и сумерки какій-то иныя, и огни въ лавкахъ не тѣ, и народъ навстрѣчу спѣшитъ какъ будто не такой... Шутка ли, что натворилъ, не тѣмъ Богъ помяни! До чего, думаю, совѣсти въ людяхъ нѣту! Подбѣгаю, а тамъ ужъ народу какъ на пожарѣ. Парадный — настезъ, кто хочетъ тотъ и лѣзетъ, — всѣмъ, понятно, любопытно. Я было сдуру-то себѣ туда же. Да какъ по головѣ меня кто огрѣлъ, какъ я было разлетѣлась-то въ сѣнцы. Повернула — да назадъ. Тѣмъ, можетъ, и спаслась, а то бы узнала чижа паленаго. Вспомнилъ бы кто-нибудь, — да хоть та же Полканиха со зла, — вотъ, молъ, ваше благородіе, на кого мы думаемъ, кто всему притчиной, извольте ее опросить — и готова. Поди потомъ, вывертывайся. Человѣкъ-то, бываетъ, ни сномъ, ни духомъ, а его за хвостъ да въ мѣшокъ... Не первый случай!

Ну, похоронили его — у меня и отлегло отъ сердца. Готовлюсь къ свадьбѣ, дѣло свое спѣшу прикончить,

распродать, что можно, безъ убытку — вдругъ опять бѣда-горе. И такъ съ ногъ сбилась въ хлопотахъ, спеклась вся отъ жары, — жара въ тотъ годъ прямо переносная стояла, да съ пылью, съ вѣтромъ горячимъ, особливо у насъ, на Глухой улицѣ, на косогорахъ этихъ, буеракахъ, — а тутъ еще скандалъ этотъ съ Никаноръ Матвѣичемъ... Вдругъ еще новость — Николай Иванычъ обидѣлся. Присылаетъ сваху эту самую нашу, какая насъ сводила-то, — лютая псовка была, небось, сама же, востроглазая, и настрочила его, Николай-то Иваныча, — передаетъ черезъ нее Николай Иванычъ, что свадьбу онъ до перваго сентября откладаетъ — дѣла будто есть — и объ сыну, объ Ванѣ, наказываетъ: чтобы, значить, я объ немъ получше подумала, опредѣлила его куда ни на есть, потому какъ, говоритъ, въ домъ я его къ себѣ ни за какія благи не приму. Хотя онъ, говоритъ, и сынъ твой родной, а онъ насъ въ чистую разорить и меня будетъ беспокоить. (И его-то, правда, положеніе. Какъ онъ никогда никакого шума не зналъ, никакихъ скандаловъ не подымалъ, понятно, боялся волноваться: какъ разволнуется, у него всегда все въ головѣ смѣшается, слова не можетъ сказать). Пускай, говоритъ, она его съ рукъ сбываетъ. А куда мнѣ его опредѣлять, куда сбывать? Малый совсѣмъ отъ рукъ отбился, въ чужихъ людяхъ, думаю, и совсѣмъ голову свернетъ, а сбывать — не миновать. Я и сама-то съ нимъ на нѣтъ сошла съ самыхъ съ этихъ поръ, какъ ознакомился онъ съ Оенькой; прямо околдовала, сука! День дрыхнетъ, ночь пьянствуетъ, — ночь за день сходить, — какъ стемняетъ — въ слободу, на улицу. Что я горя вытерпѣла съ нимъ за это лѣто — сказать невозможно! До того добилъ — стала какъ свѣчка таять, ложки держать не могу, руки трясутся. Какъ стемняетъ, сяду на скамейку передъ домомъ и

жду, пока съ улицы вернется, боюсь, ребята слободскіе умолятъ. Разъ было убилась до-смерти, побѣжала посмотрѣть въ слободу: слышу шумъ, крикъ, думала, его холятъ, да въ оврагъ и зашуршала. Спасибо за акатникъ удержалась, спаслась. Тамъ такая пропасть — застонешь туда, воронъ костей не сберетъ...

Ну, получивши такое рѣшеніе отъ Николай Ивановича, призываю его къ себѣ: такъ и такъ, молъ, сынокъ, — терпѣла я тебя долго, ну, а ты совсѣмъ ослабъ и заблудился, на всю округу меня ослабилъ. Я съ тобой всегда хороша была, ну, а ты этого никакъ не понимаешь. Привыкъ ты нѣжиться и блаженствовать, — наконецъ того, совсѣмъ босякъ, пьяница сталъ. Такого дарованія, какъ я, ты не имѣешь, сколько разъ я падала, да опять подымалась, а ты ничего нажать себѣ не можешь. Я вотъ и почету себѣ добилась, и недвижимое имущество у меня есть, и ѣмъ, пью не хуже людей, душу свою не морю, а все оттого, что всѣмъ мой хрипъ споконъ вѣку завѣдовалъ. Ну, а ты, какъ былъ мѣталь, такъ, видно, и хочешь остаться. Пора тебѣ съ шеи моей слѣзть.

Сидить, молчить, клеенку на столѣ ковырять. Только и вызвала, что пообѣдать, а то все спалъ, морда вся затекла, одулась.

— Что жъ ты, спрашиваю, молчишь? Ты клеенку-то не дери, — наживи прежде свою, — ты отвѣчай мнѣ.

Опять молчить, голову гнетъ и губами дрожить.

— Вы, говорить, замужъ выходите?

— Это, молъ, выду ли, нѣтъ ли, неизвѣстно, а и выду, такъ за хорошаго человѣка, какой тебя въ домъ не пустить. Я, братъ, не Ёенька твоя, не Агашка Меркешина, не шлюха какая-нибудь.

(Онъ тутъ еще съ новой ознакомился, съ солдаткой съ одной распутной).

Какъ онъ вскочить вдругъ съ мѣста, да какъ затрясется весь:

— Да вы, говорить, ногтя ихъ не стоите!

Хорошо, ай нѣтъ? Вскочилъ, заоралъ не своимъ голосомъ, дверью грохнулъ — и былъ таковъ. А я, ужъ на что не плаксива была, такъ слезами и задалась. Плачу день, плачу другой, — какъ подумаю, какія слова онъ могъ мнѣ сказать, такъ и зальюсь. Плачу и одно въ умѣ держу — дѣвѣ не прощу ему такой обиды, со двора долой сгоню. А его все нѣту. Слышу — у солдатки пируетъ, танцы, плясъ, пропиваетъ наворованныя денежки и мнѣ грозитъ: я ее, говорить, все равно успокою, выжду, какъ пойдетъ куда-нибудь вечеромъ, камнемъ убью. Присылаетъ, — на смѣхъ мнѣ, понятно, — въ лавку за покупками, беретъ то жамокъ, то селедокъ, то подсолнухи. Я прямо трясусь отъ обиды, а виду не подаю, отпускаю. Сижу разъ въ лавкѣ — вдругъ самъ всходитъ. Пьянь — лица нѣту. Вноситъ селедки — утромъ заловка солдаткина приходила, купила, на его, понятно, деньги, четыре селедки, рватыя шейки, по пятаку пара... Какъ шваркнетъ ихъ на прилавокъ!

— Можете вы, кричить, присылать такую скверность покупателямъ? Онѣ вонючія, мысленныя! Ихъ собакамъ только ѣсть!

Оретъ, ноздри раздуваетъ — предлогъ ищетъ.

— Ты, говорю, тутъ не буня и не ори, сама я селедокъ не работаю, а боченками цѣльными покупаю. Не нравится — не жри, вотъ тебѣ твои деньги.

— А если бы я ихъ съѣлъ, да померъ?

— Опять же, говорю, ты, свинья, не можешь тутъ кричать, — какой такой ты мнѣ командиръ? Авось, чинъ не великъ имѣешь. Ты честью долженъ сказать, а не нахрапомъ лѣзть въ чужое помѣщеніе.

А онъ схватилъ вдругъ безмѣнъ съ ларя и этакъ шипомъ:

— Какъ жмакну тебя, говорить, сейчасъ по головѣ, такъ ты и протянешься!

И со всѣхъ ногъ вонъ изъ лавки. А я какъ съла на полъ, такъ и подняться не могу...

Потомъ слышу — уработали его, наказалъ Господь за мать! Едва живого на извозчикѣ привезли — пьянъ безъ памяти, голова мотается, волосы отъ крови слиплись, всѣ съ пылью перебиты, ухо до живого мяса освѣжено, сапоги, часы сняли, новый пинжакъ весь въ клокахъ — хоть бы гдѣ орѣхъ цѣлаго сукна остался... Я подумала, подумала — принять его приняла и даже за извозчика заплатила, но только въ тотъ же день посылаю Николай Иванычу поклонъ и твердо наказываю сказать, чтобъ онъ больше ничего не беспокоился: съ сыномъ, молъ, я порѣшила, — прогоню его безо всякой жалости прямо же, какъ проспится. Отвѣчаетъ тоже поклономъ и велитъ сказать: очень, говоритъ, умно и разумно, благодарю и сочувствую. А черезъ двѣ недѣли и свадьбу назначилъ. Да...

Ну, да будетъ пока, тутъ и сказкѣ моей конецъ. Больше-то, почестъ, и рассказывать нечего. Съ этимъ мужемъ до того я ладно вѣкъ свѣковала, — прямо рѣдкость по нонѣшнему времени. И не помню ничего, — все вродѣ какъ въ одинъ день сходится, до того мы захозяйствовались. Что я, говорю, прочувствовала, какъ этого рая добивалась, — сказать невозможно! Ну; и наградилъ меня, правда, Господь, — вотъ двадцать первый годъ живу какъ за каменной стѣной за своимъ старичкомъ и ужъ знаю — онъ меня въ обиду не дастъ: онъ вѣдь это съ виду только тихій, а характеромъ ужасный крутой, не хуже меня. А, понятно, нѣтъ-нѣтъ, да и заноетъ сердце. Особенно Великимъ

постомъ отчего-й-то. Умерла бы теперь, думается, — хорошо, покойно, по всѣмъ церквамъ акаѳисты читають... Правда, наморилась я на своемъ вѣку — ухъ, и настойчива была Настасья Семеновна! Мнѣ бы, по моему уму, развѣ въ слободѣ сидѣть? Меня мужъ и то Скобелевымъ зоветъ... Опять же иной разъ и объ Ванѣ соскучусь. Двадцать лѣтъ ни слуху, ни духу объ немъ. Можетъ и померъ давно, да не знаю о томъ. Мнѣ даже жалко его стало, какъ привезли-то его тогда убитого. Втащили мы его, взвалили на кровать — цѣлый день спалъ мертвымъ сномъ. Взойду, послушаю дыханіе, — живъ ли, молъ... А въ горницѣ — вонъ, кистотой какой-то, лежить онъ весь ободранный, изгвазданный, виски всклокочены, космами густыми, храпитъ и захлебывается... Страмъ и жалость смотрѣть, а вѣдь кровь моя родная! Погляжу, погляжу, послушаю и — выйду. И такая-то тоска меня взяла! Поужинала черезъ силу, прибрала со стола, огонь потушила... Не спится, да и только, — вся дрожу, лежу, чего-й-то. А ночь видная, видная. Слышу, проснулся. Все кашляетъ, все выходитъ на дворъ, дверью хлопаетъ.

— Что это ты, спрашиваю, ходишь?

— Животъ, говорить, болитъ.

По голосу слышу — тревожится, тоскуетъ.

— Ты, говорю, выпей черныбыльнику съ водкой, вонъ тамъ, въ образничкѣ, бутылка стоитъ.

Полежала еще, можетъ, и задремала немного, чувствую сквозь сонъ, — какъ по глазамъ кто провелъ чѣмъ... Очнулась: прокрадается будто кто-й-то, а не слышать по половику. Вскочила — онъ.

— Мамаша, говорить, не пугайтесь меня за ради Христа...

И какъ залется въ три ручья! Сълъ на постель,

руки ловить, цѣлуетъ, слезами обливается, а самъ даже захлебывается, — такъ плачетъ-рыдаетъ. Я не стерпѣла — и себѣ. Жалко, понятно, а дѣлать нечего — изъ-за него вся моя судьба рѣшается. Да онъ и самъ, вижу, понимаетъ это хорошо.

— Простить я тебя, говорю, могу, а подѣлать, ты самъ видишь, теперь я ужъ ничего не подѣлаю. И уходи ты куда-нибудь подалѣ, чтобъ я и не слыхала про тебя!

— Мамаша, говорить, за что вы меня, не хуже сидяки этого, Никаноръ Матвѣича, погубили?

Ну, вижу, человѣкъ еще не въ своемъ умѣ, не стала и спорить. Поплакалъ, поплакалъ, поднялся и ушелъ. А на утро глянула я въ горницу, гдѣ онъ спалъ, а его ужъ и слѣдъ простылъ. Ушелъ, значитъ, пораньше отъ страму — и какъ въ воду канулъ. Былъ слухъ, жилъ будто въ Задонскѣ при монастырѣ, потомъ на Царицынъ подался, а тамъ, небось, и голову сломилъ... Да что объ томъ и толковать — только сердце свое тревожить! Воду варить — вода будетъ.

А что онъ про Никаноръ Матвѣича сказалъ, такъ я даже глупо это считаю. Авось не великими деньгами покорыстовалась, не изъ кармана вытащила. Онъ самъ свое убожество понималъ, самъ скучалъ часто. Бывало, скажетъ мнѣ:

— И калѣкой меня, Настя, судьба моя исдѣлала, и характеръ у меня сумасходный: то мнѣ весело чего-й-то, какъ передъ бѣдой какой, то такая тоска, особливо лѣтомъ, въ жару, въ пыль эту, — просто руки на себя наложилъ бы! Помру я, похоронять меня на Чернослободскомъ кладбищѣ — цѣльный вѣкъ будетъ съ шоссе эта пыль летѣть на мою могилку черезъ ограду!

— Да что жъ, молъ, Никаноръ Матвѣичъ, объ этомъ убиваться? Мы этого чуютъ не будемъ.

— Да это, говоритъ, что жъ, что чуютъ не будемъ, — бѣда та, что при жизни о томъ думаешь.

А, правда, скука, бывало, у насъ въ домѣ, у Самохваловыхъ-то, какъ всѣ позаснутъ послѣ обѣда, а вѣтеръ несетъ эту пыль! И руки-то онъ наложилъ на себя въ страшную жару, въ самое глухое время. Городъ у насъ, правда, скучный. Я вонъ была недавно въ Тулѣ: какое же сравненіе!

СВЕРЧОКЪ.

Эту небольшую исторію разсказалъ шорникъ Сверчокъ, весь ноябрь работавшій вмѣстѣ съ другимъ шорникомъ, Василиемъ, у помѣщика Ремера.

Ноябрь стоялъ темный и грязный, зима все не налаживалась. Ремеру съ его молодой женой, скупой и дѣльно хозяйствовавшимъ въ огромной, но глухой и запущенной дѣдовской усадьбѣ, было скучно, и вотъ они стали ходить по вечерамъ изъ своего забитаго двухэтажнаго дома, гдѣ только внизу, подъ колоннами, была одна сносная жилая комната, въ старомъ, грязномъ флигелѣ, въ упраздненную контору съ обвалившейся штукатуркой, гдѣ зимовала птица и помѣщались шорники, работникъ и работница.

Вечеромъ подъ Введеніе несло непроглядной мокрой вьюгой. Въ просторной и низкой конторѣ, когда-то бѣленой мѣломъ, было очень тепло и сыро, густо воняло махоркой, жестяной лампочкой, горѣвшей на верстахъ, сапожнымъ варомъ, политуры и мятной кислотой кожи, куски и обрѣзки которой, вмѣстѣ съ инструментами, новой и старой сбруей, хомутиной, потниками, дратвой и мѣднымъ наборомъ, навалены были и на верстахъ, и на затоптанномъ, какъ въ закутѣ, засоренномъ полу. Воняло и птицей изъ темной кухни, куда была отворена дверь, но Сверчокъ и Василій, ночевавшіе въ этой вони и каждый день сидѣвшіе въ

ней съ согнутыми спинами не менѣе десяти-одиннадцати часовъ, были, какъ всегда, очень довольны своимъ помѣщеніемъ, особенно же тѣмъ, что Ремеръ не жалѣетъ топки, хотя могъ бы жалѣть, отпуская хорошіе харчи. Съ узенькихъ подоконниковъ за верстакомъ капало, на черныхъ стеклахъ сверкало и рѣзко бѣлѣло липкій мокрый снѣгъ. Шорники пристально работали, кухарка, небольшая женщина въ полушубкѣ и мужицкихъ тяжелыхъ сапогахъ, называясь за день, отдыхала на продранномъ стулѣ у вымазанной по мѣлу глиной, горячей печки. Она грѣла спину и руки и, немного склонивъ на бокъ маленькую головку, закутанную пеньковымъ платкомъ, не сводя остановившихся глазъ съ огня, слушала шумъ вѣтра, потрясавшаго порою весь флигель, постукиванье молотка по хомуту, который дѣлалъ Василій, и старчески-дѣтское дыханіе лысаго Сверчка, возившагося надъ шлеей и въ затруднительныя минуты шевеливавшего краснымъ кончикомъ языка. Медленно, слоями плавалъ по комнатѣ синеватый дымъ махорки, шумѣлъ вѣтеръ за стѣнами. И всѣ долго молчали, поджидая прихода господъ.

Лампочка, облитая керосиномъ, стояла на самомъ краю верстака и какъ разъ посрединѣ между работавшими, чтобы виднѣе было обоимъ, но Василій то и дѣло подвигалъ ее къ себѣ своей сильной, жилистой, смуглой рукой, засученной по-локоть. Сила, увѣренность въ силѣ чувствовались и во всей фигурѣ этого черноволосаго тридцатилѣтняго человѣка, похожаго на малайца,—въ каждой выпуклости его мускулистаго тѣла, ясно обозначавшагося подъ тонкой, точно истлѣвшей на немъ рубахой, бывшей когда-то красной, и казалось всегда, что Сверчокъ, маленькій и несмотря на видимую бодрость, весь разбитый, какъ

всѣ дворовые люди, побаивается Василю, выросшаго въ городѣ и никогда никого не боявшагося. Казалось это и самому Василю, даже усвоившему себѣ манеру, какъ бы въ шутку, на забаву окружающимъ, покривать на Сверчка, охотно помогавшаго этой шуткѣ,—тоже, не то въ серьезъ, не то для забавы, пугавшагося этихъ окриковъ.

Василій, держа между голенищами и колѣнками, прикрытыми замашнымъ засаленнымъ фартукомъ, новый хомутъ, обтягивалъ его толстой, темнолиловой пахучей кожей, одной рукой крѣпко захватывая ее и туго натаскивая на дерево клещами, а другой вынимая изъ сжатыхъ губъ гвозди съ мѣдными шляпками, втыкая ихъ въ наколы, заранѣе сдѣланные шиломъ, и затѣмъ съ одного маха, ловко и сильно вколачивая молоткомъ. Онъ низко нагнулъ свою большую голову въ черныхъ, влажно-курчавыхъ волосахъ, перехваченныхъ ремешкомъ, и работалъ съ той пріятной и себѣ, и окружающимъ, ладной напряженностью, которая дается только хорошо развитой силой, талантомъ. Напряженно работалъ и Сверчокъ, но напряженность эта была иного рода. Онъ прошивалъ концомъ новую, еще нечерненную, розово-тѣлеснаго цвѣта шлею, какъ и Василій, захвативъ ее въ колѣни, въ голенища и фартукъ, и съ трудомъ накалывалъ ее, съ трудомъ,—шевеля языкомъ и принаравливая къ свѣту лысую голову,—попадалъ щетиной въ дырочки, хотя раздиргивалъ въ разныя стороны и закрѣплялъ конецъ тоже ловко и сильно, даже съ нѣкоторымъ удалствомъ стараго, натарѣлаго мастера.

Наклоненное къ хомуту лицо Василю, широкое, съ выступающими подъ маслянистой желто-смуглой кожей костями, съ рѣдкими и жесткими черными волосами надъ углами губъ, было строго, нахмурено и

значительно. А по наклоненному къ шлеѣ лицу Сверчка видно было только то, что ему темно и трудно. Онъ, одѣтый совершенно такъ же, какъ и Василій, былъ ровно вдвое старше его и чуть не вдвое меньше ростомъ. Сидѣлъ ли онъ, вставалъ ли,—разница была не велика,—такъ коротки были его ноги, обутыя въ разбитые, ставшіе отъ старости мягкими сапоги. Ходилъ онъ,—тоже отъ старости и отъ килы,—не ловко, согнувшись немного, такъ что отставалъ фартукъ и виденъ былъ глубоко провалившійся животъ, слабо, по-дѣтски подпоясанный. По-дѣтски темны были его черные глазки, похожіе на маслинки, а лицо имѣло слегка лукавый, насмѣшливый видъ: нижняя челюсть у Сверчка выдавалась, а верхняя губа, на которой, взамѣнъ усовъ, чернѣли двѣ тонкихъ, всегда мокрыхъ косички, западала. вмѣсто „баринъ“ говорилъ онъ „баинъ“, вмѣсто „было“—„быво“ и часто всхлипывалъ, подтирая большой холодной рукой, суставами указательнаго пальца, свой повисшій носикъ, на концѣ котораго все держалась свѣтлая капелька. Пахло отъ него махоркой, кожей и еще чѣмъ-то крѣпкимъ и острымъ, какъ отъ всѣхъ стариковъ, купающихся два-три раза въ годъ.

Сквозь шумъ метели, слышался изъ сѣней топотъ обиваемыхъ отъ снѣга ногъ, хлопанье дверей—и, внося съ собой свѣжій хорошій запахъ, вошли господа, залѣпленные бѣлыми хлопьями, съ мокрыми лицами и блестками на волосахъ и одеждѣ. Большая темно-красная борода и густые, нависшіе надъ серьезными и живыми глазами брови Ремера, глянцебитый каркулевый воротникъ его мохнатаго пальто и каркулевая шапка казались отъ этихъ блесковъ еще великолѣпнѣе, а нѣжное, милое лицо его жены, ея мягкія длинныя рѣсницы, сине-сѣрые глаза и пуховый сѣрый

платокъ, окутывающій ея голову, еще нѣжнѣе и милѣе. Кухарка хотѣла уступить ей продранный стулъ, она ласково поблагодарила ее, заставила остаться на своемъ мѣстѣ, а сама прошла и сѣла на длинную кухонную скамью въ другой уголъ, осторожно снявъ съ нея узду со сломанными удилами; потомъ слабо зѣвнула, повела плечами, улыбнулась и тоже засмотрѣлась на огонь широко раскрытыми глазами. Ремеръ закурилъ и сталъ ходить по комнатѣ, не раздѣвшись и не снявъ шапки. Она тоже не раздѣлась, сидѣла, какъ будто чего ожидая, и счастливо думала то о своей беременности, въ которой еще было маленькое сомнѣніе, то о той новой, пріятно-непривычной жизни, которой она уже полгода жила въ деревнѣ, то о далекой Москвѣ, ея улицахъ, огняхъ, трамваяхъ. Какъ всегда, господа пришли побыть только минутку,—ужь очень тяжелый и теплый былъ у шорниковъ воздухъ,—но потомъ, какъ всегда, забылись, потеряли обоняніе, заговорились... И вотъ тутъ-то, неожиданно для всѣхъ, и разсказалъ Сверчокъ о томъ, какъ замерзъ его сынъ.

— Однако, ты, братъ, ловокъ,—прошепелявилъ онъ, когда Василій, поздоровавшись съ господами кивкомъ головы, опять придвинулъ къ себѣ лампочку.—Однако, ты, бѣгать, вовокъ. Я, небось, постарше тебя немножко,—сказалъ онъ всхлипывая и подтирая носъ.

— Что?—притворно-грозно крикнулъ Василій, сдвигая брови.—Ай тумака захотѣлъ? Такъ дождешься. Я и не такихъ окорачивалъ, а отъ сверчковъ-то только мокро оставалось. Можетъ, тебѣ еще газовый рожокъ зажечь? Ослѣпъ—такъ въ богадѣльню.

Всѣ улыбнулись,—даже и барыня, которой все-таки немного непріятны были эти шутки, всегда немного жалко Сверчка,—и подумали, что Сверчокъ, какъ

всегда, отпустить что-нибудь смѣшное. Но на этотъ разъ онъ только головой покрутилъ и, вздохнувъ, разогнулся и остановилъ взглядъ на черныхъ стеклахъ, залѣпленныхъ мокрыми бѣлыми хлопьями. Потомъ опять вздохнулъ и, взявъ шило своей большой, въ крупныхъ жилахъ и съ широко разставленными суставами большого и указательнаго пальцевъ рукой, неловко и съ трудомъ воткнулъ его въ розоватую сырую кожу. Кухарка, замѣтивъ, что онъ смотрѣлъ на окна, заговорила о томъ, какъ она боится, что ея мужикъ, поѣхавшій за коноваломъ въ Чичерино, замерзнетъ, собьется съ дороги въ такую куру. Ремеръ, думая о чемъ-то своемъ, сталъ ее успокаивать,—не поѣдетъ онъ, молъ, переночуетъ въ Чичеринѣ, а если и поѣдетъ, такъ не бѣда, кура теплая,—какъ вдругъ Сверчокъ, дѣлая видъ, что очень занятъ шлеей, отклоняясь и оглядывая ее, сказалъ съ грустнымъ добродушіемъ:

— Да, братъ, ослѣпъ... Поневолѣ ослѣпнешь! Ты вотъ доживи-ка до моихъ годовъ, да прочувствуй съ мое! Анъ не доживешь. Сверчокъ, братъ, сверчку розъ. Я вотъ споконъ вѣку такой, неизвѣстно, въ чемъ душа держится, а все тянулся, жилъ—и еще бы столько же прожилъ, какъ бы было зачѣмъ. Я, братъ, очень даже хотѣлъ жить, пока было антиресно, и жилъ, смерти не подавался. А твою-то силу мы еще не знаемъ. Молода, въ Саксонѣ не была...

Василій посмотрѣлъ на него пристально, какъ посмотрѣли и господа, и кухарка, удивленные его необычнымъ тономъ,—на минуту, въ молчаніи, особенно явственно сталъ слышенъ шумъ вѣтра вокругъ флигеля,—и серьезно спросилъ:

— Что это ты буровишь такое?

— Я-то?—сказалъ Сверчокъ, поднимая голову и

оставляя воткнутое въ кожу шило.—Нѣтъ, братъ, я не буровлю. Я это про сына вспомнилъ. Слышалъ, небось, какой молодецъ былъ? Пожалуй, еще почище тебя будетъ, да и силой не уступилъ бы, а вотъ не могъ же того выдержать, что я.

— Вѣдь, онъ замерзъ, кажется?—спросилъ Ремеръ.

— Замерзъ, я его зналъ,—отвѣтилъ Василій и, не стѣсняясь, какъ говорятъ о ребенкѣ при немъ же самомъ, добавилъ:—Да онъ и не сынъ ему, говорятъ, былъ,—Сверчку-то. Не въ мать, не въ отца, а въ про-ѣзжаго молодца.

— Это дѣло иная,—такъ же просто сказалъ и Сверчокъ,—это все можетъ быть, а почиталъ онъ меня не меньше отца, дай Богъ, чтобъ твои такъ-то тебя почитали, да и я не докапывался, сынъ онъ мнѣ, али нѣтъ, моя кровь, аль чужая... авось, она у всѣхъ одинаковая! Сила въ томъ, что онъ, можетъ, дороже десятерыхъ родныхъ мнѣ былъ. Вы вотъ, баринъ, и вы, сударыня,—сказалъ Сверчокъ, поворачивая голову къ господамъ и особенно ласково выговаривая: „сударыня“—вы вотъ послушайте, какъ было-съ это дѣло, какъ замерзъ-то онъ. Я вѣдь его всю ночь на закоркахъ таскалъ!

— Кура сильная была?—спросила кухарка.

— Никакъ нѣтъ,—сказалъ Сверчокъ.—Туманъ.

— Какъ туманъ?—спросила, внезапно оживляясь, барыня.—Да развѣ въ туманъ можно замерзнуть? И зачѣмъ же вы его таскали?

Сверчокъ кротко улыбнулся.

— Хм!—сказалъ онъ.—Да вы того, сударыня, и вообразить себѣ не можете-съ, до чего онъ, туманъ-то этотъ, можетъ замучить! А таскалъ я его затѣмъ, что ужъ очень жалко было-съ, все думалъ отстоять его отъ этого... отъ смерти-то. Это такъ вышло,—картаво

началъ онъ, обращаясь не къ Василю и не къ Ремеру, еще суровѣе сдвинувшему брови и сѣвшему на скамью, а только къ одной барынѣ,—это вышло-съ какъ разъ подъ самый Николинъ день...

— А давно?—спросилъ Ремеръ.

— Да лѣтъ пять или шесть тому назадъ,—отвѣтилъ за Сверчка Василій, серьезно слушая и свертывая цыгарку.

Сверчокъ мелькомъ, старчески-строго глянулъ на него.

— Оставь мнѣ потомъ затянуться,—сказалъ онъ и продолжалъ:—работали мы, сударыня, у барина Савича въ Огневкѣ,—онъ, сынъ-то, со мной всегда ходилъ, не отбивался отъ меня, зналъ, что плохому не научу,—ну, работали и работали, а квартиру въ селѣ, въ Маховомъ снимали, жили послѣ смерти матери вродѣ какъ два дружныхъ товарища. Подходить, наконецъ того, Николинъ день. Надо, думаемъ, домой отличиться, немножко въ порядокъ себя привести, а то ужъ очень все на насъ землѣ предалось и, по совѣсти сказать, ношъ доняла. Собираемся этакъ на-вечеръ, а того и не видимъ, что такая стыдъ да еще съ туманомъ къ вечеру завернула, альни деревни за лужкомъ не видать, ужъ не говоря про то, что очень мѣстность вездѣ глухая. Копаемся, прибираемъ струментъ въ этой самой банѣ, гдѣ мы, значитъ, спасались, никакъ ничего не найдемъ въ темнотѣ,—скупой баринъ-то былъ, огарочка не разживешься,—чувствуемъ, что припоздали маленько—и, вѣрите-ли, такая тоска вдругъ взяла меня, что я и говорю: „Дорогой ты мой товарищъ, Максимъ Ильичъ, ай намъ остаться, до утра подождать?..“

— А васъ Ильей зовутъ?—спросила барыня, вдругъ вспомнивъ, что она до сихъ поръ не знаетъ имени

Сверчка и на мгновение залилась нѣжнымъ румянцемъ, отчего еще прекраснѣе стали ея сине-сѣрые глаза и длинныя рѣсницы.

— Ильей-съ,—ласково сказалъ Сверчокъ и, всхлипнувъ, потеръ носъ,—Ильей Капитоновымъ. Но только сынъ-то меня тоже Сверчкомъ звалъ и все,—вотъ не хуже этого Бовы Королевича, Василь Степаныча,—шутилъ, грубіянилъ со мной. Ну, конечно, пошутилъ, закричалъ и тутъ... развѣ молодому о смерти-то думается? „Это еще, молъ, что такое? Поговори у меня!“.. Нахлобучилъ мнѣ шапку по уши, надѣлъ свою ремешкомъ подтянулся,—красавецъ былъ, сударыня, истинную вамъ правду говорю-съ!—взялъ палочку, сунулъ мнѣ въ руку мѣшочекъ съ нашимъ добришкомъ, съ шильцами нашими—и безъ дальнихъ разговоровъ маршъ на крыльцо. Я за нимъ... Вижу, туманъ страсть какой и ужъ совсѣмъ стемняло, барскій садъ весь сизыми шапками, инеемъ обросъ,—какъ туча какая въ сумеркахъ, въ туманѣ этомъ мерещится,—да дѣлать, значитъ, нечего, не хочу молодого человѣка обижать, молчу. Перешли лужки, поднялись на горку, оглянулись—а оконъ у барина ужъ не видать, все сѣрое, сумрачное сдѣлалось, стоитъ, надвинулось, даже смотрѣть жутко. Отвернулся я отъ вѣтру,—въ одну минуту духъ захватило, такъ и несетъ холодомъ съ этой мгой, туманомъ, вродѣ какъ дыханіе какое,—чувствую, что ужъ на двухъ шагахъ до самыхъ костей прохватило, а сапоги-то на насъ нагольные, да и поддевочки на шереметьевскій счетъ шиты, и опять говорю: „Ой, вернемся, Максимъ, не форси!“ Онъ было, и задумался... Да, извѣстно, дѣло не старое, по себѣ, небось, сударыня, знаете,—какъ свою гордость не показать?—насупился поскорѣе и опять пошелъ. Входимъ въ деревню,—конечно потише стало, вездѣ

огни по избамъ, хоть и мутные, скучные, какъ дымъ какой, а все-таки—жилъе,—онъ и бубнить: „Ну, видишь? Чего дрожалъ? Видишь, на ходу-то куда теплѣй, это только сначала такъ стужено показалось, а теперь совсѣмъ тепло... Не отставай, не отставай, а то подгонять начну“... А ужъ какая тамъ, сударыня, тепло, всѣ водовозки на-четверть инеемъ обросли, всѣ лозинки, полынки къ землѣ пригнуло, крышъ не видать отъ туману и морозу... Конечно, жилъе, да отъ этихъ огней еще больше жуть, туманъ еще сизѣй, сумрачнѣй выдаетъ, и всѣ рѣсницы у меня въ инеѣ, отяжелѣли, какъ у лошади хорошей, а барскихъ оконъ на томъ боку и званія не осталось... Одно слово—ночь лютая, самая что ни на есть волчиная глухомань.

Василій нахмурился, пустилъ въ обѣ ноздри дымъ и, подавая окурокъ Сверчку, строго перебилъ его:

— Ну, ты, гвухоманъ, этакъ до второго пришествія не кончишь. Ты, многоглаголевый Абакумъ, скорѣй разсказывай.

И дѣловито перевернулъ въ колѣняхъ хомутъ, намѣреваясь продолжать работу. Сверчокъ, шепотками, кончиками прокопченныхъ, съ синей грязью подъ ногтями пальцевъ, взявъ у него окурокъ, сильно затянулся и на минуту грустно задумался, какъ бы слушая свое дѣтское дыханіе и шумъ вѣтра за стѣнами. Потомъ несмѣло сказалъ:

— Ну, Богъ съ тобой, хорошо, покороче скажу. Чистая, братъ, восца въ тебѣ сидить... Все поскорѣе да кое-какъ... Да я и не тебѣ, я господамъ разсказываю,—вотъ барынѣ, можетъ, антиресно послушать, онѣ еще не знаютъ какъ слѣдуетъ нашего мужицкаго дѣла... Я и хотѣлъ сказать, что просто мы заблудились въ двухъ шагахъ. Мы, сударыня,—продолжалъ онъ увѣреннѣе, взглянувъ на барыню, уловивъ въ ея гла-

захъ интересъ и сочувствіе и вдругъ острѣе почувствовавъ свое давно ставшее привычнымъ горе,—мы дорогу, значить, потеряли. Какъ только вышли-съ за деревню, за задворки, по нашему, да попали въ эту темь, во мгу, въ холодъ, да прошли, можетъ, съ версту, такъ и заблудились. Тутъ большой верхъ, агромадный лугъ, буераки до самаго Маховаго идутъ, а надъ ними дорога зимняя всегда есть, вотъ мы и потрафляли по ней, все думали, что вѣрно держимся, а замѣсто того влѣво забрали по чьему-то слѣду, къ бибииковскимъ, значить, оврагамъ, и слѣдъ этотъ тоже, на бѣду, упустили, а ужъ тамъ и пошли мѣсить по снѣгу, по вѣтру какъ попало. Да это все, сударыня, исторія извѣстная,—кто не блудилъ, всѣ блудили,—а я то хотѣлъ сказать, какую муку-съ я за эту ночь принялъ! Я, правда, до того оробѣлъ, до того испугался, какъ, значить, проходили мы, прокружились часа два, али три, да зарѣяли, задохнулись, обмерзли, стали въ пень и видимъ, что въ отдѣлку пропали, до того, говорю, испугался, что у меня ажъ руки, ноги огнемъ закололо,—всякому, понятно, свой животъ дорогъ,—но только я и въ мысляхъ не держалъ, что дальше-то будетъ, какъ накажетъ меня Господь! Я, понятно, такъ и думалъ, что мнѣ первому конецъ,—много-ль во мнѣ духу, сами изволите видѣть,—а какъ увидалъ, что не мнѣ, что я-то еще живъ, стою, а ужъ онъ на снѣгъ сѣлъ, какъ увидалъ это...

Сверчокъ слегка вскрикнулъ на послѣднихъ словахъ, взглянулъ на кухарку, которая уже плакала и сморкалась въ подолъ, и вдругъ заморгавъ, исказивъ и брови, и губы, и задрожавшую челюсть, сталъ торопливо искать кисетъ. Василій сердито сунулъ ему свой, и онъ, вертя прыгающими большими руками цыгарку и роняя въ табакъ слезы, опять заговорилъ,

но уже новымъ, размѣренно-твердымъ и повышеннымъ тономъ:

— Дорогая моя сударыня, у насъ былъ баринъ Ильинъ, лютѣй его во всей губернии не было,—до нашего, то есть, брата, до двороваго,—такъ вотъ онъ замерзъ, подъ городомъ нашли,—лежить въ каретѣ, весь снѣгомъ забить, и самъ окоченѣлъ ужъ давно, и во рту ледъ, а возлѣ него сидитъ-дрожитъ кобель живой, сестеръ его любимый, подъ шубой подъ енотовой: онъ, значить, злодѣй-то такой, шубу свою собственную снялъ съ себя и кобеля накрылъ, а самъ замерзъ, и кучеръ его замерзъ, и вся тройка мерзлая на оглобли навалилась, поколѣла... А вѣдь тутъ не кобель, тутъ—сынъ родной, дорогой мой товарищъ! Да сударыня! Что мнѣ было снять-то съ себя? Поддевку-то эту? Да она была ровесница мнѣ, на немъ была вдвое теплѣй... Да тутъ и шубой не помогъ бы! Тутъ хоть рубаху сними—не спасешь, хоть на весь бѣлый свѣтъ кричи—никого не докричишься! Онъ вскорости еще пуще меня испугался, и вотъ отъ этаго отъ самаго и пропали-то мы. Какъ только упустили мы этотъ слѣдъ, онъ сразу и заметался. Сперва все покрикивалъ, зубами ляскалъ да отдувался, какъ, значить, до животовъ-то прохватило насъ вѣтромъ съ морозомъ, потомъ вродѣ какъ ошалѣлъ. „Стой!—кричу.—Ради Христа, стой, давай сядемъ, обдумаемся!..“ Молчитъ. Я его за рукавъ хватаю, опять кричу... Молчитъ, да и только! Либо не понимаетъ ничего, либо не слышитъ. Темъ хоть глазъ выколи, ногъ, рукъ ужъ не чуемъ, все лицо инеемъ занесло, сковало, губъ вродѣ какъ совсѣмъ нѣту—одна челюсть голая—и ничего не поймешь, ничего не видать! Гудитъ вѣтеръ въ уши, несетъ мгу эту, а онъ кружится, мечется—и ничего не слушаетъ меня. Бѣгу, глотаю

туманъ, вязну по поясъ... того гляди, думаю, изъ виду его упушу... вдругъ—разъ! сорвались куда-й-то, пока-тились, задохнулись въ снѣгу... чую—въ оврагахъ сидимъ. Тутъ онъ маленько, было, одумался. Помолчали, помолчали, отдышались—вдругъ онъ и говоритъ: „Это что, отецъ? Бибиловскіе овраги? Ну, сиди, сиди, давай отдохнемъ. Вылѣземъ—цѣликомъ назадъ пойдёмъ. Теперь я все понимаю. Ты не бойся, не бойся,—я тебя доведу.“ А ужъ голосъ-то дикій, не живой. Не говоритъ, а рубить... И вотъ тутъ-то я и понялъ, что пропали мы. Вылѣзли, опять пошли, опять ошалѣли, зарыли... мѣсили, мѣсили снѣгъ еще часа два, попали еще дальше, въ кустарникъ дубовый грунинскій, да какъ наткнулись на него, да поняли, что мы ужъ верстахъ въ пятнадцать отъ Огневки, отъ Маховаго, въ степи пустой,—тутъ онъ и сѣлъ вдругъ: „Сверчокъ, прощай“. „Стой, какъ прощай? Очнись, Максимъ!..“ Нѣтъ,—сѣлъ и смолкъ...

— Долга пѣсня рассказывать, сударыня!—вдругъ опять звонко сказалъ Сверчокъ, искажая брови.—Тутъ и страхъ весь пропалъ у меня. Какъ онъ сѣлъ, мнѣ такъ въ голову и ударило: а-а, думаю, вонъ что,—помирать мнѣ теперь, видно, время нѣтъ! Руки стали у него цѣловать, умолять—моль, поддержишь хоть немножко еще, не сиди, не давайся сну этому смертному, пойдёмъ цѣликомъ, обопрись на меня! Нѣтъ,—валится съ ногъ долой, да и только! А я-бы и померъ отъ такой страсти, да ужъ—не могу... не въ состояніи... И когда ужъ кончился онъ, смолкъ совсѣмъ, отяжелѣлъ, оледенѣлъ, я его, мушину этакого, на закорки сгрѣбъ, навалилъ, подъ-ноги подхватилъ—и поперъ цѣликомъ. Нѣтъ, думаю, стой, нѣтъ, шалишь, не отдамъ,—мертвого буду сто ночей таскать! Бѣгу, вязну въ снѣгу, а у самого духъ отъ тяжести занимается,

волосы дыбомъ отъ страху встаютъ, какъ онъ своей студеной головой,—картузь-то ужъ давно свалился,—по плечу моему елозить, до уха касается. А все бѣгу да кричу, какъ шальной: „нѣтъ, стой, не отдамъ, помирать мнѣ теперь не время!“ Думалось такъ, сударыня,—сказалъ Сверчокъ вдругъ упавшимъ голосомъ и заплакалъ, вытирая рукавомъ глаза, выбирая мѣстечко менѣе грязное, ближе къ плечу,—думалось такъ... принесу... принесу на село... можетъ, оттааетъ, ототру...

Долго спустя, когда Сверчокъ уже успокоился и, закуривъ новую цыгарку, положилъ ногу на ногу и сталъ пристально смотрѣть красными глазами въ одну точку передъ собою, когда вытерли слезы и облегченно вздохнули и барыня, и кухарка, которая уже поднялась съ мѣста, чтобы нести черезъ весь дворъ, сквозь эту мокрую снѣжную бурю ужинъ господамъ, Василий серьезно сказалъ:

— А напрасно я тебя окоротилъ. Ты хорошо рассказываешь. Я и не чаялъ такой прыти отъ тебя.

— Вотъ то-то и оно-то,—тоже серьезно и просто отвѣтилъ Сверчокъ.—Тутъ, братъ, всю ночь можно рассказывать, и то не расскажешь.

— А сколько ему было лѣтъ?—спросилъ Ремеръ, искоса поглядывая на жену, тихо улыбающуюся послѣ слезъ, и тревожно думая о томъ, какъ бы это не повредило ей въ ея положеніи.

— Двадцать пятый-съ,—отвѣтилъ Сверчокъ.

— И больше у васъ не было дѣтей?—робко спросила барыня.

— Нѣтъ-съ, не было. Да и то вотъ всѣ говорятъ, что не мой онъ былъ, Максимъ-то.

— А у меня вонъ цѣлыхъ семеро,—нахмуриваясь, сказалъ Василий.—Изба два шага, а ихъ куча. Тоже не

велика сласть и дѣти. Намъ, видно, чѣмъ раньше помереть, тѣмъ выгоднѣе.

Сверчокъ подумалъ.

— Ну, это не нашего ума дѣло,—еще проще, серьезнѣй и грустнѣй отвѣтилъ онъ и опять взялся за шило.—Не замерзни онъ, меня, братъ, до ста лѣтъ никакая смерть не взяла-бы.

Господа переглянулись и, застегиваясь, поднялись съ мѣстъ. Они уже чувствовали себя какъ-то неловко, лишними. Но еще долго стояли, чтобы не выказать этого, уйти попроще, не сразу, и слушали, какъ отвѣчалъ Сверчокъ на разспросы кухарки о томъ, донесъ-ли онъ сына до села, чѣмъ кончилось дѣло. Сверчокъ отвѣчалъ, что донесъ, но только не до Маховаго, а до желѣзной дороги и упалъ, споткнувшись на рельсы. Обморозилъ руки, ноги и уже совсѣмъ терялъ сознаніе. Разсвѣло, шла мятель, все бѣлѣло, а онъ сидѣлъ въ степи и смотрѣлъ, какъ заноситъ снѣгъ его мертваго сына, набивается ему въ рѣдкіе усы и въ бѣлыя уши. Подняли ихъ кондуктора товарнаго поѣзда, шедшаго изъ Балашова.

— Дивное дѣло,—сказала кухарка, когда онъ кончилъ,—не пойму я того, какъ ты самъ-то въ такую страсть не замерзъ?

— Не до того было, матушка,—отвѣтилъ Сверчокъ разсѣянно, ища что-то на верстакѣ, въ обрѣзкахъ кожи.

ВЕСЕЛЫЙ ДВОРЪ.

I.

Мать Егора Минаева, печника изъ Пажени, такъ была суха отъ голода, что сосѣди звали ее не Анисьей, а ухватомъ. И она не обижалась. Звали за глаза,—до ссоръ и перебранокъ она была не охоча,—ну, а за глаза-то и царя не милуютъ, говоритъ пословица. Да и знала Анисья, что не даромъ дали прозвища и ей, и всему двору Минаевыхъ: дворъ вѣдь тоже прозвали—веселымъ; хорошо знала она, что не можетъ не раздражать сосѣдей нищета, безхозяйственность ея двора, вѣчный голодъ и даже самое существованіе ея на свѣтѣ.

Егоръ, какъ говорили въ Пажени, весь выдался въ Мирона, покойнаго отца своего: такой-же пустоболтъ, сквернословъ и курильщикъ, только подобрѣй характеромъ.

— Сосѣдъ онъ хоть куда, говорили про него, и печникъ хорошій, а мужикъ дуракъ, рубаха: ничего нажить не можетъ.

Заработки у Егора всегда были плохи, надѣлъ споконъ вѣку не выходилъ изъ сдачи. Изба его, огромная, нескладная, съ каждымъ годомъ все больше да больше сгнивала, осѣдала на сторону, разваливалась безъ призора. Онъ-то, правда, думалъ, что заботится о ней: разъ принесъ откуда-то и налѣ-

пилъ снаружи на ея косою простѣнокъ, на трухлявыя бревна, большую солдатскую мишень—черной краской напечатанное на бѣломъ бумажномъ листѣ туловище, съ ружьемъ на плечо, въ фуражкѣ на бекрень, съ тупо вытарашенными глазами. А вотъ поправить крышу, законопатить пазы, переложить печку, боровѣ почи- стить—на это у него догадочки не хватило, и зимой въ избѣ волковъ можно было морозить: по всѣмъ угламъ нарастала снѣжная опушка. Давнымъ-давно по чурушкѣ растаскали бы все это тырло добрые люди. Да мѣшала Анисья.

Егоръ былъ бѣлесъ, лохматъ, не великъ, но широкъ, съ высокой грудью. Ходилъ Егоръ въ облѣзломъ, голубомъ отъ времени и тяжеломъ отъ пота гимназическомъ картузѣ, въ посконной рубахѣ съ обитымъ, скатавшимся воротомъ, въ обвисшихъ, протертыхъ и вытянутыхъ на колѣняхъ порткахъ, въ лаптяхъ обожженныхъ известкой. Замашки у Егора были престранныя: очень любилъ онъ, напимѣръ, и вкусъ водки, и тотъ моментъ, когда въ головѣ „забрусить маленько“, „замолаживать“ станетъ, но не меньше любилъ и сладкое, молочную лапшу, жамки; работая по купцамъ, по господамъ, всегда дружилъ онъ съ барчуками-подростками, сказывалъ имъ похабныя сказки про попа, попадью и батрака, ея любовника, вралъ не судомъ про свою рѣшительность въ обращеніи съ бабами, прикидываясь страшнымъ распутникомъ, сулилъ сводничество и за это заставлялъ красть изъ дому сахаръ, папиросы, бѣлый хлѣбъ. Да и всюду много и безъ толку болталъ Егоръ, постоянно сосалъ трубку, до слезъ надрываясь мучительнымъ кашлемъ, и, откашлявшись, весело блестя запухшими глазами, долго сипѣлъ, носилъ своей всегда поднятой грудью. Кашлялъ онъ отъ табаку,—курить началъ по восьмому году, — а глубоко дышалъ отъ рас-

ширенія легкихъ, и когда дышалъ, все раскрывалась, показывалась въ продольную прорѣху ворота бурая полоска загара, рѣзко выдѣлявшаяся на мертвенно-блѣдномъ тѣлѣ: было у Егора и малокровіе. Было и уродство,—уродливы были его руки: большой палецъ правой руки похожъ на обмороженную култышку, ноготь этого пальца—на узкій, звѣрски твердый коготь; а указательный и средній пальцы—короче безъимянного и мизинца: въ нихъ было только по одному суставу. Но ловко мялъ онъ этими тугими култышками золу въ хлюпающей трубкѣ, кашлялъ надрывисто, но даже съ наслажденіемъ какъ будто: „а-ахъ, такъ-то его такъ!“ — и, откашлявшись, тараща изумленные, слезящіеся глаза, беззаботно несъ все, что въ голову влѣзетъ. Хрипучій, неряха, заматерѣлый во всяческихъ порокахъ, въ тридцать лѣтъ казался онъ сорокапятилѣтнимъ мужикомъ. Глядя на него, не вѣрилось, что бываютъ матери у такихъ хрипуновъ и сквернослововъ. Не вѣрилось, что Анисья—мать его.

Да и нельзя было вѣрить. Онъ бѣлесъ, широкъ, она — суха, узка, темна, какъ мумія; ветхая черно-зеленая панева болтается на тонкихъ и длинныхъ ногахъ. Онъ никогда не разувается, она вѣчно боса. Онъ весь боленъ, она за всю жизнь не была больна ни разу. Онъ пустоболтъ, порой трусливъ, порой съ кѣмъ можно, смѣлъ, нахаленъ, она молчалива ровна, покорна. Онъ бродяга, любитъ народъ, бесѣды, выпивки,—сѣмъ, пересѣмъ, лишь-бы день перешелъ. А ея жизнь проходитъ въ вѣчномъ одиночествѣ, въ сидѣнн на лавкѣ, въ непрестанномъ ожиданіи чего-то, въ непрестанномъ ощущеніи тянущей пустоты въ желудкѣ и непрестанной грусти, съ которой она уже сроднилась: „Земля забыла меня, грѣшную!“ Единственнымъ оправданіемъ такой забывчивости была, по мнѣнію Анисьи, необходимость

стеречь, сохранять для Егора избу: все думала,—авось, уж не молоденькій, авось, образумится, женится. Нѣжно и сладко туманили ей голову мечты объ этомъ несбыточномъ счастьи. А онъ постоянно твердилъ: „Дѣвку не женюсь! Теперь я—вольный казакъ, а женишься—журись о женѣ. Да пропади она пропадомъ!..“ Онъ не признавалъ ни семьи, ни собственности, ни родины.

Наняться куда-нибудь, работать мѣшала Анисьѣ, помимо избы, еще и та бѣда, что очень слаба была она, да и крива, вдобавокъ. Много лѣтъ ходилъ по лавкѣ возлѣ нея, по лавкѣ, на которой провела она столько долгихъ дней, старый черно-золотой пѣтухъ: она сидитъ и думаетъ, подпирая тонкой рукой щеку, скрестивъ подъ лавкой длинныя сизыя ноги, задеревянѣвшія отъ холода и грязи, а онъ похаживаетъ, клюетъ мухъ по мутнымъ, собраннымъ изъ кусочковъ стекламъ. Разъ сунулась она къ окошку,—кто-то ѣхалъ по деревнѣ съ колокольчиками,—а пѣтухъ какъ стукнетъ въ лѣвый глазъ ея! Глазъ вытекъ, впалыя вѣки стянуло, осталась одна сѣрая щелочка. Мальчишки долго не давали проходу кривой бабкѣ: „Кривая кандала! Кривая кандала!“—А бабка смиренно переносила и крики ихъ, и горе свое. Печалило ее только то, что будутъ бояться этого глаза внуки, если женится Егоръ.

Прежде сѣяла она коноплю на огородѣ, брала замашки, мяла пеньку: все былъ доходишко. Но Егоръ и огородъ сдалъ. Прежде и на поденщину принимали ее—къ мелкому помѣщику Панаеву, что въ верстѣ отъ Пажени. Да стали обижаться дѣвки,—„старый чортъ работу отбиваетъ!“—стали наговаривать приказчику, будто все у нея, сдѣлаю, изъ рукъ валится, стали тайкомъ всовывать краденныя изъ барскаго

сада яблоки въ тотъ платочекъ, въ который, идя на работу, завязывала она свой завтракъ—горбушку черстваго хлѣба. Чтобы ни въ чемъ не отстать отъ нихъ, показать свою бодрость и силу, она бойко подхватывала пѣсни, что пѣли онѣ, возвращаясь по вечерамъ съ гумна или съ поля, притопывала и кихикала, когда приказчикъ, выдавъ квитки, прохочивалъ дѣвокъ къ поденщинѣ гармоньей, а дѣвки плыли, подскакивали и читали прибаутки, приказки. Но зашелъ разъ Егоръ на дворъ Панаева, насмѣшливо глянулъ запущенными глазами на топчущіяся ноги матери и сипло, не выпуская трубки, крикнулъ для потѣхи: „Щипись, кургузка, семь верстъ до Курска!“—Съ тѣхъ поръ перестала она набиваться на поденщину.

Замужъ вышла Анисья рано,—рано одна на свѣтѣ осталась: давно сгнили на погостѣ села Знаменья ея батюшка съ матушкой, да не только они, а, небось, и дощатые гробы, коленкоровые покровы, новые лапти и чистыя замашныя рубахи ихъ. Любить Анисьѣ въ молодости некого было. Но и не любить не могла она. Съ несознаваемой готовностью отдать кому-нибудь душу выходила она за Мирона,—тоже печника, вольноотпущеннаго двороваго,—и любила его долго, терпѣливо, затѣмъ, что, скинувъ вскорѣ послѣ свадьбы отъ побоевъ, долго лишена была возможности на дѣтей перенести свою любовь. Запивалъ Миронъ не часто, но во хмелю бывалъ жестокъ и буенъ. Дѣло извѣстное: трезвый ребенка не обидитъ, а напьется—святыхъ вонь выноси. Бьетъ стекла, буянить, гоняется за сыномъ и женой съ дубинкой. „Ну, опять у Минаевыхъ крстный ходъ пошелъ!“—говорили сосѣди, радуясь такой забавѣ.—И веселый же дворъ, ей-Богу!“—Разъ укрылась она въ барскомъ домѣ, у Панаевыхъ,—онъ не побоялся вскочить и туда: поймалъ ее въ при-

хожей, шибъ съ ногъ и за косу проволокъ по крыльцу, за ворота. Онъ порой раздѣвалъ ее до-нага, напояливалъ хомутъ на шею и нещадно дралъ кнутомъ, бѣгая за ней по сѣнцамъ. А когда нехотя просилъ прощенія, протрезвившись, скоро сдавалась она на ласковое слово, только тихо говорила сквозь слезы: „Что-жъ, надъ тобой-же будутъ люди смѣяться, если калѣкой меня сдѣлаешь!“

Все же, послѣ смерти Мирона, даже такое прошлое стало казаться счастьемъ Анисьѣ. Да, когда-то были и молодость, и семейная жизнь, и хозяйство у нея; былъ мужъ, были дѣти, были радости и горести — все какъ у людей. По застѣнчивости, не хвалилась она прошлымъ, не навязывалась никому съ разговорами о немъ. Двадцать лѣтъ тому назадъ замерзъ Миронъ на Сороки,—пьяный, ни съ того, ни съ сего, увязался за чужимъ обозомъ въ Ливны,—и много ночей провела она безъ сна, сидя въ темной избѣ на коникѣ, вспоминая и думая; но никто не узналъ ея думъ. Всѣхъ дѣтей оплакала она равно горькими слезами, но оплакала тайкомъ, въ одиночествѣ и рѣдко, рѣдко вспоминала о нихъ на людяхъ. Нищета, разорившая до тла ея дворъ, часто заставляла ее кланяться сосѣдямъ, просить у нихъ помощи, ради сироты-сына, пока малъ онъ былъ; но никогда не насмѣливалась она напоминать людямъ, что въ былое время помогала и она имъ. И вышло такъ, что въ Пажени никому и не вѣрилось, что жила она когда-то по-людски. Вѣрилось бы, живи съ ней сынъ, женись онъ, хозяйствуй... Такъ вѣдь и чаяла она: отдохнуть хоть въ старости, за сыномъ. Мужикъ онъ вышелъ добрый,—на словахъ только безстыжъ и горячъ, не то что отецъ покойникъ. Руки у него золотыя, говорила она, еще какъ жили-то-бы, не брось онъ дома! Да скучно ему въ

Пажени,—привыкъ къ народу, къ городу. Ну, а подавать въ домъ издали,—этого рабочій человекъ, извѣстно, не любить...

— Рабочій! Хорошъ рабочій! — съ негодованіемъ возражали ей сосѣди.—Ярыга онъ, болѣ ничего.

И Анисья смолкала, не то соглашаясь, не то думая какую-то свою собственную думу. Губы ея были сжаты, лицо смиренно, закрытый глазъ печаленъ, открытый—безразличенъ. Голова же, какъ всегда, кружилась отъ голода.

Нынѣшней зимой даже Пажень удивилъ Егоръ: всего могли ждать отъ него, но только не того, что вдругъ бросить онъ свое дѣло, бросить хорошую работу, которая, какъ слышно было, попала къ нему на заводъ подъ городомъ, и ни съ того, ни съ чего,—вотъ какъ Миронъ за чужимъ обозомъ,—уйдетъ, всѣмъ на посмѣище, въ золотари въ Москву. Но и въ Москвѣ пробылъ онъ безъ-году недѣлю. Думала порою Анисья, въ самое сердце пораженная вѣстью объ его уходѣ, но какъ-то тупо принявшая этотъ ударъ, что, быть можетъ, ради ея вѣчнаго голода, ради рѣдкаго заработка, съ затаенною цѣлью поправить свою жизнь ушелъ Егоръ. Но вотъ онъ внезапно вернулся,—оборванный, безъ копейки денегъ; ночевалъ три ночи дома, но и двухъ словъ путныхъ не сказалъ ни съ сосѣдами, ни съ матерью,—былъ какой-то, хоть и не скучный, а разсѣянный; даже не сумѣлъ объяснить толкомъ, зачѣмъ шатался въ Москву, — сказалъ только: „Да ай велика бѣда?“ — и опять исчезъ. А ей двѣ ночи подъ рядъ снилось, что онъ повѣсилъ, у нея губы почернѣли отъ горя...

Въ маѣ опять нанялся Егоръ—караулить Ланское, лѣсъ помѣщика Гурьева, что отъ Пажени верстахъ въ пятнадцать. Ланское нѣсколько лѣтъ тому назадъ

вырубили, можно было и не нанимать для него карульщика. Но Гурьевъ подумалъ, подумалъ и взялъ Егора: на него нападаетъ порою хозяйственность. Мужики безъ толку, безъ надобности высъкаютъ Ланской кустарникъ. „А Егоръ,“ подумалъ Гурьевъ, мужикъ со сметкой и, кажется, преданъ мнѣ, что, конечно, и понятно: вѣдь МIRONъ-то былъ гурьевскій дворовый“. Положили, однако, Егору немного: только отвѣсное, да три рубля въ мѣсяцъ. А что такое для бездомнаго человѣка три рубля? То купи, другое купи... на спички даже не хватаетъ: поминутно, будучи въ селѣ, заходишь то въ ту, то въ эту избу, а зайдя, посидѣвъ, поболтавъ для видимости, открываешь заслонку и поясъ залѣзаешь въ печку—поискать въ золѣ горячихъ угольковъ... И, нанявшись, Егоръ совсѣмъ пересталъ помогать матери.

Въ Петровки, доѣвъ послѣднюю корку занятаго съ великимъ трудомъ хлѣба, рѣшилась она, наконецъ, побывать въ Ланскомъ, повидаться съ сыномъ, провѣдать его, а главное, хоть малость подкрѣпиться. Доѣдала она хлѣбъ съ большой осторожностью—и какъ-то сразу очень ослабѣла. Не въ мѣру стало клонить въ сонъ, рябить въ глазу, звенѣть въ ушахъ; стали пухнуть ноги, стала томить неотвязная мечта: поѣсть чего-нибудь очень горячаго, съ солью. Боязно было сказать себѣ: пойду. Да надоумили, разговорили, настроили прохожія, съ Каменки. Зашли онѣ напиться—старушка и молодая; удивились на солдатскую мишень на стѣнѣ большой, черной, полураскрытой избы и зашли. Ходили онѣ въ Гурьево, поминать умершаго: въ Каменкѣ попъ боленъ, не служить. Старушкѣ умершій былъ сыномъ, молодой—мужемъ. И вотъ всѣ трое разгрузились, разговорились о своей женской долѣ, о мужьяхъ, сыновьяхъ. Молодая,—крупная, съ большимъ

блѣдномъ лицомъ и большими сѣрыми глазами на выкатъ, хорошо и нарядно одѣтая—въ новую корсетку изъ коричневой сермяги, со сборками назади, въ красную шерстяную юбку и полсапожки, съ черной бархаткой, украшенной бѣлыми пуговками, на шеѣ,—та все молчала. Старушка, сухенькая, чистенькая, въ мягкихъ чунькахъ, какъ богомолка, устало-оживленная, говорила безъ умолку, а молодая за все время только разъ, просто и не спѣша, вставила свое слово: когда старушка запнулась, запомывала городъ, куда угнали въ солдаты ея меньшаго сына.

— Три недѣли тому назадъ схоронили, сударушка,—ласково говорила старушка Анисѣ, слушавшей ее стоя и немного стыдившейся своей бѣдности и слабости.—Сѣзидилъ въ городъ, былъ ужасный веселый, а пріѣхалъ домой, погналъ лошадей въ ночное, двухъ десятинь до Щедринаскаго хутора не догналъ,—мы черезъ Щедрина, черезъ его поле скотину-то гоняемъ,—воротился. Пришла я съ холстами, вижу, лежитъ онъ на печи, полушубкомъ накрылся. Говорю я ему: „Тиша, что-й-то ты лежишь?“ — „Умираю, говоритъ, мамашъ, заболѣлъ я. Погналъ вчерась въ ночное, двухъ десятинь до Щедринаскаго рубежа не догналъ—понесло на меня вродѣ какъ холодомъ, ознобомъ, насилу назадъ дошелъ, ноги подламываются...“

Анисья вздохнула и на глазъ ея навернулась слеза. „Дитя-то хотъ криво, а матери рѣдной все мило,—подумала она и вздохнула отъ грустной нѣжности къ сыну.—Пойду, была не была, авось не чужая“... А старушка продолжала, вытирая углы тонкихъ, сморщенныхъ, стянутыхъ въ оборочку губъ худыми твердыми пальчиками:

— Что тутъ, ягодка, дѣлать? Дала я ему двѣ

просвирки, одну заздравную, другую за упокой. Съѣшь, говорю, сынокъ, може, полегчаетъ. На третій день онъ и кличетъ меня: „Мамашъ, добре нынче день хорошъ, поведите меня, а то тутъ, въ избѣ, духъ чижелый“.—Повели мы его на гумно, посадили на соломѣ, сами отлучились на минутку—овцу стричь. Немного годя, приходимъ, а онъ сидитъ—и ужъ голову уронилъ, едва дышетъ: раньше лицо красная, какъ сукно, была, а тутъ ужъ ото лба бѣлѣтъ стала. Приподняли мы его, а онъ ужъ кончился. Не дождался, значитъ, насъ...

И Анисья задумалась. Растроганная бесѣдой, умиленная материнской нѣжностью, материнскими горестями, стала она совѣтоваться съ прохожими, какъ ей быть: идти, али нѣтъ? Если ужъ идти, такъ не лучше ли съ умомъ идти: не затѣмъ только, чтобы провѣдать, а чтобы на все лѣто остаться? Вонъ, говорятъ, онъ теперь отвѣсное получаетъ; а вѣдь при отвѣсномъ и она прокормится,—авось не объѣстъ, много-ли ей и надо-то... Старушка сказала:

— Да вѣдь какъ сказать?—не угадаешь, какъ лучше, сударушка. Мой-то Тихонъ не примѣръ другимъ. Ужъ такой степенный былъ, одинъ въ свѣтѣ разумный и задумчивый! А послушишь кругомъ,—правда, не тѣ сыновья нонѣ пошли, не чета моему, вѣроломные... Ну, а все-таки я-бы пошла, Мой сгадъ—иди.

— Онъ не можетъ не кормить матери,—прибавила молодая.

И Анисья повеселѣла:

— Ну, инъ, пойду,—сказала она нерѣшительно.— Вѣдь онъ только скучливъ у меня, а никто плохого не скажетъ,—не драчунъ, не пьяница. Вотъ только дома не любить сидѣть... А мнѣ голодно, да и скука съѣла. Иной разъ думаешь: хотъ-бы захворалъ, что-ли,

все бы дома пожилъ... Мужикъ онъ добрый, да, конечно, рабочій чловѣкъ, обидчивый. У меня одна душа, у него другая. Придешь, думается, а онъ ну-ка обидится, облаетъ, обусурманить... Да все-таки, видно, не миновать мнѣ итить...

Проводивъ прохожихъ, она долго оглядывала пустую избу: нельзя-ли продать что? Но все богатство ея состояло въ старой укладкѣ, гдѣ хранился единственный подарокъ Егора,—платокъ, купленный въ монастырской лавкѣ въ Задонскѣ, большой, бѣлый коленкоровый платокъ, весь усыянный черными черепами, сложенными крестъ на крестъ черными костями и черными надписями: „Святой Боже, святой крѣпкій“... Грѣхъ продавать такую вещь, да и жалко, правду сказать: принесъ Егоръ свой подарокъ съ искреннимъ желаніемъ порадовать мать, умиленный хорошимъ заработкомъ, выпивши... Ну, да самъ-же и виноватъ онъ, Егоръ-то,—думала она,—забылъ мать, до крайности довелъ. А Богъ милостивъ, Онъ видитъ нужду: похоронять и безъ платка, съ бѣдной старухи на томъ свѣтѣ не взыщется... И пошла продавать платокъ. Тонетъ въ хлѣбахъ, въ лознякѣ Пажень. Одна кирпичная изба богача Абакумова далеко видна. Она на фундаментѣ, подъ желѣзной крышей, съ разноцвѣтными мальвами, съ палисадникомъ. Въ воскресенье, въ жаркій веселый день, пошла Анисья къ Абакумову. Абакумовъ зорко оглядѣлъ платокъ своими татарскими глазками, кликнулъ мать, сумрачную, толстую, отеющую старуху, въ ватной кофтѣ и валенкахъ.

— Что жъ просишь?—медленно выходя изъ избы, исподлобья оглядывая крыльцо и горбясь, непривѣтливо спросила старуха.

Анисья, чувствуя недоброе, стала хвалить платокъ, показывать товаръ лицомъ—накинула его на плечи,

прошлась. Абакумовъ, подумавъ, положилъ „два орла“—гривенникъ; потомъ, усмѣхнувшись, прибавилъ еще пятакъ—„за манеру“. Анисья покачала головой и пошла домой, даже не снявъ съ себя платка. А дома, сидя въ этомъ траурномъ нарядѣ на лавкѣ, долго разглядывала его концы своимъ единственнымъ глазомъ, что-то обдумывая. Потомъ облокотилась на столъ, уже ничего не думая, а только слушая звонъ въ ушахъ... Въ пазахъ стола застряло когда-то порядочно пшена. Она наковыряла съ полгорсти, съѣла. Потомъ спрятала платокъ въ укладку, легла спать...

Да, проходѣя правду сказали, думала она, не миновать идти. Губы ея сохли, голова звенѣла и горѣла, сердце замирало и порою точно приступы тошноты схватывали горло. Она легла на большія голыя нары возлѣ большой, треснувшей и давнымъ-давно не топленной печки, когда еще не смерклось путемъ, мгновенно заснула—и вдругъ очнулась съ такой ясной головой, въ такой острой, непонятной и зловѣщей тоскѣ, что даже испугалась ея, вскочила съ бьющимся сердцемъ. Охъ, это не идти, а умирать не миновать ей! Она съѣла, глядя въ темноту. На мгновенье съ рѣдкой живостью вспомнилась ей ея прежняя, далекая, обычная жизнь... дѣти, Миронъ, хозяйство... какое-то дождливое лѣто, двѣ бѣлыхъ ярки, что купила она на свои, бабьи, деньги, а Миронъ пропилъ безо всякой жалости... пѣгая кобыла, шестилѣтній Егорка и холодный золотой вечеръ, въ который онъ водилъ поить на прудъ эту кобылу... Но тутъ снова помутилось въ головѣ, помутилась и непонятная, страшная тоска въ сердцѣ. Надо лечь, надо поскорѣе заснуть, а то не дойдешь; надо выйти пораньше, да уходя не забыть запереть укладку, закрыть трубу на случай грозъ...

Продумавъ всю ночь сквозь сонъ что-то тревожное,

неотступное, просучивъ ногами,—жгли ихъ блохи, жили мухи,—заснула она крѣпко лишь подъ утро. Проснулась, когда ужъ ободнялось—и болѣзненно обрадовалась дню, тому, что она жива, идетъ въ Ланское, начинается какую-то новую, можетъ быть, хорошую жизнь. Богъ милостивъ—чувствовать себя на бѣломъ свѣтѣ, среди людей, видѣть утро, любить сына, идти къ нему, это—счастье, сладкое счастье... Пока она вставала, свертывала попонку, служившую подушкой, прятала ее въ укладку, пока оглядывала избу,—не нужно-ли еще что спрятать,—эта радость, это умиленіе ослабѣли, но все же хотѣлось, очень хотѣлось идти. Изнутри приперла она дверь въ сѣнцахъ однозубымъ рочагомъ, воткнувъ его въ землю, нашла въ углу палку, въ известку испачканную воробьями, перелѣзла черезъ обвалившуюся стѣну... По зеленому выгону, возлѣ пруда, къ которому ковыляли приказчиковы гуси, длинными сѣрыми полосами лежали бѣлившіеся холсты. Машка Бычокъ, конопатая, здоровая дѣвка со свинцовыми глазками, наваливъ по свернутому мокрому, тяжелому холсту на каждый конецъ коромысла, шла навстрѣчу, вся виляясь, мелко перебирая бѣлыми крѣпкими ногами по зелени. Анисья подумала: слава Богу, съ полнымъ навстрѣчу...

Весь май, весь іюнь перепадали дожди. Хлѣба и травы въ нынѣшнемъ году чудесные. Путаясь худыми ступнями и паневою по межамъ, заросшимъ травой и цвѣтами, мѣрая палкой стежки среди ржей, овсовъ и гречи, радовалась, по привычкѣ, Анисья на урожай, хотя уже давно не было ей никакой пользы отъ урожаяевъ. Ободнялось, дулъ вѣтеръ съ юга. Ржи были густы, высоки, зыблились, лоснились, какъ дорогой куній мѣхъ; только кое-гдѣ синѣли васильки въ нихъ. Выметались и тускло серебрились тучные, глянцевиые

стеблемъ овсы. Клины цвѣтушей гречи молочно розовѣли. День былъ облачный, вѣтеръ дулъ мягкій, но сильный,—усыплялъ пчелъ, мѣшалъ имъ, путалъ ихъ, сонно жужжающихъ, въ ея кустистой заросли, обдавалъ порою запахомъ грѣтаго меда. И то-ли отъ вѣтра, то-ли отъ этого запаха томно кружилась голова. Шла Анисья стежками, межами, чтобы сократить путь, но, когда миновала панаевскія лощины и выбралась на противоположную гору, вышла въ чистое поле, откуда далеко видно,—вплоть до станціи, до элеватора на горизонтѣ,—сообразила, что дала крюку.

— Благодать Господь посылаетъ,—подумала она привычное, устало оглядывая хлѣба, и тутъ только замѣтила, что травы въ лужкахъ еще не кошены.—Ой, не дойду я, двужильная, стала слѣпнуть съ голоду!

Съ самага выхода изъ-дому чувствовала она, что надо обдумать главное: дома-ли Егоръ, застанетъ-ли она его? И все отвлекалась, все не могла собраться съ мыслями. Теперь двѣ горлинки, шагахъ въ десяти другъ отъ друга, по одной линіи, мелко и споро бѣжали передъ нею вдоль аспидной дороги и мѣшали думать. Она долго приглядывалась, не могла, пока онѣ не поднялись, понять, что это такое: горлинки совсѣмъ подѣ цвѣтъ дороги, только спинки у нихъ съ брусничнымъ отливомъ. Онѣ женственно и граціозно семенили, потомъ легко взлетѣли, распутивъ сѣрые хвосты съ бѣлой каемкой, и опять сѣли, опять побѣжали. Еще держалось въ душѣ утреннее умиленіе, но уже опять проходило по ней смертельно-тоскливое предчувствіе чего-то. Анисья махнула на горлинокъ палкой: затрепеталъ легкій свистъ крыльевъ, но не прошло и минуты, какъ опять увидела она горлинокъ, бѣгущихъ быстро и однообразно. Онѣ мучили, утомляли ее, но и трогали своей красотой, беззабот-

ностью, нѣжной привязанностью другъ къ другу. Сколько лѣтъ ея черно-зеленой, клѣтчатой паневѣ, грязной, истлѣвшей на высохшемъ тѣлѣ рубахѣ, темному, въ желтомъ горошкѣ, платку? Старость, худоба, горе такъ не идутъ къ красотѣ горлинокъ, цвѣтовъ, плодородно-зеленой земли, забывшей ее, нищую старуху,—и она болѣзненно чувствовала это. Она опять неловко и робко махнула на горлинокъ. Горлинки взлетѣли—и она постояла, выждала, пока онѣ скрылись...

Она бодрилась, но клонило въ сонъ. Идти по убитому колесами проселку еще легче, чѣмъ по мягкимъ стежкамъ, ступать босыми ногами по теплой землѣ такъ сладко. Но махали, махали по горизонту крыльями мельницы. Взглянешь—исчезнуть, отвернешься—опять машутъ... А поднимешь глазъ на облачное небо—плыветъ, плыветъ стеклянный червячокъ, плывутъ стеклянные мушки, и никакъ не поймашь, не удержишь ихъ на мѣстѣ: только остановишь взглядъ, а червячокъ ужъ соскользнулъ куда-то—и опять плыветъ кверху, скользитъ, поднимаясь, и множатся, множатся мушки... Она замедляла шагъ и переводила духъ: „Ой, не дойду я, двужильная! Потихе надо...“ И опять шла, и опять, сама того не замѣчая, начинала спѣшить. Вотъ ужъ подлинно двужильная! Теперь почивать-бы, почивать ей въ землѣ, а она... „Какая у тебя цѣль, старуха?“—спросилъ на Святой о. Василій. „Какая есть, батюшка“,—отвѣтила она смиренно. А можетъ, онъ это къ тому сказалъ, что зажилась она? А можетъ, онъ обидѣлся, что ничего не дала она ему,—можетъ, и къ причастію не допустить? Надо, надо сходить причаститься,—какъ вотъ только оправится она малость, такъ и пойдетъ... Долго-ль до бѣды, не молоденькая!

Теплый вѣтеръ, дувшій съ юга, въ бокъ, несъ

надъ просторомъ сѣро-зеленыхъ равнинъ пѣсни жаворонковъ, аромать цвѣточной пыли. Мягко, густо и нѣжно синѣли дальніе деревни, перелѣски. Вонъ въ далекой дали справа, за полями и верхами, видна церковь Знаменья, родного и ужъ давно забытаго села. Вонъ налѣво, еще дальше, за воргольскими лугами—бѣдныя степныя деревушки: Каменка, Сухіе Броды, Рябинки... Небо загромождали огромныя, но легкія и причудливыя, лилово-дымчатыя облака. Они собирались по горизонтамъ въ синеватыя тучки, и туманно-голубыми полосами опускался изъ нихъ дождь. А невидимыя мельницы все махали и махали крыльями даже и въ этихъ полосахъ... Развѣ лечь, подремать? Но нѣтъ, нельзя: послѣ отдыха еще труднѣе идти и работать, она хорошо знаетъ это по долгому опыту. Да вонъ и ѣдетъ кто-то... Показалась впереди тройка. Она стала разглядывать ее и оживилась. Тройка, вся въ мѣдныхъ бляхахъ, въ дорогой наборной сбруѣ, приближалась медленно, сдерживая игривую силу. Гнѣдой коренникъ, высоко задравъ голову, шель шагомъ, темно-орѣховыя пристяжныя, изгибая лоснящіяся шеи и почти касаясь раздутыми ноздрями дороги, плыли. Прищуривъ глаза, завалившись въ задокъ тарантаса, лѣнился молодой рябой кучеръ, въ плисовой безрукавкѣ, въ соловой рубахѣ, въ городскомъ картузѣ, въ замшевыхъ рукавицахъ... Какой-то особый видъ у этихъ гладкихъ, барскихъ лошадей, какой-то особый, вкусный запахъ у этихъ тарантасовъ: мягкой кожи, лакированныхъ крыльевъ, теплой колесной мази, перемѣшанной съ пылью... А вотъ начинается зелено-оловянное гороховое поле, тоже барское. Отъ тройки Анисья перешла на межу, покосилась на горохъ, проводила глазомъ приподнятый задокъ тарантаса... Да нѣтъ, горохъ еще и не наливался. Кабы на-

лился, наѣлась-бы до сыта—и не увидалъ-бы никто! И, сморщивъ лицо, поглядѣла Анисья на небо, туда, гдѣ чувствовалось за болѣе свѣтлыми и теплыми облаками солнце: должно, ѣдетъ кучеръ къ часовому поѣзду на станцію,—у людей обѣды на дворѣ...

Она забыла о мельницахъ—мельницы стали махать тише. Она шла и шла; межа, вся усыпанная бѣлыми цвѣтами, бѣжала ей подъ ноги, бѣлыя точки цвѣтовъ дрожали. А гдѣ-то разнообразно, весело ругались бабы—перебивали другъ друга звонкіе бабьи голоса. Она ясно слышала каждый изъ нихъ, даже съ нѣкоторымъ удовольствіемъ слѣдила за ихъ измѣненіями, скороговорками, вскрикиваніями. Но вниманія на нихъ не обращала,—дѣло привычное слушать эти несуществующіе голоса!—думала свое, что попало, все еще не будучи въ силахъ собраться подумать о Егорѣ: думала то о мукѣ какой-то, у кого-то, когда-то занятой, да такъ и не отданной, то о томъ, что вчера у сосѣдки теленокъ сжевалъ весь подолъ рубахи, висѣвшей на плетнѣ, то о гусенятахъ въ желтомъ пуху, то о своей близкой смерти. Эта мысль, столь поразившая ее вчера, и теперь еще была нова и странна, но не пугала—перебивали ее другія мысли. Да, вотъ прудъ въ Пажени мелокъ и грязенъ, а гляди-ка, сколько птицы развела панаевская приказчица! Всѣ берега въ пуху и перьяхъ. Стережетъ птицу Өроська, дочь Аверьки-побирушки, стриженная клоками, вшивая и коростовая. Чтобы нанять, замѣсто нея, стараго, разумнаго человѣка! И въ Ланское тогда-бы не нужно было идти, и дѣвчонку она могла-бы взять къ себѣ... Да вотъ подишь,—нѣтъ догадочки. Бить некого будетъ. Издохъ на дняхъ хромою гусенокъ,—утки задрали,—такъ приказчица чуть не до-вечера холила дѣвчонку дохлымъ гусенкомъ по макушкѣ. А старуху, конечно, постыдилась-бы... „По-

стыдилась бы, постыдилась!“—звонко кричали несуществующія бабы.—„Надо състь“—отвѣчала имъ Анисья мысленно, и все дожидалась кѣмъ-то назначеннаго для отдыха мѣста. Кѣмъ оно назначено? Богомъ? „Нѣтъ, сыномъ, Егоромъ!“ — крикнулъ кто-то. Она вздрогнула, мотнула головой, прогоняя дремоту...

И по межѣ, и во рву подъ межею—всюду пестрѣли цвѣты. Чувствуя, что не добиться ей до назначеннаго мѣста, Анисья съѣла на первое попавшееся. Бабы смолкли. „Хорошо!“—подумала она. И съ задумчиво-грустной улыбкой стала рвать цвѣты; нарвала, набрала въ свою темную грубую руку большой пестрый пукъ, нѣжный, прекрасный, пахучій, ласково и жалостно глядя то на него, то на эту плодородную, только къ ней одной равнодушную землю, на сочный и густой зелено-оловянный горохъ, перепутанный съ алымъ мышинымъ горошкомъ. Бабы молчали, мельницы исчезли. Теперь она плыла, плыла, какъ тотъ стеклянный червячокъ, по воздуху. Вонъ вдали, въ горохѣ, шалашикъ для сторожа, пока еще пустой: залѣзть бы въ него и—спать... Вѣтеръ несъ надъ полями убаюкивающія трели жаворонковъ, убѣгала въ степь сѣро-аспидная дорога, убѣгала вслѣдъ за нею и высокая, зеленая межа. Больше всего росло на межѣ мелкихъ бѣлыхъ цвѣтовъ. Но не мало было и ромашки, золотой куриной слѣпоты, бархатисто-лиловыхъ медвѣжьихъ ушекъ, малиноваго клевера. Прикрывая глазъ, Анисья плыла и щипала остинки то изъ медвѣжьихъ ушекъ, то изъ клеверныхъ шапочекъ: тошнило, пекло губы, а въ остинкахъ были свѣжія капельки горькаго меду. Вдругъ сердце замерло,—холодомъ облила голову, отняла плечи, заныла въ нихъ и по всему тѣлу прошла та жуткая, какъ бы предсмертная, тошная волна, что накатывается на человѣка, высоко вознесшагося на ка-

челяхъ, вдругъ сорвавшагося и летящаго внизъ. Волна прошла и отхлынула, но вслѣдъ за нею потемнѣло въ глазу отъ страха: ой, а ну-ка умрешь въ полѣ? Не кстати это будетъ, не ладно и не то, что въ избѣ—куда страшнѣе! Сразу переломивъ слабость, вскочила Анисья съ межи, съ примятаго во влажной травѣ мѣста, и почти побѣжала.

Исчезло все дурманящее. До дрожи въ рукахъ и ногахъ захотѣлось застать сына, что-то сказать ему, перекрестить на прощанье... Да развѣ сбывается когда-нибудь то, чего сильно, жадно хочется? Всѣмъ существомъ ея овладѣла тревога, нетерпѣніе, сразу прибавившее силы, а вмѣстѣ съ нетерпѣніемъ—страхъ, предчувствіе: нѣтъ, ни за что не застанешь! За горохомъ пошли пары. Мужики пахали ихъ. Она слабо крикнула ближнему, вѣрно ли, что влѣво поворотъ въ Гурьево, а направо въ Ланское? „Въ Ланское!“—тоже крикомъ отозвался ближній—большой босой старикъ, растегнувшій подъ своей первобытно-густой бородищей воротъ длинной рубахи, подоплека которой чернѣла отъ пыли и пота. „А напиться, рѣднѣй, ничего?“—Онъ, шатаясь, оступаясь въ бороздѣ, подошелъ въ это время съ сохой къ межѣ и, обивая блестящую палицу о подвой, остановился. „Можно“—сказалъ онъ. Она подняла съ межи кувшинъ, заткнутый шапкой, и припала къ водѣ, косясь на ступни старика. Онъ былъ страшень, похожъ на лѣшаго или болотнаго: нечеловѣчески широкое туловище, огромная голова, зеленовато-желтыя кудлы, такая же борода, фіолетовое конопатое лицо и совсѣмъ зеленые глаза, свирѣпо сверкавшіе изъ-подъ косматыхъ и рѣдкихъ бровей; ступни же его—цвѣта свеклы—напоминали сошники. Но сразу видно—рѣдкой доброты человѣкъ. Она напилась, хотѣла спросить, нѣтъ-ли хлѣ-

бушка, — и не смогла, не сумѣла. Да и ѣсть ей не хотѣлось...

Теперь она вспомнила мѣста. Оставалось до Ланскаго версты двѣ, и она не спускала глаза съ большого дерева, одиноко бѣлѣвшаго стволомъ среди моря выколосившейся пшеницы близъ лѣсной опушки, — со старой березы, живописно круглившейся своей вершиной, серебристой отъ вѣтра, на облачно-дымчатомъ небѣ. За пшеницей, за березой показался шелковистый березовый кустарникъ — темно-зеленый. Мѣсто тутъ степное, ровное, кажется очень глухимъ: ничего не видишь, кромѣ неба и безконечнаго кустарника, когдаходишь въ Ланское. Вездѣ буйно заросла земля, а ужъ тутъ прямо непролазная чаща. Травы — по поясъ; гдѣ кусты — не прокосишь. По поясъ и цвѣты. Отъ цвѣтовъ — бѣлыхъ, синихъ, розовыхъ, желтыхъ — рябитъ въ глазахъ. Цѣлыя поляны залиты ими, такими красивыми, что только въ березовыхъ лѣсахъ растутъ. Собирались тучи, вѣтеръ несъ пѣсни жаворонковъ, но онѣ терялись въ непрестанномъ, бѣгущемъ шелестѣ и шумѣ. Еле намѣчалась среди кустовъ и пней заглохшая дорога. Сладко пахло клубникой, горько — земляникой, березой, полынью. Анисья спѣшила, спотыкаясь, путаясь въ цвѣтахъ и травахъ. Вотъ и караулка. На дорогу глядитъ она бокомъ внутренней стѣной и дверкой: были сѣнцы, да ихъ отломали. И виситъ на дверкѣ большой рыжій замокъ... Увидавъ его, Анисья вдругъ сморщила лицо и заголосила.

Но голосить на бѣгу было трудно. Заколотилось сердце, стало жарко, слезы мѣшали видѣть. И она остановилась, всхлипнувъ отъ жалости къ себѣ, вытерла грязнымъ рукавомъ бѣдное, измученное лицо свое. Кругомъ — полынь, лопухи, крапива, въ крапивѣ — нищая избенка безъ крыши. Изъ лопуховъ вы-

лѣзъ кобель, черно-сѣдой, сѣроусый, съ большими, гноющимися глазами, съ обрубленнымъ хвостомъ и обрубленными, въ кровь разѣденными всякой мошкаррой ушами. Онъ насторожилъ, поднялъ эти обрубки и глухо забрежалъ — какимъ-то особымъ, лѣснымъ брехомъ. Она стала и не двигалась съ мѣста, глотала отъ стука собственного сердца. Кобель поглядѣлъ на нее — и смолкъ, отвернулся. И долго оба стояли въ нерѣшительности: онъ не зналъ, продолжать ли брехать, она — подходить ли?

— Егорушка! — слабо крикнула она.

Никто не отозвался. Кобель подумалъ и брехнулъ еще разъ. Потомъ опустил свои обрубки — и голова его стала круглой, доброй, жалкой. Помахивая толстымъ, короткимъ хвостомъ, онъ подошелъ къ Анисѣ, понюхалъ паневу, глянулъ въ глаза. „Э, да и ты стара! — равнодушно сказалъ его взглядъ. — Ну, намъ съ тобой дѣлать нечего... А Егора нѣту“... И отойдя, кобель разсѣянно поднялъ заднюю ногу на кустъ мелкихъ ярко-желтыхъ цвѣтовъ и, не сдѣлавъ ничего, легъ, раскрылъ, по привычкѣ, пасть и часто задышалъ, мотая головой, отбиваясь отъ липнущей къ уху сѣро-лимонной мухи. И опять стало скучно, тихо и глухо кругомъ. Бѣжалъ по кустамъ шелковистый шумъ и шорохъ, однообразно и хрустально звенѣла въ нихъ овсянка, жалостно цокали и перелетали съ мѣста на мѣсто, съ былинки на былинку сѣренькія чеканки, точно ища и все не находя чего-то. Въ белевѣ, полыни, малиновыхъ татаркахъ, въ непомѣрно разросшихся лопухахъ и высокой, дремучей гущѣ темно-зеленой крапивы торчалъ искривленный, голый верхъ обвалившагося погреба. Караулка была необыкновенно мала и ветха; сѣнцы ея отломали, крышу раскрыли; вмѣсто крыши, росъ по потолку высокій блѣдно-серебристый бурьянъ.

Шатаясь, плача, шурша по лопухамъ, Анисья по-дошла къ дверкѣ, пошарила по притолкѣ, — нѣтъ ли ключа. Не нашла — и догадалась: отогнула дужку замка, — онъ, конечно, былъ не запертъ, — и потянула за скобку, перешагнула высокій порогъ...

Ѣсть — объ этомъ даже думать не хотѣлось. Все плыло, шаталось, смутно и горячо разговаривало. Черезъ силу она осмотрѣлась все-таки — и убѣдилась, что нигдѣ нѣтъ ни единой крохи хлѣба. Потомъ, положивъ пукъ увядшихъ цвѣтовъ на кое-какъ сбитый изъ старой доски и свѣжихъ березовыхъ кольевъ столикъ, косо стоявшій въ углу на ухабистой синей землѣ, сѣла она на лавку возлѣ столика и безъ движенія просидѣла до самаго вечера. Она тупо ждала чего-то — не то сына, не то смерти, — сонно глядѣла на черныя гнилыя стѣны, на полуразвалившуюся печку. Слабый свѣтъ проникалъ въ окошечко надъ столикомъ. Дальше, гдѣ было другое, безъ рамы, заткнутое полушубкомъ, клоками грязной овчины, сгущался сумракъ. Въ сумракѣ прыгали по землѣ маленькія лягушки.

— Либо мнѣ мерещится? — подумала Анисья — и приглядѣлась: нѣтъ, не мерещится, самыя настоящія лягушки...

Весь потолокъ прорасталъ грибами — часто висѣли они, тонкіе стеблемъ, какъ ниточки, внизъ бархатистыми шляпками, — черными, траурными, коралловыми, — легкими, какъ тряпочки, обращавшимися въ слизь при малѣйшемъ прикосновеніи. Развѣ этой слизи поѣсть? Нѣтъ, помрешь — и растащутъ тогда сосѣдушки избу въ Пажени по бревнышку... А больше ѣсть нечего. Махоточка стояла на подоконникѣ, прикрытая дощечкой. Она подняла ее: въ махоточкѣ загудѣла большая страшная муха, — изъ тѣхъ, что лю-

бятъ мертвыхъ; поднесла дощечку къ глазу, стала разглядывать: такъ и есть, образокъ. Грѣховодникъ Егоръ, за то-то и не даетъ ему Богъ счастья! Она перекрестилась, съ трудомъ поднявъ руку, поцѣловала дощечку и положила ее на столикъ; подумала, вспомнила, что умираетъ, — и еще разъ перекрестилась, заставляя себя выразить во вздохѣ и особенно медленныхъ, истовыхъ движеніяхъ руки всю покорность свою Богу, все свое благоговѣніе передъ славой и силой Его, всѣ надежды свои на Его милосердіе. Но и выражать не хотѣлось... На загнеткѣ раскрытой печки, на кучѣ золы лежала сковородка съ присохшими къ ней корочками яишницы: видно, Егоръ изъ птичьихъ яицъ дѣлалъ, — скорлупа-то возлѣ сковородки валялась мелкая, пестрая. Анисья подумала: чѣмъ спасается, батюшка, вродѣ хорька живетъ! Все сильнѣе клонило въ сонъ, въ бредъ, бѣжала подъ ноги дорога вмѣстѣ съ тройками и горlinkками... Анисья откидывала назадъ голову — и на минуту приходила въ себя, прогоняла видѣнія и ту тревожную зыбкость, въ которую все глубже погружалась она. Вѣтеръ сонно и глухо шуршалъ вокругъ стѣнъ, въ крапивѣ, проносился по бурьяну на потолкѣ. Въ окошечко виднѣлись сонно качающіяся верхушки кустовъ — блѣдныя на мѣловато-свинцовомъ фонѣ тучъ. Темнѣло, наступалъ вечеръ...

Она понимала, что заходитъ дождь, шумитъ вѣтеръ, доноситъ однообразно повышающійся и понижающійся звонъ кустовой овсянки: ти-ти-ти-ти ти-и... Гдѣ-то томно кричали молодые грачи: тоже къ дождю, къ вечеру... Но, все понимая, она спала, спала — и умирала, и воображеніе ея, чуждое ей, неудержимо работало. Ахъ, да вѣдь Егоръ идетъ на ярмарку, — надо догнать его! И она видѣла ярмарку. Тамъ гомонъ,

говоръ, скрипъ телѣгъ, ржаніе лошадей, народъ валить валомъ — и все пьяный, страшный; бьетъ, гремитъ оркестріонъ на каруселяхъ, кругомъ летятъ на деревянныхъ коняхъ дѣвки въ красныхъ баскахъ и ребята въ канареечныхъ рубашкахъ — и отъ этого тошнить, тошнить, мутить... Жарко, тяжело, а Миронъ, молодой, веселый, со сдвинутой на затылокъ смушковой шапкой, продирается къ ней черезъ толпу, несетъ цѣлый узелъ гостинцевъ — рожковъ, сусликовъ, жамокъ — и не даетъ допить бутылку квасу, только что откупоренную квасникомъ, рыжимъ старикомъ, пахавшимъ паръ; Миронъ кричитъ: „запрягай скорѣй, надо Егорку догнать!“ Вотъ какой ты, Миронъ, говоритъ она ему, никогда-то не жалѣлъ ты меня въ молодости, а теперь вотъ и смерть пришла... въ полѣ вѣтеръ, тучки, дождь мелкій, дѣвки картошки копаютъ, — нѣтъ, Миронушка, видно, надо лечь поскорѣй... Какъ луна-тикъ, шатаясь, шепча, поднялась Анисья съ лавки, не чувствуя своихъ распухшихъ ногъ, вытянула изъ окошка полушубокъ, свернула, кинула на лавку, въ изголовье... Въ тазу ныло и дрожало, сердце такъ замирало, что, казалось, поминутно виснеть она въ воздухѣ, что нѣтъ у нея ногъ, есть только туловище, какъ у того страшнаго солдата, что чернѣетъ на избѣ въ Пажени. Поспѣшно, стараясь не упасть, легла она и закрыла глазъ. Лавка полетѣла въ пропасть, но картины, осаждавшія воображеніе, стали путаться, меркнуть...

Она спала, умирая во снѣ. Лицо ея, лицо муміи, было спокойно, безстрастно. Прошелъ дождь, вечернее небо очистилось, въ лѣсу, въ поляхъ все смолкло. Вечерній мотылекъ трепетно-беззвучно поплылъ въ воздухѣ. Стали видны въ сумракѣ по землѣ только бѣлые цвѣты. Сзади караулки мелкимъ красивымъ узоромъ

черно зеленѣли верхи кустарника по опушкѣ — на оранжево-алой мути, переходившей выше въ прозрачно-лимонную, легкую пустоту. Противъ караулки, на безцвѣтномъ, пепельномъ небѣ стояла полная, ясная, но не яркая луна, еще не дававшая свѣта. И глядѣла она прямо въ окошечко, возлѣ котораго лежалъ не то мертвый, не то еще живой первобытный человѣкъ. Въ другое, безъ стекла, безъ рамы, дулъ теплый вѣтеръ...

II.

Егоръ въ дѣтствѣ и отрочествѣ былъ то лѣнивъ, то живъ, то разсѣянъ, то внимателенъ, то смѣшливъ, то скученъ — и всегда очень лживъ, безъ всякой надобности. Разъ онъ нарочно объѣлся белены — насилу молокомъ отпоили. Потомъ взялъ манеру болтать, что удавится. „Надобно удавиться, — говорилъ онъ порою сверстникамъ такимъ небрежно-дѣловымъ тономъ, точно рѣчь шла о томъ, что пора ему постричься. Было въ этомъ тонѣ хвастовство, и такъ не похожъ былъ Егорка на самоубійцу, что никто и не думалъ вѣрить ему, да и самъ онъ даже не представлялъ себѣ, какъ это давятся люди. Разъ старикъ-печникъ Макарь, злой, серьезный пьяница, услыхавъ брехню Егорки о смерти, еле удержался отъ желанія сгрести его за бѣлые космы, задать ему лютую трепку и медленно выговорилъ:

— А вотъ, ежели ты, дьяволенокъ, не отвѣтишь мнѣ сейчасъ подробно, почему такое забралъ ты себѣ эту штуку въ голову, я тебя на мѣстѣ пришибу.

И Егорка вдругъ вспыхнулъ, живо почувствовалъ, что вѣдь это, и правда, не шутка, смерть-то, что, и

правда, нужно понять и отвѣтить, почему залѣтѣла ему въ голову мысль о ней. И, подумавъ, смущенно и неумѣло попытался высказаться:

— Да ай я знаю, почему... Живешь, живешь... А иной разъ дѣться не знаешь куда... Весь вродѣ какъ раздребеженный какой...

Макаръ далъ ему подзатыльникъ, и, получивъ его, Егорка кинулся, какъ ни въ чемъ не бывало, мѣсить ногами глину. Больше Макаръ не заводилъ разговора о самоубійствѣ, а Егорка сталъ болтать о томъ, что снѣ удавится, еще хвастливѣе. Ничуть не вѣря тому, что онъ давится, онъ однажды таки выполнилъ свое намѣреніе: работали они въ пустомъ барскомъ домѣ, и вотъ, оставшись одинъ въ гулкомъ большомъ залѣ съ залитыми известкой поломъ и зеркалами, воровски оглянувшись, въ одну минуту захлестнулъ ремень на отдушникъ—и, закричавъ отъ страха, повѣсился. Вынули его изъ петли безъ чувствъ, быстро привели въ себя и такъ отмотали голову, что онъ ревѣлъ, захлебывался, какъ двухлѣтній. И съ тѣхъ поръ надолго забылъ и думать о петлѣ.

Онъ росъ, входилъ въ силу, становился мужикомъ; хворалъ, пьянствовалъ, работалъ, болталъ и обкуривался, шатался по уѣзду, только изрѣдка вспоминая о заброшенномъ дворѣ и о матери, которую почему-то называлъ своей обузой; жизнь, какъ ни безтолково моталъ онъ ее, очень нравилась ему и, если находили на него минуты усталости, разбитости и той душевной мути, когда онъ говорилъ: „бѣлый свѣтъ не милъ мнѣ!“ — то ему и въ голову не приходило, что есть тутъ связь съ его мальчишеской болтовней о самоубійствѣ. И такъ онъ дожилъ до тридцати лѣтъ, до той зимы, когда ни съ того ни съ сего ушелъ онъ въ

Москву, связавшись нечаянно съ отправлявшимися туда золоторями.

Изъ Москвы возвращался онъ пьяный и возбужденный. Чувствуя всю нелѣпость своей поѣздки и какъ бы приговаривая къ тому отпору, который онъ дастъ всякому, кто будетъ называть его золотаремъ, онъ до копѣйки пропился въ дорогѣ, вылѣзая на каждой станціи и нахально проталкиваясь въ толпѣ къ буфету. И вотъ тутъ-то, сидя въ мотающемся, мутномъ отъ дыма вагонѣ, онъ, чуть-ли не впервые послѣ исторіи въ пустомъ барскомъ домѣ, сталъ опять болтать то, что болталъ когда-то, сталъ доказывать сосѣдямъ по лавкѣ, мужикамъ-пильщикамъ, что онъ долженъ удавиться. И опять никто не далъ вѣры его словамъ, и опять, проспавшись, забылъ онъ о своей болтовнѣ.

Дома, въ родныхъ мѣстахъ, послѣ Москвы, послѣ той непривычной жизни, которой жилъ онъ тамъ, послѣ пьянства и возбужденія въ дорогѣ, все показалось ему такъ буднично, что у него даже пропала охота отбредиваться отъ насмѣшливыхъ разспросовъ, зачѣмъ это путешествовалъ онъ въ Москву. Переночевавъ двѣ ночи въ Гурьевѣ у пріятеля-кузнеца, онъ пошелъ въ Пажень. Видъ своего разрушающагося двора, видъ сильно измѣнившейся, высохшей и странно-тихой, слегка шальной маери не произвелъ на него никакого впечатлѣнія. Объ одномъ онъ пожалѣлъ — о томъ, что задаромъ трепалъ лапти. И, нехотя проживъ дома трое сутокъ, опять пошелъ онъ въ Гурьево, прямо на барскій дворъ—проситься въ караульщики въ Ланское. Былъ солнечный мартовскій день, дорога сперва таяла, потомъ, — когда солнце склонилось на безоблачномъ небѣ къ закату и золотой слюдой заблестѣли подъ нимъ снѣжныя поля, а къ юго-во-

стоку позеленѣла легкая и прозрачная даль, — стала дорога подмерзать, пріятно хрустѣть подъ лаптями, и пріятно, покойно, въ ладъ съ этимъ долгимъ, яснымъ и покойнымъ днемъ, чувствовалъ себя и Егоръ. Онъ поднялся на изрѣзанную ледяными колеями блестящую гору въ селѣ, вошелъ на большой барскій дворъ. Солнце мирно, уже по весеннему, догорало противъ него, за рѣкою; по весеннему возились и трещали воробьи въ золотисто-зелено-сѣрыхъ прутьяхъ, въ кустахъ сирени возлѣ барскаго дома, четко рисовавшагося бѣлизной стѣнъ и бурой желѣзной крышей на зеленоватомъ небѣ. На крыльцѣ стояла горничная въ новомъ ситцевомъ платьѣ и вытряхивала на обледѣвшій, нечистый бугоръ снѣга самоваръ. Дома господа? Нѣтъ, нѣту, сказала горничная, въ городъ уѣхали; не то пріѣдутъ нынче къ вечеру, не то нѣтъ... И Егоръ какъ-то сразу увялъ, почувствовалъ тоску; постоялъ среди розовѣющаго двора въ нерѣшительности — куда было идти, не къ кузнецу-же опять! — и побрелъ въ людскую. Въ людской было синевато, солнца не было, крѣпко пахло кислыми щами; на лавкѣ возлѣ стола сидѣлъ работникъ Герасимъ, черный грубый мужикъ, прикрѣплялъ кнутъ къ кнутовищу и бранился съ своей женой, Марьей, примостившейся на нарахъ возлѣ печки, съ ребенкомъ на рукахъ. Егоръ вошелъ, тряхнулъ головой и сѣлъ. На поклонъ ему отвѣтили, но браниться не бросили. Ребенокъ дралъ рученками кофту матери, ища грудь; Марья, маленькая, смуглая, не спуская карихъ блестящихъ глазъ съ мужа и не замѣчая попытокъ ребенка, говорила, и Егоръ скоро понялъ, что брань началась изъ-за бритвы, принадлежащей брату Марьи, изъ-за того, что Герасимъ кому-то далъ эту бритву.

— Свою прежде наживи, — говорила Марья, бле-

стя злыми глазами. — Тогда и давай, когда наживаешь. Побитушка, чортъ!

— Я съ тобой никакихъ дѣловъ имѣть не хочу и разговаривать не стану, — твердо и размѣренно отвѣчалъ Герасимъ, радуя ноздри. — Скандалу не смѣй затѣвать: у людей праздникъ завтра.

— Ротъ ты мнѣ не смѣешь зажать, — говорила Марья со смѣлостью чловѣка, сознающаго свою правоту.

— Молчи лучше, — отвѣчалъ Герасимъ, стараясь удержаться на твердомъ тонѣ. — Небось, я чуточку поумнѣй тебя.

— Поумнѣй — и будь уменъ... Семень!

— Твой Семень къ свиньямъ сселенъ. Слышала, ай нѣтъ? Ишь, правда, разоралась! Всякая бродяга, добраго слова не стоитъ, а я же передъ ней дуракомъ выхожу!

— Не сѣкись, авось тебя не боятся!

— Погоди, дѣвка, побоишься! Авось заступниковъ-то немного!

— Что жъ, поплачу да спрячу. Пѣшаго сокола и галки деруть. Не новость...

Егоръ, привыкшій шататься по чужимъ избамъ и жить чужими жизнями, любившій скандалы, любившій слушать брань, сначала заинтересовался и этой бранью. Но вдругъ и отъ брани стало нудно ему... Чувствовалось въ ней злоба, твердое желаніе не поддаться другъ другу, но чувствовалось и то, что даже въ злобѣ ничего путнаго, сильнаго не могутъ сказать другъ другу эти люди, что и бранятся-то они только потому, что постыла имъ жизнь, ея вѣчные будни. Марья смолкла и пошла класть ребенка въ люльку. Смолкъ и Герасимъ. Но вотъ Марья опять начала.

— Что-й-то Москва-то скоро прискучила! — ска-

зала она, напоминая мужу его поѣздку въ Москву, поѣздку, столь же нелѣпую, какъ и поѣздка Егора, хотя не столь позорную, такъ какъ Герасимъ ѣздилъ искать мѣста на конкѣ. — Что-й-то скоро заявился! Видно, васъ такихъ-то не мало тамъ околачивается!

— Ты лучше, сука, за своимъ дѣломъ получше смотри, — подхватилъ Герасимъ. — Неряха, дура! Ты вонъ какой кулешъ-то сварнакала къ обѣду нонче? Свиньямъ, что-ль, мѣсила? Такъ вѣдь тутъ не свиньи обжорныя!

— За мной гаять нечего, — отозвалась Марья. — Ты лучше за своей Гашкой, за своими шкурами, любовницами гляди. Въ Москвѣ, говорятъ, все курятъ ѣль!

— Гашка не ты, не бродяга, свой домъ имѣеть.

— Какъ же можно! Хожалая, кто что пожалеет!

— Полегче! Дай срокъ, выберу я тебѣ зубы! Тебѣ, дурѣ, да съ Гашкой равняться! Гашкѣ-то сейчасъ на всякомъ мѣстѣ пять рублей дадутъ, а ты вотъ за полтора, неудѣльная, плужишь.

— Пя-ять рублей! Ты мнѣ sny-то не рассказывай! Авось недалняя!

Егоръ хотѣлъ солгать, какая рѣдкая и дорогая была у него бритва, — и полѣнился, промолчалъ. Онъ поднялся съ мѣста и подумалъ: „А безпримѣнно удавлюсь я! Ну ихъ всѣхъ... куда подалъ!..“ Онъ медленно подошелъ къ Герасиму, закуривавшему цыгарку, потянулся къ нему съ трубкой. Не глядя на него, тотъ подалъ почти догорѣвшую спичку. Егоръ, обжигая пальцы, закурилъ и сталъ у двери.

— Гашка-то, небось, чуточку поболѣ твоего работаетъ! — говорилъ Герасимъ, не зная, что сказать.

— Авось и мнѣ за тобой, за чортомъ, не сладко, — отвѣчала Марья. — Десять лѣтъ ворочаю!

— А-а! Ишь, актриса какая!

— Однихъ картохъ по три чугуна трескаете! Весь животь на чугунахъ сорвала...

Егоръ не дослушалъ и вышелъ.

Заря погорѣла, морозило, наступала мартовская звѣздная ночь, душистая, бодрая и легкая. Егоръ пошелъ ночевать къ церковному сторожу, вспомнивъ, что сторожъ долженъ ему осьмушку махорки, и опять почувствовалъ себя просто, покойно. Но, выйдя за ворота, еще тверже сказалъ себѣ: „безпримѣнно попробую“ — и, еще болѣе успокоенный своимъ рѣшеніемъ, тотчасъ же и забылъ о немъ.

Весну и начало лѣта онъ провелъ въ Ланскомъ. Определенность положенія сперва радовала его. Вѣчно думать о томъ, будетъ ли заработокъ, вѣчно шататься, искать этого заработка и, какъ-никакъ, гнуть хрипъ — это уже порядочно надоѣло. А тутъ работы никакой, спи сколько угодно, жалованье и отвѣсное идутъ, да идутъ... Но и дни шли — и все больше становились похожи другъ на друга, дѣлались все длиннѣе и длиннѣе; нужно было убивать ихъ, а въ лѣсу, въ одиночествѣ какъ ихъ убьешь? И, ссылаясь на то, что у него на плечахъ мать-старуха, больная и голодная, Егоръ повадился на барскій дворъ, повадился нищенски кланяться барину и выпрашивать жалованье и отвѣсное впередъ, а, выпросивъ, пропивать и то, и другое съ кузнецомъ. И определенность положенія стала тягостна. Пьянство, похмелье, недоѣданіе разстраивали здоровье. Никогда за всю жизнь не думалъ Егоръ о своихъ недугахъ, но они сказывались. Онъ сталъ чувствовать то же, что чувствовали послѣднее время Анисья: зыбкость во всемъ тѣлѣ, неопредѣленную тревогу, беспорядочность въ мысляхъ. Въ сумерки онъ

сталъ плохо видѣть, сталъ бояться приближенія сумерокъ — было жутко въ этомъ молчаливомъ кустарникѣ: всюду, гдѣ рѣялъ вечерній сумракъ, представлялся еле видный, неуловимый въ очертаніяхъ, но оттого еще болѣе страшный, большой сѣроватый чортъ. И чортъ этотъ не спускалъ съ Егора глазъ, поворачивалъ за Егоромъ голову, куда бы ни шелъ Егоръ. И такъ какъ казалось, что это онъ, чортъ, заставлялъ вспоминать о петлѣ, о переметѣ, о толстыхъ сучьяхъ старой березы въ пшеницѣ, то стала страшна и давнишняя, прежде бывшая такой простой, мысль о петлѣ. И Егоръ совсѣмъ забросилъ лѣсъ — сталъ и днествовать, и ночевать въ Гурьевѣ. На-людяхъ, даже тогда, когда онъ только что выходилъ изъ этихъ глухихъ степныхъ мѣстъ, буйныхъ хлѣбовъ и кустарника на дорогу въ село, сразу становилось на душѣ просто, буднично.

Вотъ и въ тотъ день, когда шла въ Ланское Анися, побрелъ Егоръ въ Гурьево. Онъ поздно проснулся, откашлялся, разломался, повеселѣлъ, когда выглянуло изъ-за облаковъ солнце. Покуривъ, онъ почувствовалъ: ѣсть хочется. Отъ ягодъ сильно знобило по вечерамъ, онъ зналъ это. Но ѣсть хотѣлось — и, выйдя изъ избы, онъ долго лазилъ на колѣняхъ по кустамъ, по цвѣтамъ и травамъ, долго ѣлъ землянику и клубнику, иногда очень спѣлую, иногда совсѣмъ зеленую, твердую... Потомъ не спѣша пошелъ въ село.

— Главная вещь — хлѣбушка надо разжиться, — думалъ онъ, выходя изъ лѣса за часъ до того, какъ придти туда Анися.

Гдѣ онъ будетъ разживаться, онъ не зналъ, да и мало надѣялся на разживу. Но вѣдь надо же было оправдать свой уходъ изъ лѣса. И впрямь, плохи

были его дѣла на счетъ хлѣбушка. „Ну да плохи, не плохи, авось не околѣю, не первая волку зима!“ — говорилъ онъ себѣ, разлато ступая по дорогѣ новыми лаптями, сося трубку, кашляя и глядя вдаль запущенными, блестящими глазами.

Потомъ-то онъ рассказывалъ, что ныло его сердце по матери, чуяло ея смерть, когда шелъ онъ въ Гурьево. „Иду, иду — и стану: ноетъ сердце — и шабашъ! Все старуха вспоминается, все думается: какъ, молъ, исхитрится она тамъ? Безпримѣнно отличится она въ лѣсѣ ко мнѣ!..“ Но точно-ли ныло сердце Егора, одинъ Богъ знаетъ. Шелъ онъ спроста, поглядывалъ беззаботно...

Гурьево село большое, старинное, съ просторными выгонами, съ двумя мельницами, — водяной и вѣтряной, — стоитъ на рѣкѣ, тонетъ въ цѣлыхъ рощахъ лозняка, осинника, и грачей въ этихъ рощахъ — несмѣтная тысяча. „Такого села, — говорилъ Егоръ, — ни въ одной Америкѣ не найдешь!..“ Передъ вечеромъ, когда онъ подходилъ къ селу, надъ селомъ прошумѣлъ не долгій, но сильный ливень, какъ видно, не первый за день. Ярко чернѣли дороги среди зеленой муравы по выгону, на которомъ слѣва, возлѣ барской усадьбы, стояла старая церковь, обитая жестью, возлѣ церкви — новое кирпичное училище, по срединѣ — мірской хлѣбный амбаръ, гамазей, а справа — тяжкій вѣтрякъ и уютный дворъ мельника. Дулъ вѣтеръ, но крылья вѣтряка неподвижно распростирались въ облачномъ небѣ. Всѣгда сѣрыя, они были темны, сыры. Съ крыши гамазея падали капли; мальчики, что стерегли лошадей по зеленой муравѣ, сидѣли подъ гамазеемъ въ мокрыхъ зипунахъ.

— Чудеса, — думалъ Егоръ, направляясь къ вѣтряку и обсуждая, какъ всегда, то, что случайно попадетъ

въ голову.—Безперечь тутъ дождь. Мѣсто привольное, для огородовъ, къ примѣру сказать,—кладъ чистый...

Еще рано было, а уже гнали разбѣгающееся по выгону пестрое стадо. Предвечернее солнце проглянуло на минуту далеко за селомъ, за рѣчной долиной, какъ разъ противъ училища, блеснуло на новой, похожей на цинковую, крышѣ его, на золоченомъ крестѣ церкви, сдѣлало стадо еще пестрѣе — и опять потухло, скрылось въ облакахъ. Церковь въ Гурьевѣ грубая, скучная, какая-то чуждая всему, училище имѣетъ видъ волостного правленія, вѣтрякъ неуклюжъ, тяжелъ, работаетъ рѣдко. Буднично шумѣли, гамѣли безъ толку грачи въ лознякѣ по рѣчкѣ. Бѣжало, ревѣло и блеяло стадо, перекрикиваясь, гонялись за овцами бабы съ накинутыми на голову подолами... Тамъ, въ Ланскомъ, въ караулкѣ безъ крыши, среди глухого кустарника, цвѣтовъ и бурьяна, сидя, умирала домотавшаяся до послѣдняго, смиренная мать Егора. А онъ стоялъ зачѣмъ-то среди выгона въ Гурьевѣ, думалъ что попало, ждалъ, пока прогонять стадо. Стадо прогнали — и онъ долго глядѣлъ на двухъ спутанныхъ мокрыхъ лошадей, щипавшихъ траву и тяжело перепрыгивавшихъ съ мѣста на мѣсто связанными передними ногами. Онъ не спѣша соображалъ, куда-бы пойти и попросить займы хлѣбушка. Чувствовалось, что попросить не у кого: у кого можно было взять, онъ уже давно взялъ. И мысли о хлѣбушкѣ обрывались, вниманіе отвлекалось пустяками. Передвигая трубку изъ угла въ уголъ рта, тяжело дыша, кашляя и сплевывая, Егоръ разсѣянно водилъ глазами по выгону, мысленно ругалъ дуракомъ церковнаго старосту, обившаго старую каменную церковь жестью, глядѣлъ на гамазей. Прижавшись къ стѣнѣ гамазея, сидѣли на большомъ бѣломъ камнѣ мальчишки въ мокрыхъ, рваныхъ зипунахъ. Возлѣ

нихъ стоялъ жеребенокъ-третьякъ. На него капало съ крыши: сверху онъ былъ темный, снизу свѣтло-рыжій, сухой. На кучкѣ навоза подъ вѣтрякомъ чернѣлъ грачъ. Онъ долбилъ клювомъ бокъ дохлomu котенку, старался унести, оторвать его, крѣпко присохшаго къ навозу, — и не могъ. Егоръ невесело усмѣхнулся и, скользя, разбѣзжаясь по грязи новыми лаптями, побрелъ къ избѣ мельника.

Какъ всегда, хозяева не обратили на Егора никакого вниманія. И, какъ всегда, это нисколько не смутило его. Онъ перешагнулъ порогъ избы, тряхнулъ, въ знакъ привѣта, головой, своимъ гимназическимъ картузомъ, плоско лежавшимъ на бѣлыхъ кудлахъ, и сѣлъ на нары, сталъ насыпать трубку ѣдкой махорочной пылью, вывертывая истертый кисетъ. Старикъ-мельникъ, по имени Лаврентій, по прозвищу Шмарокъ, гнулся на лавкѣ возлѣ стола, тупо, упершись ладонями въ лавку, глядѣлъ на руки своей молодой, беременной бабы, Алены, просѣвавшей надъ столомъ муку. Алена слыветъ въ Гурьевѣ красавицей за свою крѣпость и бѣлое коровье лицо. Шмарокъ, напротивъ того, малъ, лысъ, головасть, безобразенъ. Онъ богатъ, а полушубокъ на немъ рваный, засаленный, темный; рѣзко выдѣляется новый оранжевый рукавъ этого полушубка. Правое ухо Шмарокъ закладываетъ комочкомъ пакли. На тонкой шеѣ его, подъ сѣдой пожелтѣвшей бородкой, чернѣетъ нѣчто вродѣ галстуха—узенькій платочекъ, засаленный еще больше полушубка. Зелено-желтые усы испачканы нюхательнымъ табакомъ. Носъ похожъ на мухоморъ, огромныя открытыя ноздри стали отъ табаку темнозелеными и бархатными. Глядя на муку, сѣрой пылью сыплющуюся изъ-подъ рѣшета, Шмарокъ равнодушно спросилъ Егора:

— Что, ай соскучился въ лѣсу-то?

— Что-жъ мнѣ скучать, — не спѣша отвѣтилъ Егоръ. — Дѣло есть въ селѣ...

И, сошмыгнувъ съ нарѣ, подошелъ къ загнеткѣ, открылъ заслонку и по-поясъ залѣзъ въ темную жаркую глубь печки.

— Нуждишка есть, — глухо крикнулъ онъ оттуда, вытаскивая своими култышками раскаленный уголь изъ золы и забивая его въ трубку.

Алена, подсѣвая, ловко хлопая рѣшетомъ въ ладони и тряся широкимъ плоскимъ задомъ, черезъ плечо покосилась на Егора. „Всѣ печки выстудилъ, родимецъ!“ — подумала она. Но Егоръ, хорошо знавшій такія думы, принялъ, выбравшись изъ печки, самый беззаботный видъ. И затыкаясь, растравляя себѣ ноздри ѣдкимъ запахомъ и жаромъ горячаго осинового угля и съ мучительнымъ наслажденіемъ кашляя, опять спокойно усѣлся на нарахъ. „Ай уйтить? — думалъ онъ разсѣяннo. — Да чортъ съ ними, посижу еще маленько... Жрутъ, жрутъ, по два раза на недѣлю хлѣбы ставятъ и все не облопаются“, — разсѣяннo думалъ онъ, глядя то на хлѣбную дежу возлѣ печки, прикрытую старымъ армякомъ, подъ которымъ гудѣли раскаленные, выпаривающіе ее кирпичи, то на желтоватую атласную муку, что длинной горкой, вродѣ крышки гроба, росла на столѣ, то на Алену. Толстыя руки ея, засученныя по-локоть, были запорошены мукою; на пальцахъ блестѣли мѣдныя и серебряныя кольца. Подолъ шерстяной красной юбки Алена подняла и заткнула за поясъ, толстыя ноги въ мужицкихъ сапогахъ, чернѣвшихъ подъ сѣрой рубашкой, поставила твердо и, немного отвалиясь назадъ, выставя свой страшный животъ, мѣрно трясла задомъ.

— Хлѣбушка я не наживусь у тебя полкраюшечки? — спросилъ Егоръ, сплевывая слюну, постоянно набѣгавшую на бѣлеса отъ голода и трубки губы.

Алена промолчала. Анютка, дѣвочка лѣтъ четырехъ, съ лихорадкой на губахъ и вѣромъ подстриженными на лбу жесткими волосами, все лѣзла, наваливаясь на столъ, пальчикомъ проводя въ мукѣ полоски. Промолчавъ на вопросъ Егора, Алена вдругъ звонко щелкнула дѣвочку въ лобъ ладонью. Дѣвочка отвалилась, шлепнулась, сѣла на лавку и заголосила.

— Сказала, ня налягай на муку! — крикнула Алена своимъ грубымъ однодворческимъ голосомъ. — И такъ, какъ чортъ, выгваздалась уся! Погоди, погоди, я табѣ усыплю! Ты що-жъ, замолчишь, ай нѣтъ? Ай гладева хорошаго дожидается? Такъ дождешься!

— А вотъ я ее ножикомъ сейчасъ зарѣжу, — сказалъ, входя въ избу, Салтыкъ, молодой работникъ, въ овчинной курткѣ и бѣломъ фартукѣ, только что пріѣхавшій съ поля, гдѣ онъ подкашивалъ опушку обитаго градомъ овса.

И сталъ вѣшать на стѣну, на деревянный костыль, вбитый между бревнами, тяжелый новый хомутъ съ бѣлыми гужами и надуоздокъ, на блестящихъ удилахъ котораго зеленѣла наѣденная лошадей травяная пѣна.

Видъ у Салтыка, недавно отбывшаго солдатчину, былъ самодовольный, лицо, въ полубачкахъ, загорѣлое, пріятное и неглупое, грудь широкая, еще не старый солдатскій картузь съ кокардой и желтыми цифрами на околышѣ сдвинуть на затылокъ, подбритый и стриженный подъ польку. На груди фартука были крупно вышиты красныя буквы. И Егоръ, которому Салтыкъ только кивнулъ слегка, подумалъ:

— Вѣрно, Аленка и вышивала. Да и дѣвченка, ко-

нечно, его. Недаромъ-же болтали, что онъ ее еще до солдатчины управился обдергать. Дуракъ Шмарокъ! Я бы съ ей шкуру спустилъ да на пяло растянулъ!

Онъ, сипя, носилъ грудь, показывая въ прорѣху обитаго ворота бурую полосу загара на мертвенно-блѣдномъ тѣлѣ. Блѣдно было и отекавшее лицо его. Онъ былъ тяжело боленъ, но чувствовать себя больнымъ давно вошло въ привычку, онъ не обращалъ на это ни малѣйшаго вниманія. Нисколько не обижало его и то, что на него, больного, голоднаго, даже и посмотрѣть внимательно никто не хочетъ. Не испытывалъ онъ и злобы къ Алень, когда думалъ: „я-бы ея шкуру на пяло растянулъ“—хотя растянуть-бы могъ. Но глухое раздраженіе не только противъ этого богатаго и скучнаго двора, но и противъ всѣхъ гурьевцевъ, уже сидѣло въ немъ, томило и заставляло думать что-то такое, что не поддавалось работѣ ума, досадно вертѣлось въ головѣ, какъ стертая гайка. Онъ уже давно освоился съ тѣмъ, что часто шли въ немъ сразу два ряда чувствъ и мыслей: одинъ обыкновенный, простой, а другой—тревожный, болѣзненный. Спокойно, даже самодовольно думая о томъ, что попадется на глаза, что случайно взбредетъ на умъ, часто томился онъ въ это-же самое время и тщетнымъ желаніемъ обдумалъ что-то другое. Онъ завидовалъ порой собакамъ, птицамъ, курамъ: онѣ, небось, никогда ничего не думаютъ! Теперь ему и хотѣлось и не хотѣлось сидѣть у мельника. Да что дѣлать-то, если не сидѣть, куда идти? Въ лѣсъ, въ кустарникъ, въ сумерки, гдѣ всюду мерещится этотъ сѣроватый чортъ?

Алена, избѣгая встрѣтиться глазами съ Салтыкомъ, зажгла надъ столомъ висячую лампочку, загорѣвшуюся блѣдно-зеленымъ огнемъ: еще свѣтло было за

окнами. Салтыкъ не спѣша досталъ изъ кармана портокъ плисовый кисетъ, не спѣша свернулъ и загнулъ крючокъ, икнулъ и, пропустивъ въ стекло лампочки соломинку, закурилъ, сѣлъ на лавку.

— Подсѣвай, подсѣвай, — кинулъ онъ Алень, затягиваясь. — Что-й-то пирожка хочется.

— А рожна ня хочется? — спросила Алена, говоря съ Салтыкомъ тѣмъ особымъ, какъ будто грубымъ тономъ, какимъ говорятъ при народѣ только съ любовниками.

Шмарокъ между тѣмъ возился у загнетки: поставилъ таганъ на грудку сучковъ и сталъ поджигать ихъ, поддувать, намѣреваясь что-то стряпать. Сучки были сыры, только дымились, и Шмарокъ плакалъ отъ дыма, изъ глазъ его, изъ красныхъ вѣкъ текли слезы.

— Ну, невеселая моя поварская, — бормоталъ онъ.

И, видно, раздумавъ стряпать, сѣлъ на обрубокъ толстаго дубоваго корня возлѣ печки. Изъ-подъ тагана пошелъ молочно-бѣлый дымокъ, покурился и потухъ... Шлепало рѣшето, слышно было, какъ дышать Егоръ и Анютка, дѣлавшая куклу — наворачивавшая на стеклянный пузырекъ изъ земской больницы тряпочки. Салтыкъ глянулъ на Шмарка и усмѣхнулся.

— Кухарь ты невеселый, вотъ это я вижу, — сказалъ онъ, далеко сплевывая. — Надо тебѣ каталогъ выписать. Когда я въ Тифлисѣ служилъ, такъ тамъ хозяйкина дочь завсегда выписывала каталогъ, по какому все можно приготовить. Вотъ и ты — пошли въ Москву письмо, вложи въ него марку семь копѣекъ и напиши: такъ, молъ, и такъ, вышлите мнѣ всѣхъ привозможныхъ каталоговъ.

— И то правда, — отозвался Шмарокъ. — Ты, из-

вѣстно, все знаешь: гдѣ какіе жители, гдѣ какіе города...

Егоръ покосился на Салтыка и подумалъ: „Какіе города! Много онъ, дуракъ, знаетъ, окромя своего Тифлису! Вотъ я-бы ему порасказалъ дѣловъ“... Онъ считалъ себя неизмѣримо умнѣе и бывалѣе чуть не всѣхъ, съ кѣмъ ему приходилось сталкиваться, и теперь ему очень захотѣлось спора, въ которомъ онъ вышелъ-бы и умнѣе, и толковѣе, и бывалѣе Салтыка. Но намѣреніе попросить хлѣба и еще что-то, чего онъ не могъ опредѣлить, что выразилъ онъ когда-то словами: „раздребеженный я какой-то“ — связывало его, всегда смѣлаго и болтливаго, ставило втупикъ — и передъ кѣмъ-же! — передъ мужиками, которыхъ онъ даже и сравнивать никогда не хотѣлъ съ печниками, плотниками, малярами! Онъ только независимо откашлялся и, насасывая потухшую трубку, притворяясь разсѣяннымъ, сталъ слушать: что-то еще сбредетъ Салтыкъ?

— Какъ-же мнѣ не знать! — сказалъ Салтыкъ. — Да я не то что, я, какъ осень, безпремѣнно опять туда! Съ этой жизнью я до-вѣку не расстанусь. Тамъ сейчасъ самая колбня идетъ, — сказалъ онъ, мелькомъ взглянувъ на Алену и усмѣхнувшись. — Да ей-Богу: веселье; гулянье — каждый Божій день, съ восьми утра до двухъ ночи. Особенно въ курсовыхъ: въ Пятигорскѣ, въ Кисловодскѣ, въ Виссинтукахъ...

— Значить, скучать не имѣютъ права, — вставилъ Шмарокъ и досталъ изъ кармана полушубка тавлинку.

— Ну, только тамъ съ деньгами хорошо, — продолжалъ Салтыкъ, не слушая Шмарка. — Безъ денегъ туда лучше и не показывайся. Наконецъ того, водка тамъ ничего не стоитъ. Тамъ каждый грузинъ агра-

матный виноградникъ имѣетъ. Везутъ на базаръ въ бочкахъ — такъ и плескается.

— Имѣютъ капиталъ добывать ее, вотъ и плескается, — вставилъ и Егоръ. — Авось, и это дѣло знамъ не хуже твоего, — промормоталъ онъ, чувствуя, что его опять начинаетъ ломать, знобить, и неотступно думая о полушубкѣ, которымъ онъ совершенно напрасно заткнулъ окно въ караулкѣ вмѣсто того, чтобы надѣть его, догадаться, что къ вечеру послѣ дождя будетъ прохладно.

Но Салтыкъ не обратилъ вниманія и на это замѣчаніе.

— Тамъ, братъ, — говорилъ онъ, неизвѣстно къ кому обращаясь, — какіе бульвары, сады! Садъ князя Чалыкова на три кавадратныхъ версты тянется! Только изъ одного плохо: погода у насъ куда тверже! А тамъ, ночь пришла — безъ бурки ни шагу: стыдь. А въ горахъ завсегда снѣгъ, круглый годъ не переводится...

— Дуракъ! — подумалъ Егоръ. — Безъ бурки! А спроси его, какая такая бурка — ни елды, кислая шерсть, не знаетъ... Бурка, она братъ, медвѣжья, игдѣ ты могъ ее замѣтить? — неожиданно для самого себя сказалъ онъ вслухъ.

И закрылъ глаза. „Скука теперь въ моемъ блиндажѣ... И напрасно, едрена мать, не взялъ я полушубка!“ — подумалъ онъ, глядя на зеленый огонь лампы, на лиловѣющій воздухъ за окнами, въ которыхъ сѣкъ опять набѣжавшій дождь, и вспоминая однообразный звонъ кустовыхъ овсянокъ, жалостное цоканье чеканокъ. Шлепало рѣшето, дышала Анютка и мѣрно чередовались два голоса — старческій, кряхтящій, и молодой, самодовольный и ладный.

— По горамъ тамъ вездѣ стѣжки продѣланы, — говорилъ Салтыкъ и отвлекалъ мысли Егора отъ ка-

раулки куда-то далеко, къ какимъ-то другимъ смутнымъ картинамъ и желаніямъ. — Черкесь какой-нибудь разнесется... летитъ, скачетъ — какъ только голова цѣла! А глянешь на горы издали — какъ тучи заходятъ. Опять-же изъ дѣвокъ не плохо. Тамъ къ дѣвкамъ пойтить — по таксѣ, за всходъ тридцать копѣекъ. Ты вотъ старый человѣкъ, а она тебя можетъ каждая раскипятить.

— Нѣтъ, теперь не гожусь, — отвѣчалъ Шмарокъ, двигая плечами, почесывая ихъ ерзающимъ полусубкомъ. — А раньше я, правда, до дѣвокъ врагъ былъ! Могъ съ ними хорошо обойтись.

Егоръ ухмыльнулся и хотѣлъ было рассказать, какъ одинъ печникъ бобровымъ стручемъ опоилъ, отуманилъ, обольстилъ генеральскую дочь, — рассказать и дать понять, что печникъ этотъ былъ никто иной, какъ онъ самъ, Егоръ. Но перебила Алена.

— Будя, бряхучій! — крикнула она на Шмарка тѣмъ притворно-злымъ тономъ, которымъ здоровыя бабы, имѣющія стараго мужа, прикрываютъ свою любовь къ щекотливымъ разговорамъ. — Будя, бѣстыжій! Старый человѣкъ, а що бреша! Табѣ вонъ на кладбишшу помѣстье давно готова! Двухъ женъ похоронилъ!

— А я что? — сказалъ Шмарокъ. — Я ничего.

— Народъ тамъ красивый, не униженный, — продолжалъ Салтыкъ. — Есть старики по-сту лѣтъ живутъ...

Егоръ и на это хотѣлъ возразить: живутъ-то живутъ, а на кой чортъ, спрашивается? — Но опять его перебили.

— Ну, объ этомъ ты оставь! — сказалъ Шмарокъ. — Взять хоть къ примѣру меня такого-то: живу я семьдесятъ годовъ, шашнадцать человѣкъ своей крови похоронилъ, а прожилъ бы до ста лѣтъ, отъ меня опять пошли-бы плоды... Гдѣ жъ тогда жить?

И то народу развелось до гибели, а тогда прямо ѣли бы другъ друга, какъ рыба въ морѣ. Вотъ приходилъ ко мнѣ старикъ съ того боку — сто пять, говорить. А уронилъ шапку — поднять не можетъ.

— Это барскій-то? Какой табѣ! — весело крикнула Алена. — За водой еще самъ ѣздитъ! Скоропостижай дѣды!

— Не хуже моей старухи, — сказалъ Егоръ. — Животолубивая старуха! А я ее — корми. Она, можетъ, негтя моего не стоитъ, а я вотъ журись объ ней. Скверность на такихъ и глядѣть...

— Какъ и на всякое вещество, — спокойно подтвердилъ Салтыкъ. — Взять хушь растеніе: хлѣбъ весной зеленый, на него и поглядѣть интересно, а какъ засохнетъ, зачнетъ прѣть... Правда что, глядѣть скверно!

— А вотъ говорятъ-же умные люди, — сказалъ Шмарокъ, — можно, говорятъ, вѣкъ прожить, а какъ умрешь, не будешь причиненъ ни тлѣнію, ни прѣнію. Только, говорятъ, не надо разгорячительной пищи ѣсть. Я когда у господъ жилъ, такъ тамъ барчукъ былъ, на доктора учился. Былъ онъ мнѣ дорогой пріятель и, бывало, часто сказывалъ, будто каждый человѣкъ можетъ свое тѣло заохолдить и, какъ помереть, тѣло тлѣть не будетъ, а будетъ въ воздухъ улетучиваться.

— Ну, это зря брешутъ, — возразилъ Салтыкъ.

— Книги, значить, доказываютъ.

— Книги! — ухмыльнулся Салтыкъ. — Ни-жъ можно съ холодной кровью жить? Сообрази съ своей долбей-то!

Егоръ, обиженный равнодушіемъ, какимъ встрѣчено было его замѣчаніе о матери, опять вмѣшался и на этотъ разъ уже совсѣмъ смѣло.

— А рыба? — спросилъ онъ. — Можетъ-же она съ холодной кровью жить и распложаться? Кто-жъ долбега-то выходитъ?

Салтыкъ повернулъ къ нему голову.

— Та-акъ! — сказалъ онъ насмѣшливо.

И вдругъ рѣшительно заговорилъ:

— Рыба! Да ты погляди, какъ она, рыба-то, ныряетъ, козлекаетъ въ водѣ! Ухитришься ты такъ-то? Поди въ Елецъ, сигни съ моста въ Сѣсну — нырнешь ты такъ-то, какъ она? Ты вонъ мелешь — она съ холодной кровью, а выложи ее на-берегъ: улетучится она, ай нѣтъ? Никуды она не можетъ улетучиться.

— Ну, и вышелъ дуракъ, — началъ было Шмарокъ.

Но Егоръ внезапно разгорячился.

— А я такъ скажу, — перебилъ онъ Шмарка, совсѣмъ забывъ, кому надо возражать, — а я тебѣ скажу, что нашему брату, рабочему человѣку, нельзя безъ горячей пищи! Ты вонъ мурло наѣлъ, тебѣ хорошо брехать! А я безъ пищи захворать могу! Я, можетъ, кабы сытъ-то былъ... Что-жъ онъ, барчукъ-то энтотъ, пузо его тресни, своего-то тѣла не заморилъ, не за-холодилъ?

— А много ты ее, горячей пищи-то, ѣлъ? — перебивая, крикнулъ Салтыкъ насмѣшливо.

— Ну, и вышли дураки! — закричалъ и Шмарокъ, поднимаясь. — Терпѣнья у насъ не хватаетъ, вотъ и не захолодилъ! А вы гляньте, какъ святые-то, угодники-то, какіе Богу-то угожали, да не ѣли, не пили, какъ они-то дѣлали? Какъ Ларивонъ-то святой дѣлалъ? Могъ-же онъ три года одной рѣдкой питаться?

— Значитъ, по твоему выходитъ, и моя старуха святая будетъ? — крикнулъ и Егоръ, выхватывая трубку изо-рта. — Она вонъ тоже не ѣстъ, не пьетъ... У насъ вонъ даже и рѣдки твоей нѣту...

— Пойдите, — сказалъ Салтыкъ, — погодите лапять-то!

И, обернувшись къ Шмарку, неожиданно принялъ сторону Егора.

— Значитъ, и мы съ тобой могли-бы святыми исдѣлаться? Охолодили-бы свое тѣло, налопались рѣдки, да и вся недолга?

— Да будя вамъ брехать-то! — громче всѣхъ закричала Алена, бросая рѣшето. — Галманы!

— Да и правда! — подхватилъ Шмарокъ. — Что буровите? Бога-то попомните! Онъ, братъ, за такія рѣчки не спускаетъ намъ, дуракамъ!

— Я Ему вреда никакой не дѣлаю, — отвѣтилъ Салтыкъ серьезно. — Кто зачалъ лапять-то? Не ты, что-ль?

И смолкъ. Смолкли и Шмарокъ съ Егоромъ, волнуясь и не зная, что сказать. Алена съ нахмуреннымъ лицомъ подошла къ нарамъ и, косясь на утирку, на которой сидѣлъ Егоръ, дернула ее и злобно крикнула:

— Пусти-ка-ся! Усѣлся на ширинку — и горя мало! Нябось, и домой пора, нечего до ужина досиживать!

— Это не твоя забота, — возразилъ Егоръ, — я и самъ свою время знаю. Ужинъ твой мнѣ безъ надобности, а балакать ты мнѣ не можешь запретить. Вотъ посижу еще маленько и пойду...

Дождь прошелъ, вечернее небо очистилось, въ селѣ было тихо, избы темны: до Ильина дня не вздываютъ огня лѣтомъ, ужинаютъ передъ избами, на камняхъ, въ полусвѣтѣ зари. Выйдя отъ мельника, Егоръ остановился, даже спросилъ себя: не вернуться ли въ Ланское? — и быстро повернулъ въ село, въ ту большую улицу, что тянется между дворами по ко-согору надъ рѣчкой. Въ полусвѣтѣ зари, вокругъ камней у пороговъ, сидѣлъ народъ безъ шапокъ, хле-

бая изъ деревянныхъ чашекъ—кто тюрю, кто молоко. Но Егоръ, проходя мимо и косясь, плохо различалъ даже лица ужинающихъ: въ глазахъ его рябило, по тѣлу проходилъ ознобъ, въ мысляхъ была тревожная беспорядочность. Очень хотѣлось ему обдумать то, о чемъ спорили у мельника: всѣ чепуху говорили тамъ, одинъ онъ могъ бы сказать что-нибудь путное, если бы ему не мѣшали разобраться въ мысляхъ. Очень хотѣлось рѣшить и еще что-то—неотложное, самое что-ни-на-есть главное... Но что? Голова его усиленно работала. Но шелъ онъ точно по воздуху. Тифлисъ мѣшался въ головѣ его съ рыбой, Салтыкъ со святымъ Ларивономъ и Анисьей, вопросъ о томъ, можно-ли ничего не ѣсть и заохолдить свое тѣло, нельзя было рѣшить потому, что не давала покоя злоба противъ Алены, ея широкаго зада и однодворческаго говора. И Егоръ торопливо шелъ по улицѣ, боясь, что не застанетъ онъ кузнеца дома, что кузнецъ ляжетъ спать, что опять не удастся ни поговорить всласть, ни доказать, что у мельника всѣ чепуху говорили... Но кузнецъ былъ дома.

Кузнецъ былъ горькій пьяница и тоже полагалъ, что умнѣй его во всѣмъ селѣ нѣтъ, что и пьетъ-то онъ по причинѣ своего ума. Развѣ ему кузнецомъ-бы быть! Онъ считалъ себя первымъ во всемъ селѣ уже по одному тому, что происходилъ изъ духовнаго званія и родился подъ городомъ, въ слободѣ. Онъ всю жизнь не могъ примириться со своей долей, люто презиралъ село и холодно-золь бывалъ въ трезвомъ видѣ, свирѣпъ становился, если ему удавалось попить дня три-четыре подъ рядъ. Онъ ходилъ тогда съ колеснымъ ключомъ въ рукѣ, затѣвалъ скандалы съ каждымъ встрѣчнымъ, гоготалъ подъ окномъ лавочника, пѣвшаго по праздникамъ въ церкви, вызывая

его на состязаніе въ пѣніи. А не то шелъ въ училище экзаменовать мальчишкѣ по Закону Божію и грозилъ учительницѣ на мѣстѣ убить ее ключомъ за единую ошибку. Съ похмелья онъ бывалъ угнетенъ. Въ такомъ положеніи и засталъ его Егоръ.

Онъ сидѣлъ возлѣ кузни, за своей хибаркой, на косогорѣ надъ рѣчкой, надъ плесомъ противъ водяной мельницы. Слабо алѣлъ закатъ за нею, тамъ, гдѣ сходилъ съ темной землей прозрачно-зеленоватый небосклонъ. Еще свѣтло было надъ плесомъ, сталью лежавшимъ по лугу. Но тотъ берегъ, гдѣ мельница, былъ уже совсѣмъ черенъ: только по отраженіямъ въ плесъ можно было догадаться, что тамъ деревья. И сидя возлѣ кузни, глядя въ землю, поставивъ локти на колѣни, думалъ кузнецъ о томъ, какъ глупы были наши генералы во время войны съ японцами. Вотъ, напримѣръ, въ такой вечеръ... что стоило японцамъ въ такой вечеръ вплотную подойти къ нашимъ войскамъ? Небось, генералы-то наши, умники-то эти, глядѣли въ свои подзорныя трубы за рѣчку, на берегъ, въ темноту, гдѣ ничего не видно, когда надо было глядѣть вовсе не туда, а въ рѣку, гдѣ отражается каждое дерево и всѣ свѣтлые пролеты между деревьями... Мысль эту кузнецъ немедля высказалъ Егору, какъ только тотъ подошелъ и, поздоровавшись, сѣлъ на косогоръ рядомъ съ нимъ. А Егоръ, обрадовавшись, что у кузнеца есть табакъ, что кузнецъ съ похмелья и думаетъ, значить, вовсе не о генералахъ, жадно подхватилъ бесѣду и таки рассказалъ, какъ онъ „обработалъ“ при помощи боброваго струча, дочь одного изъ генераловъ. Голова кружилась у него отъ голода и трубки, а онъ беззаботно несъ ахинею и кончилъ, какъ всегда, хвастовствомъ:

— Мочи нѣтъ люблю эту штуку! До-вѣку не же-

нюю! Миѣ вотъ только дай Богъ мать съ шеи скопануть... А тамъ я опять вольный казакъ!

И зная, что его не слушаютъ, поглядывалъ по сторонамъ, кашлялъ и ждалъ, когда, наконецъ, додумаетъ кузнецъ свою думу. Какъ и у Егора, мертвенно было тѣло у кузнеца, рубаху котораго все заворачивалъ сзади вѣтеръ, рубаху ситцевую, но очень ветхую, прожженную, въ мелкихъ дырочкахъ. Былъ и кузнецъ лохматъ, но не такъ, какъ Егоръ, какъ мужикъ, а такъ, какъ бываютъ лохматы черные и злобно-больные мастеровые, рабочіе. Страшно черны и маслянисты были его волосы, его борода, смугло и маслянисто лицо, болѣзненное перекошены брови и блестящи глаза. Дулъ вѣтерокъ, темнѣвшая рѣка зарыбилась; кузнеца, не слушавшаго Егора и сосредоточенно смотрѣвшаго въ землю, трясло. Но вдругъ онъ всталъ и, наступая сапогомъ на сапогъ, началъ быстро разуваться, раздѣваться.

— Ай ты очумѣлъ? — крикнулъ Егоръ, со страхомъ глядя на тощее, мѣловое тѣло, забѣлѣвшее въ полусвѣтѣ зари, когда кузнецъ, взъерошивъ волосы, сдернулъ съ себя рубаху. — Ай ты очумѣлъ? Да у тебя сердце зайдется въ водѣ въ такую стыдь!

— Вона! — крикнулъ кузнецъ хриплымъ басомъ.

И вдругъ загоготалъ, скинувъ штаны вмѣстѣ съ подштанниками и разбѣгаясь, чтобы шаркнуть въ воду:

— Бла-го-сло-ви, вла-ды-ко-о!

Онъ хорошо зналъ, что ледяная вода мгновенно дастъ ему рѣшительность, находчивость. Въ водѣ, и впрямь, зашло у него сердце, но онъ не далъ ему поблажки: онъ фыркалъ, нырялъ, плавалъ... Не падая зубъ на зубъ, выскочилъ онъ на берегъ, неловко и торопливо натянулъ штаны на мокрое тѣло,

влѣзъ въ рубаху и, влѣзая, твердо сказалъ Егору, что околѣвать онъ не намѣренъ, что его душа дороже колесъ. А какихъ колесъ—этого Егору не надо было пояснять: онъ мгновенно сообразилъ, что лежать у кузнеца чьи-то колеса, присланные въ починку, и что надо какъ ни можно скорѣе захватить передки и опять бѣжать къ мельнику, тайкомъ торгующему водкой. И не прошло и получаса, какъ уже сидѣлъ Егоръ съ кузнецомъ въ кузнѣ, возлѣ маленькой жестяной лампы, поставленной на горнѣ, рядомъ съ бутылкой и горшечкомъ пшенной каши, за горячей бесѣдой о томъ, можно-ли, питаясь одной рѣдкой, попасть во святые, можно-ли заохолдить свое тѣло, чтобы не тлѣло оно послѣ смерти...

А во второмъ часу ночи, при заходящемъ за тускло блестящими хлѣбами мѣсяцѣ, Егоръ, шатаясь и размахивая руками, быстро входилъ въ Ланское. Не чувствовалъ онъ теперь ни тревоги, ни скуки, ни раздразненности. Точно упругія волны несли его блаженно-ошалѣвшее тѣло. Роса серебрилась по мокрымъ, пахучимъ, густымъ цвѣтамъ и травамъ. Сильнѣй всего пахло любимымъ растеніемъ Егора — полынью. Длинно темнѣли тѣни отъ кустарниковъ, блестящихъ верхушками подъ опускающимся къ югу мѣсяцемъ. И полосы свѣта и тѣней среди нихъ создавали что-то сказочное для пьяныхъ глазъ, сказочно свѣтла была далекая даль за кустарниками, за полями, надъ которыми уже дрожала въ серебристой прозрачности большая, розово-золотая звѣзда. Шурша по росистымъ лопухамъ и напѣвая, смѣло подошелъ Егоръ къ двери, дернулъ за скобку — и остановился на порогѣ своей крохотной, чуть свѣтлой избы. Мертвое молчаніе стыло во всемъ мірѣ въ этотъ предразсвѣтный часъ. Мертвое молчаніе наполняло и караулку. И въ этомъ

молчаніи, въ сонномъ полусвѣтѣ, недвижно чернѣло что-то на лавкѣ подъ святыми. Приглядѣвшись, Егоръ вдругъ закричалъ такимъ страшнымъ сиплымъ голосомъ, что съ воемъ выскочила изъ лопуховъ старая черно-сѣдая собака...

Ш.

Пораженный смертью матери, такъ хорошо рассказалъ Егоръ Гурьеву о всѣхъ своихъ нуждахъ, что Гурьевъ подарилъ ему на похороны красную бумажку. И похороны, неожиданно для всѣхъ, вышли отличныя. Все было справлено честь честью — хоть бы и не Анисьѣ, не умершей отъ голода, впору.

Медленно, съ большими промежутками, зачинаясь звонко, жалобно и все повышаясь, дѣлаясь все строже, падали звуки съ гурьевской колокольни. Паденіе это внезапно, нестройно обрывалось терціей баса и альты. И наступало долгое молчаніе: слышалось только — изъ-за ракитъ по дорогѣ въ Ланское — протяжное, все приближающееся церковное пѣніе: на дорогѣ встрѣтили попъ и дьяконъ телѣгу, въ которой везли Анисью изъ Ланскаго. Со двора усадьбы и по улицѣ надъ косогоромъ бѣжали на выгонъ бабы. Съ ребенкомъ на рукахъ, спотыкаясь, блестя неподвижными карими глазами, спѣшила Марья. Стояли на порогѣ мельникъ безъ шапки и мельничиха съ поджатыми надъ животомъ руками. Дулъ западный вѣтеръ, а изъ-за рѣчки опять заходила, опять тускло синѣла дождевая туча.

Слегка поката дорога между ракитами на выѣздѣ изъ Гурьева. И небольшая толпа, предводительствуемая кузнецомъ въ черной тяжелой поддевкѣ, который

несъ на головѣ длинную крышку гроба и на ходу мрачно пѣлъ, издали казалась высокой, вырисовываясь на облачномъ небѣ. Бѣлѣлъ коленкоръ, что накинута былъ на крышку, и развѣвался по-вѣтру. Шли съ ноги на ногу, но уже можно было различить, что эти темныя фигуры со спутанными отъ вѣтра волосами тащатъ на полотенцахъ длинный ящикъ, черный, съ оранжевымъ ободкомъ по краямъ. Внушительно раздавались голоса попа и дьякона. Какъ всегда, медлили въ пути, останавливались, махали кадиломъ и, пугая самихъ себя басами, повторяли одно и то же — то зловѣще, то съ покорностью. Все дѣлалось такъ, чтобы выходило торжественно и грозно. А та, для кого это дѣлалось, и теперь была такъ же смиренна, проста, какъ и при жизни. Темна и суха была она; маленькой стала ея высохшая головка въ черномъ новомъ платочкѣ. На груди ея желтѣлъ деревянный образокъ. Парча покрывала до половины мелкій черный ящикъ, гдѣ она покоилась, — парча, знакъ царственности. И парча эта была такъ ветха, такъ грязна и дырява: Боже, сколькихъ уже покрыла она! Дьяконъ гурьевскій, сѣро-сѣдой человѣкъ, тревожно думающій лишь о пасѣхѣ своей, всѣмъ своимъ гнутымъ, огромнымъ станомъ и короткимъ, но широкимъ лицомъ похожъ на звѣря. Желтоволосый попъ, слабосильный, слабовольный, всегда выпивши, шепелявить. Ризы, епитрахили такъ истрепаны, что серебряное шитье ихъ виситъ длинными бѣлесыми волосами. Рукава, подола, калоши — все въ полномъ соотвѣтствіи съ грязными или пыльными дорогами, съ телѣгами и мелкой, навозной соломой въ телѣгахъ.

И на выгонѣ, гдѣ паслось барское стадо, попъ не выдержалъ тержественности: началъ спѣшить, бормотать, поглядывать на широколобаго сизаго барскаго

быка: быкъ этотъ брухается, закаталъ недавно пастушонка. Поглядывалъ попъ и на сторожку у церковной ограды: на крыльцѣ сторожки стояла плетушка, обвязанная скатертью, а въ плетушкѣ той были „поповскіе харчи“: ситные пироги, жареная курица, бутылка водки — то, что полагается причту за похороны, помимо денегъ. И торопливо провелъ попъ тѣснившуюся толпу въ церковныя ворота. Вѣтеръ развѣвалъ тонкіе русые волосы, шеи несущихъ гробъ были красны, натерты полотенцами, лица озабочены. Больше же всѣхъ старался казаться озабоченнымъ Егоръ, шедшій съ полотенцемъ черезъ плечо въ возгавіи гроба.

А въ церкви всѣ немного оробѣли. Притихли — и слышалось шарканье, топотъ: осторожно опускали гробъ на полъ. Высвобождая изъ-подъ рясы мягкія, трясущіяся, маленькія, какъ у всѣхъ алкоголиковъ, руки, роздалъ попъ короткія, тонкія свѣчи, дробя ярко и золотисто пылающій пукъ ихъ. И, раздавъ, громко и привычно возгласилъ. И замелькали сложенные въ щепотки пальцы, кланяющіяся и встряхивающіяся головы. Крѣпко крестились старухи, воздѣвая глаза къ иконостасу. Блистали разсѣянные по толпѣ огоньки, возносилось, гремѣло кадило. Кадили, обходя большими шагами гробъ, кланялись Анисѣ, быстро говорили на торжественномъ языкѣ, давно забытомъ ея нищей родиной, нестройно и притворно-смирненно пѣли, выражая умиленіе, что равна теперь она царямъ и владыкамъ, выражая надежду, что упокоится она со духи праведныхъ. Но уже не слыхала Анисья этихъ утѣшеній. Ни кровинки не было въ ея побѣлѣвшемъ, голубоватомъ лицѣ. Закрылось лиловое вѣко ея праваго глаза, запеклись, слиплись и подсохли тонкія губы. И ледяной лобъ ея уже былъ увѣнчанъ вѣнцомъ высшей славы — золоченой бумажкой.

И въ сизо-восковой, прозрачной рукѣ ея, въ скрюченныхъ пальцахъ, подъ ногтями которыхъ точками темнѣла мертвая кровь, уже торчалъ отпускъ — безсрочный отпускъ съ лица земли...

Егоръ, твердо стоя на раздвинутыхъ лаптяхъ и глядя въ гробъ, крестился. Онъ, русскій, до дна души своей русскій, не могъ не играть роли, — той роли, что ему, какъ сыну, полагалась у гроба матери. Онъ моргалъ, будто готовый заплакать, крестился часто и размашисто, кланялся низко, наклоняя капающую свѣчку, крѣпко зажатую въ его култышкѣ. Но далеко были его мысли. Думалъ онъ — и, какъ всегда, въ два ряда шли его думы. Смутно думалъ онъ о томъ, что вотъ жизнь его переломилась — началась какая-то иная съ этихъ дней... теперь уже совсѣмъ свободная... Думалъ и о томъ, какъ будетъ онъ обѣдать на могилѣ — не спѣша и съ толкомъ...

Такъ и сдѣлалъ онъ, засыпавъ мать землею: ѣлъ и пилъ до отвалу. А подъ вечеръ, тутъ же, у могилы, плясалъ, всѣмъ на потѣху, — нелѣпо вывертывалъ лапти, бросалъ картузь объ-земь и кихикалъ, ломалъ дурака; и напился такъ жестоко, что чуть не скончался: даже оттирали уши ему. Пилъ онъ и на другой день, и на третій... Потомъ снова наступили въ жизни его будни.

Эти будни были ужъ не тѣ, что прежде. Постарѣлъ онъ и подался — въ одинъ мѣсяцъ. И много помогло тому чувство какой-то странной свободы и одиночества, вошедшее въ него послѣ смерти матери. Пока жива была она, моложе казался онъ самъ себѣ, чѣмъ-то еще связанъ былъ, кого-то имѣлъ за спиной. Умерла мать — онъ изъ сына Анисьи сталъ просто Егоромъ. И земля — вся земля — какъ будто опустѣла.

И безъ словъ сказалъ ему кто-то: ну, такъ какъ же, а?

Онъ не думалъ объ этомъ вопросѣ, — только чувствовалъ его. И ничего особеннаго не замѣтили на лицѣ его тѣ мальчишки изъ Пажени, съ которыми ночевалъ онъ въ ночномъ подѣ четвертый день августа, верстахъ въ трехъ отъ Пажени, у откоса желѣзной дороги. Онъ только внезапно проснулся на разсвѣтъ и вдругъ сѣлъ, поблѣднѣвъ.

— Что ты, дядя Егоръ? — испуганно крикнулъ Володька, лежавшій съ нимъ рядомъ.

Егоръ, блѣдный, слабо улынулся.

— Такъ... померещилось, — пробормоталъ онъ. — Вотъ исторія-то... Сидитъ будто — и лупится...

И опять прилегъ.

Было еще рано. Шелъ туманный, предосенній дождь надъ опустѣвшими полями. Егоръ лежалъ, прикрывшись полушубкомъ, курилъ и, кашляя, медленно рассказывалъ проснувшимся мальчишкамъ, какъ онъ, не боясь никакихъ судовъ, спокойно бросилъ свое мѣсто, ушелъ изъ Ланскаго. Рассказывая, онъ къ каждому слову прибавлялъ матерное слово. А, рассказавъ, сталъ прислушиваться къ приближающемуся шуму товарнаго поѣзда. Шумъ росъ и близился все грознѣе и поспѣшнѣе. Егоръ спокойно слушалъ. И вдругъ сорвался съ мѣста, вскочилъ наверхъ, по откосу, вскинувъ рванный полушубокъ на голову и плечомъ метнулся подѣ громаду паровоза. Паровозъ толкнулъ его легонько въ щеку. И Егоръ волчкомъ перевернулся, головой полетѣлъ на насыпь, а ногами на рельсы. И когда, потрясши землю, оглушая, пронесся поѣздъ, увидели мальчишки, что барахтается, бьется возлѣ рельсъ что-то ужасающее. Въ песокъ билось то, что было за мгновенье передъ тѣмъ Егоромъ, билось, поливая пе-

сокъ кровью, вскидывая кверху два толстыхъ обрубка — двѣ ноги, ужасающихъ своей короткостью. Двѣ другихъ ноги, опутанныхъ онучами, въ лаптяхъ, лежали на шпалахъ. А эти, по колѣна оторванные, съ свѣжими костями, остро торчавшими изъ мяса, крутились въ воздухѣ. Выбивая подѣ собою яму, крутилось и все туловище Егора. Безъ шапки былъ онъ, лохматый и бѣлесый, мертвенно-блѣдно было его лицо, закрыты глаза, изъ правой челюсти, точно гвоздемъ пробитой, билъ свѣтло-алый ключъ. И хрипя, захлебываясь кровью, словно въ тяжкомъ пьяномъ снѣ, гнусаво бормоталъ Егоръ, силясь сказать: „Батюшки!“ — и выговаривая: „Атушки!“ А по пустому, осеннему полю, въ туманѣ мелкаго дождя, уже бѣжалъ что-то кричавшій и махавшій руками народъ. Тревожно кричалъ подѣ-вѣтеръ, къ слѣдующей будкѣ, мѣдный рожокъ выскочившаго изъ ближней будки сторожа. Бабы же, подбѣгая къ насыпи, съ колотящимися сердцами, едва переводя духъ, яростно кидались ругать самоубійцу-нехрестя.

Черезъ полчаса, когда уже совсѣмъ ослабѣли силы бившагося, задомъ, грохоча, примчался со станціи, синѣвшей на горизонтѣ, паровозъ съ однимъ товарнымъ вагономъ. Съ громомъ отодвинули дверь вагона фельдшеръ и кондукторъ, соскочили на землю, подхватили ноги, лежавшія въ рельсахъ, подхватили и туловище, кинули то и другое въ вагонъ, на полъ, грязный и загаженный скотомъ, — и снова, шумно дохнувъ и загрохотавъ, понесся паровозъ обратно. И тотчасъ-же туловище перестало биться...

Это было четвертаго. Шестого, передъ вечеромъ, когда солнце свѣтило въ большое окно вокзала, въ комнату, полную голубого дыма, на кругломъ столѣ возлѣ дивана стояло пять пустыхъ пивныхъ бутылокъ.

Съ красными отъ пива, дыма и солнца лицами встали изъ-за стола докторъ, сѣро-курчавый старикъ въ синихъ очкахъ, шляпѣ и крылаткѣ, и слѣдователь въ формѣ. Съ трудомъ отворивъ ноющую блокомъ дверь на жаркую платформу, они пошли по платформѣ къ элеватору.

Тамъ уже два дня ждалъ ихъ красно-бурый товарный вагонъ. Тамъ, въ затишьи, буднично трещали воробьи, усѣявъ всѣ крыльца, подбирая соръ и зерна. Воробьи шумной стаей поднялись отъ подошедшихъ къ нимъ. Два сторожа откатали, отодвинули дверь вагона. Докторъ поправилъ очки, вглядываясь, по слѣ яркаго солнца, въ глубину его. Въ глубинѣ же этой были сумракъ и вонь—вонь гнилого и точно поджареннаго мяса. Тяжелое, широкое и короткое туловище лохматаго мужика плоско лежало внизъ животомъ въ углу — безногое, въ оборванныхъ порткахъ, въ посконной рубахѣ, покрытой большими темновисневыми пятнами.

— Что-жъ тутъ смотрѣть? Хоронить надо, — сказалъ докторъ.

И веселый дворъ въ Пажени навсегда опустѣлъ.

И Г Н А Т Ъ.

I.

Любка вторую зиму жила на барскомъ дворѣ въ Извалахъ, у господъ Паниныхъ, когда нанялся къ нимъ въ пастухи Игнатъ.

Ему шелъ двадцать первый годъ, ей двадцатый. Онъ былъ изъ бѣднаго дома въ Чесменкѣ, одной изъ деревень, составляющихъ Извалы, она изъ такого же въ Шатиловѣ, что неподалеку отъ Извалъ. Онъ не помнилъ матери, она — отца. Ея мать была побирushка — скиталась по уѣзду со слѣпцами. Но говорили, что Любка „полукровка“: незаконная дочь шатиловскаго барина. Да и выросла она при господахъ. И поэтому чѣмъ болѣе волновала пастуха ея красота, чѣмъ болѣе думалъ онъ о горничной, тѣмъ болѣе робѣлъ. А чѣмъ болѣе робѣлъ, тѣмъ чаще думалъ, тѣмъ сумрачнѣе и молчаливѣе становился.

Въ черныхъ, блестящихъ глазахъ Любки была какая-то преступная ясность, откровенность. Чувствовалось, что ей ничего не стоитъ признаться въ какомъ угодно стыдномъ дѣлѣ. Ловко и спокойно крала она одеколонъ и мыло у барыни, сѣдой, важной вдовы, курившей тонкія душистыя папиросы: пользовалась тѣмъ, что знаетъ о связи ея съ приказчикомъ. Иногда Игнатъ заставлялъ Любку за угломъ дома, куда вы-

бѣгала она: и ни разу она не смутилась. Иногда была она жива и казалась моложе своихъ лѣтъ, иногда — старше, все испытывшей женщиной. Да и груди были у нея, тугой и крѣпкой тѣломъ по-дѣвичьи, какъ у женщины. Ее лѣтъ четырнадцати изнасиловалъ старикъ Зыбинъ, шатиловскій земскій начальникъ; и теперь она позволяла барчукамъ Панинымъ очень многое, не боясь увлечься. А для Игната, еще не знавшаго женщинъ, отношенія между мужчинами и женщинами становились все страшнѣе и желаннѣе. Не проще, скрытнѣе его не было малаго во всѣхъ Извалахъ. Даже ѣдучи на розвальняхъ на гумно, за колосомъ для скотины, никогда не отвѣчалъ онъ прямо и сразу на вопросъ: куда ѣдешь? Избѣгая взгляда Любки, не поднимая угрюмыхъ глазъ, стыдась своихъ лаптей, шапки и ошмыганнаго полушубка, онъ исподлобья, жадно слѣдилъ за ней, и спокойное безстыдство ея, смутно имъ понимаемое, было для него и жутко, и плѣнительно.

Усилили его любовь и барчуки.

Барчуки, — уже лѣжившійся на Кавказѣ офицеръ Алексѣй Кузьмичъ, ровесникъ Игната, и Николай, ровесникъ Любки, все переходившій изъ одного учебнаго заведенія въ другое, — пріѣзжали въ Извалы лѣтомъ, а зимой только на большіе праздники. Въ этомъ году на масленицу пріѣхалъ сперва младшій. И Любка была особенно оживлена, видъ имѣла особенно откровенный, не будучи, впрочемъ, откровенной ни съ кѣмъ. Такъ и сіяли ея неподвижные глаза, когда она, черноволосая, крѣпкая, съ сизымъ румянцемъ на смуглыхъ щекахъ, въ зеленомъ шерстяномъ платьѣ, во весь духъ работая локтями и шурша бѣлымъ подкрахмаленнымъ передникомъ, носилась то за тѣмъ, то за другимъ отъ людской къ дому и отъ дома къ люд-

ской по темнѣющей среди снѣжнаго двора тропинкѣ. И за масленицу, за эти сѣрые дни, слегка туманившіе, дѣлавшіе тусклыми сосны и ели въ палисадникѣ, слегка кружившіе голову своимъ тепломъ и праздничнымъ чадомъ изъ трубъ, Игнату не разъ приходилось наткаться на игру барчуковъ съ Любкой.

Какъ-то въ сумерки онъ видѣлъ: она выскочила изъ дома съ злымъ, раскраснѣвшимъ лицомъ и растрепанными волосами. За ней, смѣясь и что-то крича, выбѣжалъ на крыльцо, на тающій снѣгъ, Николай Кузьмичъ, приземистый, большеголовый, съ тупымъ и властнымъ профилемъ, въ косовороткѣ изъ бѣлаго ластика и лакированныхъ сапогахъ.

— Дура! — крикнулъ онъ вдогонку ей. — Есть чего злиться...

А вечеромъ Любка, веселая, запыхавшаяся, столкнулась въ темныхъ сѣняхъ людской съ Игнатомъ.

— Разорвалъ баску и цѣлый пузырь персидской сирени подарилъ, — неожиданно и быстро сказала она, задерживая бѣгъ. — Понюхай-ка!

И черезъ мгновеніе исчезла, а Игнатъ долго простоялъ на одномъ мѣстѣ, тупо глядя въ темноту: пахло кухней, предвесенней свѣжестью, собаками, глаза которыхъ парными красноватыми изумрудами горѣли, двигались передъ нимъ, онъ же слышалъ только дурманящій, сладкій запахъ духовъ и еще болѣе дурманящій запахъ волосъ, гвоздичной помады, шерстяного платья, пропотѣвшаго подъ мышками, пахнущаго терпко...

Пріѣхалъ офицеръ: худой, съ карими острыми глазами, съ длиннымъ блѣдно-сѣрымъ лицомъ въ лиловатыхъ, припудренныхъ прыщахъ. Тяжело, вся сотрясаясь, выбѣжала на крыльцо молочно-сѣдая барыня, подвитая, наряженная, въ туго стянутомъ корсетѣ, за-

махала бѣлымъ платочкомъ на звонъ тройки, выносившей сани изъ-подъ горы. У крыльца кучеръ осадилъ тройку — и офицеръ заговорилъ быстро, не заботясь о томъ, слушаютъ-ли его; потомъ откинулъ полость саней размахисто, какъ у подъѣзда ресторана, на крыльцо взбѣжалъ, ловко и развязно притопывая разкоряченными, очень тонкими ногами въ легкихъ, маленькихъ и блестящихъ сапожкахъ, звеня серебряными шпорами и дергая, поправляя приподнятыми плечами широкую николаевскую шинель съ бобровымъ стоячимъ воротникомъ, — шинель, которая дѣлала его, какъ онъ думалъ, совершенно похожимъ на кого-то изъ военныхъ высшаго круга. Былъ канунъ прощенаго дня. Масленица выпала поздняя и порой казалось, что совсѣмъ одолеваетъ зиму весна. Съ утра грѣло солнце, сіяло голубое небо, сіяли его отсвѣты на снѣгу, капали капли. Но послѣ полдня стало хмуро, пронзительно-сыро, затуманившись, тускло посинѣвшій палисадникъ, упруго зазвенѣлъ, запѣлъ въ дремотѣ. Не обращая вниманія на сырость и вѣтеръ, Любка въ одномъ платьѣ таскала изъ троечныхъ саней какіе-то кульки. И пастухъ слѣдилъ за ней, за тѣмъ, какъ наклонялась она.

Онъ стоялъ на широкомъ грязномъ крыльцѣ людской, пропахнувшей блиннымъ чадомъ. Крупные хлопья снѣга падали и мгновенно таяли передъ крыльцомъ въ огромной, ржавой лужѣ, по которой важно ходили только что прилетѣвшіе черно-синіе грачи. Работникъ Яшка и кухарка, подоткнутая, въ сапогахъ, вытащили большую лохань, продѣвъ въ ея ушки палку. Въ лохани дымилась густая желтая овсянка. Борзые стаей кинулись къ ней и, дрожа, горбясь, пропуская между ногъ судорожно изогнутые, тугіе хвосты, стали пожирать ее. Кухаркинъ мальчишка, въ

подсученныхъ на босыхъ бѣлыхъ ногахъ штанишкахъ, въ красной праздничной рубашкѣ, ворочалъ овсянку лопатой и билъ то ту, то другую глухо рычащую собаку. Уже были по двору лысины — чернѣла кое-гдѣ земля. Вытаскивая изъ лохани испачканные желтой гущей морды, собаки катались, терлись по землѣ, потомъ гурьбой потянулись черезъ дворъ къ саду за домомъ. Рядомъ съ красавицей Стрѣлкой, черноглазой борзой въ атласной бѣлой шерсти, шелъ огромный рыжій кобель, дворовый, и, яростно скаля зубы, рыча, захлебываясь, не подпускалъ къ ней никого изъ борзыхъ. Томимый вожделѣніемъ, Игнатъ двинулся за собаками. Но въ аллеѣ онъ свернули, побѣжали по сѣрому насту подъ вѣтвистыми яблонями куда-то въ сторону. Игнатъ вышелъ за садъ, въ сѣроое поле, на которое косо летѣли бѣлые хлопья, снялъ шапку и досталъ изъ разорваннаго ватнаго дна ея завѣтный двугривенный.

Мимо садоваго вала, по задворкамъ онъ поплелся на Рудинку, чернѣвшую обтаявшими избами на косогорѣ. Желтоватые, замасленные саями горбы сугробовъ, съ гладко втертымъ въ нихъ конскимъ навозомъ, и выбоины, полныя студеной вешней воды, тянулись между избами и пуньками. Игнатъ стукнулъ въ окошечко особенно черной и хилой избы, подъ стѣной которой, нахохлившись, дремали куры. Изнутри прильнуло къ окошечку старое, желтое лицо. Игнатъ показалъ двугривенный. И, надернувъ на босые ноги тяжелые, сырые валенки, съ головой накрывшись полушубкомъ, баба провела Игната черезъ дорогу въ холодную пахучую пуньку съ желѣзной дверкой и засунула въ подставленный глубокий карманъ его растянувшихся портокъ полубутылку.

За пунькой, на скатѣ косогора, покрытомъ зерни-

стымъ снѣгомъ, онъ постоялъ, думая о Любкѣ. Потомъ запрокинулъ голову и, не переводя духа, выпилъ все до капельки. И, пряча пустую посуду, почувствовалъ, что пьянѣетъ, — горячо, хорошо пошла отравы по всему его тѣлу. Онъ присѣлъ на корячки и сталъ ждать дурману; потомъ упалъ, хохоча, наслаждаясь тѣмъ, что пьянъ, и поползъ подъ гору, въ лужокъ.

Очнувшись, онъ долго не могъ понять, гдѣ онъ; не могъ разогнуть пальцевъ съ окостенѣвшими отъ снѣга ногтями. Онъ сталъ маленькимъ, легкимъ — промерзъ весь, насквозь. Дулъ сырой вѣтеръ, смеркалось, снѣгъ уже не падалъ. Со страхомъ вспомнивъ, что еще не привезено въ домъ соломы, — домъ топили соломой, Игнатъ каждый вечеръ набивалъ ею заднія крыльца, съ утра до сумерокъ ѣздилъ на развалняхъ то за топкой, то за кормомъ для скотины, — онъ вскочилъ и побѣжалъ черезъ деревню, потомъ черезъ садъ. Голова его была мутна, но тѣло легко, какъ въ сновидѣніи, всѣ чувства были обострены, и вѣтеръ особенно волновалъ ихъ, — онъ былъ сладокъ, хотѣлось глотать его всей грудью. Игнатъ зналъ, что забылъ веревку на заднемъ крыльцѣ, и, запыхавшись, шлепая лаптями по мокрому снѣгу, повернулъ изъ аллеи прямо къ нему. Въ сумракѣ подъ навѣсомъ крыльца стоялъ кто-то, кого-то прижималъ къ стѣнѣ и на шаги Игната повернулъ голову.

— Чего тебѣ? — крикнулъ онъ. — Пошелъ вонъ отсюда.

Это былъ офицеръ, его голосъ, его длинное блѣдное лицо, бобрикомъ стриженная, узкая и длинная къ затылку голова. За два пальца офицера, не пуская его руку, держала прижатая къ стѣнѣ Любка. Игнатъ, не сводя глазъ съ ея слабо бѣлѣвшаго въ сумракѣ

передника, отошелъ; постоялъ — и медленно побрелъ по двору, опять чувствуя сладкое нѣтье въ животѣ, тоску въ предплечьяхъ, въ ослабѣвшихъ ногахъ. Сумрачными, смутными массаами нависали надъ садомъ дождевыя облака. Дулъ на лужи сильный западный вѣтеръ — и была въ немъ пьянящая влажность, сила ранней весны, одолавающей зиму.

А на другой день одолѣла зима, еще гуще валилъ снѣгъ, къ вечеру поля потерялись въ туманѣ вьюги. Барыня уѣхала къ сосѣдкѣ. Офицеръ, раскорячивая тонкія ноги, звеня шпорами, вышелъ на крыльцо, закричалъ черезъ дворъ, чтобы запрягли въ бѣгунки Королька, и, наклонясь къ сидѣвшимъ на крыльцѣ собакамъ, на спинахъ и лбахъ которыхъ снѣгъ лежалъ толстымъ слоемъ, сталъ сладострастно трясти то ту, то другую за ушами и сквозь зубы приговаривать: „а-а та, та, та!“ Любка обошла его съ блюдомъ жареной наваги, понесла блюдо въ людскую. Онъ покосилъ и забормоталъ еще сладострастнѣе:

— А-а, собаки, собакаи, собачики ми-и!

Былъ прощенный день. Снизу изъ-подъ горы, съ рѣки, глухо доносились сквозь шумъ темнѣвшей вьюги пьяные голоса, пѣсни, громыханіе бубенчиковъ, звонъ колокольниковъ: лавочникъ, сапожникъ, урядникъ, мужики — всѣ катались со своими гостями, съ барышнями, дѣвками, сватами. Было и хорошо, и то-скливо, чувствовался и самый развалъ, и конецъ праздника. Когда Королька запрягли, офицеръ, въ сѣрой, ловкой шинелькѣ и папахѣ, вытащилъ на крыльцо хохочущую, счастливую, нарумяненную Любку. На ней была шубка съ воротникомъ желто-орѣховаго мѣха, зеленое платье свое она подобрала, подоткнула. Голова ея была закутана сѣрой шалью, она гнула голову, смѣясь, упираясь, сходя съ крыльца мелкими, тупыми

шажками. Игнатъ, подавъ золотисто-рыжаго жеребчика, держалъ его подъ-узды, и жеребчикъ зло и умно косилъ большимъ, блестяще-лиловымъ яблокомъ на офицера, на его шелковый шарфикъ, краснѣвшій изъ ворота шинели, вокругъ тонкой шеи, покрытой зажившими, стянувшимися прыщами. А Игнатъ глядѣлъ на бѣлый подолъ, на грубыя полсапожки, намазанныя саломъ, къ которому не прилипалъ мокрый снѣгъ. Была Любка чужая, недоступная, но вѣдь это онъ, Игнатъ, желалъ и любилъ ее больше всѣхъ на свѣтѣ...

Потомъ онъ тащился на розвальняхъ къ гумну, билъ веревочной возжей нескладно-костляваго мерина. И Королекъ, екая и злясь, стучая ледяными глудками въ передокъ, фыркая отъ свѣжаго снѣга, летѣвшаго ему навстрѣчу, въ горячія ноздри, обогналъ, обдалъ дыханіемъ и сталъ пропадать вмѣстѣ съ бѣгунками въ дыму вьюги, весело и сумрачно разыгрывавшейся въ мутно-сизомъ полѣ. Снѣгъ хлопьями валилъ на сытую спину Королька, на папаху, на погоны, на блестящій сапожекъ со шпорой, крѣпко поставленный на желѣзный отводъ. Лѣвой рукой въ замшевой перчаткѣ держалъ офицеръ голубыя возжи. Другой охватилъ низко опущенную, крѣпко прижатую къ груди голову въ сѣрой шали, припалъ къ ней папачкой и ловилъ губами нарумяненную щеку...

И твердо рѣшилъ Игнатъ промѣнять Яшкѣ свою гармонію, единственное свое богатство, на старые сапоги. Несбыточные мечты дурманили его. Навозивъ соломы, онъ не пошелъ на улицу, къ толпѣ, что сбилась и смутно темнѣла среди ночной вьюги подъ застрѣхой крайней избы, на выгонѣ передъ церковью. Тамъ ловко и бѣшено перебивали другъ друга гармоніи, заглушаемыя пѣснями и вѣтромъ, кружились въ

дыму взвивавшейся поземки, носились, какъ вѣдьмы, пляшущія дѣвки. Но Игнатъ, уголая въ снѣгу, пробрался черезъ выгонъ къ ярко освѣщенному дому лавочника и часа два не спускалъ глазъ съ залѣпленныхъ снѣгомъ оконъ, за которыми мелькали тѣни танцующихъ.

II.

Великій постъ тянулся, онъ былъ сѣрый, однообразный.

Пастухъ все думалъ о Любкѣ. У, будь деньги, была-бы она его: взялъ-бы онъ ее за себя, билъ смертнымъ боемъ, увелъ въ городъ, нанялся къ купцу—и за все за это полюбила-бы она его. Казалось порою, что даже церковь могъ бы онъ обокрасть, лишь бы достигнуть своего. Онъ вымѣнялъ сапоги, но хранилъ ихъ, на какой-то случай, какъ зеницу ока.

День за днемъ дулъ жесткій вѣтеръ, блѣдно бѣлѣли поля, тускло синѣли, скучно напѣвали сосны и ели въ палисадникѣ, слишкомъ рано прилетѣвшіе грачи куда-то скрылись. Офицеръ давно уѣхалъ. Но Николай Кузьмичъ зажился. Разъ подѣхалъ Игнатъ на розвальняхъ къ заднему крыльцу дома. Розвальни зашуршали висящей съ нихъ старновкой по ступенькамъ крыльца, и барчукъ, игравшій съ Любкой, смѣясь, поднялся съ соломы. Любка, поправляя волосы, глядѣла спокойно.

— Вотъ вы такъ-то играете, — сказала она, — а по селу пойдутъ брехать... Хоть-бы ты, Игнатъ, меня замужъ взялъ, — прибавила она равнодушно, вставая.

Игнатъ покраснѣлъ и насупился. Ни малѣйшаго значенія не придавъ онъ ея словамъ, но съ этого дня

шевелинулась и стала расти въ немъ ревность, злоба. И опять стала овладѣвать имъ истомѣ. Жуя черный хлѣбъ, косясь на домъ, съ завистью чувствуя его внутреннюю жизнь, онъ проѣзжалъ на розвальняхъ по аллеѣ, выѣзжалъ на гумно. Собаки пѣгой стаяй, трясясь, бѣжали за нимъ. Въ остаткахъ ометовъ возились и пищали мыши. Собаки рыли солому, принимались, настораживались... еще яростнѣе рвали ее когтями, дрожа и скуля, опять настораживались—и вдругъ, подпрыгнувъ, кидались на добычу хищно и мѣтко. Женственно-красивую, атласно-бѣлую, съ маслянистыми черными глазами Стрѣлку Игнатъ подманивалъ въ ригу. Она вбѣгала, онъ припиралъ скрипучія ворота. Становилось жутко. Холодно пахло токомъ, тепло—ржанымъ колосмъ. Въ сумракъ огромнаго трехугольника, по застрѣхамъ, по рѣшетнику и переметамъ котораго сѣрѣла густая, бархатная пыль лѣтней молотбы, пробивался въ длинную щель воротъ холодный, блѣдный свѣтъ. Вѣтеръ шуршалъ за ними, дулъ по току...

Въ ясный солнечный день на третьей недѣлѣ уѣхалъ и Николай Кузьмичъ. Внезапно вернулась весна. Крыши варка, сарая за одни сутки обтаяли, старая бурая солома ихъ золотилась противъ солнца, рѣзко отдѣлялась отъ голубого, умиляющаго душу неба. Выпустили плюшевыхъ, обросшихъ за зиму жеребятъ и коровъ, они дремали, грѣлись на солнцѣ. Рѣзко, серебромъ сверкалъ сочащійся снѣгъ по двору. У параднаго крыльца, въ тѣни, возлѣ синей лужи, стояла тройка. Отражались въ лужѣ и небо, и бѣлый передникъ Любки. Вышелъ Николай Кузьмичъ въ накинутаю поверхъ шинели енотовой шубѣ, вышла барыня. Долго прощались, долго, оборачиваясь, кричалъ что-то уѣзжающій, когда тронулись и потянулись сани по

ухабистой, текущей дрожащими ручейками дорогѣ, по выступившему, накопившемуся за зиму навозу, похожему на мокрый табакъ. Гдѣ блестяла вода по ухабамъ, лошади, тонконогія, съ подвязанными хвостами, взмахивали особенно щеголевато точно вычищенной сталью подковъ. На солнцѣ грѣло, много галокъ собралось на соснахъ и еляхъ палисадника, зазеленѣвшаго пышно и свѣжо. А въ тѣни чувствовался сѣверный рѣзкій вѣтерокъ. Стоя на парадномъ крыльцѣ, Любка озябла, щеки ея посизѣли. Сани скрылись подъ горой, она напѣвала задумчиво, чуть слышно: „Мчится парочка вдвоемъ“... Потомъ встрепенулась, вбѣжала въ домъ—и немного погодя выскочила на заднее крыльцо. Игнатъ, проходившій мимо, вдругъ повернулъ къ крыльцу. Она тупо, со страхомъ, не двигаясь, глядѣла на него. Игнатъ подошелъ вплотную и схватилъ ее за кисти. И оба смутились. И какъ бы играя или пробуя силу, разводя сѣпленными руками, не знали, что сказать. Вдругъ Любка нахмурилась.

— Пусти!—крикнула она.—Еще что за моду взять!

И, вырвавъ руки, повернулась и хлопнула дверью.

Садъ казался особенно рѣдкимъ на серебрѣ снѣга, испещренномъ фіолетовыми тѣнями, аллея—веселой, широкой. И опять, нахмуренный, злой, Игнатъ пошелъ по ней на Рудинку, къ бабѣ-шинкаркѣ. И опять очнулся передъ вечеромъ въ лужкѣ, насквозь промерзшій, изумленный. Усатыя ветлы, стоявшія возлѣ него, золотились на блѣдно-голубомъ небѣ, за ними было солнце. Небо изъ-подъ горы казалось необъятно-огромнымъ и новымъ.

— Не пара она мнѣ, — твердо сказалъ Игнатъ, поднимаясь. — Пропалъ я.

Съ этого вечера онъ переломилъ себя; никогда не

смотрѣлъ на домъ, проѣзжая мимо, не отвѣчалъ Любкѣ, если даже она заговаривала. Прошелъ постъ, прошла Святая. Снѣга уже нигдѣ, кромѣ овраговъ, не было, въ деревняхъ опушились легкой лимонной дымкой лозины; вокругъ деревень лилово чернѣли пашни, грѣло солнце, дрожало расплавленное стекло по горизонтамъ, пѣли жаворонки, сохли блекло-зеленоватыя межи, сѣрые пары, сѣдая полынь. Молодая, пахучая травка чуть пробилась. Но Игнатъ уже давно ходилъ за стадомъ въ поля, къ милютинскому лѣску, еще голому, полному сухой дубовой листвы и под-снѣжниковъ. Коровы дремали на пригрѣвѣ, у опушки. Ъсть было нечего, онѣ ложились, вздыхая, и галки садились на нихъ, дергали шерсть для гнѣздъ. Игнатъ навивалъ кнутъ, лѣниво посматривалъ въ солнечную даль, на дороги, гдѣ уже лежала пыль, радостно напоминавшая о лѣтѣ, и загоралъ отъ солнца, отъ апрѣльского суховѣя.

Когда были деньги, онъ былъ счастливъ. Въ полѣ, выбравъ мѣстечко посуше, онъ разстилалъ свой рваный пиджакъ, ставилъ на него полубутылку, вытаскивалъ изъ кармана хлѣбъ, заранѣе круто посоленный и отсырѣвшій, зеленоватыя холодныя картошки. Вскорѣ голова его начинала сладко кружиться. Солнечный южный горизонтъ за сѣрѣющими равнинами дрожалъ, тонко струился паръ, чуть синѣющій на солнцѣ надъ спекшимися кучами навоза, раскинутого по полю, коровы двоились и плыли. Странно, — онъ все-таки чего-то ждалъ! Хмѣльной, онъ чувствовалъ это, чувствовалъ, что связалась его жизнь съ жизнью Любки — и на бѣду связалась. Что-то придется сдѣлать, чтобы покорить ее, чтобы стать равнымъ съ нею, чтобы называть ея любовью. Иначе, если онъ даже добьется своего, не будетъ она мужика любить... А весна требовала

любви. Плывя, дрожа, опиралась на колѣни переднихъ ногъ, потомъ неуклюже поднимала задъ одна корова, другая, третья... Онѣ разбредались по полю. Поднимался большой лиловый быкъ, лобастый, съ гладкимъ хвостомъ, на концѣ котораго висѣлъ шелковисто-волнистый мохоръ, тяжело бѣжалъ, мотая нитями стекло-видныхъ слюней, — и вдругъ, весь наливаясь мощью, вставалъ на дыбы, продолжая бѣжать, мелко перебирая задними копытцами... У Игната заходило сердце. Онъ опрокидывался навзничъ, на сухіе, черные шмоты навозной кучи. Онъ закрывалъ глаза, слезы выкатывались изъ-подъ его рѣсницъ, онъ не стиралъ слезъ, и мухи пили ихъ. Потомъ онъ крѣпко засыпалъ и спалъ до тѣхъ поръ, пока дошедшее до зенита солнце не начинало печь его голову и плечи. Пригнавъ стадо домой, онъ молча обѣдалъ въ людской и уходилъ спать въ каретный сарай, гдѣ у каменной стѣны была сбита изъ кольевъ высокая кровать, покрытая соломой и клоками ватнаго краснаго одѣяла, подареннаго ему кухаркой. Послѣ сна онъ бывалъ золъ и, выгоняя стадо, дралъ коровъ своимъ длиннымъ хлопающимъ кнутомъ такъ сильно, что на бокахъ ихъ вздувались рубцы.

Онъ рѣшилъ вести себя такъ, чтобы приказчикъ избилъ и прогналъ его. Лѣто, пріѣздъ барчуковъ — все это пугало его: когда-нибудь онъ не выдержитъ таки и изъ-за угла проломить кирпичомъ голову Любкѣ или Николаю Кузьмичу! Но случилось такъ, что однажды, въ маѣ, когда лѣсокъ уже густо опушился темной зеленью, заросъ цвѣтами и травами, когда рано утромъ уже по-лѣтнему было жарко на солнечныхъ полянахъ, а въ росистой тѣни свѣжо и таились ландыши, увидалъ онъ, пригнавъ стадо на паръ, сидящую у опушки старуху. Это была нищая, дурочка

Юна. Положивъ возлѣ себя мѣшокъ и палку, она сидѣла, слегка раскрывъ ротъ, вся въ лохмотьяхъ, съ мокрымъ подоломъ, съ блестящими глазами на опухшемъ лицѣ.

— Мило-окъ, — протянула она, широко оскаляясь, — иди, калачика дамъ.

Она была слегка пьяна и все погогатывала. Когда Игнатъ подошелъ, она съ гогомомъ, сдержанно-страстнымъ, повалилась навзничъ, выставила колѣни и стала тереть большими лаптями по росистой травѣ. Въ мѣшкѣ ея были крендели, водка. И, выпивъ, Игнатъ не соладѣлъ съ собой.

Съ этихъ поръ дурочка стала приходить къ нему чуть не каждый день. Просыпаясь по ночамъ, онъ силится плакать, тихо рыдать: обидно, больно было ему при мысли, что живетъ онъ съ дурочкой, что онъ такъ унизился — и изъ-за кого! Все изъ-за Любки, у которой впереди длинное, веселое лѣто, барскій домъ, варка варенья, поѣздки съ барчуками и барыней за ягодами въ лѣсъ, сладкіе остатки отъ обѣда и чая... До солнца, по холодной, крупной росѣ онъ выгонялъ стадо. Въ полдень напивался. Теперь пили уже на его деньги. Онъ забралъ жалованье за мѣсяцъ впередъ. Но и его деньги, наконецъ, изсякли. И дурочка стала зла, нахальна, требовательна, дурочкой уже не притворялась. Когда онъ являлся безъ водки, она отказывала ему, морила его по недѣлѣ. И разъ даже крѣпко и ловко ударила его по головѣ палкой. Онъ поднялся и пошелъ прочь, странно, неумѣло рыдая. А наплакавшись, сѣлъ на межу и тупо сталъ думать все о томъ-же, о чемъ онъ думалъ теперь безпрестанно: гдѣ-бы достать денегъ? Но достать было негдѣ, украсть — тоже. Сапоги онъ пропилъ.

Вся дворня знала его исторію, за обѣдомъ и ужиномъ надъ нимъ часто хохотали. Онъ багровѣлъ и молчалъ. Что было-бы, будь Любка при этомъ? Но, на счастье его, барчуки не прѣзжали, слышно было, что Николай Кузьмичъ у товарища подъ Харьковымъ, офицеръ — на маневрахъ подъ Смоленскомъ. А барыня уѣхала на шесть недѣль въ Липецкъ и увезла съ собой Любку. Въ усадьбѣ было тихо и скучно. Да и дурочка стала являться все рѣже и рѣже — шаталась по ярмаркамъ. И вотъ лѣто пошло уже къ концу — жаркое, длинное. Обмелѣла рѣчка, до-черна выглодала скотина корма, хлѣба поспѣли, пересохли и сыпались. Пошли косить ихъ, — былъ уже конецъ іюля.

Въ концѣ іюля, возвращаясь однажды на закатѣ со стадомъ въ село, Игнатъ встрѣтился съ дурочкой. Она остановилась и, глядя исподлобья, показала на лѣсокъ.

— Какъ отдѣлаюсь, такъ приду, — сказалъ онъ, не поднимая глазъ.

Но какъ идти безъ водки? Въ уныніи стоялъ онъ у воротъ усадьбы, смотрѣлъ на закатъ. По дорогѣ, наискось пролежавшей по горѣ, и сверху, и снизу ѣхали съ косьбы и вязки мужики и бабы на пыльных телѣгахъ; изъ телѣгъ торчали перевяслы, косы и грабли. Малиновое, безъ лучей, солнце сѣло огромнымъ кругомъ въ сизую, сухую муть за рѣкой, за полями, уже покрытыми звеньями копенъ. Игнатъ вышелъ изъ воротъ, повернулъ на выгонъ, потомъ, мимо сада, къ гумну. Впереди его мелко перебила босыми ножками по пыли очень грязная и кудрявая дѣвочка, лѣтъ семи. Перегнувшись налѣво, она правой рукой тащила дегтярницу, облитую красно-коричневымъ дегтемъ. Игнатъ ускорилъ шагъ, догналъ ее, оглянулся — и схватилъ ея лѣвый кулачокъ, въ которомъ были зажаты деньги.

Глаза ея стали круглыми отъ ужаса, личико исказилось, она заголосила и, съ силой звѣрька, стиснула кулачокъ. Игнатъ схватилъ ее за горло и повалилъ на дорогу. Дѣвочка захрипѣла и распустила пальчики. Игнатъ выгребъ изъ ея ладони деньги — тридцать копѣекъ — и быстро зашагалъ на Рудинку.

Все время у него замирало сердце. Купивъ водки, онъ пошелъ прямо къ лѣсу. Борзая, привыкшій къ нему, догнали его за деревней. Справа было жнивье, чуть бѣлѣющее въ сумракъ поле, покрытое копнами. Слѣва, съ тускло чернѣющихъ пашенъ, съ равнины, дулъ теплый вѣтеръ съ пылью. Впереди, надъ темной каймой лѣса, поднимался большой красный Марсъ. И пастухъ остановился. Онъ вдругъ вспомнилъ, что нынче должна прѣхать барыня, что за нею послали тройку и подводу для вещей. И тотчасъ-же, задержавъ дыханіе, услышалъ далекій звонъ колокольчиковъ.

Казалось ему лѣтомъ, что минуетъ его то неизбежное, что должно быть. Но теперь онъ почувствовалъ, что нѣтъ, не бывать тому — не минуетъ. Оно уже близилося, росло, надвигалось... И, постоявъ, онъ быстро двинулся впередъ.

У перекрестка его оглушила звономъ, топотомъ копытъ и обдала пылью тройка. Онъ, сойдя съ дороги, пропустилъ ее и опять пошелъ. Вдали слышался глухой грохотъ телѣги. Онъ дѣлался все явственнѣй. И черезъ минуту увидѣлъ Игнатъ на тускломъ звѣздномъ небѣ дугу, лошадь, а за лошадыю — сидящую въ телѣгѣ Любку. Она была лошадь возжами и тряслась, прыгала, неслась прямо на него.

— Садись, подвезу! — крикнула она весело, сразу признавъ его въ сумракъ.

Онъ повернулся, догнавъ нагруженную чемоданами телѣгу, на бѣгу бокомъ вскочилъ на грядку...

Что говорила Любка, онъ не запомнилъ. Запомнилъ только первыя, ударившія его по сердцу слова, которыя она звонко и ласково выкрикнула сквозь грохотъ телѣги:

— Что-жъ, очень соскучился по мнѣ?

Запомнилъ еще и тотъ моментъ, когда онъ вдругъ схватилъ возжи и, осадивъ лошадь, перекинулъ ноги въ телѣгу.

— Постой, — шепотомъ сказала Любка, но такъ просто, точно они жили вмѣстѣ уже много лѣтъ, и отъ этой простоты у него еще больше помутилось въ головѣ, — постой, всю юбку изомнешь... Дай хоть поправить-то...

III.

Прошло четыре года. Стоялъ декабрь. Игнатъ, отбывъ солдатчину, возвращался изъ города Василькова на родину.

Съ женой онъ жилъ всего три мѣсяца. Вскорѣ послѣ той іюльской ночи, въ которую такъ неожиданно переломилась вся его судьба, Любка почувствовала себя беременной — и никогда не покидала его злая мысль, что только поэтому пошла она за него. Она говорила, что любить его, устроила его отца, больного старика, на барскомъ дворѣ скотникомъ; одѣла и снарядила его въ дорогу, провожала со слезами. Онъ жестоко избилъ ее, гуляя, куражась рекрутомъ, вымещая барчуковъ. Она и это перенесла какъ должное. Когда его угнали въ Васильковъ, она часто посылала ему вмѣстѣ съ письмами деньги, письма же писала какъ простая солдатка, обращаясь къ нему на вы, жаловалась, что не пришлось ей, скинув-

шей, быть матерью. Но онъ не вѣрилъ ни единому слову ея, жилъ въ тоскѣ, въ непрестанной мукѣ, въ ревности, въ изобрѣтеніи самыхъ жестокихъ наказаній за предполагаемыя измѣны: онъ шалѣлъ отъ одного прикосновенія къ ней, чувствуя ее неизмѣримо выше себя, и понималъ, видѣлъ, что она его не любила, что она вела какую-то игру, съ какими-то тайными цѣлями. Да стали доходить до него и слухи о ея распутствѣ.

Бдучи на побывку два года тому назадъ, онъ всю дорогу думалъ, что убьетъ ее, если слухи окажутся вѣрными. Приѣхавъ и наведя справки на своей станціи, онъ узналъ, что Любка не отказывала только лѣнивому. Но она встрѣтила его такъ радостно, разувѣрила въ слухахъ такъ искренно и просто, что у него руки опустились. А чтобы и совсѣмъ успокоить его, заявила, что бросаетъ мѣсто на барскомъ дворѣ и переселяется въ избу, — будетъ ждать его дома, будетъ шить на машинкѣ и тѣмъ кормиться. И онъ уѣхалъ унылый и сбитый съ толку. Унылъ, молчаливъ былъ онъ и на службѣ, но исполнительнъ, исправенъ и бережливъ: копилъ деньги, взятки съ молодыхъ солдатъ. Все еще жила въ немъ надежда сравняться съ Любкой, стать достойнымъ ея настоящей, а не притворной любви. Но вдругъ письма отъ нея перестали приходить. Онъ писалъ чуть не каждую недѣлю — отвѣта не было. Онъ грозилъ, молилъ — она молчала. Онъ опять сталъ пьянствовать — и отупѣлъ, измучился.

Все же, отслуживъ свой срокъ, онъ ѣхалъ въ Извалы.

Онъ очень измѣнился. Теперь онъ былъ сухъ, довольно высокъ и ладенъ. Оловянные глаза его стали больше, лицо посѣрѣло и казалось еще худѣе отъ блестящихъ послѣ бритья маслаковъ около оттопыренныхъ круглыхъ ушей. Красновато-рыжіе усы онъ

стригъ щетиной, голову — бобрикомъ, и кожа просвѣчивала въ его короткихъ стальныхъ волосахъ. Отъ Кіева до Орла онъ воздерживался, не пилъ, неподвижно сидѣлъ въ вагонѣ возлѣ своего грубо раздѣланнаго подъ орѣхъ сундучка, съ привязанными къ нему сапогами, чайникомъ и трубкой бѣлаго войлока, не снималъ ни фуражки, ни грубой сѣро-рыжей шинели, натирившей шею, смотрѣлъ въ полъ и грызъ подсолнухи. Отъ Орла онъ сталъ тревожиться, выходить на станціяхъ къ буфету. На вокзалѣ въ своемъ городѣ онъ неожиданно встрѣтился съ бывшимъ товарищемъ по службѣ, выпилъ, оставилъ сундучекъ у сторожа, и товарищъ вывелъ его на крыльцо станціи, нанялъ извозчика-старика, а старикъ во весь духъ своей худой кобылы помчалъ ихъ, возбужденныхъ, курившихъ папиросу за папиросой, въ городъ. Проѣхали они прямо въ слободу — и тамъ Игнатъ почти сутки не разставался съ маленькой, очень коротконогой, пожилой, съ черными сухими волосами и сильно напудренной брюнеткой, курившей еще жаднѣе его. Очнулся же онъ въ полѣ, возлѣ слободы — и съ трудомъ вспомнилъ, что его тяжело били, выталкивая. Былъ мягкій бѣлый день, шелъ снѣжокъ и застрявалъ въ складкахъ его шинели. Шатаясь, чувствуя себя больнымъ, точно опоеннымъ эфиромъ, онъ всталъ — и тотчасъ же его стошнило.

Ѣхать до Извалъ пришлось въ вагонѣ товарнаго поѣзда, вмѣстѣ съ сидящими отъ жира на задахъ заводскими свиньями. Свиней везли богатому помѣщику на племя, провожалъ ихъ дряхлый садовникъ помѣщика, чистый и тихій, бывший дворовый. Но, кромѣ него, Игната и свиней, ѣхалъ въ товарномъ вагонѣ еще старикъ-еврей, сѣро-сѣдой, кудрявый, большеголовый и бородатый, въ очкахъ, въ полуцилиндрѣ, въ

тяжеломъ длинномъ, до пять пальто, мѣстами еще синемъ, а мѣстами уже голубомъ, съ очень низкими карманами. Онъ все время молчалъ, былъ задумчиво-озабоченъ, нылъ какой-то напѣвъ и на каждой станціи шмыгалъ, гремя огромнымъ жестянымъ чайникомъ, къ вокзалу за кипяткомъ. Настоявшись, поѣздъ дергался, скрипѣлъ, трещалъ и, визжа, трогался. Садовникъ дремалъ. Свиньи сидѣли на задахъ въ деревянной загородкѣ, покрытыя сѣрыми попонами съ вензелями и коронами. Смеркалось, вѣтеръ со снѣгомъ дулъ въ отворенную дверь и задиралъ мокрую, темно-зеленую солому подъ свиньями. Плыли мимо мутно-бѣлая поля, темнѣвшіе кустарники, медленно курившіеся дымомъ, падавшимъ на нихъ отъ паровоза. И тяжелая, неразрѣшающаяся тоска давила Игната. Повязавшись вдвое сложеннымъ башлыкомъ съ оранжевыми каемками, сдвинувъ брови, стиснувъ зубы, играя маслаками, онъ стоялъ у двери, выгребалъ изъ кармановъ забившіеся въ нихъ подсолнухи, грызъ и косился на еврея. Еврей сидѣлъ на опрокинутомъ ящикѣ, держалъ въ большой, покрытой крупными лиловыми жилами рукѣ стаканъ чаю. Шелуха подсолнуховъ летѣла по вѣтру, попала въ чай. Еврей долго, съ раздраженіемъ смотрѣлъ сквозь очки на Игната. Игнатъ ждалъ, что скажетъ еврей, чтобы ударить его послѣ первыхъ же словъ сапогомъ въ грудь. Но еврей ничего не сказалъ: только приподнялся и вылилъ чай возлѣ самыхъ ногъ Игната, возлѣ его плоскихъ и широкихъ казенныхъ сапогъ.

На станціи попутчиковъ до села не оказалось. И пришлось сидѣть, ждать, не навернется-ли кто случайно. И съ часъ Игнатъ ждалъ — какъ въ тяжкомъ и безпокойномъ снѣ.

Оледенѣли его руки, помутилась голова, когда, въ

половинѣ одиннадцатаго, медленно надвинулся на него такой знакомый, такой особенный, такой страшный вокзалъ съ его народомъ, освѣщенными окнами и большеглазыми фонарями у дверей. Только что ушелъ пассажирскій поѣздъ. Въ залѣ третьяго класса, холодномъ, полутемномъ, тускломъ отъ дыма и потномъ отъ дыханія, нужно было пробиваться плечомъ — такъ много толпилось въ немъ на мокромъ полу мужиковъ. Между двойными дверями стоялъ на полу копившій фонарь. Двери поминутно съ визгомъ отворялись, хлопали — и свѣжій, легкій морозный воздухъ, врываясь въ угарный, вонючій залъ, волновалъ клубы бѣлаго пара надъ огромнымъ самоваромъ на буфетѣ, возлѣ котораго шумѣли, пили водку мужики и кондуктора. Изъ отворенной, ярко и горячо освѣщенной конторы, гдѣ были касса и телеграфъ, не смолкая ни на секунду, дребезжалъ и звенѣлъ какой-то звонокъ, какъ будто кто завелъ и забылъ остановить будильникъ. И отъ многолюдства, отъ этого звонка у Игната ломило въ темени.

Разспрашивалъ онъ, нѣтъ ли попутчиковъ, машинально, ходилъ какъ лунатикъ, но видѣлъ все и замѣчалъ съ необыкновенной зоркостью. Толпа армяковъ и полушубковъ рѣдѣла. Игнатъ вышелъ на крыльцо, посмотрѣлъ, сторонясь, пропуская мимо себя выходящихъ и разговаривающихъ, на лошадей, на сани, на мутно-лунное небо, выкурилъ цыгарку, глубоко вдыхая вмѣстѣ съ дымомъ сладкій зимній деревенскій воздухъ и опять зачѣмъ-то вернулся въ вокзалъ. Уже буфетчикъ постепенно, по порядку, съ края убиралъ со стойки апельсины, папиросы, тарелки съ колбасами, потный, сухой кусокъ сыра. Начальникъ станціи подъ руку провелъ во дворъ большую старуху-помѣщицу въ тяжелой, длинной шубѣ, опиравшуюся

на костыль. Въ отворенную дверь видна была блѣдная, но веселая лунная ночь, деревья въ инеѣ. Лошади, стоявшія у крыльца, встряхивались, бормотали глухарями. Потомъ глухари загромыхали всѣ сразу, за скрипѣлъ снѣгъ подъ полозьями... Въ залѣ остались теперь баба въ новомъ оранжевомъ полушубкѣ, неподвижно сидѣвшая на длинномъ деревянномъ диванѣ у стѣны, и маленькій старикъ, пившій у стойки съ двумя мужиками, раздражавшими буфетчика своей галдой и трубками.

Гдѣ Любка? Зачѣмъ вышла она замужъ за пастуха, обреченнаго на солдатчину? Забеременѣла? Но вѣдь ей ничего не стоило скинуть! И съ кѣмъ она теперь живетъ? А главное — гдѣ? Увидить ли онъ ее? И что сдѣлаетъ съ ней? А можетъ-быть, все это чепуха — его подозрѣнія, слухи, то, что не было писемъ? Письма могли пропадать... А встрѣтитъ она его радостно... И, быть можетъ, съ нею проведетъ онъ нынче ночь... Стиснувъ зубы, Игнатъ зорко смотрѣлъ на каждаго, кто попадался на глаза.

Больше всѣхъ завораживалъ его вниманіе этотъ маленькій, безпокойный старичекъ, въ новой большой шапкѣ, въ новомъ сѣромъ армякѣ и мягкихъ сѣрыхъ валенкахъ, съ курчавыми сѣдыми бровями и широкой голой переносицей между живыми глазами. Онъ былъ сильно пьянъ, говорилъ безъ умолку, топтался, долго держалъ граненый стаканчикъ передъ тѣмъ, какъ выпить, а пилъ, проливая водку на бороду. То придиричивъ онъ былъ, то умилялся, то таинственно шепталъ что-то собесѣднику, то изумлялся и къ каждому слову прибавлялъ:

— И опять хорошо! И дай Господи!

Онъ со всѣми заговаривалъ, ко всѣмъ подходилъ, присталъ къ бабѣ, стараясь объяснить ей что-то, на-

клоняясь, налѣзая на нее, и баба, долго слушавшая его молча, вдругъ поднялась и отошла, сказавъ:

— Отвяжись отъ меня, пьяная морда.

Тогда старикъ подошелъ къ Игнату и, что-то говоря, вытащилъ изъ полушубка, вмѣстѣ съ карманомъ и краснымъ платкомъ, облупленное крутое яйцо въ нюхательномъ табакѣ и сталъ угощать имъ. Игнатъ только безмысленно поглядѣлъ на него. И вдругъ, задомъ подойдя къ деревянному дивану, присѣлъ, взвалилъ себѣ на спину свой сундучекъ и, думая о той веснѣ, когда онъ жилъ съ дурочкой, а былъ беззаботенъ, свободенъ, сладко напивался, закусывая холодными картошками, вышелъ изъ вокзала.

Шагалъ онъ твердо, ровно и споро, повизгивая по снѣгу сапогами, свѣтлая снѣжная ночь была вокругъ него. Шелъ онъ сперва подъ какими-то низкими деревьями, съ которыхъ таинственно сыпался иней, потомъ по снѣжному пустому полю. Въ полѣ было мертво и тихо, луна крылась за легкими облаками, дорога чуть темнѣла... И отъ своихъ смутныхъ думъ очнулся онъ уже въ Извалахъ, почувствовавъ, что вошелъ въ большую, просторно раскинутую и давно спящую деревню. Ни одного огня не было въ занесенныхъ снѣгомъ избахъ. Слабыя тѣни лежали на бѣлой дорогѣ отъ водовозокъ и пунекъ. Еще тише и теплѣе стало, чѣмъ въ полѣ, воздухъ — еще слаще и пахучѣе. По дворамъ уже пѣли пѣтухи.

Возлѣ своей пустой избы, на краю деревни, надъ оврагомъ, онъ постоялъ, не зная, что дальше дѣлать. Маленькая, она была наполовину занесена съ южной стороны метелями. Дверь на замкѣ, одно окно забито дощечками. Острый сугробъ, покрытый слѣдомъ лаптей, поднимался возлѣ открытыхъ воротъ во дворъ, переходилъ черезъ крышу. Игнатъ пошелъ по слѣду,

заглянулъ внутрь двора. Въ раскрытой закутѣ непріютно ночевала чья-то телушка.

Невдалекѣ, въ избѣ Марей, свѣтился блѣдный низкій огонекъ — изъ окошечка, почти сравнявшагося съ высокой снѣжной улицей. Онъ заглянулъ и въ него. Чуть не всю избу занималъ станъ. Нѣмая, съ тугимъ румянымъ лицомъ дѣвка ткала красна, гремѣла станомъ. Игнатъ стукнулъ. Дѣвка со страхомъ и удивленіемъ глянула въ окошечко. Онъ вошелъ въ избу. Дѣвка дергала за оборку торчавшаго съ печи лаптя, будя отца. Онъ долго не откликался, только откашливался. Потомъ сталъ слѣзать — задомъ, ища лаптемъ печурку. Слѣзъ и по стѣнѣ, стараясь не наступать на одну, видно, больную, въ разбитомъ валенкѣ ногу, дошелъ до скамейки возлѣ стола. Бородатый, лохматый, съ выпуклыми кровянистыми глазами и хрипучимъ голосомъ, видъ онъ имѣлъ шальной. Игнатъ поставилъ сундукъ у двери, сѣлъ къ столу, сталъ выскребать короткимъ ножомъ грязь изъ его трещинъ. Дѣвка, поджавъ руки, стояла у печки. А Марей, попросивъ закурить, затачиваясь такъ, что дымились вся его борода, говорилъ:

— Хозяйку твою видалъ... Видалъ, какъ же... Изъ церкви шла... Дома жить не пожелала, все у господъ... Ихъ давно нѣтути, въ Москвѣ, говорятъ, она приказчика согнала, всѣмъ домомъ править, въ икономки записалась... Не по закону живетъ, не по закону...

— Знаю, знаю, — сказалъ Игнатъ.

— Извѣстно, знаешь... Ну, потращаешь — бросить. Потращать можно... Я вотъ и свою просваталъ, да робость беретъ... Онъ вдовецъ, вдовый... Да ну-ка откажется? Надо сбывать пока время, а постарѣетъ, кто такую-то возьметъ? Ну-ка, думается, откажется... „На кой, молъ, чортъ нужна такая-то“... А она хоть чисто

сказать не можетъ, а на черную работу хороша, не покорю... Ты вотъ подхватилъ хорошую, анъ дѣло-то хуже вышла... Не пара, значить, оказалась. Руби, значить, древо по себѣ...

— Я сундукъ у тебя пока оставлю, — сказалъ Игнатъ, не поднимая глазъ.

— Это можно... Оставь... Оставить можно, — согласился Марей.

И на порогъ сѣнецъ вышелъ проводить Игната. Опять падалъ рѣдкій снѣжокъ, мягкій, блѣдный. Но холоднѣло, яснѣло. Темно синѣя въ вышинѣ, межъ облаковъ, расчищалось небо. Бѣлое поле за снѣжными оврагами посизѣло. Мѣсяцъ, чистый, полный, выкатывался на просторъ, косая бѣлая туча съ оранжевымъ полукругомъ, падавшимъ на нее отъ мѣсяца, сдвигалось къ горизонту, къ сѣверо-западу. Тѣни отъ водовозокъ стали рѣзче, улица заискрилась.

— Зима обозначается, — хрипло сказалъ Марей, высовывая голову изъ низкой двери темныхъ сѣнецъ на свѣтлую улицу и вдыхая пахучую свѣжесть.

И опять твердымъ шагомъ пошелъ Игнатъ, не поворачивая завязанной башлыкомъ головы. Пройдя версты двѣ по деревнямъ, выйдя на лугъ, на дорогу въ гору, онъ увидалъ на горѣ знакомую усадьбу, темный палисадникъ во дворѣ и четыре освѣщенныхъ окна за нимъ. Но пошелъ онъ къ нижнему саду, спускавшемуся по горѣ отъ усадьбы до самага дуга, вошелъ въ его ворота, перешелъ по плотинѣ занесенной снѣгомъ сажалки, направляясь къ длинной и мрачной бревенчатой избѣ скотнаго двора, чернѣвшаго въ глубинѣ сада, подъ вѣковыми деревьями. Небо надъ нимъ было синее, бездонное, съ рѣдкими, крупными звѣздами. Мѣсяцъ катился въ вышинѣ справа. Впереди, среди свѣта и тѣней, то садясь на заднія лапки

и поднимая торчкомъ уши, то дѣлая короткіе прыжки, двигался заяцъ, пробираясь на золотую поляну за сажалкой. Красно-золотой звѣздой казался огонь въ избѣ, покрытой сумракомъ деревьевъ.

Почему не спалъ, почему такъ пристально смотрѣлъ на Игната и молчалъ тотъ блѣдно-голубой лицомъ, бѣловолосый, двухголовый пастушенокъ, что отворилъ дверь этой большой, очень теплой избы? Надъ столомъ привѣшена была къ ея блестящему, какъ каменный уголь, потолку лампочка. Въ переднемъ углу — олеографія въ рамкѣ: Николай угодникъ въ малиновомъ одѣяніи, съ фіолетовой бородой. Бѣлая коростовая свинка ходила по липкому земляному полу, хрустѣла, катала что-то по зубамъ. Въ загородкѣ возлѣ печи стояли телята, коричневые и желто-бѣлые. Они не спали, клали морды съ широкими, нѣжными, влажно-розовыми носами на загородку, смотрѣли ясными глазами, мочились тонкими, прямыми свѣтлыми струйками. Отдавало отъ нихъ запахомъ мокрой коровьей шерсти, молокомъ парнымъ, какимъ-то утробнымъ тепломъ — и долго вспоминалъ потомъ Игнатъ этотъ запахъ, простой, успокаивающій, а вслѣдъ за нимъ — старика-отца. На кровати возлѣ загородки сидѣлъ онъ, спустивъ блѣдныя волосатыя ноги въ узкихъ синихъ порткахъ и грязной рубахѣ, лысѣющій со лба, худой, какъ скелетъ, и, положивъ большія руки на колѣни, важно закрывъ глаза и обративъ лицо къ иконѣ, шепталъ что-то.

— Онъ у насъ сумасшедшій, — тихо сказалъ пастушенокъ, во всѣ глаза глядя на Игната. — Дюже старъ сталъ.

И услыхавъ его голосъ, чувствуя чье-то присутствіе, еще выше, важнѣе и печальнѣе откинулъ старикъ голову, свой тонкій, горбившійся отъ худобы носъ.

— Богъ благословить, Богъ благословить, — пробормоталъ онъ.

Обнаживъ стриженую, въ стѣнкахъ башлыка голову, Игнатъ перекрестился и спросилъ мальчика:

— Любовь въ домѣ?

— Въ домѣ, въ домѣ, — поспѣшно отозвался тотъ. — Къ ней купецъ пріѣхалъ.

Игнатъ надѣлъ фуражку и пологой горой, черезъ фруктовый садъ, по заячьимъ тропинкамъ, среди яблонь и свѣтлыхъ полянъ, испещренныхъ тѣнями, быстро дошелъ до калитки на барскій дворъ, откинулъ ее и, согнувшись, утопая въ снѣгу, перебѣжалъ въ зеленоватый сумракъ палисадника. И тотчасъ же за маленькимъ окномъ прихожей увидѣлъ жену.

Но за стѣной дома вдругъ глухо залаяла собака. Онъ отскочилъ — и застылъ, замеръ, прижавшись къ стѣнѣ.

IV.

Поставивъ въ темныхъ сѣняхъ самоваръ, она сидѣла въ прихожей съ перегородкой, выбѣленной мѣломъ, штопала чулокъ у стеаринового огарка, горѣвшаго въ позеленѣвшемъ мѣдномъ подсвѣчникѣ на подоконникѣ. Пожилой казалась теперь эта красивая черноглазая женщина въ красной кофтѣ, съ полными, мягкими грудями, въ бѣломъ платочкѣ, подъ который уходилъ среди черныхъ волосъ широкій проборъ.

Двѣ большія тѣни, одна лилово-темная, другая свѣтлѣе, падали отъ нея на перегородку, поднимались на потолокъ. Когда подошелъ подъ окно Игнатъ, она, задумчиво склонивъ голову на бокъ, поглядѣла на заштопанную пятку чулка и вынула изъ него старин-

ную серебряную суповую ложку. Бѣлый, въ коричневыхъ пятнахъ пойнтерь, спавшій въ залѣ въ углу, на репсовой каретной подушкѣ, вдругъ басомъ брехнулъ, вскочилъ и съ гремящимъ лаемъ, стуча когтями по паркету, побѣжалъ къ прихожей. Любка живо и серьезно взглянула на дверь въ залъ. Потомъ, загородивъ ладонью щеку отъ огня, прильнула къ стеклу.

— Кто тамъ? — сказала она громко, съ хозяйственной строгостью, но тревожно, отдирая сперва одну, потомъ другую примерзшую форточку и заглядывая въ открывшійся, пустой, полный легкаго морознаго воздуха квадратъ.

Свѣтлая ночь, все звончѣющая надъ мертвой бѣлой окрестностью, надъ давно спящими деревнями, надъ застывшей въ молчаніи усадьбой, надъ живописными и неподвижными подъ звѣзднымъ небомъ садами, крѣпла, достигала своей высшей красоты и силы. Пятна свѣта на снѣгу въ сумракѣ палисадника горѣли зеленовато. Мѣсяца не было видно — только поднявъ голову, увидала Любка сквозь вѣтви сосенъ его зеркальный кругъ. За стволами ихъ просторно бѣлѣлъ свѣтлый дворъ, и свѣжая колея, прорѣзанная по немъ санками купца, недавно взрытый и уже затвердѣвшій слѣдъ розово сверкала. Любка, приглядываясь, сдвинула пѣвки черныхъ бровей. Но только на мгновеніе смутной тревогой дошло до нея въ этой полнотной тишинѣ присутствіе человѣка, такъ близко отъ нея прижавшагося къ стѣнѣ. Она подождала отвѣта, захолопнула форточки и пошла въ залъ, накрывать на столъ.

Въ нетопленномъ, прохладномъ большомъ залѣ было сдвинуто много мебели, много стульевъ и старинныхъ креселъ. У той стѣны, гдѣ была дверь въ прихожую, стоялъ рояль, подъ нимъ лежали круглые палевые мѣшки въ синихъ клеймахъ — съ клеверомъ.

Высокія двери въ гостиную были закрыты. Между ними и угловой кафельной печкой чернѣлъ шелушившійся портретъ въ золотой, прихотливой рамѣ. Столъ у стѣны противъ оконъ освѣщала на цѣпяхъ спускавшаяся съ потолка лампа.

Проѣзжавшій изъ города въ купленный на срубъ милютинскій лѣсокъ и ночевавшій въ усадьбѣ купецъ былъ невысокій, тяжелый человѣкъ, въ черной бородѣ съ бурымъ подсѣдомъ и черными косыми глазками. Разстегнувъ только верхніе крючки сизаго, очень полнаго и вонючаго романовскаго полушубка, отвернувъ на груди пышную дымчатую овчину, онъ, мягко ступая черными поярковыми валенками, бродилъ по залу, разсматривалъ мебель, шифоньерки, бронзоваго коня подъ стекляннымъ колпакомъ на подзеркальникѣ. Возлѣ печки возилась мышь, стараясь протащить въ маленькую щелку пола большой кусокъ лепешки. Купецъ засмотрѣлся на мышь. Вскочивъ, басомъ забрехалъ пойнтерь — и онъ съ легкой улыбкой удивленія и удовольствія послушалъ, какъ отдалось въ пустомъ домѣ и зазвенѣли мѣдныя струны рояля; онъ приподнял его крышку, попробовалъ безымяннымъ пальцемъ въ разныхъ мѣстахъ клавиши — и смутился, не сумѣвъ снова закрыть ихъ.

— Хорошо у васъ тутъ, тихо, — сказалъ онъ входившей и выходившей Любкѣ.

Любка остановилась. И, какъ бы окинувъ мысленнымъ взоромъ усадьбу и морозную ночь, не спѣша отвѣтила:

— Хорошо. А скучно все-таки.

Она накрывала столъ, принесла вазочку съ зеленымъ вареньемъ, солонку, въ которой соль была перемѣшана съ крошками хлѣба, тарелку съ кускомъ солонины, радужно-ржавой, въ застывшемъ жирѣ, по-

хожемъ на вату, и полбутылки водки, съ матовымъ отъ мороза налетомъ на стеклѣ.

— А ты-бы забаву какую-нибудь пріискала себѣ, — сказалъ купецъ, привычно намекая на то, на что всѣ намекаютъ.

— И то правда, — тоже привычнымъ, беззаботнымъ тономъ отвѣтила Любка.

Теперь уже не было прежней живости въ ея отвѣтахъ. Она стала спокойнѣе, говорила меньше, проще и грубѣе, привыкнувъ распоряжаться и ругаться съ работниками, отвыкая отъ господъ. Ограниченная, она казалась умной, благодаря этому умѣнію, присущему женщинамъ, подобнымъ ей, не говорить лишняго, и звѣриной ихъ смѣтливости.

Когда она принесла и, высоко поднявъ, поставила на столъ самоваръ, купецъ пролѣзъ за столъ на новый вѣнскій диванъ, не спуская косыхъ глазъ съ ея грудей. Она въ бокъ блеснула смуглыми бѣлками и, съ равнодушнымъ видомъ, не спѣша, отошла, стала, какъ бы грѣясь, къ холодной печкѣ. Купецъ тоже сдѣлалъ серьезное лицо, осторожно и неловко, надъ столомъ сдвинулъ рукавъ полушубка съ круглившейся изъ него, дымчатой густой шерстью и взялъ ножъ въ лѣвую руку, а вилку въ правую. Любка и это замѣтила. „Лѣвша, — подумала она, — распутный, небось“. Но опять грубо забрежалъ пойнтеръ, глядя въ прихожую, и она опять тревожно, перекосивъ брови, прислушалась.

— На кого это онъ всё? — спросилъ купецъ, выпивая, раздувая ноздри и вытирая усы дырявой салфеткой — Какъ отзывается, — сказалъ онъ, послушавъ. — Не домъ, а органъ.

— Да небось, все этотъ пьяница шатается, мужъ скотницы нашей, — отвѣтила она и, подумавъ, насмѣш-

ливо улыбнулась. — Тутъ такая потѣха идетъ, не приведи Богъ.

Купецъ, отрѣзая кусочекъ солонины и намазывая его горчицей, равнодушно воскликнулъ:

— Да что-ты!

— Ей-Богу, — сказала Любка. — Закружилась тутъ съ однимъ, да и другимъ не отказываетъ. Ну, онъ и ходитъ. Грѣхъ судить, а только дойдетъ у нихъ дѣло до бѣды.

— Что-жъ, еще дружка себѣ нашла?

— Да ай ихъ мало! — сказала Любка, думая не о скотницѣ, а о себѣ и о своемъ любовникѣ, портномъ изъ Шатилова, бѣшено ревновавшемъ и все грозившемъ убить ее. — Только онъ не туда попадаетъ. Ревнуетъ съ большого ума къ старику-скотнику, моему свекору. А онъ и старикъ-то больной, блажной. Ходитъ, хлѣбъ мнетъ и совсѣмъ слѣпой — темная вода приступила. Опять же набожный старикъ, — Бога, правда, хорошо понимаетъ, все молится...

Говоря, она косилась на окно возлѣ дверей въ гостиную. Во всѣхъ окнахъ зелено и остро искрились обледенѣвшія нижнія стекла. Въ это окно, незамерзшее, видны были рѣдкія звѣзды на синемъ глубокомъ небѣ, зелень палисадника и застрѣха въ снѣгу. Купецъ ѣлъ, что-то обдумывая. Любка слабо зѣвнула и опять заговорила:

— А, должно, здоровый морозъ будетъ. Куда въ даль такъ-то поѣхать, замерзнешь.

— Очень просто, — сказалъ купецъ и посмотрѣлъ на пойнтера, положившаго морду на лапы. — А собака эта чья-же?

— Да барина нашего молодого, Николай Кузьмича, — сказала Любка. — Надоѣла до крайности. На дворѣ никакъ не можетъ жить, нѣжна очень. Голая

вся. Два раза въ недѣлю купаю, пропасти на нее нѣту! Онъ у насъ чудакъ какой-то.

— Да и дуракъ, можно сказать, хорошій, — вставилъ купецъ.

— Дуракъ, нѣтъ-ли, не мое бабье дѣло судить, — сказала Любка, думая, что это понравится купцу. — Только, правда, никуда не гожается и дома не живетъ, а объ собакѣ въ каждомъ письмѣ пишетъ, беспокоится.

— А ты ужъ давно здѣсь проживаешь?

— Давно. Седьмой годъ, никакъ.

— И довольна, значить?

— Да чего-жъ мнѣ? Сама себѣ голова. Они, господато, почестъ, и не живутъ тутъ.

— И родныхъ никого у тебя нѣту?

— Да вотъ только свекоръ.

— Мужъ-то въ солдатахъ?

— Въ солдатахъ.

— И на войну не попалъ?

Любка засмѣялась, глядя въ потолокъ, держа руки за спиною, какъ бы грѣя ихъ.

— Не попалъ, анчихристъ.

— Живъ-здоровъ?

— Они, такіе-то, долго живутъ, черти, — сказала Любка, смѣясь.

— И отслужится, небось, скоро?

— То-то и бѣда, что скоро. Все писалъ, грозилъ: сопыюсь. А мнѣ какая забота? Самъ же будешь подъ заборомъ лежать, со вшами въ бородѣ, — сказала Любка со злобой то, что часто говорила портному. — И опять же ревнивъ, надоѣлъ своей любовью до смерти... Все, бывало, грозить — убью, а скажи ласковое слово — сейчасъ слюни распустить. Да что-жъ, и убьетъ... Ночью, когда такъ-то кобель забрешетъ, жутко, правда...

— Ты жаловаться на него имѣешь право, — сказалъ купецъ. Это время прошло, чтобы сдуру, здорово живешь, людей бить.

Онъ съѣлъ всю солонину, обрѣзая ватный жиръ, допилъ водку. Глаза его стали маслянисты, полушубокъ онъ растегнулъ. Икая, онъ вынулъ изъ кармана красную осьмушку табаку, камышевый мундштукъ, книжечку папирсной бумаги, аккуратно раскрылъ ее, отдулъ одинъ листикъ, свернулъ толстую папирсу и съ наслажденіемъ закурилъ.

— Давно замужъ-то вышла? — спросилъ онъ, глядя исподлобья, съ мутной усмѣшкой.

— Пятый годъ пошелъ.

— А дѣтей не было?

— Не было.

— Почему же такъ? Ты вѣдь, думается, здорова, хороша была?

— Страшная хорошая! — сказала Любка, польщенная, но улыбаясь насмѣшливо, и начала врать. — А ужъ это, видно, не моя вина, я сама по дѣтяхъ скучаю. Значить, онъ чѣмъ-нибудь испорченъ, а моя какая можетъ быть вина? Онъ на то и зло на меня имѣетъ, на то и обижается. А я съ молодую горячая была, — искусаю его, бывало, до синяковъ, а у него старанья много, а все безъ толку... Плохая наша бабья доля, — сказала она, говоря о себѣ и о портномъ, но вмѣсто себя подставляла скотницу, вмѣсто своего — ея любовника. — Вотъ хоть взять скотницу эту... Гоняется за ней, того гляди убьетъ, только тѣмъ и спасается, что я научу...

Купецъ уставился на нее прищуренными глазами. Затягивался онъ все глубже, пуская дымъ въ потолокъ. И, замѣтивъ это, Любка прибавила, смѣясь:

— Я ее научила. Ты, говорю, какъ онъ начнетъ вое-

вать, разстегни кофту поскорѣе. Онъ заволнуется и стихнетъ...

— Исторія! — сказалъ купецъ, не зная, что говорить. — Да что ты все около печки-то спасаешься?

Блестя бѣлками и сдерживая улыбку, Любка отвѣтила съ дѣланной простотой:

— А гдѣ-жъ мнѣ стоять? Мое мѣсто тутъ.

— Къ столу садись, — сказалъ купецъ. — Тутъ лучше согрѣешься. Будетъ калянить-то, авось, я не взыщу.

— Не взыщете, такъ сяду, — отвѣтила Любка съ игривой скромностью и сѣла къ столу на стулъ.

Она понимала, что купецъ началъ томиться, не зная, какъ приступить къ дѣлу. Купецъ, отваясь къ спинкѣ дивана, порою поднималъ грудь глубокимъ вздохомъ, закрывая глаза и хмуро улыбаясь, порою тяжело смотрѣлъ на ея грудь, проборъ — и глаза его то стеклянились, то вспыхивали. Дѣлая видъ, что она ничего не замѣчаетъ, Любка, опустивъ рѣсницы, пила жидкій чай съ лимономъ, скромно вытирала концомъ головного платка потѣющую верхнюю губу, покрытую чернымъ пушкомъ. Купецъ вздохнулъ еще шумнѣе и дѣланно-небрежно спросилъ:

— Ну, такъ какъ-же, а?

— Не понимаю я этихъ дѣловъ, — сказала Любка.

Купецъ ухмыльнулся. И вдругъ, не глядя на нее, сталъ торопливо и неловко разстегивать своей крѣпкой маленькой рукой пазуху синей фланелевой рубахи, подъ которой былъ жилетъ. Разстегнувъ и жилетъ, онъ запустилъ руку во внутренній боковой карманъ и вытащилъ бумажникъ. Любка сдвинула пальцемъ тонкій ломтикъ лимона къ краю блюда, положила его въ ротъ и стала высасывать, не въ мѣру морщась, дѣлая видъ, что чувствуетъ только одно — острую

кислоту. Мгновенно замѣтила она, что бумажникъ очень толстый и потертый, быстрымъ взглядомъ окинула пухлую пачку розовыхъ кредитокъ, которую вынулъ купецъ изъ бумажника. Отдѣливъ одну кредитку, заклеенную бумажной ленточкой, спрятавъ остальные, онъ сталъ лѣвой рукой пихать бумажникъ обратно, а правую положилъ на нее и по скатерти продвинулъ на тотъ край стола, возлѣ котораго сидѣла Любка.

— Довольно, что-ли? — спросилъ онъ.

Какъ-будто ничего не понимая, Любка равнодушно взглянула на десятирублевку, потомъ перевела томно-пристальные глаза на него.

— Что говорю-то? — повторилъ онъ смѣло, почти грубо.

— Да чего-жъ, — сказала она вдругъ съ такой простотой, что онъ слегка опѣшилъ. — Это все можно. И всѣ не святые.

И спокойно вышла изъ зала въ прихожую, зашла за перегородку. Умываясь, гремя педалью умывальника, она сдерживала въ себѣ легкое внутреннее волненіе, — купецъ, сильный, захмелѣвшій, нравился ей, — и думала о томъ, сколько ему лѣтъ. Вернулась она въ залъ, стуча новыми полсапожками, нарядная, румяная, съ еще болѣе блестящими глазами. Лицо ея слегка вспухло отъ ледяной воды, фигура стала тоньше: груди и полныя смуглыя руки охватывала туго натянутая желтая шелковая кофточка, съ узкими рукавами, бедра — узкая черная юбка, съ большими пуговицами по бокамъ. Въ глазахъ купца мелькнуло восхищеніе и, сконфузясь, не зная, что дѣлать и говорить, онъ опять положилъ и принялъ съ десятирублевки свою налитую руку, короткіе пальцы съ выпуклыми, круглыми ногтями. А Любка, сунувъ десятирублевку въ передній карманъ юбки, поджала руки, навалилась на

столъ и посмотрѣла на него долгимъ взглядомъ. Онъ взялъ ее за правую руку, потянулъ за холодные концы корявыхъ снизу пальцевъ. Она отняла ихъ и, тоже не зная, что сказать, спросила:

— Что-жъ сало-то не докушали?

И, взявъ оставшійся на тарелкѣ кусочекъ, положила его въ ротъ.

— А я люблю, — сказала она, — она сладкая, опричи если на сковородкѣ поджарить. — И засмѣялась: — Постъ, а мы жремъ... — И, помолчавъ, беззаботно добавила: — Ну, да авось, все одно въ аду кипѣть.

— За что же это? — спросилъ купецъ.

— Да за все. Наше мѣсто въ аду. Старые люди говорятъ, все одно изъ мужиковъ въ святые не выходятъ. Всегда изъ архиреевъ, алхимандритовъ, — прибавила она задумчиво.

И вдругъ, разгибаясь, рѣшительно сказала:

— Пойдемте, что-ль. А то сюда, неравно, скотникъ со слѣпу разнесется, — какъ тамъ у нихъ пойдетъ скандалъ, онъ сейчасъ ко мнѣ... Боится.

V.

Игнатъ, стоя на снѣгу, давно не чувствовалъ ногъ, окаменѣла и голова его, насквозь промерзла, стала тонкой, ледяной шинель. Сперва онъ пошевеливалъ пальцами въ сапогахъ, двигалъ плечами. Потомъ уже не обращалъ вниманія на то, что все послѣднее тепло сосредоточилось и дрожало у него гдѣ-то подъ ложечкой, что стали деревянными губы, обросли инеемъ края башлыка, рѣсницы и усы. Онъ только подставлялъ ковшикомъ руку ко рту и грѣлъ кончикъ носа дыханіемъ.

Онъ не замѣчалъ времени, чувствовалъ только жуткое замираніе сердца и весь поглощенъ былъ страннымъ желаніемъ, чтобы въ самой сильнѣйшей мѣрѣ оправдались его подозрѣнія. Пропѣли вторые пѣтухи. Сила, свѣтъ, красота ночи стали ослабѣвать. Мѣсяцъ, блѣднѣя, склонялся къ западу. Оріонъ, три поперечныхъ звѣзды его низко стояли на юго-западномъ горизонтѣ серебряными пуговицами, стали больше и ярче. Отъ людской, надъ которой склонялся мѣсяцъ, пала, полъ-двора захватила тѣнь. Было такъ морозно и тихо, что слышно было, какъ трепыхались, возились на насѣстѣ ночевавшія въ сѣняхъ людской куры, какъ въ конюшнѣ мѣрно хрустѣла овсомъ лошадь купца, какъ потомъ она, съ глубокимъ вздохомъ, легла. Противъ крайняго незамерзшаго окна зала торчала изъ снѣга подъ нависшими вѣтвями ели скамейка. Снѣгъ, мѣстами атласный, мѣстами хрупкій, какъ соль, разсыпчатый и все твердѣвшій отъ мороза, визжалъ и хрустѣлъ при каждомъ, самомъ осторожномъ шагѣ. Затаивая дыханіе, стараясь подавить въ себѣ малѣйшее проявленіе жизни, Игнатъ добрался до скамьи, сталъ на нее и, разведя руками глянцевиго-ледяную, пахучую зелень колкой хвои, все забывъ, увидавъ внутренность зала, увидавъ эту страшную для него, двигающуюся, что-то говорящую и улыбающуюся женщину и человѣка, бывшаго съ ней въ этотъ поздній часъ одинъ-на-одинъ во всемъ домѣ, человѣка, вѣрно, уже владѣвшаго ею и теперь опять дожидавшагося того-же.

Но время шло, шло — и ничего особеннаго не происходило въ залѣ. Вотъ Любка сѣла, наконецъ, къ столу, и купецъ сталъ вынимать что-то изъ-за пазухи. Но что? Какъ ни напрягалъ Игнатъ зрѣнія, разглядѣть не могъ: мѣшалъ самоваръ, посуда... Вотъ Любка

ушла изъ зала — и вернулась какъ-будто иною, главное же, облокотилась на столъ, подвинулась къ купцу, и въ незастегнутый разрѣзъ ея платья сзади стала видна нижняя бѣлая юбка. И въ мірѣ настала такая тишина, что осталось въ немъ только бѣніе сердца Игната. Вдругъ и оно куда-то провалилось — весь этотъ пустой и мертвый міръ ужасомъ наполнило бляніе дьявола. Игнатъ понялъ, что это заблеялъ баранъ — очень далеко гдѣ-то, въ маленькой, темной закутѣ. Но, должно быть, и видъ у этого внезапно проснушагося въ самый мертвый часъ зимней ночи барана былъ дьявольскій, и хрипота въ его бляніи была дьявольская. Только дьяволъ и только въ роковой часъ могъ заревѣть такъ страшно. И въ тотъ-же мигъ Любка разогнулась, быстро пошла по залу, къ двери, ведущей внутрь дома, за ней двинулся купецъ, — и легко, уже ничего не думая, Игнатъ соскочилъ со скамейки и побѣжалъ подъ елями въ сторону, противоположную парадному крыльцу, чтобы, обогнувъ домъ, вскочить въ него съ задняго. На пустой синевѣ небосклона съ новыми, предъутренними звѣздами, сквозилъ, чернѣя, потонувшій въ снѣгахъ, низкій фруктовый садъ. Еще давеча замѣтилъ Игнатъ, выходя изъ калитки, кучи хвороста между нею и домомъ. Въ хворостѣ всегда валялся топоръ. И, добѣжавъ до хвороста, Игнатъ кинулся искать этотъ знакомый, зазубренный, ржавый топорикъ, со скользкой рукояткой, — сталъ шарить, обдирая руки о ледяные прутья и обжигая ихъ о снѣгъ, синевато блестящій противъ низко опустившейся сонной луны.

Купецъ, нащупавъ въ карманѣ полушубка маленький и какъ камень тяжелый револьверъ, вошелъ, между тѣмъ, въ темный коридоръ и протянулъ впередъ руки.

— Тутъ хворостъ на топку приготовленъ, не упа-

дите, — сказала Любка, и онъ, наступая на сучки и съ трескомъ ломая ихъ, ощутилъ пріятный, горьковатый запахъ холодной дубовой коры и сухой листвы въ снѣгу.

Любка остановилась, говоря: „это тутъ у насъ задняя прихожая“, пошарила по стѣнѣ и отворила дверь въ большую нежилую комнату, очень холодную, пахнущую ветчиной, освѣщенную двумя тускло синѣющими окнами съ незамерзшими верхними стеклами. Мѣсяцъ стоялъ далеко, съ другой стороны дома, въ этой комнатѣ было сумрачно, но все-таки купецъ разглядѣлъ око-рока, висѣвшіе подъ потолкомъ, кадку съ соленымъ саломъ, сепараторъ, слабо поблескивавшій никелемъ велосипедъ, бѣлѣющія на полу крынки и кровать у стѣны — деревянную, безъ перины, съ одной подушкой безъ наволочки. И повернувшись, задомъ подвигаясь къ кровати, Любка опять предупредила, но уже таинственно, отвѣчающимъ моменту шопотомъ:

— Смотрите, не попадите въ масло.

Она стала такъ, чтобы удобнѣе было лечь, чтобы купцу можно было повалить ее. И у него сразу отнялись ноги отъ ея шопота. Она еще что-то шептала, ласково, съ дрожью въ голосѣ, но онъ уже не слушалъ, — онъ, охвативъ и прижимая къ себѣ ея тяжелое тѣло, поймалъ ея ротъ и, впиваясь въ него, толкалъ ее къ кровати все ближе, пока икры ея не уперлись въ нее, пока кровать не пришлась подъ самыя ея колѣни. И тутъ Любка, дотолѣ слабо сопротивлявшаяся, безмолвно повалилась. Она чувствовала боль отъ давленія часовъ и цѣпочки и одной рукой разглаживала густую, мягкую бороду, а другой крѣпко держала за указательный палецъ съ большимъ золотымъ перстнемъ. Она чувствовала вступающую въ тѣло сладкую муку, волны истомной силы, и, какъ бы

сердясь, стала перекусывать волосъ бороды, закрывшей ей ротъ. Обѣими руками охватила она и крѣпко прижала къ себѣ бычью, сморщенную шею, лохматую голову. Но голова эта вдругъ поползла внизъ изъ-подъ рукъ, тѣлу Любки стало легко, а ногамъ — больно отъ тяжести. Она приподнялась. Купецъ грузно сѣлъ на полъ, захрипѣлъ и упалъ навзничъ, мягко стукнувшись затылкомъ. Она вскочила и кинулась поднимать его. Но онъ дышалъ какъ умирающій, хрипя и свистя горломъ, тѣло его, съ высокимъ, раздувающимся животомъ, было огромно и тяжело, какъ мертвое. И страхъ холодомъ облилъ ее голову.

Задрожавшими руками она стала срывать съ пуговицъ воротъ его фланелевой рубахи, разстегнула жилетъ, разстегнула поясъ съ серебрянымъ наборомъ. Потомъ схватила подушку съ кровати, бросила ее на полъ. Побѣжала въ прихожую, зажгла огарокъ, сунула полотенце въ ведро съ водой и вернулась, освѣщая въ коридорѣ во все стороны кинувшихся крысъ. Поставивъ огарокъ на кровать, она накрыла полотенцемъ лобъ и закатившіеся глаза купца, съ ужасомъ глядя на его горой лежащее тѣло, на распахнутыя полы полушубка и на бѣлое полотенце на сизомъ лицѣ съ задранной сверху черной бородой. И вдругъ, какъ громъ, раздался стукъ двери. И, вскинувъ глаза, Любка окаменѣла, увидавъ надъ собою красно-рыжіе усы и стриженую голову въ стѣнкахъ башлыка. Картузъ Игнатъ снялъ и держалъ его въ лѣвой рукѣ, а въ правой, отведенной назадъ, онъ зажалъ топоръ. Сдѣлавъ къ Любкѣ шагъ, онъ быстро перехватилъ его рукоятку, но еще быстрѣе, ловя послѣднюю секунду, она твердымъ голосъ приковала мужа къ мѣсту.

— Мой грѣхъ, — быстро сказала она. — Въ послѣдній прости. До-вѣку буду любить. Добей. Богаты

будемъ. Тебѣ ничего не будетъ. Скажешь — захватили меня... Скорѣе!

Игнатъ глянулъ на ее сразу похудѣвшее, обрѣзавшееся лицо, на расширенные и неподвижные черные глаза, на стройную юбку съ большими пуговицами, на шелковую кофту и засученныя смуглая, полныя руки — и со всего размаху ударилъ обухомъ въ мокрое полотенце.

При третьихъ пѣтухахъ въ людской уже горѣла лампа и топилась печь. Кухарка, сладко зѣвая, сидѣла противъ нея на лавкѣ, грѣлась и, не моргая, смотрѣла на жаркое разноцвѣтное пламя, окликаая спавшаго на печи Ѳедьку, работника купца, которому было приказано запрягать пораньше. Онъ, заспанный, мордастый, слѣзъ съ печи, зачерпнулъ изъ кадки корецъ ледяной воды, умылся изо рта, одной рукой, разодралъ кухаркинымъ деревяннымъ гребнемъ свои сбитые густые волосы, покрестился на уголъ съ притворной набожностью, кланяясь порывисто, неумѣло, какъ крестился и кланялся еще мальчишкой, когда бабка учила его молиться, и, кончивъ, тотчасъ же захохоталъ, откашливаясь. Веселый, казавшійся страннымъ, потому что веселость эта не вязалась съ бѣльмомъ на его лѣвомъ глазу, смѣлый, съ громкимъ голосомъ и бѣлыми зубами, онъ залѣзъ за столъ, сѣлъ чугунчикъ горячихъ картошекъ, насыпавъ кучку соли на сырую доску стола и отрѣзавъ огромный ломоть хлѣба, потомъ ладно одѣлся, очень туго и низко подпоясался, закурилъ и бодро, повизгивая по морозному утреннему снѣгу нагольными, твердыми, какъ дерево, и рыжими отъ снѣга сапогами, мотая закопченнымъ фонаремъ, въ которомъ тускло горѣлъ сальный огарокъ, пошелъ запрягать.

Допѣвали пѣтухи, ночь смѣшалась съ днемъ. Изъ неопредѣленнаго разсвѣтнаго сумрака съ утренней опредѣленностью выступали предметы. Снѣгъ на дворѣ, на крышахъ становился блѣдно-бѣлымъ, чуть синѣя. Блѣднѣло, расширялось и легкое, чистое небо за садомъ, за сквозными деревьями. Воздухъ былъ чистъ и остеръ, какъ эфиръ. Въ густой зеленой хвоѣ морозно-неподвижнаго палисадника возились проснувшіяся галки. А на западѣ еще чувствовалась ночь, ея тайны. Мертво блестѣлъ невысокій мѣсяцъ на сумрачномъ горизонтѣ, на синеватомъ небосклонѣ за снѣжной долиной рѣки. Отворивъ ворота сарая и поставивъ фонарь на старый, тяжелый фаэтонъ, загаженный курами и покрытый замерзшей еще съ осени грязью, Оедька взялся за холодныя оглобли маленькихъ крашенныхъ санокъ и, пятась, скребя по мерзлой землѣ желѣзными подрѣзами, поволокъ ихъ изъ темноты на порогъ, на блѣдный свѣтъ утра. Снявъ затѣмъ съ деревяннаго колка, вбитаго въ каменную стѣну сарая, наборную узду, захвативъ изъ санокъ сѣделку, онъ пошелъ по твердому, длинному сугробу, мимо заткнутыхъ соломой и забитыхъ снѣгомъ окошечекъ конюшни, къ деннику, гдѣ стоялъ старый, тяжелый, мохноногій жеребецъ купца.

Въ навозномъ темномъ денникѣ было тепло, хорошо пахло лошадыю, ея свѣжимъ пометомъ и пережеваннымъ, недоѣденнымъ сѣномъ. Широкій, весь курчавый и сѣдой отъ инея жеребецъ, услыхавъ стукъ двери, повернулъ голову на свѣтъ и легонько заржалъ. Оедька подошелъ къ нему — и онъ, играя, опустилъ голову. Оедька подвелъ узду подъ нее, — онъ согнулъ толстую шею въ косматой, жесткой гривѣ еще круче. И, мотая головой, поталкивая лбомъ въ грудь Оедькѣ, въ его тугой полушубокъ, долго не давался вло-

жить удила. Схвативъ его за теплый, желто-розовый языкъ, вытянувъ и загнувъ его на сторону, Оедька втолкнулъ ихъ въ раздавшіеся желтые зубы, обтеръ руку, испачканную слюной и пѣной, о хвостъ жеребца, дѣлая сразу два дѣла — обтирая руку и приглаживая, оправляя загнувшіеся кверху, зачесавшіеся волосы на рѣпкѣ, — и повелъ его къ водовозкѣ, поить.

Съ параднаго крыльца, изъ тихаго, съ мертвыми окнами, занесеннаго снѣгомъ дома вдругъ выскочила бѣлая, въ коричневыхъ пятнахъ собака. Отрывисто брехнувъ, она, какъ шальная, сдѣлала два круга вольнаго крыльца и опять кинулась въ домъ. Оедька съ удивленіемъ поглядѣлъ на нее. Но жеребецъ тянулся къ кадкѣ съ водой, ударилъ мордой въ ледъ, покрывшій воду, пробилъ ее — и вода слегка задымилась. Жеребецъ прильнулъ къ ней своими бархатными губами и, посапывая, долго-долго тянулъ ее; онъ отрывался, разгрызалъ льдинки, слегка повернувъ голову къ Оедькѣ, — и Оедька ласково, поощрительно по-свистывалъ, глядя на его свѣтлый крупный глазъ и свѣтлыя капли, падавшія съ губъ.

— Ну, будя, на-вѣкъ все одно не напьешься, — сказалъ онъ звучнымъ голосомъ и повелъ жеребца къ санкамъ.

Совсѣмъ свѣтло стало. Въ саду, въ голыхъ кустахъ уже трещали воробьи. Небо за садомъ помутнѣло, окрасилось ало-оранжевымъ. Мѣсяцъ, краснѣя, садился за деревней, выдѣлившейся и бѣлѣвшей крышами на сумрачно-лиловомъ западѣ. Заложивъ жеребца, застегнувъ возжи, Оедька, не выпуская ихъ изъ рукъ, кинулся къ сидѣнью, въ одну сторону, а жеребецъ, рванувъ съ мѣста, — въ другую. На бѣгу ввалившись въ санки, разодравъ ему удилами ротъ и на поворотѣ крѣпко взрѣзавъ подрѣзами разсыпчатый настъ, Оедь-

ка съ атласнымъ скрипомъ перевалился черезъ мягкій, новый сугробъ въ воротахъ и помчался въ поле, на свѣтлый, веселый востокъ—погрѣть лошадь.

И старый, тяжелый жеребецъ быстро запыхался. Оедька, сдѣлавъ версты полторы, обжегши лицо встрѣчнымъ острымъ вѣтромъ, широко завернулъ и шагомъ поѣхалъ обратно. Шагомъ въѣхалъ онъ и во дворъ, направляясь къ парадному крыльцу — и вдругъ раскрылъ глаза и натянулъ возжи: кухарка, съ плачемъ, исказивъ блѣдное при золотистомъ утреннемъ свѣтѣ лицо, бѣжала отъ крыльца къ людской, а на крыльцѣ сидѣлъ человекъ въ сѣро-рыжей шинели, въ башлыкѣ, стоякомъ завязаннымъ вокругъ шеи, съ обнаженной стриженной головою. Наклоняя ее, онъ правой рукой сгребалъ съ сѣраго наста возлѣ ступенекъ свѣжій, бѣлый снѣгъ и прикладывалъ его къ темени.

СОДЕРЖАНІЕ.

✓ Суходоль.	5
Захаръ Воробьевъ.	89
Сто восемь.	109
✓ Ночной разговоръ	125
Сила.	157
Хорошая жизнь.	172
Сверчокъ.	204
✓ Веселый дворъ	219
Игнатъ.	275